

Университетская
библиотека

АНТИЧНЫЕ ГИМНЫ

Редакционная коллегия:

В. Л. Янин (председатель),
Л. Г. Андреев, С. С. Дмитриев,
Я. Н. Засурский, А. Ч. Козаржевский,
Ю. С. Кукушкин, В. И. Кулешов,
В. В. Кусков, П. А. Николаев,
В. И. Семанов, А. А. Тахо-Годи,
Н. С. Тимофеев, А. С. Хорошев,
А. Л. Хорошкевич

Составление
и общая редакция
А. А. Тахо-Годи

Издательство Московского университета
1988

Издательство Московского университета
1988

ББК 84(0)3
А72

246д - 21-89

ЧНЛ
A-793

НАУЧНАЯ
библиотека
им. Горького
МГУ

18

Рецензенты:

доктор филологических наук Е. В. Федорова,
кандидат филологических наук Г. Ч. Гусейнов

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

A72 Античные гимны / Под ред. А. А. Тахо-Годи. — М.: Изд-во
МГУ, 1988. — 362 с.
ISBN 5-211-00182-6

В предлагаемом издании собраны образцы античной гимнографии: гомеровские гимны, гимны Каллимаха, Прокла, орфические гимны и др. В гимнах нашли свое воплощение красочные античные мифы об олимпийских богах и героях, предания, отразившие основные нравственные и культурные ценности античности, в них запечатлены напряженные духовно-философские искания древности. Издание снабжено обширным комментарием и указателями.

А 4700000000-104 182-88
077(02)-88

ISBN 5-211-00182-6

ББК 84(0)3

© Издательство Московского
университета, 1988

Античная гимнография ЖАНР И СТИЛЬ

Гимническая песнь является одним из древнейших жанров античной поэзии, ее истоки — в архаической ритуальной практике. Гимн так же древен, как и молитва, мольба, зов человека, который обращается за помощью к божеству и заранее, желая задобрить своего покровителя, возносит ему благодарственную хвалу, прославляет его мощь и милостивую щедрость.

Происхождение самого слова *«гимн»* (гр. ὕμνος = hymnos) неясно этимологам и не объясняется фактами древнегреческого языка. Так, И. Б. Хоффман¹ прямо пишет о слове *гимн*, что его происхождение «неясно». Знаток гомеровского языка П. Шантрен² подтверждает «темноту» этимологии слова *гимн* и присоединяется к мнению Я. Фриска³ о том, что *гимн* не имеет «надежной этимологии». Античность достаточно наивно, но вместе с тем образно-материально связывала это слово с глаголом *ткать* (ὑυρχαίνει), понимая гимн как «сотканную» песнь. Вообще всякое произнесение слов метафорически понимали тогда как ткацкий процесс, как соединение слов в речевую «ткань». Но если фактов греческого языка недостаточно для объяснения этимологии слова *гимн*, естественно приходит мысль о негреческих и догреческих истоках этого слова, может быть, о наследии балканского субстрата в культуре и языке древней Греции. И хотя П. Шантрен иронически называет ссылки на субстрат «благовидной уловкой», но тем не менее сам он ссылается на догреческое или негреческое происхождение таких слов, как *дифирамб*, *элегия*, *лин*, указывающих на разные виды ритмически произносимых текстов, в дальнейшем переходящих в песнь.

Общепризнано, что в греческом языке среди слов негреческого и, может быть, даже неиндоевропейского происхождения есть лексические группы, очень важные для греческой культуры. Сюда относятся имена богов и героев (например, Аполлон, Афина, Артемида, Гефест, Геракл), географические названия (города, местности, горы, реки), названия деревьев и цветов, злаков и плодов, музыкальных инструментов (например, кифара, форминга, сиринга) и наименования песенно-ритмических форм (дифирамб, пэн, лин, ямб, элегия). Это древнейшие и наиболее устойчивые в языке наименования, составляющие оп-

¹ Hofmann J. B. Etymologisches Wörterbuch des Griechischen. München, 1950.

² Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. Paris, 1977. IV. 1.

³ Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1969. Lief. 21.

ределенный пласт греческой культуры, ставший привычным и даже обыкновенным, но все-таки через нее не объяснимым. И правда, что может быть древнее и постоянное географических названий, растений, рожденных землей, верований, мифов и ритуалов? Итак, не объяснимое на греческой почве слово *гимн* и стоящее за ним понятие о некоей песне в честь божества ведут нас в глубины догреческой или негреческой архаики.

Однако все, что мы знаем о гимне, его исторически сложившихся типах, связано главным образом уже не с ритуальным, а с литературно оформленным гимном, то есть с одним из жанров греческой поэзии. Нам известны некоторые разновидности гимнов, обращенных к тем или иным богам и предназначавшихся для религиозных или вообще торжественных церемоний. Исконная сакральная форма их неизвестна, за исключением нескольких редчайших фрагментов, и они, эти древние гимны, претерпели уже поэтическую обработку и предстают совсем в ином, модифицированном, виде. Но именно это вхождение гимна в сферу литературного творчества сохранило, с одной стороны, его устойчивую форму, а с другой — способствовало и созданию новых форм в связи с развитием литературного процесса.

В греческой мелике, то есть песенной лирике, огромное место занимала именно хоровая песнь в форме гимна, прославлявшего богов или героев во время церемоний и процессий на торжественных празднествах, имевших важное значение в исторической и государственной жизни полиса. Эти гимны специально создавались поэтами и музыкантами. Ведь слово и музыка были в те времена нераздельны, а представление о чистой музыке появилось только на склоне античности.

Эти гимны, метрически чрезвычайно изощренные, исполнялись хором (правда, до установления хоров было и сольное их исполнение), то стоящим неподвижно, а то сопровождавшим свое пение особого рода движениями, что создавало уже неразрывное единство слова, музыки и танцевально-ритмической пластики. Хоровые песни в зависимости от того, какому божеству они были посвящены, дифференцировались по форме и имели особые названия. Так, например, Аполлон прославлялся в пэане (в память о победе над Пифоном, когда, пустив стрелы в дракона, бог воскликнул: «Иэ, пэан!» — возглас, этимологически неясный, но толкуемый в античности как производное от глагола *raiō* «бью» — гр. *iē, raian*) и особо торжественном nome (название связано с определенным ладом и узаконенной структурой песни: гр. *потос* «закон», ср. пето «разделяю»). Аполлона и Артемиду во время праздничных шествий воспевали в просодиях. Гимн с мимическими танцевальными телодвижениями, так называемая *гипорхема*, тоже был связан с Аполлоном и Артемидой, как и парфении — хоры, исполнявшиеся девушками. Дионису посвящались дифирамбы, названные так по древнему ритуальному имени бога (Дифирамб), Аресу — пиррихии.

Крупнейшие поэты древней Греции писали гимнические песни, виды которых мы только что указали. Поэту VII в. до н. э. Ариону, считающемуся создателем хорового дифирамба, приписывали гимн Посейдону (в действительности относящийся к более позднему времени). Известно, что Лас Гермийский был автором гимна в честь Деметры и

Коры (сохранилось несколько строк), а также дифирамбов, в которых он постепенно отходил от традиционных, связанных с Дионисом, сюжетов. Фалет из Гортиньи (о. Крит) перенес в Спарту пэаны и гипорхемы Аполлону; в номах Аполлона воспевали Терпандр (дошла строка из фрагмента) и Сакад из Аргоса, создавший, как свидетельствуют древние, пиинфийский nom в память победы бога над Пифоном. От знаменитого ямбографа Архилоха дошел фрагмент его гимна Гераклу (фр. 120 Diehl).⁴

Из гимнов Алкмана, от которых дошли скучные, часто в одну или несколько строк, фрагменты (Зевсу, Диоскурам, Гере, Афине, Артемиде, Афродите), известен и обширный фрагмент парфения (так называемый папирус Мариетта, фр. 1D), в котором сначала воспеваются боги Диоскуры, затем сыновья Гиппокоonta, убитые Гераклом, и, наконец, сами участницы этого девичьего хора.

Лесбосский мелический поэт Алкей (VII—VI вв. до н. э.) писал гимны к богам Аполлону, Гермесу, Афине, Гефесту, Эроту, Дионису, нимфам и героям — Ахиллу, Аяксу (сохранились фрагменты в одну или несколько строк и целые три строфы гимна к Диоскурам из папирусного отрывка, фр. 78 D.=14 Edmonds⁵). Его великолепный гимн к Аполлону, прибывшему от гиперборейцев в Дельфы (фр. 1D), известен только в реконструкции (фр. 1 Edmonds), сделанной на основании подробного прозаического изложения этого гимна в речи античного ритора IV в. н. э. Гимерия (XVI 10).

Поэты-мелики VI—V вв. до н. э. Симонид Кеосский и Вакхилид знамениты главным образом своими дифирамбами и пэанами. Правда, о гимнах Симонида к Зевсу и Посейдону, а также о дифирамбах Мемнону, сыну Эос-Зари, и Европе, похищенной Зевсом, дошли самые скучные сведения. (А ведь Симонид славился именно дифирамбами, которые исполнялись хором в 50 человек, и в дифирамбических состязаниях он одерживал победы 56 раз!) И сохранившиеся прозаически пересказанные строки (их тоже реконструировали) в речи Гимерия (XVI 7) из пэана к Музам и Аполлону (фр. 8 Edmonds, у Диля отсутствует) слишком недостаточны, чтобы делать выводы о характере хотя бы одного пэана Симонида.

Зато из наследия поэта Вакхилида (племянник Симонида) дошло шесть песен, которые считают дифирамбами: «Антенориды» (о сыновьях Антенора, отправившихся вместе с Менелаем в Трою за Еленой), «Геракл» (о смерти Геракла от яда кентавра Несса), «Юноши, или Тесей» (Тесей на пути к Миносу доказывает свое родство с Посейдоном), «Тесей» (Тесей после подвигов торжественно шествует в Афины), «Ио» (о возлюбленной Зевса и родоначальнице славных героев), «Идас» (о сопернике Аполлона в любви к Марпессе, фр. 15—20 Sp.—Maehl⁶). Все они (за исключением «Идаса», из которого дошла только часть) хорошо сохранились. По ним, а также по фр. 21—29 (возможно

⁴ Anthologia lyrica graeca/Ed. E. Diehl. Lipsiae, 1925. I—II (в дальнейшем обозначается через D).

⁵ Lyra graeca/Ed. J. M. Edmonds, London, 1963. 1.

⁶ Bacchylidis carmina cum fragmentis/Post B. Snell ed. H. Maehler. Leipzig, 1970.

дифирамбическим; в плохой сохранности) можно судить о том, как дифирамб отошел от дionисийской темы, превратившись в похвальную песнь героям.

Что касается Пиндара (VI—V вв. до н.э.), прославившегося своими дошедшими и до нас победными песнями, эпиникиями, собранными в четырех книгах, то существует множество фрагментов его гимнов (к Зевсу, Персефоне, Аполлону, фр. 29—51 Sn.—Maehl.⁷), пэанов (фр. 52а—70), дифирамбов (фр. 70а—88), просодиев (фр. 89а—94), парфениев (фр. 94а—d), гипорхем (фр. 105—117), уже в достаточной мере утерявших свою тесную связь с непосредственным обращением к тому или иному божеству.

В культовой практике, судя по всему, ревностно следили за строгим соблюдением ритуала и назначением сакральных гимнов. Известен в этом отношении любопытный и вместе с тем печальный факт из биографии Аристотеля, сообщаемый Диогеном Лаэрцием (II—III вв. н.э.), автором знаменитого собрания биографий античных философов. Оказывается, великий философ был обвинен жрецом Евримедонтом (или Демофилем) в том, что он сочинил гимн в честь своего друга Гермия, философа и владельца Атарнея (М. Азия). Враги Аристотеля утверждали, что он буквально обожествил своего трагически погибшего друга, воспев его добродетель и вечную славу так, как подобало в пэанах к Аполлону. Песнь эта приведена Диогеном Лаэрцием (V 7—8=фр. 5D) и напоминает лучшие образцы гимнической мелики. Продолжение этой истории стало для философа роковым, так как он был обвинен и в непочитании богов. Аристотелю пришлось тайно покинуть Афины в 325 г. до н.э. и бежать в Халкидику, где он вскоре скончался при достаточно загадочных обстоятельствах⁸. Уже один этот факт свидетельствует о размежевании гимнов, имеющих светский характер, исполнявшихся на пиршествах в частной жизни или на общественных празднествах, и чисто религиозного гимна, нашедшего место в культе того или иного божества во время храмовых церемоний. Однако разделение это было, видимо, не очень четкое (особенно если учесть культ героев) и при желании толковалось достаточно произвольно.

Гимническая поэзия исполнялась на празднествах при состязаниях рапсодов. Возможно, что гимны были неким вступлением, проэмием (*prooimion*), обращением к богам перед эпической рецитацией Гомера. В Малой Азии существовали сообщества певцов, а скорее всего и сочинителей гимнов, так называемых гимнидов (*Hymnoidoi*), наряду со всем известными сообществами певцов-гомеридов. Это говорит о равноправном существовании эпической и гимнической школ, каждая из которых опиралась на свои особые традиции в практике сочинения и исполнения.

Итак, из кратких приведенных здесь сведений выясняется, что нам неизвестен гимн в составе древней культовой практики и что его развитие в творчестве знаменитых мелических поэтов представлено через

⁷ Pindari carmina cum fragmentis/Post B. Snell ed. H. Maehler. Leipzig, 1975. Pars II. Fragmenta. Indices.

⁸ Подробнее об этом см.: Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. Аристотель. Жизнь и смысл. М., 1982. С. 192—197.

вычайно фрагментарно. И вместе с тем принято говорить о жанре гимна, о развитии этого жанра в течение веков, об изменении гимнической структуры и гимнического стиля.

Подлинную славу древнегреческой гимнографии для новой Европы составили отнюдь не знаменитые мелические поэты, о которых говорилось выше, а собрания текстов, за редким исключением анонимных и даже хронологически точно не датируемых. Это гимны, написанные не сложнейшей мелической метрикой и строфой, а древнейшим эпическим размером — гексаметром, хорошо всем знакомым по гомеровскому эпосу.

Опираясь на эти гексаметрические гимны, их исследователь получает даже особое преимущество перед изучающим другие жанры античной литературы, представленные в гораздо большей палитре и разнообразии, такие, например, как эпос или драма. Ведь эта последняя, например, послужила образцом для европейской драмы, а византийский ученый эпос опирался, по традиции, на гомеровские поэмы и использовал их стилевую окраску. Гимны же в форме гексаметра в противоположность иным жанрам обладают четкой хронологической завершенностью в пределах античности, они не получили дальнейшего развития и не стали моделью для средневековой гимнографии, которая основывалась на принципиально иной, христианской, культуре и соответствовала и по содержанию и по форме именно ее религиозным установлениям.

Греческие гимны в форме гексаметра — это именно замкнутая и завершенная в себе система, нашедшая свою максимальную выраженность в содержании и стиле и представляющая особый интерес как жанр, полностью осуществившийся в отведенных для него возможностях и границах.

То, что гексаметрические гимны оказались неизмеримо устойчивее мелической гимнографии, указывает на их связь с древнейшей, может быть, и добреческой основой, той самой, которая дала наименование гимна хвалебной песне в честь божества.

Античность всегда почитала певцов и поэтов, живших, по преданию, еще задолго до Гомера. А если считать VIII в. до н.э. временем формирования гомеровского эпоса, то этих дагомеровских певцов и поэтов следует отнести ко второй половине II тысячелетия до н.э., то есть к знаменитой микенской эпохе, прославленной мифами о походах аргонавтов в Колхиду, семерых вождях под Фивы, ахейских героев под Трою, о подвигах Геракла или Тесея.

Древнейшие поэты большей частью были связаны с их вдохновителем и покровителем Аполлоном. В начале «Илиады» (I 473) ахейские отроки, принося Аполлону благодарственные жертвы после прекращения губительного мора, поют ему пэн, а в одной из заключительных песен (XXII 391) Ахилл, одержав победу над Гектором, предлагает воспеть пэн в честь этого события. Есть у Гомера упоминание о гипорхеме (Ил. XVIII 570 сл.) вполне бытового характера — как хороводе, который водят на винограднике под песнь и игру на кифаре. Есть у Гомера (Од. VIII 429) упоминание о гимне, который на пиршестве феаков может с наслаждением слушать Одиссей.

Такой аполлонийский певец, как Орфей, сын музы Каллиопы и фракийского царя Эагра, родившийся в стране муз Гиерии, у подножья Олимпа, по свидетельствам греческих логографов, был старше Гомера на десять поколений. А это значит, что он и должен быть отнесен ко второй половине II тысячелетия до н. э., то есть к тому же микенскому времени. Он мыслится не только божественным певцом и мудрецом, не только участником похода аргонавтов, усмирителем природных стихий, но и автором многочисленных поэтических произведений. Ему приписывали в античности большую теогоническую поэму в 24 песни под названием «Священные слова» (*Niegoi logoi*), отрывки из которой помещены в издании О. Керна⁹. И хотя произведения эти, как установлено, не старше VI в. до н. э. и по стилю близки к «Теогонии» Гесиода, они воспринимались древними как свидетельство существования древнейшей, догомеровской поэзии, созданной в гексаметрической форме. Орфею же приписывали сочинения гимнического содержания. А самое главное, он считался изобретателем гексаметра. Кроме того, он изобрел лиру или, может быть, получил ее от Аполлона или Гермеса.

Сын Орфея носил несколько аллегорическое имя — Ритмонай, явно олицетворявшее собой ритмическое начало.

Учителем (или учеником) Орфея полагали Мусея, тоже сочинявшего гимны. На гимн к Деметре как подлинное произведение Мусея указывал еще писатель II в. н. э. Павсаний (I 92, 7). Сын Мусея Евмолл считался распространителем сочинений своего отца, одним из основателей Элевсинских мистерий.

Тот же Павсаний упоминает гимнического поэта Памфа (VIII 37, 3). По мнению Павсания, впервые употребил гексаметр (X 5, 7) Олен, певец из Ликии (М. Азия), что позволяет думать о его отношении к Аполлону Ликийскому. Павсаний приписывает Олену гимн богине Илифии (VIII 21, 3), а Геродот — вообще создание делосских гимнов, связанных непосредственно с родиной Аполлона — островом Делосом. Хор девушек, воспевавший Аполлона, который стали называть парфением, ввел впервые певец Филаммон, сын Аполлона. Знаменитый Фамирид, сын Филаммона, являлся участником гимнических состязаний в Дельфах, но он возгордился своим искусством и был ослеплен музами за соперничество с ними (Ил. II 594 сл.).

Таким образом, античная традиция воспринимала зарождение гимна в простейшей гексаметрической форме, в то время как вся сложная и изысканная хоровая мелика, создававшаяся отнюдь не мифическими и весьма знаменитыми поэтами, относится к достаточно поздней классической греческой лирике VI—V вв. до н. э.

Среди гексаметрических гимнов наибольшую известность в античности и новой Европе получили так называемые гомеровские гимны, тимны Александрийского поэта Каллимаха, собрание орфических гимнов и гимны философа Прокла. Кроме того, следует отметить гимны философа-стоника Клеанфа, из которых дошел один. Наше издание посвящено именно этим знаменитым гимническим произведениям.

⁹ O graphicorum fragmenta/Coll. O. Ker. Bergolini, 1922, 1961.

Обратимся к гомеровским гимнам. Античность не была единодушна в приписывании им авторства Гомера. Историк Фукидид, например, не сомневается в таковом. Говоря о празднествах Аполлона на острове Делос, он прямо ссылается на авторство Гомера и приводит под его именем вступление в гимне к Аполлону Делосскому (III 104, 4). Цитирует Фукидид те строки гимна, где Гомер «упоминает самого себя» (III 104, 5), то есть стихи о слепом певце, живущем на острове Хнос. В схолиях к Никандру (*Alexiphnagptas*, 130) говорится иначе: о «гимнах, приписываемых Гомеру», а пятое из жизнеописаний Гомера прямо оспаривает это авторство, чему соответствует и мнение Александрийских схолиастов.

В действительности гимны не имеют никакого отношения к тому эпическому поэту, с именем которого связаны «Илиада» и «Одиссея». Эти гимны написаны в гомеровском стиле, но ни подлинный автор, ни твердая хронология их не установлены. Из 33 гимнов (или 34, если учесть фрагмент гимна к Дионису, объединенный с гимническим фрагментом, сохраненным Диодором — III 66)¹⁰ более древними считаются первые пять (I—V), которые приблизительно относят к VII—VI вв. до н. э.¹⁰. Это — гимны Аполлону Делосскому (I), Пифийскому (II), Гермесу (III), Афродите (IV), Деметре (V). Некоторые из малых гимнов, видимо, эллинистического времени. Так, гимны к Дионису (VII), к Пану (XIX) и Аресу (VIII) относят к Александрийской поэзии (III—II вв. до н. э.), а иные — даже к византийской эпохе (к Гераклу, XV). Можно заключить, что нынешнее собрание гомеровских гимнов — это самые «Гомеровские похвалы богам» (*Laudes deorum Homeris*), которые привез среди других греческих рукописей в Италию гуманист Дж. Авриспа, назвавший свою находку «отнюдь не малым сочинением».

Гомеровские гимны (мы имеем в виду гимны сравнительно большого объема) имеют определенную композицию, устойчивость которой способствовала созданию канонического типа последующей гексаметрической гимнографии. Главную, так сказать центральную, часть гимна обычно составляет повествование, в основе своей эпическое (нarrативная часть), отличающееся своего рода «биографизмом». Эта часть включает некоторые важные эпизоды из жизни «героя», связанные с его рождением (гимн III к Гермесу, гимн I к Аполлону Делосскому, гимн XIX к Пану), подвигами (гимн VI к Афродите, гимн II к Аполлону Пифийскому), установлением храмовых празднеств и мест почитания (гимн II), эпизодами интимно-любовного (гимн IV к Афродите), семейно-драматического (гимн V к Деметре) или авантюрного характера (гимны III, VII к Дионису). Этот рассказ, посвященный герою гимна, имеет черты ярко выраженного ареталогического сюжета (*agētē* «добрость»), включающего в себя «деяния» божественного «жития». Задача такой ареталогии — прославить божество, снискать благосклонность для просящего о милости. И естественно, хвалебная часть гимна (энкомий) должна предваряться обращением, вызыванием молящего (инвокацией) к своему покровителю и защитнику. Сама же просьба

¹⁰ О подробной датировке каждого гимна и ее аргументации см. в комментариях.

ба о помощи (не забудем, что ради нее и создавался на первых порах гимн) скромно отодвигается к концу и замыкает гимн. Непосредственное вступление в столь неравный диалог с высоким собеседником в ожидании появления знака божественного присутствия (эпифаний) и прощание с ним тоже обрамлены своего рода взвыванием, выкликанием его имен (анаклезы и эпиклезы), воплощающих в себе самые важные проявления его сверхъестественной силы.

Видимо, такая структура пришла в гексаметрические гимны из архаической культовой практики. Скорее всего, простейшей формой обращения были прямые молитвенные зовы, такие, например, как известный фрагмент гимна элейских женщин, где призываются в священный храм «герой Дионис вместе с Харитами», причем Дионис мыслится здесь в виде быка, ибо молящие взывают: «Бык достохвальный, бык достохвальный» (фр. 46, р. 206 D). Такого же рода обращения находятся в целом ряде других фрагментов: например, взвывание к Семеле и Иакху («зовите бога», поет хор; фр. 24, р. 199 D), Солнцу («о милый Гелиос»; фр. 40, р. 204 D), Вакху (фр. 48, р. 205 D), Музам и Аполлону («сделаем возлияние»; фр. 49, р. 207 D), Коре («приди, Коре»; фр. 50, р. 207 D), Гелиосу-Аполлону и Аполлону-Гелиосу (фр. 52, р. 208 D — характерная взаимозаменяемость, приведшая на исходе античности к синкретическому образу «Царя Солнца», в котором сольются и Зевс и Аполлон).

Подобные обращения, которые в дальнейшем станут жанрообразующим принципом гимна¹¹, можно найти уже в поэмах Гомера. Обычно мольбы героев относятся к Зевсу, Афине, Аполлону, Музам, не считая ряда второстепенных богов.

Так, знаменитая молитва Хриса, жреца Аполлона (Ил. I 37—42), есть не что иное, как развернутое обращение к Аполлону Сминфею («Мышиному»), владыке Тенедоса, защитнику городов Хрисы и Киллы, то есть малоазийских мест культа этого божества. В этом обращении к «серебролукому», как его именует Хрис, жрец вспоминает о своих жертвах, храме, построенном богу, полагая, что все это является залогом помощи Аполлона. И действительно, «внял Аполлон сребролукий», сошел с вершин Олимпа и начал метать крылатые стрелы в лагерь ахейцев, губя их войско. Однако молитва не всегда угодна божеству. Когда троянки (VI 310) молятся Афине (а она — защитница ахейцев), чтобы сокрушить мощь Диомеда (в V песни он как раз с помощью Афины совершает свои подвиги), призывают ее как «града защитницу», «свет меж богинь», «царицу», обещая ей в жертву двенадцать годовалых телят, богиня не внемлет им и отвергает молитву (VI 311). Зато Зевс, который выше личных симпатий Аполлона к троянцам или Афины к ахейцам, откликается на мольбу Приама, просящего о помощи при выкупе тела сына у Ахилла, и посыпает знак — орла, прилетевшего с благоприятной, правой, стороны. Приам призывал Зевса «родителя», «преславного», «великого» и, что очень важно,

«на Иде царящего», на горе вблизи Трои, то есть Зевса Идейского не (Олимпийского), склонного помочь городу Приама. Как видим, эти молитвенные обращения с призывными эпитетами, анаклезами и с обещанием жертв напоминают о древних ритуальных взаимоотношениях человека и божества. И будучи в составе гомеровского героического эпоса (а он ведь гексаметричен), они указывают на истоки ритуального гимна.

Из 33 завершенных гимнов (гимн XXXIV представлен фрагментарно) древнейшей богине, Гее-Земле, посвящен XXX гимн (19 строк), Матери богов — XIV гимн (6 строк), богине мирового очага — Гестии — гимн XXIX (14 строк), Гелиосу — XXXI и Селене — XXXII (соответственно 19 и 20 строк). Гимны Олимпийским богам в иерархическом порядке распределены следующим образом: Зевсу — XXIII (4 строки), его главной супруге и сестре Гере — XII (5 строк), брату Посейдону — XXII (7 строк), два гимна другой супруге и сестре Зевса, богине Деметре — V (495 строк) и XIII (3 строки). Далее идут гимны детям Зевса. Два гимна Афине — XI (5 строк) и XXVIII (18 строк); три гимна Аполлону: Делосскому — I (178 строк), Пифийскому — II (368 строк) и просто Аполлону — XXI (5 строк); Музам и Аполлону — XXV (7 строк); два гимна Артемиде — IX (9 строк) и XXVII (22 строки); три гимна Афродите — IV (293), VI (21 строка) и X (6 строк); два гимна Гермесу — III (580 строк), XVIII (11 строк); два гимна Дионису — VII (59 строк), XXVI (12 строк), и если учитывать фрагмент гимна, то третий — XXXIV (21 строка); Аресу — VIII (17 строк), Гефесту — XX (8 строк), Гераклу — XV (9 строк), два гимна Диоскурам — XVII (5 строк) и XXXIII (19 строк). Наконец, гимны внукам Зевса: Асклепию, сыну Аполлона — XVI (5 строк) и Пану, сыну Гермеса — XIX (49 строк).

Интересно, что самые большие гимны связаны с именами Аполлона, Деметры, Гермеса и Афродиты и что гимн Зевсу занимает всего 4 строки, а издревле почитавшиеся Гея и Гестия, Гелиос и Селена удостоились гимнов, не превышающих 20 строк, так же как и ряд ближайших к Зевсу богов.

Здесь явно чувствуются художественная трансформация мифологии, столь свойственная поэмам Гомера, и вполне очевидная параллель с рядом гомеровских гимнических образов. Так, среди героев больших гимнов Аполлон занимает то главенствующее место, которое соответствует его роли в «Илиаде», где это божество вызывает трепет своей мрачной силой и является соперником Зевса. Если большие гимны складывались в VII—VI вв. до н.э. — в эпоху роста полисной культуры, то вполне понятно усиление культа Аполлона, основателя и охранителя городов, блюстителя законов. Уже в это время начали проявляться тенденции к выработке представления о едином верховном божестве, что в конце античной эпохи и привело к объединению в Солнце-Гелиосе Зевса и Аполлона.

Что касается Деметры и Афродиты, то они выражали самые важные основы жизненного бытия — любовное стремление и непрестанное порождение. Гимническая Афродита к тому же представлена не только как воплощение стихийной и мощной потенции любви, но вместе с тем

¹¹ Обращаем внимание на работу Н. А. Рубцовой «Гимническое обращение как жанрообразующий принцип» (на материале «Илиады» Гомера, гомеровских гимнов, гимнов Каллимаха) (автореф. канд. дисс.). М., 1983.

изящной и прелестной «улыбколюбивой богиней», невольно напоминающей об Афродите гомеровской, которая, даже раненная Диомедом, не теряет своей кокетливости (Ил. V) и ничуть не смущается хохота боргов, когда она вместе со своим возлюбленным Аресом попадает в сети Гефеста (Од. VIII).

Проделки и хитрости малыша Гермеса, не знающего себе равных в ухищрениях ума (III), напоминают спутника царя Приама юного Аргубийцу, перед которым сами открываются замки тяжелых ворот в лагере ахейцев (Ил. XXIV). Не забудем, что Гермес, осуществляя связь двух миров, живого и мертвого, являясь проводником людей на путях жизни и смерти и открывателем любых тайн, на склоне античности станет главным божеством мистического культа, а именно Гермесом Триждывеличайшим.

В пяти больших гимнах нашла свое выражение и та ионийско-аттическая завершенность языка и стиля с изяществом, свободной игривостью и даже изысканностью, которая была характерна для поздних пластиков гомеровских поэм.

Ряд гимнов (I—VII, XIX, XXVII, XXVIII) имеет четко выраженную сюжетную основу, материал их сконцентрирован вокруг одного главного эпизода или сопутствующих ему, причем вступление довольно формально. Здесь иной раз совсем отсутствуют «призывные» возгласы к божеству (I, II, V—VII). Иногда они претерпевают заметные изменения и представлены своими коррелятами — несколькими характерными эпитетами (VI: Афродита «прекрасная», «златовенчанная»; XIX: Пан «козлоногий, двурогий, шумливый»; XXVII: Артемида «златострельная», «любящая шум», «стрелолюбивая»; XXVIII: Афина «славная», «хитроискусная умом», «светлоокая», «достойная», «градов защищница»). В ряде случаев гимн начинается с традиционно гомеровского обращения к Музе (III: «Муз! Гермеса восславим»; IV: «Муз! Поведай певцу о делах многоизлатной Киприды!»; XIX: «Спой мне, о Муза, про Пана»). Некоторые гимны начинаются как бы с «приступа», когда поэт сам объявляет тему своего песнопения (VI: «Песня моя — к Афродите»; VII: «О Дионисе я вспомню»; XXVII: «Песня моя — к...Артемиде»; XXVIII: «Славную петь начинаю богиню, Палладу Афину»). Два знаменитых гимна к Аполлону (I и II) сразу вводят слушателя и читателя *in medias res*, в ход самого повествования: «Вспомню, — забыть не смогу, — о метателе стрел Аполлоне» (I); «Стопы свои направляют к утесам скалистым Пифона сын многоизлатной Лето» (II 4—5)¹².

Заключительные прославления божества и просьбы к нему в гимнах достаточно формальны (I: «Я же хвалить не устану метателя стрел Аполлона»; II: «Славься, о сын Громовержца-царя и Лето пышнокурой»; III: «Радуйся также и ты, сын Зевса-владыки и Майи»; IV: «Радуйся много, богиня, прекрасного Кипра царица»; V: «Нам благосклонно счастливую жизнь ниспошлите за песню»; VI: «Славься, с ресницами гнутыми, нежная! Даруй победу мне в состязании этом»; VII: «Славься, дитя светлоокой Семелы»; XIX: «Радуйся также и сам ты, влады-

ка»; XXVII: «Радуйтесь, дети Кронида-царя и Лето пышнокурой»; XXVIII: «Радуйся много, о дочерь эгидодержавного Зевса!»). Заключительные хайретизмы, то есть призывы радоваться (от гр. *chaigō* «радуюсь»), часто сопровождаются как бы примечанием: «Ныне ж, тебя помянув (или «vas помянув»), я к песне другой приступаю», «приступаю к другому я гимну», — из которого видно, что от песни, положенной по чину празднества, исполнитель переходил к песне о сопутствующем ему мифе, а может быть и к гимну, посвященному герою. Характерно, что гимн связан с воспоминанием, памятью о божественных деяниях: помню (*πησομαι*), говорит певец божеству, памятью о тебе в песне (*aoidēs*). И песнь эта есть отзыв древнего молитвенного обращения, в чем признается сам исполнитель гимна, когда говорит: «Радуйся, владыка! Молюсь тебе песней» (*litomai de s'aoidēi*, XIX 48).

В гомеровских гимнах разрабатывается ряд мотивов. Все их можно распределить на несколько групп. Это, во-первых, рождение божества: Аполлона (I), Гермеса (III), Афродиты (VI), Пана (XIX), Афины (XXVIII) или супружество богов: Аид похищает себе в супруги Церсефону (V), Афродита вступает в брак с Анхисом (IV). Во-вторых, это странства: Лето (I), Аполлона (II), Деметры (V). В-третьих, удивительные события из истории божества, то, что можно назвать «деяниями»: Аполлон убивает Пифона (II), Гермес совершает кражу коров и изобретает кифару (III), Деметра разыскивает дочь, совершает чудеса в Элевсине (V), Дионис превращает морских разбойников в дельфинов (VII), Артемида совершает свои охотничьи подвиги (XXVII), Пан слагает прекрасные песни (XIX). Наконец, речь идет об основании храмов и культов: Аполлон устанавливает на Делосе празднества в свою честь (I) и храмовые ритуалы в основанном Дельфийском прорицалище (II); Деметра учреждает элевсинские таинства, посвящает в них род элевсинских царей и предписывает воздвигнуть ей храм (V).

Некоторые из этих гимнических мотивов объединяются в одно сюжетное целое. Например: рождение Аполлона и странства Лето (I), рождение Гермеса и его дерзкие проделки (III), рождение Пана и его искусственная игра на свирели (XIX). Или: победа Аполлона над Пифоном, поиски им места для храма, основание прорицалища и празднеств (II), странства Деметры в связи с поисками дочери, похищенной Аидом в супруги, основание ею элевсинских таинств и чудеса, творимые ею в Элевсине (V).

В гимне I рисуется рождение Аполлона на острове Делос, который принял долго и много блуждавшую Лето, возлюбленную Зевса, преследуемую Герой. И если в начальных стихах перед нами появляется грозный метатель стрел Аполлон, которого с любовью и лаской встречает гордая сыном Лето, то в середине гимна (115—135) этот только что появившийся на свет младенец умудряется сразу же сбросить с себя золотые завязки свивальников, требует лук и лиру, важно шагает по земле, да так, что все богини, окружавшие Лето, остолбенели. В начале гимна (25—45) перечисляется множество мест, отвергших будущую мать бога, в середине гимна (49—88) звучит замечательный диалог между Лето и Делосом, готовым после клятвы богини стать местом вечного почитания Аполлона. Этот драматический диалог с Дело-

¹² О структуре гимна к Аполлону см. комментарии.

сом включается в эпическое повествование о странствиях Лето, а за ним следуют жанровые сцены: богини, вопреки Гере, помогают Лето при родах, обещая Илифии богатые дары из янтаря, после чего та принимает чудесного младенца под пальмой на луговом мягким ковре. Тут улыбается земля, веселится, радуясь, Лето. А младенец, вкусив нектара и амвросии из рук Фемиды (это тоже одна из жен Зевса, помимо Геры), мгновенно обретает силу и превращается в далеко разящего Феба. Делос, сияющий золотом, покрывается цветами. В конце гимна (140—164) прославляются празднества в честь Аполлона Делосского, игры, состязания, хороводы, хвалебные пэаны богам и героям. И наконец — заключающая просьба ниспослать милость и не забывать славного певца, слепого мужа с острова Хиос, чьи песни останутся лучшими для потомков. Здесь как бы предстают наяву знаменитые делосские торжества в честь Аполлона и делается загадочный намек на автора гимна, в котором при желании можно узнать самого Гомера.

В гимне II — два главных эпизода: убийство Аполлоном дракона Пифона, рожденного Землей (от удара по ней Геры, желавшей, чтобы ее будущий сын превзошел Зевса), и установление Аполлоном своего святилища в Дельфах у подножия Парнаса. Эти эпизоды обрамлены странствиями Аполлона в поисках милого его сердцу места для прорицалища и его путешествием по морю вместе с критскими корабельщиками, которых он призвал стать служителями и стражами Дельфийского святилища. И здесь творятся удивительные вещи. Аполлон, превратившись в дельфина, заставляет плыть критян в гавань Крисы. Там, уподобившись звезде, он сверкает лучами и зажигает пламя священных треножников. В конце гимна (335—344) изображается торжественная процессия критских мужей во главе с Аполлоном к Парнасу, причем бог шествует, «сладко играя» на лире, а спутники его спешат следом, распевая пэан по обычаям своей родины.

Настоящим бурлеском выглядит гимн III к Гермесу, прославляющий рождение сына Майи, необычно быстрое мужание божественного младенца и его «действия», а именно: кражу прекрасного стада у Аполлона, изготовление Гермесом лиры из панциря найденной им черепахи и заключение дружеского союза между сводными братьями. Стоит обратить внимание на полные комизма сцены плутней хитроумного бога, который грозится матери стать предводителем жуликов и взломать Аполлонов храм в Пифоне, чтобы добить вдоволь золота, железа, богатых одежд, треножников и котлов. А чего стоит похищение коров, стадо которых хитрец вел задом и сам двигался так же, сбросив сандалии и прикрепив к ногам ветви мирта и тамариска! Или сцена прибытия братьев на Олимп, где Гермес отирается от кражи, явившись перед Зевсом с пеленкой на руке. Прекрасно завершение ссоры между братьями, мощным Аполлоном и юрким Гермесом, подарившим старшему брату в обмен на стадо свою кифару. И наконец — пророчество Аполлона, предсказавшего славное будущее Гермесу.

Весь этот гимн представляет собой настоящую пародию на действия божества и на чудеса, ему сопутствующие. Да и сам маленький хитроумный Гермес — комическая параллель к образу Аполлона, посрамленного младшим братом.

Гимн к Афине (XXVIII) тоже повествует о рождении великого божества. Тритогения рождается чудесным образом из головы Зевса, в полных доспехах, сверкающих золотом. Совсем как Аполлон в гимне I или Гермес в III, Афина приступает сразу к своим обязанностям. Если в гимне I Аполлон изображен младенцем, мужающим на глазах, а взросление Гермеса растянуто на утро, полдень и вечер одного дня (III), то Афина рождается уже взрослой. Она так прыгает, потрясая копьем, что колеблется великий Олимп, стонет море, а солнце задерживает своих огненных коней до тех пор, пока Афина не успокаивается и не снимает доспехов.

Афродита, рожденная из морской пены у острова Кипр, прямо на глазах превращается в красавицу. Только появившись на свет, она уже наделена своими неотъемлемыми божественными привилегиями и заражает страсть в сердцах олимпийских богов (VI).

Рождение другого божественного младенца, Пана, тоже оказывается «чудом». Мать в ужасе от бородатого, рогатого, козлоногого младенца. Гермес же веселится, глядя на милого сына, укутанный шкурой пушистого зайца, а боги во главе с Зевсом покатываются со смеху и нарекают его Паном, то есть в сех порадовавшим.

Еще раз подчеркнем, что мотив «рождения божества» представлен в гимнах в духе свободного гомеровского стиля, с разными оттенками комизма, от тончайшего юмора и изящной игривости до явной пародии (гимн III).

Мощь великой богини любви, перед силой которой устояли только Афина, Артемида и Гестия, воспевается в гимне IV. В духе архаической мифологии рисуется Афродита, прибывшая на гору Иду в сопровождении серых волков, медведей, львов, барсов — диких зверей, подвластных ее силе. Но и сама чаровница очарована смертным героям, троянцем Анхисом (и это уже дело Зевса, поселившего в ее душе сладкое желание). Раненая любовью, грозная Афродита украшает себя в пафосском храме, где Хариты натирают ее тело бессмертным маслом, облекают ее чудной одеждой и украшают золотом. Напомним, что все это происходит в том самом храме и на том самом острове, куда прибыла гомеровская Афродита после неудачно завершившегося свидания со своим возлюбленным Аресом (Од. VIII).

В гимне богиня отбывает с острова Пафос под Трою в лучезарном пеплосе, в запястьях, блистающих как пламя, в золотых ожерельях, освещенных как бы блеском месяца, прекрасная «ростом и видом». На свидании с Анхисом она сначала скрывается под именем смертной и, только прощааясь, перед пробуждением Анхиса, является ему во всей божественной силе, так что ослепленный ее красотой и охваченный ужасом герой закрывает лицо плащом. Афродита прощается с тайным своим супругом и пророчествует ему об их будущем сыне Энее, заклиная возлюбленного не гордиться открыто связью с богиней, чтобы не навлечь Зевсовой кары — молнии, в огне которой заживо сгорит Анхис. Архаическая суровость и изысканное изящество облика Афродиты отличают этот гимн. Это изящество еще более явственно в гимне VI. Здесь Оры в золотых одеждах облекают Афродиту на Крите в нетленные покровы, увенчивают голову золотым венцом, украшают золоты-

ми серьгами, золотым ожерельем и ведут Киферею к вечным богам. Каждый из них мечтает ввести ее в дом супругой.

Совсем в ином виде представлен брак владыки царства мертвых Аида, похитившего себе в жены юную Персефону, dochь Деметры и Зевса. В гимне V Персефона собирает вместе с подругами, дочерьми Океаны, с Афиной и Артемидой на мягком лугу цветы: ирисы, розы, фиалы, крокусы, гиацинты, нарциссы, лилии. Ее привлекает удивительный цветок с сотней благоухающих головок, красоте которого «улыбаются земля и горько-соленое море» и который взращен Землей, чтобы прельстить Персефону. Но едва дотронувшись до цветка, она оказалась в объятиях Аида, умчавшего ее на золотой колеснице.

С этого момента эпически мирная картина (она еще раз повторится уже в пересказе Персефоны при встрече с матерью, V 417—433) уступает место подлинно драматическому действу — поискам Деметры своей исчезнувшей дочери. Если Лето в гимне I на сушу и море ищет надежного пристанища, где бы она могла произвести на свет ребенка, и просит остров Делос о помощи, то Деметра, желая обрести утраченную dochь, скитаются десять дней, «обходя всю широкую землю», не вкушая ни амвросии, ни нектара, пока не встречает богиню Гекату. Вместе с ней Деметра обращается к Гелиосу-Солнцу, умоляя всевидящего бога открыть имя похитителя.

Узнав, что похититель — Аид, Деметра покидает сонм богов и скрывается в Элевсине (вблизи Афин), приняв облик древней старухи, которую напоминают в нянки к царственному младенцу Демофонту. Радушно принятая элевсинскими владетелями, она пытается сделать бесмертным своего воспитанника, но терпит неудачу и вынуждена покинуть Элевсин, представ на прощание перед царицей во всей своей божественной красоте и приказав выстроить для себя храм и совершасть там положенные жертвоприношения. Зевс, обеспокоенный тем, что Деметра, предаваясь горю, не заботится о земных плодах, требует вернуть dochь матери. Аид вынужден возвратить Персефону, но хитростью дает ей вкусить зернышко граната, чтобы она помнила о супруге. Теперь Персефона треть года должна проводить в царстве мертвых и две трети с матерью на Олимпе.

Гимн V исполнен того драматизма, который лежит в основе древних элевсинских мистерий, установленных в честь Деметры и ставших одним из источников греческой трагедии. Деметра предстает подлинной героиней возвышенной трагедии. Она сбросила свой сине-черный плащ, разодрала покрывало на волосах, устремилась как легкокрылая птица на поиски dochери. С факелами в обеих руках она обходит всю землю, вспоминая крик dochери, на который бездны моря и вершины гор ответили эхом. Деметра не раз меняет свой облик. То горестная матерь, то старушка нянька в Элевсине, то вся в черном в храме, то богиня во всем величии, исполненная нетленной красоты, в благовонных одеждах с золотыми волосами, рассыпавшимися по плечам, излучающая свет, подобно молнии. Словно менада («безумная»), бросается Деметра навстречу dochери, и целый день, «душе отзываясь душою», «крепко обнявшись», ведут они разговоры, предаются радости. В заключение после примирения богини с олимпийцами высокшая, исто-

щенная земля покрывается бурной зеленью, цветами и колосьями, а Цеметра учит элевсинцев творить жертвенный чин и священные таинства, храня благоговейное молчание.

В гимнах I и V две матери — Лето, ожидающая появления ребенка на свет, и Деметра, потерявшая dochь, обе в горести, обе странствуют по миру, обе просят помощи: Лето — у Делоса, Деметра — у Гелиоса. Лето рождает сына среди золотого сияния радующейся природы, чтобы вечно пребывать с сыном и гордиться им. Персефона выходит к матери из земных чертогов царства смерти, чтобы снова исчезнуть и снова причинить горе Деметре. Лето кротко переносит страдания и этой кратостью привлекает к себе в помощницы богинь, не любимых Герой и тоже родивших Зевсу славных детей. Деметра бросает вызов всем богам и заставляет Зевса пойти на примирение.

В гомеровских гимнах, хотя их считают эпическими, очень много драматических элементов, которые и должны обязательно присутствовать в этих своеобразных «деяниях» богов. Драматическое начало может иметь комедийный характер (III), трагический (V) и идилический (XIX); в нем могут сочетаться черты улыбчивого юмора и суровой архаики. Иной раз даже трудно определить, как, например, в гимне VII, что важнее: устрашающий рассказ о древнем оборотничестве Диониса (на судне среди моря он является львом и медведицей, уивает корабль виноградной лозой и плющом) или озорные шутки ясноглазого бога, нагнавшего страх на морских разбойников своими чудесами и в довершение всего превратившего своих похитителей в дельфинов.

Мирной идилией рисуется жизнь Гермесова сына Пана (XIX) в горах и на пастбищах, среди душистых цветов, вблизи родников, где он ведет хороводы с нимфами или, закончив охоту, сладко играет на свирели. Но один день из биографии самого Гермеса (III) напоминает комические сцены с воровством, обманом, переодеванием, выслеживанием, допросами, третейским судом, обменом дарами, примирением братьев-противников.

В гимнах герои вступают в диалоги, споры, произносят часто длинные речи. Только в гимнах VI, XIX, XXVII, XXVIII речей совсем нет, в гимне I их 3 (Лето и Делос — 2, Аполлон к богиням — 1), в VII — тоже 3 (кормчий и разбойники — 2, Дионис к кормчему — 1), в IV — 6 речей в трех диалогах между Анхисом и Афродитой. Зато в гимне II — 10 речей (Аполлон и Тельфуса — 3, Аполлон и критяне — 5, Аполлон к Пифону — 1, Гера к богиням — 1). В гимне V — 16 речей (Геката к Деметре — 1, Деметра и Гелиос — 2, Деметра и элевсинцы — 7, Ирида к Деметре — 1, Гермес к Аиду — 1, Аид к Персефоне — 1, Деметра и Персефона — 2, Рея к Деметре — 1). В гимне III уже 19 речей (Гермес к черепахе — 1, Майя и Гермес — 2, Аполлон и старик — 2, Аполлон сам с собой — 1, Аполлон и Гермес — 10, Аполлон и Зевс — 2, Гермес к Зевсу — 1).

В гимнах описательного типа преобладает изображение божества в эпическом гомеровском стиле, достаточно свободном и красочном, в тонах изысканных (VI, Афродита) или забавно-шутливых (XIX, Пан), спокойно-холодных (XXVII, Артемида) или энергичных (XXVIII, Афина). Гимны же с ярко выраженной сюжетной основой приобретают чер-

ты драматического развития действия, имеют завязку, кульминацию, завершение. Все эти компоненты не зависят от величины гимна. Так, даже в малом гимне VII к Дионису в 59 стихах присутствуют завязка (Дионис схвачен морскими разбойниками), нарастание событий (на корабле творятся чудеса), кульминация (разбойники прыгают в море и превращаются в дельфинов), завершение как своеобразный *deus ex machina* в театре (Дионис щадит кормчего и открывает ему свое имя).

В гимнах, где сюжет усложнен, а нарастание сюжетных поворотов особенно эффектно, вступают в свои права речи разного вида, о которых мы говорили выше (споры, уговоры, укоризны, утешения, расспросы, просьбы, приказы, обращения, признания, наставления, советы, пророчества) и без которых немыслимо драматическое действие.

Итак, гекзаметрические гомеровские гимны отнюдь не остаются в рамках чисто эпического стиля. Как раз ясный переход к новым жанровым поискам, к развитию в эпическом повествовании приемов драматического действия и драматической речи делает их более заключенными и совершенными.

Новой жанровой модификацией традиционной гекзаметрической формы стали гимны Каллимаха, знаменитогоalexандрийского поэта (ок. 310–240 гг. до н.э.), родом из города Кирены (побережье Северной Африки), основанного дорийскими переселенцами с острова Фера, причем основателем колонии был, по преданию, Батт, предок Каллимаха, о котором поэт вспоминает в гимнах. Расцвет творчества Каллимаха связан с Александрией, его учеными занятиями в Александрийской библиотеке и относится в основном ко времени правления в Египте Птолемея II Филадельфа.

Каллимаху принадлежат шесть гимнов: I — к Зевсу (96 строк), II — к Аполлону (113 строк), III — к Артемиде (268 строк), IV — к острову Делосу (326 строк), V — к Афине (142 строки), VI — к Демете (138 строк). Каллимах не был подражателем Гомера, более того, он — его соперник. Он состязался с Гомером в гимническом мастерстве (так же, кстати сказать, как Аполлоний Родосский состязался с Гомером в эпической поэзии) и создал шесть очень своеобразных гимнов, в которых с особой отчетливостью раскрываются многие черты александризма. Перед читателем гимнов предстает поэт, славившийся изысканностью стиля, изящной отточенностью и декоративностью, знаком древней мифологии. Любитель интеллектуальной игры, он настроен слегка скептически и ироничен, но вместе с тем исполнен пийетата перед волей высших богов и земных владык. Он нежно привязан к воспоминаниям о родном городе и чисто эстетически погружается в пестроту, шум и театральность торжественных ритуальных празднеств Александрии. Гимны Каллимаха имеют чисто художественное значение и не связаны с культовым почитанием божества. Зато иные из них (I, II, IV) не лишены некоторой политической тенденции, а гимн VI опирается на фольклорную основу. Хронология гимнов не совсем ясна, но гимн I считается самым ранним, гимн IV, возможно, относится к 70-м годам, а гимн II написан между 50—40-ми годами. Однако стилистически эти гимны однородны и могут рассматриваться как явление вполне целостное.

Прежде всего надо отметить два больших гимна — к Зевсу и Афине, то есть к богам, которым в гомеровских гимнах отведено минимальное место. Дело в том, что для поэта, находившегося при дворе Птолемеев, Зевс и Афина имеют особое значение как владыки, высшие покровители государства и мудрые градодержцы. Три гимна: к Лето, Аполлону с Артемидой, и к острову Делосу, давшему приют богине, входят в один круг, биографически важный для Каллимаха, потомка основателя того города, покровителем которого является сам Аполлон, возлюбивший нимфу Кирену. Что касается Деметры, то она как подательница земного благополучия и мирного процветания особенно дорога поэту — свидетелю войн, которые непрестанно вели бывший диадох Александра, ставший египетским царем Птолемеем I Сотером и его преемники Птолемеем II Филадельфом и Птолемеем III Евергетом. Среди Каллимаховых гимнов есть один, написанный элегическим стихом, с элементами дорийского диалекта (эти доризмы отчетливо видны и в гимне V, что оттеняет фольклорность его сюжета), и это указывает не только на попытку автора облечь гимн в новую для него стихотворную форму (она предназначалась для других жанров классической лирики), но и на стремление еще раз напомнить о дорийских предках поэта.

В сюжетном отношении гимны достаточно традиционны, но стилистическая их разработка чрезвычайно интересна. В гимне I речь идет о рождении Зевса в Аркадии, куда пришла его мать Рея, скрываясь от своего супруга Кроноса, и о воспитании Зевса на Крите. В гимне II — в связи с торжественной процессией к храму Аполлона — прославляется этот бог как основатель и покровитель городов, и в частности Кирены. В гимне III рисуются забавы маленькой Артемиды и звучит похвала великой охотнице. Гимн IV воспевает остров Делос — родину детей Латоны. В гимне V на фоне празднества в честь Афины Паллады идет рассказ о том, как она ослепила Тиресия, невольного свидетеля омовения богини. В гимне VI к Демете поэт, как бы участвуя в праздничном шествии в ожидании богини, вспоминает назидательную историю о наказании Деметрой неутолимым голодом царского сына Эрикситона, поправшего ее священные законы.

Композиция этих сочинений заметно отличается от гомеровских гимнов. Здесь нет традиционного гимнического воспевания подвигов божества, обращенного к подразумеваемому слушателю. Поэт вводит своих читателей то в обстановку дружеского пира, симposium, где всегда поднимается чаша во славу Зевса, то делает его участником торжественных ритуальных процессий в честь Аполлона, Афины, Деметры. Поэт весело делится с читателем увлекательными историями об Артемиде, нанизывая один за другим забавные эпизоды из жизни богини-девочки (ее посещения Океана, Гефеста, киклопов, Пана, дружба с Гермесом) и создавая образ богини-девы, смелой охотницы, которую почтительно и дружески встречают на Олимпе Гермес, Аполлон и Геракл.

В воображении поэта рисуются остров Делос со всей его древней историей и драматические отношения, в которые вступает Лето с отвергнувшими ее землями и с богами — Герой, Аресом, Иридой.

В этих гимнах нет привычных зачинов с обращением к музам и к богам, нет и развернутых концовок. Зато иной раз обращение к предмету песни разрастается в целый гимн. Таким развернутым обращением является, например, весь гимн IV к Делосу. Поэт начинает гимны, обращаясь с вопросом к собеседнику или самому себе (I 1: «кого ж воспевать нам пристойней...», IV 1: «Дух мой, когда же сберешься воспеть ты Делосскую землю...»). Иногда гимн начинается с обращения к участникам процессии (II 1: «Слышишь, как зашептались листы Аполлонова лавра»; V 1: «Сколько ни есть вас, прислужниц Палладиных, все выходите, в путь выходите: пора!»). Перед глазами поэта проходят участники ритуального шествия (VI 1: «Вот и кощницу несут! О жены, примолвите звонко: «Радуйся, матерь Деметра...»), или поэт сам заявляет о том, кого он собирается воспевать (III 1: «Артемиду... мы воспоем»). В конце гимнов Каллимаха — привычные хайретизмы и просьбы (I 91: «Радуйся много... ниспошли достаток и доблесть»; II 13: «Радуйся, царь!» — здесь же, кстати, явно биографический намек о Хуле и Зависти, 105—113; III 268: «Радуйся много, царица! И к песне будь благосклонна»; IV 325—326: «Радуйся много, очаг островов, святыня морская, радуйся ты, Аполлон, и с тобою сестра Аполлона»; V 140—142: «Радуйся Дева... град... блюди... радуйся много... сохрани целым данайцев удел»; VI 134: «Радуйся много, богиня, и граду даруй удачу»). Примечательны для поэта, свидетеля тревожного времени, такие просьбы: «даруй... согласье... возрасти плоды... злаки, скот... дай яблокам сок, дай колосу зрелость, сладостный мир возрасти, чтобы жатву пожал, кто посеял» (135—137), хотя завершается цитируемый гимн к Деметре вполне традиционно: «Милость яви мне, молю, меж богинями дивная силой!» (138).

В гимнических сюжетах Каллимаха мы находим известные гомеровские мотивы, но несколько видоизмененные: быстрое мужание Зевса-ребенка (I 56), совершенство его ума с самого детства (I 57); странствия богини Лето (IV 55—204), путь нимфы Неды на Крит (142—45); разговор Лето не только с Делосом, но и с другими островами, рекой Пенеем (IV 109—132); не совсем обычное пророчество Аполлона, еще в чреве матери (IV 86—98; 162—195); гонение Геры, усугубленное злоказненными действиями Ареса (IV 133—140) и Ириды (215—239).

Архаическая мифология занимает в гимнах большое место, причем имеется ряд эпизодов очень редких (рождение Зевса не на Крите, а в Аркадии, I 15—54), с перечислением множества наименований гор, долин, земель, островов. Обычно рождение Зевса связано с Идейской или Дицейской пещерой на Крите, острове, где, по утверждению критян, находится и могила Зевса, почему жители Крита и получили название лжецов. В гимне III опять-таки множество географических названий, имен нимф, подруг Артемиды, история Бритомартис, или Дикины, домогательства великана Ота, наказание Агамемнона (III 183—267). Поэт, увлеченный глубинами архаики, развертывает целую историю острова (в связи со скитаниями Лето), именовавшегося Астерией, а потом Делосом «ясным» (IV 17—24; 40—54; 55—204). Явным отзвуком мифа из гомеровского гимна к Афродите (IV) являются слова о нимфах, рожденных вместе с деревьями и умирающих с ними (IV 82—

85), о тех, кого мифографы именуют гамадриадами. Здесь же миф о гиперборейцах, о приношении ими на Делос первых плодов урожая (275—299), а также этиология делосского танца, традиция вкушения маслин (318—324) и священного посольства на Делос (310—315). В гимне к Афине — знаменитый миф об ослеплении Тиресия, получившего пророческий дар (V 56—133).

Архаические мифы имеют зачастую назидательный характер, как в случае с Тиресием (V) и особенно с Эрисихтоном, речь которого после уничтожения священной рощи Деметры была «записана Немесидой» (VI 56) и вызвала страшный гнев богини.

Главная часть гимнов не носит, как в гомеровских, характера эпического повествования, нарушаемого драматически развивающимся действием. У Каллимаха непрестанно ощущается активное взаимодействие поэта и той аудитории, с которой он говорит, которой поверяет свои мысли и для которой сочиняет, причем это взаимодействие очень экспрессивное и зачастую напоминает сцены в духе распространенных Александрийских мимов. В гимне I поэт явно имеет в виду своих сопротезников, которым он предлагает воспеть Зевса, великого и державного бога. В гимнах II, V и VI он непрестанно обращается к участникам торжественных процессий. Это юноши (II 8) или дети (12), которых певец призывает плясать, играть на кифаре (13), в молчании слушать песнь о Фебе (17) и звонче петь пэн (25), или прислужницы Афины (V 1—4), женщины-ахеянки (13). Поэт призывает: «несите суды» (47), «гребень златой не забудьте» (31); «аргивяне, пейте сегодня от струй кладезных, не из реки» (46). «Счастливо же в путь, госпожа» (55), «о девы, воспряньте» (137), — восклицает поэт.

В активное общение (беседы, уговоры и т. д.) вступают у Каллимаха и герои гимнов: девочка Артемида настойчиво-нежно просит подарки у своего «батюшки» Зевса (III 6—39), доверчиво беседует с грозными киклопами (81—85), вступает в разговор со своим «милым сердцем» (104). Здесь и трогательная мольба Лето к потоку Пенею и его дочерям, на которую Пеней отвечает, проливая слезы (IV 109—152). Злобная Ирида, как псица, сидящая у трона своей госпожи, настраивает Геру действовать против острова, приютившего Лето (215—227), а Делос, ранее именовавшийся Астерией, став родиной Аполлона, произносит горделивую речь, призывая в свидетели своей славы Гею, материки и острова (266—274).

В гимнах Каллимаха совершенно очевидно желание поэта представить зримыми и слышимыми описываемые события, что создает удивительную конкретность и даже своего рода театральность, столь естественную среди шума, пестроты и пышности праздничных торжеств в Александрии (ср., например, XV мим Феокрита о женщинах на празднике Адониса все в той же Александрии).

В гимнах прекрасно передано ожидание главного момента торжества — эпифания бога (здесь имеется в виду вынос из храма культового изображения божества), причем все внимание сконцентрировано на зрительных и слуховых ощущениях. Слышишь, как шепчут листья Аполлонова лавра (II 1), видишь, как склонилась делосская пальма (4) — так поэт обращается к тем, кто стоит в праздничной толпе.

Здесь «видно» и «слышно», как падают засовы храма и раскрываются его врата (7, 8), слышны возгласы «Иэ, пэн!» (80, 97).

В гимне к Афине слышно ржание коней, везущих священный кумир богини (V 2), и скрип колесничных спиц (14), поэт видит «белокурых» дев (4), сосуды с елеем, золотой гребень, щит, шлем Афины (29, 31, 35, 43), вспоминает «доспехи...заливые кровью» гигантов (7), «могучие» руки богини, которые стирают пот и пену с коней; грызущих удила (5—12). Сама же Паллада «дреет, как роза» (27, 28). Жены несут Деметре кошницу, полную злата (VI 127), а четыре белых коня везут кошницу святую (120), как залог обильного урожая. Охают и ахают горы от ударов молота киклопов из зона их наковални (III 54—61).

Вздымает руки в мольбе Лето (IV 107—108), а от нее разбегаются во все стороны острова, боясь гнева Геры (196). Пот струится по челу богини, она громко стонет, распуская свой пояс и прислоняясь к делосской пальме (205—214). На радостях от рождения Аполлона звонко поют лебеди (250—253) и нимфы (256—258), Астерия светится золотом, воды вокруг золотые, золотые листья у маслины, золотые струи реки, вся земля позлащена (260—265); фимиамом «дышил» остров (300), оглашаясь звоном (303), поют юноши, плясуньи ударяют стопой о землю (304—306). Все здесь светится золотом так же, как в гимне к Аполлону; лира, лук, колчан и сандалии — все золотое, ибо «Аполлон ведь златом обилен» (II 34).

От этого обилия золота, звонких песен, шума плясок, ароматов фимиама, процессий со священными предметами, коней, колесниц, говорят толпы и создается впечатление необычной декоративности и театральности гимнов.

Но легкий скептицизм и ирония спасают гимны Каллимаха от налета музейного зрелища. Поэт сомневается в месте рождения Зевса (I 4—9) и в старом предании о дележе власти олимпийцев (I 60—67) по жеребьевке (гомеровский мотив), ибо сам Зевс раздает богам уделы, взятые им силой (мотив из «Теогонии» Гесиода). Особенно отмечены строки, прославляющие быстроту действий египетского царя; к вечеру он завершает деянье, задуманное утром, в то время как другим потребовался бы целый год (I 87—90), — что это: сказано всерьез или с иронией? Несмотря на видимую серьезность тона, невольно вспоминаешь Гермеса из гомеровского гимна III, который утром родился, к полуночи играл на кифаре, а к вечеру выкрад коров у Аполлона (III 17—19). Каллимах не очень-то доверяет мифу о том, что нимфы и деревья рождаются вместе (IV 82—85). Он шутливо упоминает о «пупковой» долине (I 44—45) (по мифу, Зевс-младенец потерял там свой пупок, омфал, ставший потом священным), с озорством именует Геру «тещей» (III 149), Геракла — тириинфской наковалней, а Порсейдона — «лжеродителем» (VI 98).

Поэт с юмором рисует сцены обжорства Геракла (III 149—161), а также и Эрисихтона (VI 66—115) и ухищрения бедной матери этого царственного отряска, скрывающей его ненасытность (VI 72—90). Да же явно личный намек на отношение Каллимаха к некоему сопернику (может быть, Аполлонию Родосскому) представлен в озорном виде — пинок Аполлона вышвыривает Зависть за порог (II 105—107).

Хотя в гимнах Каллимаха много теплых воспоминаний об отчизне, о городе Кирена, о земле Батта (II 65—68), о покровителе города Аполлоне (55—64), но в его реальном мире царствует «наш государь» (I 87), «наши владыки» (II 68), то есть Делос славен не только Аполлоном, но и властью Птолемеев. В этом плане замечательно пророчество Аполлона во чреве матери, предсказывающего власть над Делосом не только себе, но и другому «богу», сыну дивных спасителей (Птолемей I носил имя «Сотер», то есть «Спаситель», как и все его потомки), Птолемею II Филадельфу, которого он здесь прямо и называет. С ним, этим богом, Аполлон готов разделить свои будущие подвиги (IV 162—190).

Несмотря на едва заметный иронический оттенок, в гимне I (гимн этот считается ранним) запечатлен величественный образ небесного владыки, Зевса, которому соответствует земной владыка из рода Птолемеев. В гомеровском гимне XXIII из четырех строк Зевс именуется величайшим, лучшим владыкой, беседующим с Фемидой (богиней правосудия), и громораскатным (или широкоглядящим). Величие Зевса, таким образом, представленное здесь в самом общем виде, не исключает его мощи как архаического божества природных сил. Каллимах воспевает «вовеки державного» и «вовеки великого», вечно живого «отца», бога, который «смирил» гигантов, был «судьей» Уранидам (то есть титанам). Зевс — владыка над небом, который мыслит «совершенно», наблюдает за справедливостью. Он добыл власть собственной мощью и силой, он покровитель царей, он дарует им счастье и здоровье. Мощный небесный владыка в гимне Каллимаха несомненно является образцом для царствующего государя, представляющего на земле высшее величие. Похвала Зевсу в гимне — это похвала Птолемеям. На фоне изящно рассказанных мифов Зевс, Аполлон, Афина, Деметра и Артемида правят суд, жестоко карают ослушников и требуют беспрекословного подчинения установленным ими законам. В каждом гимне Каллимаха, несмотря на их занимательность, обязательно звучит назидание, воплощенное не в традиционной дидактике, а здраво, в живых примерах. Поэт утверждает, памятуя Гесиода («Теогония» 94), что «от Зевса цари», ибо Зевс сам избирает земных владык (I 80—81); нельзя спорить с Аполлоном да и вообще «с богами спорить негоже»; нельзя спорить и с земным государем, «моим владыкой» (II 25—27). В конце гимна III достаточно прозрачно говорится о наказаниях, уготованных Артемидой для ослушников (III 260—265). Примерам тяжкой кары богов посвящены гимны V к Афине и VI к Деметре.

Гомеровские гимны, восхваляя богов, не грозят наказанием людям, а учат их, развлекая и даже веселя, на примерах вечной мудрости, любви, преданности, героизма, самопожертвования, неутомимости ума и действий.

В Каллимаховых гимнах кроется, видимо, выстраданная (на собственном опыте) мысль о жесткой зависимости человека от божественной воли, под которой вполне прозрачно понимается власть «своих» государей, египетских Птолемеев, благодетелей, гнева которых следует остерегаться даже верным слугам. Так, чисто литературный гимн,

утерявший давно свою культовую основу, выполняет не только художественно-развлекательную функцию, но учит благоговению перед «высшими» на примерах древней мудрости.

Философское понимание мудрости определяет содержание гимна «К Зевсу» стоика Клеанфа из малоазийского города Ассоса (ок. 331 — ок. 233 гг. до н. э.). Этот гимн представляет собой восхваление Зевса, который имеет мало общего со старым гомеровским «отцом богов и людей».

Поскольку гимн Клеанфа философский, то и хвала Зевсу произносится в рамках стоических представлений о божестве, что совсем не требует перечисления героических деяний божества и лишает гимн традиционной сюжетности. Перед нами развертывается как бы «внутренняя биография» Зевса, все то, что с точки зрения стоиков составляет сущность мирового Логоса, управляющего всем миром. В гимне похвала составляет основу (первые три строки — обращение с анаклезой и хайретизмом, а последние шесть — заключение). В заключении выражены сначала прямая просьба автора, затем обещание хвалителя в свою очередь ответить на благоприятное решение божества, и венчает все дидактическая концовка. Начало и конец гимна теснейшим образом связаны с образом Зевса, осмысленным в стоическом плане. Обращение же к Зевсу «бессмертному», «славнейшему», «всесильному», «многоименному» достаточно традиционно. Характеристика бога, «произведшего природу и правящего всем по закону» и управляющего вселенной с помощью закона, вводит читателя в область специфических философских категорий. Отсюда и проистекает просьба даровать людям разум и спасти их от неразумия. Мыслится здесь, что характерно, и ответная благодарность человека, готового вечно славить силу божественного закона и справедливости. Важно и то, что заключительная молитва направлена не только в пользу хвалителя, но на благо всех людей, погрязших в житейских тяготах. Возникает собирательно-обобщенный образ заблудшего, жалкого человечества, к которому, однако, поэт причисляет и самого себя. Личность автора гимна, мудреца, философа, растворяется во всем человечестве.

Основная часть гимна посвящена именно восхвалению божества, правящего через закон; того, которому повинуется вселенная, кто творит природу, кто направляет Логос, является хранителем земли, эфира и моря.

Характерно, что Зевс именуется здесь в архаическом стиле «темнокудрым», «громовым» (30), обладателем молний (10), с помощью которой он ввергает в смятение природу (11). Также в стиле мифологической традиции он дарователь всех благ, славнейший среди бессмертных (1). Однако классические функции божества, вносящего красоту, порядок, соразмерность в мир (18—21), осложняются новыми мотивами. В гимне утверждается идея о Зевсе «всевластном вечно», что совсем не характерно для старой мифологии, которая представляла историю божественной власти как смену поколений (Урана сменил Кронос, а этого последнего — Зевс, да и самому Зевсу грозит потеря власти от более сильного сына). Утверждается владычество Зевса над вселенной, весь вселенский (pas cosmos) подвластен его во-

ле (7—8); и это тоже поздняя мысль. Своими молниями Зевс направляет «всеобщий разум» (12) и владычествует над «всем» (panta). Эти идеи вечного владычества над «всем», или «космосом», не имеют ничего общего с классическим представлением о божестве. Они выдвигают на первый план принцип вселенской монархии, связанны с тем универсализмом, который созрел в эллинистическую эпоху, когда была создана грандиозная империя Александра Македонского, даже после своего крушения оставившая в наследство диадохам огромные территории под неограниченной царской властью.

Но особую специфику гимну придает, конечно, стоическая установка на божество, в котором воплощается «всеобщий закон» (24), причем, именно руководствуясь этим законом, правит вселенной Зевс (2).

Великое божество Клеанфа — это закон, мера, власть над вселенной, но это еще и Логос, причем Логос Единый, и его-то готов воспеть философ.

В гимне Клеанфа главные стоические понятия — Логос и Закон, с помощью которых упорядочивается мир, — существуют, как это отмечает А. Ф. Лосев, в контексте стоических понятых «справедливости», «всего», «природы», «космоса», «огненной стихии»¹³. Огненные молнии, мечущие жаркий пламень, есть не что иное, как «огненная стихия», стоический «творческий огонь» и «огненный ум», которые упорядочивают материю космоса. Зевс в гимне Клеанфа, по стоическому учению, есть само «пророчество», управляющее вселенной. А то, что он выступает здесь еще и в роли кормчего, связано с лексикой опоэтизированной мифологии в духе Эсхила, тоже называвшего своего Зевса в «Прикованном Прометея» «кормчим», «правящим рулем» (oiaconoptos, 148).

Таким образом, замечательный философский гимн к Зевсу — это типично стоическое восхваление «изреченного слова» (logos propheticos), судьбы, скрытой от людских взоров, но создающей по своим собственным законам и своим понятиям о справедливости и красоте единый для богов и людей вселенский.

В собрание рукописей, привезенных Дж. Авриспой из Константинополя в Италию (1423), о которых он сообщал А. Траверсари, вместе с одами Пиндара, гомеровскими и каллимаховскими гимнами входили орфическая «Аргонавтика» и Орфические гимны. Судя по всему, это самое раннее упоминание о списках гимнической поэзии вообще и орфической в частности. К ним можно присоединить также рукопись указанных выше орфических сочинений, привезенных в 1427 г. тоже из Константинополя другим гуманистом — Ф. Фильтелло. Оба эти списка и послужили основой для всех последующих научных изданий гимнов, по давней традиции связанных с именем знаменитого античного поэта, музыканта и мудреца Орфея.

Мы уже упоминали выше о том, как повсеместно бытовали в Греции представления о догомеровской поэзии и поэтах, заложивших

¹³ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. М., 1979. С. 178.

основы древних гимнических песнопений и гексаметрического стиха. Орфей занимал среди них главное место¹⁴.

Первые упоминания об Орфее относятся к VI в. до н. э. Поэт Ивик вспоминает о «славно именитом Орфеем» (фр. 17 D), а Пиндар (Пифоды IV 176) — о «прославленном отце песен Орфеем». Орфические таинства известны историку V в. до н. э. Геродоту (II 81). В V в. до н. э. Орфей становится полноправным членом греческого мифологического мира, и его биография получает вполне устойчивые черты. Трагик Еврипид не раз говорит о его магическом воздействии на природу (Медея 543, Вакханки 561, Ифигения в Авлиде 1211) и на царство смерти Аид (Алкеста 357), об установлении им вакхических оргий (Ипполит 953 — Тесей укоряет сына в том, что он последователь Орфея). Для Аристофана он тоже древний учредитель религиозных обрядов (Лягушки 1032), Платон прекрасно осведомлен о всех сторонах деятельности Орфея (Протагор 315 a, 316 d; Ион 533 c, 536 b; Законы 677 d; Пир 179 d; в «Государстве» II 364 речь идет о книгах Орфея и Мусея и др.), а Диодор связывает его с Самофракийскими мистериями (IV 43, 1). Даже во всем сомневающиеся софисты считали Орфея предшественником Гомера и Гесиода. Правда, такой рационалистический философ, как Аристотель, прямо отрицал существование Орфея (фр. 9 Rose).

Во всяком случае, к V в. до н. э. сложилась в главных своих устойчивых чертах мифология Орфея. Родиной его считали Фессалийскую Пиерию у подножия Олимпа, то есть те места, где обитали музы, называвшиеся Пиеридами, дочери Зевса и Мнемосины. По другой версии, Орфей родом из Фракии (северная Греция), сын музы Каллиопы и фракийского царя Эагра (Аполлодор I 3, 2) или даже Аполлона (Климент Римский, Гомилии V 15). Во всех мифах об Орфее всегда прежде всего говорится о певце и музыканте, обладавшем магической силой. От его игры на лире и песен утихают волны, приходят в движение деревья и скалы, укрошаются дикие звери, подпадает под очарование его искусства сам Аид. Поэтому он готов вернуть умершую Евридiku Орфею при условии не смотреть на жену, прежде чем он не введет ее в дом. Орфей, однако, нарушает этот запрет, обернувшись к жене, которая вновь удаляется в царство смерти (Овидий. Метаморфозы X 1—63).

О смерти самого Орфея толковали по-разному. В одном случае виновником гибели певца считался Дионис, который наслал своих буйных почитательниц на Орфея, и тот был растерзан этими вакханками; по другой версии, Дионис же наказал вакханок за это преступление, превратив их в тутовые деревья (Овидий. XI 67—84). Музы собрали части тела погибшего и погребли их. Лира же его была вознесена на небо в виде созвездия (Псевдоэрратосфен 24). Но голова Орфея приплывает по морю к острову Лесбосу, где она пророчествует и творит чудеса, а местные жители торжественно хоронят ее (Жизнеописание Орфея, фр. 115, 118—119). Тень Орфея спускается в царство

смерти и соединяется там с Евридикой (Овидий. Метаморфозы XI 1—66).

Предание об Орфее как аполлонийском певце, возникнув в VI в. до н. э., заняло прочное место в кругу идей, объединяющих Аполлона и Диониса. В недошедшей трагедии Эсхила «Ликургия» Орфей является еще противником Диониса и служителем Аполлона, за что и растерзан вакханками. Однако этот эпизод имеет здесь особый мистический смысл жертвоприношения, так что вакханки, убивая Орфея, одновременно приносят в жертву его своему божеству и сами приобщаются к этой жертве. Но, как уже говорилось, по более поздней версии, Дионис наказывает вакханок, и сам Аполлон погребает голову Орфея.

В учении, основание которого приписывали Орфею, осуществлялось классическое единение двух некогда противоположных начал: аполлонийской гармонии и дионисийского буйства. Эта система религиозно-философских взглядов под названием «орфизм» возникла в VI в. до н. э. в Аттике эпохи Писистрата и была связана с идеями становящейся демократической государственности.

Дионис, почитаемый орфиками, был иконой близок крестьянству как божество вечного возрождения мощных природных сил, воплотившееся в растительных и зооморфных телах, пропитавшее своей кровью порождающие глубины земли. Непрестанное обновление мира в процессе жизни и смерти и есть не что иное, как перевоплощение Диониса, близкого каждому человеку независимо от предписаний, законов и сословных установлений.

Орфизм как раз и был учением в морально-символической форме о судьбе этих космических перевоплощений Диониса. По преданию, первый Дионис Загрей («Великий охотник»), сын Зевса и Персефоны (она дочь Зевса и Деметры, царящая в мире смерти), был растерзан титанами, стихийными силами земли. Части тела растерзанного в младенчестве божества, собранные Афиной, были вновь возвращены к целостности и вечной жизни. Титаны, вкусившие плоти Диониса, были испепелены молниями Зевса, и из этой копоти, смешавшейся с кровью бога, произошел человеческий род, который отличается дерзновенностью титанов и страдальчеством Диониса. Таким образом, в орфизме символически выражено космическое жертвоприношение божества, в котором участвует весь мир. Но наряду с этим создается и предание о новом Дионисе, сыне Зевса и смертной женщины Семелы, то есть полубоге и полулюдине, преследуемом уже не титанами, а людьми и в борьбе с ними установившем свои мистерии и завоевавшем право именоваться подлинным божеством (см., например, трагедию Еврипида «Вакханки»).

Сильной стороной орфизма, привлекавшей к нему бедные слои населения греческих полисов, было учение о равенстве всех людей, приобщенных к растерзанному Дионису Загрею и кровно с ним связанных. Этот мотив равенства предполагался самой идеей о переселении душ, а идеи о переселении и перевоплощении душ после смерти (как это было с первым Дионисом) нашли свое распространение в орфизме, который обещал вечное существование души, воплощенной в разные тела, в зависимости от постепенного ее совершенствования и

¹⁴ Подробности об Орфее см. в книге: Lindforth J. The arts of Orpheus. California University Press, 1941.

очищения в той жизни, которая предназначена на определенной ступени вечности отелесенной душе. Тем самым утверждалось равенство судеб всех людей, независимо от сословного и социального разобщения готовых претерпеть общий суд над душами по поступкам и грехам.

Орфизм проповедовал аскетический образ жизни, воздержание от жизненных благ, устанавливал систему символически и афористически выраженных предписаний, наставлений и запретов. Орфики были организованы в содружества разной степени и исповедовали эзотерическое, тайное учение для посвященных, практикуя почитание божества в мистериальном служении.

Орфизм оказал глубокое влияние на философов-досократиков (Парменид, Ксенофан, Эмпедокл) и особенно на Платона («Федон», «Федр»), на поэтов (Эсхил, Еврипид) и особенно на Пиндара¹⁵.

По Эмпедоклу, душа преступника «будет бродить тысячи лет вдали от счастливых, принимая последовательно всевозможные образы смертных, меняя скорбные пути жизни» (B 115, 6—8 Diels)¹⁶. Души «меняют тело за телом», принимая разные телесные образы (B 117—юноша, дева, ветка, птица, рыба). Парменид прославляет «неумолимую Дике», которая открывает человеку ворота, чтобы он познал «бестрепетное сердце совершенной истины» (B 1, 11—14). Эта богиня справедливого возмездия именуется у Парменида «кормчей», «влающей Вселенной по жребию» (A 37).

В платоновском «Федоне» (107c—114c) рисуются «истинное небо, истинный свет и истинная земля» иного прекрасного и светлого мира наряду со страшными безднами Тартара, которых не может миновать душа умершего. В «Федре» Платон дает великолепную картину орфико-пифагорейского переселения душ, каждая из которых уподобляется «литой воедино силе упряжки крылатых коней и возничего» (246b). Души смертных стремятся попасть в занебесную высь, но их тянут вниз их земные несовершенства. Странствие души в загробном мире (Государство X 614a—621b), суд над умершими и выбор душой своего жребия, чтобы возродиться к новой жизни на земле, имеют тоже орфико-пифагорейский характер. Таковым считают и знаменитое описание суда над грешниками еще у Гомера (Од. XI 576—600), так как здесь проведена орфическая идея справедливого воздаяния душе за ее земные проступки.

В «Комментариях» неоплатоника Прокла к «Государству» Платона (II 340, 11 Kroll)¹⁷ их автор прямо говорит о связях Платона с орфическими идеями. Платон, читаем здесь, «заимствовал у Орфея предание о том, что одни души у Ахеронта очищаются и получают свою благую участь ... на прекрасном лугу близ глубоко текущего Ахеронта, а другие наказываются ... в холодном Тартаре». Орфическо-

¹⁵ Об отношении орфизма к философии см.: Dodds E. R. The Greeks and the Irrational. Berkeley, 1959. P. 135—156.

¹⁶ Die Fragmente der Vorsokratiker/Griechisch und deutsch v. H. Diels, 9. Aufl. herausg. von W. Kranz. Berlin, 1959—1960. Bd. I—III. Русский перевод см. по изд.: Маковельский А. Досократики. Казань, 1914—1919. Вып. I—III.

¹⁷ Procli Diadochi in Platonis Rem publicam commentarii/Ed. G. Kroll. Lipsiae, 1899—1901. I—II.

го происхождения у Платона также «закон Кроноса» (Горгий 523a), загробное установление Адрастеи (Федр 248c—249d), богиня Дике (там же, 249b), которая вершит справедливость в тысячелетнем круговороте жизни души, а также Ананка и ее три дочери, играющие одну из главных ролей в даровании жребия жизни душам (Государство X 617b—e). Орфические фрагменты прямо говорят о мудрости, в которой воплощены «законы Зевсовы, Кроносовы, божественные, надкосмические и внутрикосмические» (фр. 105ab Kern). Что же касается Пиндара, этого орфического поэта, то у него в Олимпийской оде (II 54—88 Sn. — Maehl.) тоже представлена загробная судьба душ. Достойные души проводят свой век «среди почтенных богов», «бесслезно» и «радуясь». Те, кто трижды испытал перевоплощение, отправляются на острова блаженных, где и увенчивают себя золотыми цветами после суда Радаманта. В свою очередь, преступные души наказуются в преисподней, и тем самым устанавливается идея посмертного справедливого воздаяния. Пиндар, если судить по словам поэта («стрелы в его колчане звучат для разумных», «мудрый рождается знающим многое», а «для всех» нужны толкователи), обращается именно к посвященным и отделяет их от тех, кому неведомы тайны орфического учения.

Орфизм, будучи достаточно демократическим течением в эпоху становления греческих полисов, в поздней античности принял формы философско-религиозные, ориентированные на немногих ученых людей, сблизился с неопифагорейством и вошел в систему неоплатонической философии. Известна также безуспешная борьба орфизма с развивающимся христианством уже на склоне античности, когда все силы язычества были направлены против мощной монотеистической религии.

Мы уже говорили выше, что Орфей конкурировал с Гомером и даже противопоставлялся ему. Недаром Орфею приписывали множество сочинений: так называемые «Священные слова», включающие орфическую космогонию и теогонию в 24 песнях (сохранилось 363 фрагмента, дошедших через неоплатоников, Прокла, Дамаския, Сириана и изданных О. Керном)¹⁸, по стилю близкие к Гесиоду, но со своей совершенно особой системой божественных, аллегорических и символических образов. Сюда же относятся орфическая «Аргонавтика», датируемая IV—V вв. н. э., поэма о свойствах камней «Литика» (по сути дела, имеет мало общего с орфизмом) и гимническая поэзия. Уже в древности многие из этих сочинений приписывались мудрецу Ономакриту, бывшему при дворе Писистрата, или пифагорейцам Кекропсу и Бронтину.

Сборник философско-ритуального характера, который известен под названием «Орфических гимнов», может быть, и восходит по своим идеям к VI в. до н. э., но окончательно он оформился как целостное собрание, видимо, принадлежащее одному автору и написанное в одном стиле, не ранее II в. н. э., о чем свидетельствуют метрика стиха (не без некоторых отступлений от правил, обязательных для ранней эллинистической поэзии) и лексический состав гимнов. По мнению

¹⁸ О разного типа теогониях см.: West M. L. The orphic poems. Oxford, 1984.

О. Керна, в дальнейшем подтвержденному У. Виламовицем¹⁹, сборник гимнов получил свое завершение в Малой Азии (на что, в частности, указывают такие имена божеств, как Миса и Гипта), возможно в Пергаме.

В сборник входят 87 гексаметрических гимнов размером от 6 до 30 стихов, которые предваряются обращением к Мусею, ученику (а по некоторым версиям, учителю) Орфея. Эти гимны окрашены в явно философские тона с несомненным влиянием на орфические идеи пифагорейства, Гераклита, стоиков. Как и положено для гимнов, здесь собраны похвалы богам, но с определенно выраженной спецификой, связывающей их с древнейшими молитвенными обращениями.

Орфические гимны — это возвзвания к богам, заклинания их, прямое обращение к высоким покровителям с просьбой участвовать в ритуале совместно с их почитателями.

На практическую значимость гимнов указывают предваряющие их пометки. Перед возвзванием к божеству следует воскурить фимиам, различные ароматические вещества: ладан, смолу-стиракту, смирну (или миро), а то и дым от сжигаемых семян бобов и кусочков благовонного дерева. Участники мистериальной церемонии ожидают эпифаний, явления божества, в ответ на свои заклятия, хвалы и мольбы. Однако нас здесь интересует не теургия, то есть практика общения с божественной силой, а словесная ткань гимнов, обладающая особым художественным своеобразием.

Бросается в глаза огромное количество гимнических адресатов, к которым обращаются участники ритуала, мисты. Здесь фигурируют десятки богов, иные из которых представлены в разных своих ипостасях, например: Дионис и Дионис Бассарей, Дионис Ликнит, Дионис Тринетерик; Зевс и Зевс Астропей (Молнийный), Зевс Керавн (Громовник). Однако главное место в гимнах занимает орфический Дионис в его многообразных связях. Известный по Гомеру и Гесиоду круг божественных персонажей (Гея, Уран, Кронос, Рея, Титаны, Гелиос, Ночь, Гестия, Мать богов, Геката, Океан, Нерей, Тефия, Мойры, Фемида, Эринии, Нереиды, нимфы, куреты, корибанты, Зевс, Гера, Посейдон, Плутон, Аполлон, Афина, Артемида, Афродита, Гермес, Дионис-Вакх, Гефест, Эрот, Деметра, Персефона, Пан, Силен, Мнемосина, Музы, Илифия, Ника, Немесида, Гигиея, Асклепий, Гипнос, Танатос, Оры, Эос, Нот, Зефир, Борей и др.) расширен за счет малоазийских богов, особенно распространенных в эллинистическое время (Аттис, Сабазий, Адонис, Исида, Миса, Гипта), аллегорических фигур (Закона — Номос, Природы — Фюсис, Случайности — Тюхе, Справедливости — Дикайосины) и некоторых образов из орфической космогонии или орфически окрашенных, но пришедших, например, из Элевсинских таинств (Протогон, Фанет, Эрикепай, Евбулей, Иакх, Хронос, Эфир). Все это многообразие сочетаемых между собой имен несомненно свидетельствует о позднем характере гимнов, о синкретическом подходе к религиозно-мифологическим явлениям.

¹⁹ Wilamowitz-Moellendorff U. von. Der Glaube der Hellenen/3. Aufl. Basel; Stuttgart, 1959. Bd. II. S. 505—509.

Композиционное распределение орфических гимнов отнюдь не безусловно. Некоторые ученые начинали сборник, например, с обращения к богине Илифии, помощнице при родах, называемой здесь Преддверницей, как бы открывющей путь гимнического восхваления богов. Логическим заключением сборника тогда являлся гимн LXXXVII — к богу Смерти (Танатос), что создавало антитезу жизнь — смерть. Однако внешнее эффектное обрамление сборника со времени издания Е. Абеля²⁰, который отнес гимн к Илифии на второе место, нарушено, и новая нумерация подтверждается в последнем издании В. Квандта²¹. Известный русский исследователь орфических гимнов Н. И. Новосадский предложил свою композицию. Он объединяет вступительное обращение к Мусею с гимнами к Гекате (I) и Профирем (II). Вторую группу составляют у него силы обоготворенной природы (гимны III—XII). Третья группа — общеизвестные божества (XIII—LVII). Наконец, четвертая группа — отвлеченные понятия (LVIII—LXXXVII), куда входит и Арес, представленный как воплощение войны. Правда, и эта композиция вызывает сомнения, так как к стихиям относится Гефест наряду с Бореем и другими ветрами, к низшим божествам — Фемида, Музы, Гестия, Дике, Хариты, Немесида, Мойры, Эрот, причем они могут рассматриваться при желании и как отвлеченные понятия. Кроме того, к общеизвестным богам отнесены негреческие и редкие, такие, как Миса, Гипта, Сабазий. Твердой генеалогической связи между гимнами нет, но зато большие группы гимнов подразделяются, по мнению Н. И. Новосадского, на мелкие подгруппы по диадам (17 групп) и триадам (12 групп), в центре которых гимны Дионису и его окружению (13 гимнов). Неясной остается в этом распределении связь между гимнами LXXVIII и LXXIX (Заре-Эос и Фемиде), LXXXIII и LXXXIV (Океан и Гестии)²².

В сборнике четко выделяются гимны, в основе которых образы, важные для орфической космогонии. В первую очередь это гимны Протогону (VI, он именуется здесь «началом» света и жизни); Дионису (XXX, он отождествляется здесь с Евбулеем, Протогоном, Эрикепаем). Характерно, что все эпитеты Протогона указывают на его роль в космогоническом процессе²³. Он — рожденный из яйца. Мировое яйцо было создано в эфире нестареющим Хроносом-Временем. Из этого яйца появился Фанет-Протогон, создатель и владыка богов. Дочь Фанета, Ночь, родила Урана и Гею, от которых через Кроноса и Зевса теогонический процесс развивается дальше, причем Зевс мыслится началом, серединой и концом всего. Зевс поглощает Фанета и создает новый мир, в котором Дионис Загрей выступает уже воспреемником Зевсовой власти и дважды рожденным. Протогон мыслится двуполым, так как от него происходит весь род человеческий. Он неизреченный, таинственный, мудрый бог, давший рождение богам и людям. Будучи источником света, рассеявшим мрак, Протогон есть не

²⁰ *Orphica/Rec. E. Abel. Pragae; Lipsiae, 1885.*

²¹ *Orphei Hymni/Ed. G. Quandt. Berolini, 1955.*

²² Новосадский Н. И. Орфические гимны. Варшава, 1900. С. 42—52 (о композиции сборника).

²³ Специально о Протогоне см.: West M. L. Op. cit. P. 68—115, 117—226.

что иное, как Фанет («явленный в свете»), и Антавг («равный сиянию»), и Приап одновременно. Наряду с Протогоном прославляется и Природа-Фюсис (Х), недаром находящаяся в одной группе с ним, Ночью, Небом-Ураном, Эфиrom, Звездами, Гелиосом-Солнцем, Селеной-Луной, Паном. Но если Протогон-Фанет фигура специфически орфическая, то Природа, воспетая в гимне Х, наделена всеми чертами, характерными для пантеистических воззрений досократиков, возвеличивающими в стоической философии Фюсис как божество, демиургическую силу, промыслительницу и художницу. В этом гимне Природа изображается «властительницей», «повелительницей», «всевышним демоном», владычицей эфирной, земной и морской, склоняющей к себе всесущую силу, наделенной (что примечательно) атрибутами, свойственными натуралистической материи. Природа в гимне Х нетленная, древняя, перворожденная, конечная и бесконечная, круглая, вечная, несущая движение, «всетеекущая», живущая в разных образах, вечная жизнь. Она порождает сама из себя все живое и называется плодоносной, всеобщей матерью, безотчай, сама себе материю, она — всем отец, мать, воспитательница и кормилица. Чрезвычайно характерен эпитет Природы «самодостаточная» (*autarcēia* «автаркическая»), термин вполне стоический. И в чисто стоическом духе она «всемудрая», «вяльтель», «судьба» и «промысел». В ней, таким образом, объединяются элементы мифолого-антропоморфные, иератические и философские. Заключительные же слова гимна дополняют интереснейший образ всемогущего, всемудрого, вседарующего, всепорождающего творца, который является началом и причиной самого же себя. Использование наряду с орфическими идеями ярко выраженных стоических мотивов характерно для позднего синкретизма и демонстрирует живые материалистические тенденции, сильные в античности.

В орфических гимнах, если учитывать их практический характер, непременно присутствуют обращение мистов («услыши меня»), передающее в похвалу божеству, обрисованному с помощью многочисленных эпитетов, и заключительная просьба участников ритуала. Орфические гимны продолжают гомеровскую традицию похвалы богам, но развивают ее, отличаясь от гомеровских гимнов в плане эпитетов, также создавая биографию божества, но своеобразную, лишенную эпической нарративности. Повествовательная часть гомеровских гимнов, рисующая чудеса и подвиги олимпийцев, здесь сгущена и ската до предела; символизируя и обобщая в эпитетах факты божественных деяний, она сливаются с вступительной инвокацией, то есть возвзванием к высокому покровителю. При этом на личное обращение молящего с просьбой остается, как и в гомеровских гимнах, лишь несколько заключительных стихов, так как главная цель гимнов отнюдь не личная просьба.

И действительно, если по замыслу мистов необходимо склонить божество к участию в посвященных ему таинствах, то концентрация эпитетов в мистериальных песнопениях имеет свои основания. Многообразно именуя мощное божество, эти эпитеты, необходимые для молений, усиливали магическую действенность инвокаций. Собственно

говоря, каждый орфический гимн есть прямое обращение, имеющее силу заклятия и направленное на одну цель — эпифанию высшего существа, поэтому личная просьба и сводится здесь до минимума.

В следующих гимнах участники таинства прямо просят божество внять призыву и быть благосклонным: такие просьбы обращены к Матери богов (XXVII), Матери Антее (XLI), Фемиде (LXXXIX), Плутону (XVIII), Океану (LXXXIII), Гере (XVI), Аполлону (XXXIV), Афродите (LV), Дионису (XXX), Триетерику, то есть трехлетнему, Вакху (LII), Евменидам (LXX), Силену (LIV), Гипте (XLIX), Сабазию (XLVIII), Звездам (VII), Зефиру (LXXXI). В остальных гимнах просьба о помочи хотя и присутствует, но индивидуальность ее крайне сомнительна, так как всюду имеется в виду некое сообщество участников таинства. И если в гимне Клеанфа «К Зевсу» заключительная мольба подразумевает собирательный образ заблудшего человечества, то здесь подразумевается обобщенно-собирательный образ теургов, стремящихся к чистой жизни. Не лишено интереса и то, что, несмотря на, казалось бы, сакральный характер орфических гимнов, прошения мистов развернуты не столько в плане духовном, сколько в житейском.

Здесь просьбы о даровании сразу целого комплекса благ: цветущей жизни, здоровья, мира, законов (гимн XIX Зевсу Керавну); о даровании мира и здоровья — Природой (X), Нереем (XXIII), Артемидой (XXXVI); мира, цветущей жизни, доброй старости, плодов — Персефоной (XXIX); мира, богатства, силы, здоровья — Афиной (XXXII); мира, здоровья, счастья — Посейдоном (XVII); здоровья, славы, почестей — Зевсом (XV); здоровья и богатства — Гестией (LXXXIV) и Деметрой (XL). Боги призываются даровать чистую и мирную жизнь (Уран, IV, Гелиос, VIII), а также мирную честную кончину (Асклепий, LXVII, Зевс Молнийный, XX, Кронос, XIII, Лето, XXXV, Гермес, XXVIII, Гермес Хтонический, LVII, Пан, XI, Протей, XXV, Демон, LXXXIII). Они приносят мир (Арес, LXXXV, Рея, XIV), ласковую помощь (Семела, XLIV), спасение (Селена, IX, Профирея-Преддверница, II), забвение зол (Мойры, LIX), священный свет (Заря, LXXVIII), благое завершение забот (Миса, XLII), изобильное богатство (Тюхе, LXXII), достойную старость (Танат, LXXXVII), справедливое равновесие жизни (Дикайосина-Справедливость, LXIII), благородные мысли (Дика, LXII), разум (Немесида, LXI), радость (Дионис Бассарей, XLV), рвение к делу (Музы, LXXVI), славу (Эринии, LXIX), память (Мнемосина, LXXVII) и соблюдение законов (Ном-Закон, LXIV), благие предвещания (Онейр-Сновидение, LXXXVI), сон (Гипнос-Сон, LXXXV). Боги посыпают людям плодородие земли и изобилие плодов (Адонис, LVI, Персефона, XXIX, Гея, XXVI, Вакх Амфиет, LIII), целебные ключи (Нимфы, LI), ливни, дожди и росы (Нот, LXXXII, Облака, XXI), ясное солнце (Борей, LXXX), попутный ветер (Тефия, XII) и охрану на суше и море (Левкотея, LXXIV, Палемон, LXXV). Боги избавляют посвященных в их таинства от болезней (Гигея, LXVIII), скорбей (Мелиноя, LXXI, Демон, LXXIII), злых помыслов (Эрот, LVIII) и враждебных мыслей (Немесида, LXI); от скорбей и болезней (Артемида, XXXVI), смерти и скверны (Рея, XIV), страхов ночных (Ночь, III) и насыляемых Паном (Пан, XI); от «труса» земли

и моря (Нерей, XXIII) и гнева предков (Титаны, XXXVII) и Кер (Геракл, XII).

Поскольку орфические гимны, как было выше сказано, играют роль магического заклятия, весь их пафос сосредоточен в призывных экстатических словословиях, сила которых возрастает с каждым очередным возглашением нового имени божественного адресата. При этом характер заключительной просьбы становится достаточно формальным, выходя за рамки ритуальных заклинаний.

Рассматривая орфические гимны, можно заметить упорно повторяющиеся эпитеты (а они как раз и характеризуют каждое божество), в которых несомненные отзвуки мифологической архаики,rudiment древнего зооморфного прошлого тех или иных богов или множественная семантика мифа, включающая в один образ часто противоположные аспекты, ипостасно заменяющие друг друга. Вместе с тем эта архаика причудливо переплетается с орфическими представлениями о теогоническом процессе.

Здесь Геката, богиня ночных перекрестков, блуждающая среди могил, именуемая быкоубийцей; Илифия, помощница в родах, отождествленная с Артемидой, никогда не рожавшей, и Профирией, открывающей пути новой жизни (II), здесь и Ночь, порождающая богов и смертных, здесь же и Уран, породивший всех, начало и конец всего, демон небесный и земной (IV).

Надо сказать, что «демонами» (древнейшие безымянные боги, еще даже не получившие имен) постоянно именуются и другие боги — Звезды (VII), Природа (X), Пан (XI), Геракл (XII), занимающий важное место в орфической космогонии; Нерей (XXIII), Посейдон (XVII), Гея (XXVI), Дионис (XXX), Афина (XXXII), Артемида (XXXVI), Деметра (XL), Сабазий (XLVIII), Арес (LXV), Гефест (LXVI).

Зооморфное обличье быка или вообще рогатого существа находим у Диониса (XLV), Аполлона (XXXIV), Амфиета (LIII), который мыслится хтоническим Дионисом, Персефоны (XXIX), Триетерики (LII), Пана, названного Зевсом рогатым (XI). Эринии названы змеемудрыми Мойрами (LXIX). Афина почитается как змея («драконша»), да еще богиня с очами совы («совоокая») в память о своем зооморфном прошлом (XXXII). Афродита не что иное, как волчица (LV, ср. в гомеровском гимне она выступает в сопровождении диких зверей, и в том числе волков).

Началом всего являются не только, как сказано выше, Ночь и Уран, но таким же божеством является Рея, от которой произошли земля, небо и море, ветры (XVII), и в этом от нее не отличается богиня Природа (X). Зевс — начало всему (XIV), Гера — царящая над всем (XVI), Аполлон держит эфир и землю (XIV).

Ночь, земля (хтон), корни земли, корни моря, корни мира, пламя, кровь, громы, молнии, морская и небесные стихии — все это связано с почитаемыми богами — Эриниями ночными, Зевсом (он громовый и молнийный), Тефией-морем, Нереем (он держит корни моря), Геей (она сама корень мира), Аполлоном (он держит подземные корни), Гефестом-пламнем, богиней Тюхе, рожденной от крови Евбулея.

Одно божество, как говорилось выше, мыслится во многих образах, почитается под многими именами, знаменуя всеобщее оборотничество, когда Илифию знают как Артемиду, Артемиду как Диктину; когда Пан назван рогатым Зевсом, а Плутон Зевсом хтоническим (почвенным), Евбулеем; Триетерик же именуется Ленеем, Евбулеем, Эрикапаем, Нисеем, Ликнитом, Амфиетом, Пэаном, Бассареем, что и неудивительно, так как Триетерик (трехлетник) — это и есть Вакх, сам Дионис, единый под многими именами, один во многих вечно изменчивых лицах природного бытия.

Этот древний полисемантизм богов в орфических гимнах создает замечательную картину единства противоположных начал, тех тезисов и антитезисов, которыми так богата не только мифология, но и греческая натурфилософия в гераклитовском духе.

Орфический Геракл несет ночь и зарю. Он — всепорождающий и всепожирающий демон (XII). Уран — начало и конец всего (IV); Зевс — начало и увенчание всему (XV). Гея венчает и губит рост (XXVI); Аполлон — начало и конец всего (XXXIV); Ном дает жизнь и «воздвигает» ее конец (LXIV); Протей являет свою единую сущность в разных лицах (XXV). Эринии именуются «страшными и звездными» (LXIX), Триетерик — «ночным» и огневеющим (LII). Аполлон — холод и жар одновременно (XXXIV); Адонис — дева и юноша (LVI), Афина родилась женой и мужем (XXXII), нимфы зримы и невидимки (LI), Афродита — явная и невидимая (LV). Кормилом судьбы человека владеет смерть (LXXXVII), но и богиня здоровья Гигия господствует над всеми (LXVIII).

И все это многообразие богов, которые держат корни земли и моря, правят всем и являются началом всего, представлено также в духе поздних философских мифологем стоиков с их эллинистическо-универсалистскими тенденциями и выдвижением на первый план судьбы, логоса как изреченного слова (рока), великой миродержавной силы, скрепляющей космос и обладающей ключами мира. Вот почему и отдельные боги, воплощающие силу этой судьбы, имеют ключи от мироздания (Геката), земли (Плутон), моря, эфира, почвы и всей жизни (Эрот, LVIII), а Профирия даже именуется ключарем.

Природа сама является роковой, промыслом и судьбой (X), но и Звезды тоже роковые, ибо несут на себе печать Мойр, богинь судьбы (VII). Пророком глагола — логоса для смертных (XXVIII) — является Гермес. Афродита обладает властью даже над Мойрами (LV), которые воспеваются в специальном гимне (LIX) наряду с Немесидой (LXI), всем правящей.

Миродержавен Гелиос-Солнце (VIII), а Пан, будучи тоже миродержавным, создает космическую гармонию, и его промыслу подчиняется даже вседержительница Природа (XII). Селена — мать времен (IX), а древний Кронос держит узы вселенной (XIII), в то время как Мать богов — скиптродержица оси небес (XXVII); Ном владеет скрепами моря и суши (LXIV), Гефест же заботится о всем роде человеческом, укрепляет все племена и государства, является всем судьей, наполняет своей огненной стихией эфир, солнце, звезды и луну (LXVI).

Мир орфических богов отнюдь не мрачен. И хотя Евмениды —

ночные, темные, грозные и ужасные (LXX), но Эринии (и постась Евменид) уже названы звездными (LXIX), а облик Мойр, светлых и воздушных, в багряном одеянии, связан с теплой ночью, светлой влагой, самоцветной пещерой, где они обитают (LIX). И хотя А. Лески отметил²⁴ в орфических гимнах «нагромождение эпитетов» и недостаток поэзии, но изящество их композиции, постоянная антитетичность, полисемантизм воспеваемых богов, эпитета, основанная на архаической мифологии, объединяющий гимны образ миродержавной судьбы, пронизанность их светом, блеском, движением — все это создает особую выразительность и то редчайшее эстетическое своеобразие, которое присуще подлинной поэзии.

Боги являются в песнопениях орфиков в прекрасных одеяниях. Это шафранный пеплос Гекаты (I) и Мелинои (LXXI), подобный туману в синих складках плащ Геры (XVI), небесный хитон Зевса (XIX), синее покрывало Тефии (XXII), иссиня-черный пеплос Лето. Ночь звездистая, синяя блеском (III). Блеск и синева, столь заметные в гимнах, сочетаются с другими световыми оттенками, от легкой лучезарности до огненной стихии; здесь также и все виды движения, от едва заметного до вихревого, поскольку весь гимнический мир дышит и живет, наполненный деятельной божественной сущностью.

Уран пестроблещущий и лучезарный (IV); Звезды в отсветах и пламенах, в сверкающем блеске, огнебежные, плывут в тумане, где вращаются их престолы, кругообразными вихрями (VII). Гелиос, златоблещущий, огненный, жгучий, ясный, с блестящими очами, мчится, как кубарь, круговой спиралью, погоняя бичом четверку коней (VIII). Лучезарная Селена, светлая и печальная, тоже в вечном круговом движении (IX).

Веет огнем мастер-ваятель Природы, среди цветов и венков оставляя в танце бесшумный след под пятой (X). Гефест — «вечный искусствник», неуемное пламя, сияющее лучами, «дланью могучий», мастер, часть космоса (LXVI). Пан вращает тело Природы. Он — «блаженный прыгун, кругобежец» (XI). Посейдон гонит четверку коней по тулому морю и держит в руках трезубец из меди (XVII). Блестят синевой престол Нерея (XXIII) и нежнобегущая морская гладь богини Тефии (XXII); пляшут, извиваются в хороводах «в синем сиянье» нереиды, девы моря (XXIV). Пляшут синеокие нимфы на отмелях и прибрежьях, теша шествующую по морскому лону на синих волнах Афродиту (LV); прекрасные, как звезды, пляшут они в горах, бросая камни, забавляясь, в белых одеждах, душистые, благовонные, проворные, росистые (LI). Пробегает быстрыми скачками южный ветер Нот (LXXXII).

Обильна цветами и красками Гея-Земля, а вокруг нее теснится космос светил (XXV). Персефона — владычица царства мертвых, «в блеске прекрасном», дивная сиянием, несущая свет (XXIX); Артемида — с факелом в руках, вечно цветущая (XXXVI). У Деметры с ласковым лицом, матери цветов, обилие многоцветных форм (XL). У нимф, дочерей Нерея, глаза, как чашечки цветка (XXIV), и как цветочные

бутоны глаза у Фемиды, которая прославлена как поросль Земли-Геи, блестящая и ночная богиня (LXXIX).

Как можно заключить даже из этих примеров, гимны, предназначавшиеся для мистериальной практики, имеют не только философский или мифо-религиозный характер, но и очевидную художественную и, мы бы сказали, эстетическую специфику. Здесь нет эпического повествования с элементами драматизма, как в гомеровских гимнах, и того живого диалога автора с участниками торжественных процессий и согражданами, как у Каллимаха. Гомеровские и Каллимаховы гимны начисто преодолели свои древние ритуальные корни, вошли в круг литературной гимнографии и жанрово оформились.

Орфические гимны, достаточно поздние по своему происхождению, отличаются архаическими чертами. Здесь не требуется драматических ситуаций и сюжетного развития действия с речами и диалогами. Эти гимны — свидетельство священнодействия, в котором налицо прежде всего — мисты, экстатически заклинающие божество, вызывая его к эпификации. Главное лицо драмы пока отсутствует и только еще призывается с помощью номинации, то есть называния множества имен.

Номинация эта основана на принципе исчерпания имени, обращенного к божеству. Она тем действеннее и целенаправленнее (призываются каждый раз обязательно именно одно, конкретное божество, не похожее на других), чем она полнее. Отсюда и рождается серия эпитетов, которые есть не что иное, как священные имена, принятые в мифологии данного божества, но в развитии гимнографии утерявшие свой сакральный смысл и постепенно приобретшие художественные функции.

В орфических гимнах мы как бы снова возвращаемся к первобытному миру, но только участники действия отнюдь не давние гомеровские герои, наивно, простодушно и настойчиво умоляющие о помощи божественного покровителя, а участники орфического сообщества последних веков античности, от лица которых говорит учений поэт (может быть, и жрец), философ и художественно изощренный, знаток таинственных божественных имен, не произносимых вне круга посвященных. Этому ритуалу заклятия именами вполне соответствует особое мастерство эпитеты, так что ее выразительная сторона затмевает старую мифологически-сакральную основу, а это и дает нам возможность рассматривать орфические гимны в художественном и даже эстетическом плане.

В рукописном сборнике гимнов, привезенном Дж. Авриспой в Италию, находилось среди других, уже рассмотренных нами выше, также и небольшое собрание гимнов философа Прокла (410/412—485 гг.)²⁵. Прокл был одним из последних знаменитых языческих философов, главой Афинской школы неоплатоников, наследницы платоновской Академии, до закрытия которой императором Юстинианом в 529 г. оставалось не так уж много лет. Прокл происходил из города Византий в Малой Азии, то есть того самого Константинополя, где

²⁴ Lesky A. Geschichte der griechischen Literatur. Bern und München, 1963. S. 867.

²⁵ Подробно о гимнах Прокла см.: Тахо-Годи А. А. Гимнография Прокла и ее художественная специфика//Живое наследие античности. М., 1987.

итальянский гуманист обнаружил знаменитую рукопись. В молодости философ прошел хорошую риторическую подготовку в Александрии, учился там у перипатетика Олимпиодора и математика Гиерокла, а затем двадцатилетним юношей прибыл в Афины и учился там у Сириана и Плутарха Афинского, основателя афинской школы. Там, в Афинах, ставших его второй родиной, Прокл женился на дочери Сириана и прожил всю жизнь (хотя всегда с трепетом вспоминал город своего отца, ликийский Ксанф, где он когда-то провел детство).

Античный мир стал к этому времени уже миром христианским, и язычники чувствовали себя в нем достаточно неуютно. Правда, в Афинах, как в провинциальном захолустье, еще сохранялась кое-кая старина, давно изгнанная из Константинополя — столицы Восточной Римской империи. Но и в Афинах Парфенон превратился в подобие музея, а Эрехтейон был приспособлен для христианского богослужения. В Академии же философы-язычники изучали Платона и Аристотеля, древние оракулы, занимались теургией, твердо веря, что их охраняют великие олимпийские боги. После смерти Сириана в 450 г. Прокл зерлым сорокалетним человеком стал во главе Академии. Среди его учеников был Марин, создавший жизнеописание своего учителя, в дальнейшем сколарх Академии, закрытой уже при его преемнике Дамаскии.

Грандиозное философское наследие Прокла наряду с его «Комментариями» к сочинениям Платона («Государство», «Тимей» и др.) включает также и опыт гимнической поэзии, свидетельство преданности Прокла языческой вере отцов. Остаться язычником было не так просто во времена, когда уже стали традицией вселенские соборы (в 325 г. I Никейский собор), вырабатывавшие христианскую догматику и когда писал свою знаменитую «Исповедь» Августин, язычник, ставший епископом Гиппонским (умер в 430 г. в дни юности Прокла).

До нас дошло семь небольших гимнов в форме гексаметра, в которых тонкость философской мысли органично переплетается с патетикой прорицателя, проникающего в глубины космического бытия. Прокл, прославившийся как завершитель всей истории античного неоплатонизма, разработавший сложнейшую по диалектике и логике систему философско-мифологических категорий, был поэтом, верящим в то, что сама поэзия есть результат божественного вдохновения.

Гимны, по свидетельству Марина, слагались Проклом ночью и записывались утром, поэзии философ был привержен в течение всей жизни, так что даже в семидесятилетнем возрасте он слагал песнопения, читал стихи Орфея и написал к ним подробный комментарий. Прокл считал своими покровителями Афину и Аполлона, объединяя тем самым мудрость философии и поэтического искусства. Вот почему и в таких сложнейших его сочинениях, как «Комментарии» к Платону, вполне заметны эстетические тенденции²⁶.

Но вот что особенно важно. В гимнической поэзии Прокла «уче-

ная», изысканная манера, характерная вообще для его эпохи, неразрывна с «искренним» и «личным» чувством философа²⁷.

Правда, знаменитый У. Виламовиц скептически относился к поэтическому дару Прокла, полагая, что «особенно широкой поэзии или хотя бы риторического искусства нельзя ожидать от болтливого (*geschwätzigen*) философа, равно как нельзя ожидать от его стихов развития его философских учений»²⁸. Вот почему, считает Виламовиц, гимны Прокла обращали на себя мало внимания.

Отказывая Проклу в поэтическом даре, Виламовиц, однако, особенно подчеркивает в гимнографии философа ее личностное начало и «выражение подлинного настроения»²⁹.

Правда, современная исследовательница гимнов Прокла А.-М. Нани полагает, что, несмотря на скромное место, которое занимают эти гимны, они не только не лишены поэзии, но в этой последней гармонично слиты лирическое чувство и философская мысль³⁰.

В плане личностного начала Виламовиц особенно ценит гимн VII Прокла, обращенный к Афине, где она предстает как носительница отечественной веры во всем великолепии ее собственного облика и храма, где она обитает. Виламовиц отмечает в гимне к Афине близость к стилю орфических гимнов, особенно в плане эпитеты, а также и мотивы гомеровского гимнического биографизма.

Личное обращение ученого и его учеников находит Виламовиц не только в гимне к Афине. Гимн VI, к Гекате и Янусу, тоже, видимо, связан с важным моментом открытия школы. «Очень личностен» гимн V, в котором Прокл обращается к Афродите Ликийской, богине своих родных мест. Даже в гимне I к Гелиосу, как считает Виламовиц, вырисовывается личность Прокла, ученого и главы школы, ощущавшей угрозу разрушения отеческой веры. В личностном начале гимна III к Музам Виламовиц даже и не сомневается, он видит здесь явный страх перед «родом нечестивых людей», то есть христиан, которые готовы отвратить поэта-философа от священной тропы древнего благочестия.

Мы считаем, что только одна констатация искренности чувств и личностного начала в гимнах Прокла снимает прозвучавшее в критике Виламовица недоверие к поэтическим опытам философа.

Принимая во внимание настойчиво выдвигаемый, но достаточно не разработанный исследователями тезис о личностном характере гимнографии Прокла, нельзя не остановиться в первую очередь на выразительных свидетельствах биографического плана, хотя и определенным образом заостренных и явно идеализированных, как это положено для любого жизнеописания, а особенно для похвального слова, каким является сочинение Марина, ученика и биографа Прокла.

²⁷ Proclus et la religion traditionnelle//Festugiere A. Etudes de philosophie grecque. Paris, 1971. P. 579, 581.

²⁸ Wilamowitz-Moellendorff U. v. Die Hymnen des Proclo und Synesios//Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, 1907. S. 272=Kleine-Schriften. Berlin, 1971. Bd. II. S. 163.

²⁹ Ibid. S. 276=168.

³⁰ Nani A.-M. Gli inni di Proclo//Aevum. 1952. T. 5. P. 398.

²⁶ См.: Тахо-Годи А. А. Эстетические тенденции в Комментариях Прокла к платоновскому «Тимею»//Эстетика и жизнь. М., 1977. № 5. С. 270—295.

Прокл, по свидетельству своего биографа и ученика, тоже неоплатоника, Марина (*Vita Procl.* 6), с юности находился под влиянием Аполлона Мусагета, совмещая в себе любовь к философии и поэзии, причем о приверженности к последней говорят приписываемые ему эпиграммы (одна — эпитафия для собственного надгробия³¹, другая, посвященная Дионису (*Ogrphica*, р. 276 Abel; *Procli Hymni* / Ed. E. Vogt. Р. 34), была издана Ф. д'Орвиллем в 1783 г. и впервые включена в греческую антологию Ф. Якобсом³².

В жизнеописании Марина особенно выделяются черты, указывающие на «внешнее совершенство» Прокла, на его телесную красоту («душа его цвела в теле, как некий жизненный цвет, испуская дивное сияние, с трудом изобразимое словами»). Прокл, по словам Марина, «был так красив, что образ его не давался никакому живописцу», причем ему была присуща и «справедливость телесная», то есть отменное здоровье (*Vita Procl.* 3). Марин создает идеальный портрет философа, образцового в единстве своей внутренней и внешней красоты, в своей калокагатии, который сроднился с высшей истиной, справедливостью, мужеством, умеренностью, добротой и обладал необычной восприимчивостью, редкой силой памяти, чуждался неизящного и грубого. Отсюда особое почтение Прокла к богине Афине, явившейся ему во сне и призвавшей его заняться философией, а также к Аполлону Мусагету, способствовавшему Проклу быть «первым во всех науках» (6), чему помогло также явление Телесфора-Свершителя или самого Зевса в облике светоносного юноши (7). Являлись философи и светоносные призраки Гекаты, способствуя его мантическому дару. Его возлюбили Асклепий, Пан и Великая мать богов. В молодые годы, еще до занятий философией, Прокл усердно занимался у грамматика Ориона и особенно увлекался риторикой (8), без чего тогда немыслимо было быть поэтом. Восприимчивость Прокла, «ясность умозрения», «бессонные труды и заботы» в изучении Платона привели к тому, что уже к 28 годам он написал «блестящие и полные учености» комментарии к платоновскому «Тимею» (13). Афина и Аполлон, философия и поэзия, неизменно сопровождают Прокла. Неудивительно, что он обращается к богам с песнопениями, славословит эллинских и чужеземных богов (17, 19), умеряет боли и недуги гимнами богам, которые пели его ученики, причем сам он, будучи тяжко больным, подсказывал поющим слова гимнов и Орфеевых стихов (20), толковал оракулы, в сорок лет дважды произнес провидческие стихи о своей собственной судьбе (28) и даже сочинил себе эпитафию (36).

В гимнах мысль философа движется от наиобщего представления о космосе и космической жизни в Гелиосе-Аполлоне (гимн I) к вполне единичным, конкретным ее проявлениям в других богах. Эйдос, или форма, избранная Проклом, не просто дань гимнической традиции. Тяготы бытия, страсти «коматеряленного» мира являются реальным поводом к созданию гимнов, с вполне жизненной картиной взаимоот-

ношений философа и его высоких покровителей. Действующие лица гимнов — сам Прокл и боги, которые вполне отвечают и потребностям мифотворчества эпохи, и личным чувствам Прокла.

Изучая гимнографию Прокла, мы не можем не учитывать характерной для его теории триадичности, когда каждая категория мирowego бытия рассматривается философом как определенный элемент триады, пронизывающей сверху донизу всю иерархийность этого бытия. Триада состоит из следующих элементов. Первый элемент — пребывание в себе (*tonē*), неделимое единство, общее начало. Второй элемент — выступление из себя, эманация (*proodos*), переход во множественное, материальное начало. Третий элемент — возвращение в себя (*epistrophē*), в единство из множественности, то есть состояние единораздельного эйдоса. Эта триадичность свойственна Единому, Уму и Мировой Душе, ею пронизан весь мифологический мир философских сочинений и гимнов Прокла.

В гимнах мифологическая триада Прокла, основанная на умной светоносной демиургии (Гелиос-Аполлон), умном светоносном знании (Афины), умной светоносной красоте (Афродита), становится триадой повторяющихся гимнических восхвалений.

Философская гимнография поддерживалась и практикой философских школ, когда совместные трапезы и празднества нуждались в своей, объединяющей учителя и учеников, высокой поэзии, что можно было заметить на примере известного гимна к Зевсу стояка Клеанфа. Гимнические опыты Прокла — это размышления человека, углубленного в науку, нашедшего в ней единственный смысл жизни и просящего о помощи богов, покровительствующих философским умозрениям.

Гимны Прокла, дошедшие полностью, посвящены Гелиосу (I), Афродите (II), Музам (III), всем богам (IV), ликийской Афродите (V), Гекате и Янусу (VI), многомудрой Афине (VII). От гимна к Дионису (VIII) дошел фрагмент в виде одной строки.

Выбор божественных адресатов в гимнах указывает на стремление возвести отдельные части бытия к мировому целому. Этот очевидный универсализм конца античности особенно заметен в том, что в гимнах отсутствует Зевс и все его функции переданы Гелиосу, объединяющему в себе демиургическую мощь Зевса, Аполлона и солнца. Гимны I, III, IV, VI, VII представляют определенное единство, не нарушающее появления Гекаты и Януса, так как Гекате были присущи издревле и благодетельные функции (охота, пастушество, общественная деятельность человека; Гесиод, *Теогония* 421—452), а Янус — двуликое и даже четырехликое божество, следящее за внутренней и внешней упорядоченностью государства, держатель ключей 365 дней, типичное божество Римской империи, гражданином которой был Прокл. Гимны к Афродите (II и V) воспевают небесную и земную любовь, ведущую к свету и очищению.

Сама тема просветления, восхождения к светоносному источнику очищения теснейшим образом переплетается с развитием мысли философа, стремящегося к чистому знанию. Поэтому в гимнах воспевается и восхваляется светоносная демиургия, мысль и красота. В этом отношении замечателен гимн I к Солнцу (Гелиосу).

³¹ Marin. *Vita Procl.* 36 = *Anthologia graeca* VII 341 Beckby.

³² *Anthologia graeca* // Ed. Fr. Jacobs. Lipsiae, 1814. Bd II. S. 69 (Appendix epigrammatum apud scriptores veteres et in marginibus servatorum).

Если представить себе общее целое и отдельные частности этого тумна, то эстетический образ законченного в себе бытия, пребывающего в вечном вращении, станет вполне очевидным.

Гелиос, великий демиургический титан, податель света и обладатель умного огня, является центром космоса. Прокл недаром считает пребывание Гелиоса в главной точке сферы «срединным». Седалище, или трон, Гелиоса находится над эфиром, а само демиургическое солнце владеет «светоносным кругом» в виде сердцевины, или сердца космоса (6), что по сравнению с классической традицией (где в центре космоса Гестия) является новшеством.

Итак, солнечный круг занимает срединное место в сферическом космосе, являясь его сердцевиной. Однако само солнце находится в непрестанном движении, так как бег солнечной колесницы вечно вращается на свои круги.

Идея вращающегося в себе «умного огня» (1, ср. aristotelевский перводвигатель) влечет за собой круговые движения планет вокруг Солнца, причем эти планеты, как выразительно говорит Прокл, ведут хороводы (9), и эти хороводы, то есть шествие по кругу, тоже не имеют завершения, они «неутомимые», как и бег солнечной колесницы. Но сами планеты, в свою очередь, «опоясаны» вечно цветущими огнями солнца, то есть они вечно горят уделаемым им жаром Гелиоса. Солнечный бог мыслится также в огненном венце, «огневенчанным».

Кроме хороводов планет в космосе водят также хороводы и Мойры, богини судьбы, хотя перед солнечной мощью даже они «изменяют нить неизбежной судьбы».

Если средоточием универсума является Солнце, то вся сферическая картина «широкого» космоса дополняется еще представлением о некоей противопоставленной друг другу целостности высоты и глубины этого мира. В надэфирных высинах находятся светлые чертоги Солнца, откуда с высоты изливается «ток гармонии» на «телесные миры».

Если исходить из того, что «телесный» есть не что иное, как «материальный» (*hylē* «материя, вещество»), то вполне очевидно, что такой мир должен находиться столь же далеко в глубине от средоточия космоса, сколь высоко находятся огненные эфирные высоты. Именно это противопоставление имеет в виду Прокл, когда «телесный» оказывается у него в оппозиции к «огненному» и «эфирному» как тончайшей нематериальной субстанции.

В гимне I космическому солнечному уму, пребывающему в надэфирных высинах, соответствует «пучина» (29) человеческой плотской жизни, «чистому свету» противоположен «мрак ядовитый» (40). Так, если огненный солнечный круг светит над миром (ср. Эсхил. Прометей прикованный 91: «всевидящий круг солнца»; Гом. гимны XXXI 9: «Гелиос, страшно взирающий очами»), то так же взирает на мир и «быстрое око» Дики, «что взором своим проникает повсюду» (37).

Человеку, погруженному в житейскую пучину, угрожают хоровод Мойр и принадлежащие Мойрам веретена, нити которых вращаются в зависимости от круговых движений звезд.

Итак, в гимне I Прокла дается впечатительная картина всеобщего кругового движения универсума. В этом движении всегда есть воз-

врат к себе, что свидетельствует о вечности и нестарении космоса, а также создается мировое равновесие, поддерживаемое срединным положением в сердце космоса Солнца, изливающего из источника жизни ток гармонии на все миры, в том числе и на дальний мир. Отсюда — и надежда на спасение человека, которому угрожают хоровод Мойр, вращение их веретен, и быстрый глаз Дики.

В гимнах исконное противопоставление света и мрака особенно развито и подчеркнуто. Земная, материальная жизнь есть не что иное, как «обители мрака» (IV 3). Здесь — «туман» (IV 6), «ужасные» страдания (VII 46), иссиня-черная тьма, охватывающая род людей (VI 10), зло болезней и грехов (VI 5, VII 37), безобразие (V 14), леденящий холод волн человеческого рода (IV 10—11; I 20), возмездие за грехи (IV 12; VII 41). Тьма и мрак соседствуют здесь с представлением о «пучине» (I 29) и «бездне» жизни (III 3), о глубинах смерти и потоке забвения (IV 8).

Но над мрачным ущельем человеческого бытия боги, будучи вождями пресветлой мудрости (13), зажигают возводящий ввысь огонь (2). В надэфирных высинах мчится Солнце, титан в колеснице с золотыми поводьями, Афина посыпает чистый молний свет (VII 31), Гефест — огненный супруг Афродиты (V 5—6).

Этот божественный свет чист и священен. Он не имеет ничего общего с мрачным огнем, которым пылает земная материя, так же как бездна человеческой греховой жизни не имеет ничего общего с представлением об источнике бытия, который находится во власти богов (I 2—3; II 2; VII 2), с представлениями о токе гармонии, который изливает на мир Гелиос (I 3—4), или с представлением о том, как Планета наполняет гармонией космос (23) и живородящие брызги посыпаются на землю хороводами планет (9).

Отметим еще один интересный художественно-философский образ в гимнах Прокла — образ души, странствующей по миру.

Души и род человеческий изображаются Проклом «блуждающими» по земле (III 3; IV 10—11; VII 32). Они «ниспали» на берег рождений (III 9), «упавши» в волны холодного человеческого рода (IV 10—11). Они «устали» на путях странствий (V 11—12), попали в мрачное ущелье жизни (IV), отягчены злыми болезнями (VI 5). Душа здесь то плывет по жизни с помощью Афины, посыпающей тихие ветры (VII 47), то мечтает о счастливой пристани (VI 11—12; VII 32), ибо кормчими мудрости являются боги (IV 1), которые, и это очень характерно для Прокла, именно с помощью света книжного знания рассеивают туман заблуждений (5—6). Здесь же — душа в виде путника, стремящегося по тропе, несущей его ввысь (14), взыскивющего сияющего «пути» жизни (4), который указывают боги (VI 8). Боги «влекут» души людей, пребуждая и очищая их тайнствами (7), а «стрекалами» страстей заставляя человека жаждать «озаренных» огнем небесных чертогов (II 5—6). Богиня Афина открывает перед человеком «врата» (*rudeōpas*, VII 7), через которые пролегает божественная тропа мудрости. Итак, душа, как усталый путник, по круговой тропе поднимается к воротам знания и, как блуждающий мореплаватель, достигает, наконец, счастливой пристани вечной жизни.

Этот образ многострадального путника восходит к одному из своих архетипов, а именно к гомеровскому Одиссею, не раз интерпретированному философской традицией, идущей от софистов и киников через стоицизм к неоплатонизму.

Знаменитое толкование Гомера Порфирием в трактате «О пещере нимф» завершается образом Одиссея-странника, который «освобождается от чувственной жизни ... то борясь со страстями, то завораживая и обманывая их и всячески изменяясь сообразно с ними, чтобы, сбросив рубища, низвергнуть страсти, не избавляясь попросту от страданий» (О пещере нимф 35) ³³.

В гимнах (и это следует особенно подчеркнуть) на символической картине горестной судьбы человеческого рода и отдельного человека поконится отблеск какой-то личной заинтересованности философа-поэта, интимности, неясной тоски — тех чувств, что являются читателю особый жизненный философский и теургический опыт самого Прокла. Здесь, внутри этой космической целостности, с ее оправданной гармонией света и мрака надэфирных высей и бездн земного бытия, вполне ощущимо личностное начало.

Это личностное начало еще в архаические времена было характерно для непосредственной ритуальной коммуникации молящегося и его божественного покровителя, что засвидетельствовано в многочисленных молитвах гомеровских героев «Илиады» и «Одиссеи» ³⁴. Однако вследствии зов молящегося разрастается в похвалу призывающего божества, от которого исходит удовлетворение просьбы в наибольшей ее полноте. И личностное начало меркнет, уступая место развернутой в эпическом духе «биографии» божества, характерной уже не для молитвы, а для гимна как художественно оформленного жанра ³⁵. Личная просьба молящего о даровании помочи отодвигается в гимне на второй план. Отсюда началом гимна и становится зачастую инвокация с приветственными возгласами, так называемыми хайретизмами, вызыванием, анаклезами к многоименному высшему существу; в середине — жизнеописание божества с восхвалением его подвигов и чудес, им творимых, и, наконец, замыкает гимн личная просьба молящего, обрамленная хайретизмами.

В гомеровских гимнах, напомним, хвалебная повествовательная часть разрастается так обширно, что формальной просьбе уделяется несколько строк, а то и вовсе не остается места. Заключительные просьбы в гимнах Каллимаха — дань старой традиционной форме и не имеют существенного значения, а нарративная часть является самоцелью и призвана во всей полноте выразить «характер» божественного адресата. О просьбах в орфических гимнах и их традиционной общечеловеческой морали мы уже говорили выше.

Гимны философа-поэта Прокла обращают на себя внимание имен-

³³ Порфирий. О пещере нимф. Пер. А. А. Тахо-Годи//Вопросы классической мифологии. М., 1976. VI. С. 28—45.

³⁴ Рубцова Н. А. О предметности именования в молитвах «Илиады» Гомера//Актуальные проблемы классической мифологии. М., 1982. Вып. 1.

³⁵ Рубцова Н. А. Форма обращения как конституирующий принцип гимнического жанра//Поэтика древнегреческой литературы. М., 1982.

ю специфическим личностным началом, благодаря которому меняются и сама художественная структура его гимнов и их стилистическая окраска.

Гимны Прокла написаны в духе сокровенных размышлений, и хотя и принадлежат к установившейся жанровой форме, они заметно ее модифицируют, отказываясь и от широты эпической нарративности гомеровских гимнов и от замкнутости мистериальных словесный орфических гимнов. Перед нами непосредственно-жизненная коммуникация поэта и адресата гимнов, напоминающая лирический диалог, не укладывающийся в рамки общепринятой гимнической традиции. Можно сказать, что философские гимны Прокла не являются только прославлением божества, но самую существенную их черту составляет личная просьба поэта.

В гимне I поэт просит Аполлона-Гелиоса очистить от всякого греха или заблуждения, избавить от скверны, позора, погибели, ниспослать душе чистый свет, рассеять мрак, одарить здоровьем, славой, благочестием и счастьем, спасти от карающих богинь. Здесь все просьбы поэта соответствуют катартическим, очистительным функциям Аполлона-Солнца и не являются случайными. Аполлон-Гелиос очищает от любой скверны, даря тем самым духовное и физическое здоровье, что и составляет счастье поэта как служителя муз.

В гимне VII Афины оказывается дарователем чистого света, мудрости, любви и силы, крепкого здоровья. Среди таких обычных житейских даров, как спокойствие, дети, брак, слава, счастье, радость, есть характерные для Афины и необходимые для поэта: сила противостояния врагам, убедительность речи, гибкий ум и, что особенно важно, первенство в собрании или совете народа.

Таким образом, в гимнах I и VII очистительные и укрепляющие мудрость функции Гелиоса и Афины налицо и обращение Прокла к обоим великим богам вполне целенаправленно и осмысленно.

В гимне II «К Афродите» поэт просит направить его на правильный путь жизни, избавить от недозволенных желаний. В гимне V «К Афродите Ликийской» Прокл вспоминает о том, что и сам он по крови ликиец, то есть родня богини. А это дает ему возможность просить Афродиту вознести его душу от стыда к великой красоте, избегая губительного жала страсти.

Итак, скромные просьбы поэта в обоих гимнах связаны с обретением красоты и уходом от губительных страстей, что вполне соответствует дарам небесной Афродиты, которой, как это видно из текста гимна, на родине поэта была воздвигнута статуя и которая заботилась о крепком потомстве ликийских граждан.

В гимне III «К музам» и в гимне VI «К Гекате и Янусу» поэт жаждет достичь «света» и молит спасти его от рода людей «безбожных» (III 12). Вероятно, Прокл имеет в виду непросвещенных, а значит, означенных темными страстями людей. Но не исключена возможность и того, что под этим темным и не боящимся богов родом людей следует понимать христиан, враждебных языческому философи.

Не является исключением и гимн IV — «Общий гимн к богам», где вообще отсутствует традиционная композиция и где вступительная

инвокация сразу же смыкается с молитвенной просьбой поэта в духовно-личностного обращения. Здесь также поиски света и тайнств, даруемых богами, покровителями светлой мудрости, но здесь же и страх перед блужданием в волнах «холодного рода» и перед «житейскими узами».

Через все гимны Прокла, как видим, проходит страстная мольба, свидетельствующая о его высоких духовных запросах. Поэт приемлет, правда, умеренность и законные радости брака, с детьми, счастьем, славой и благополучием, но если говорить в житейском плане, то для него явно предпочтительнее общественная функция подателя благих советов в собрании народа.

Просьбы эти в основном духовного плана, в то время как и в гомеровских, и в орфических гимнах, и у Каллимаха просьбы, ограничиваясь несколькими заключительными стихами, представляют собой почти одинаковый набор житейских общедоступных благ.

В этом смысле характерны следующие композиционные соотношения размеров каждого гимна и личных молений Прокла.

Гимн I «К Солнцу» соответствует VII «К Афине». Просьба поэта занимает I — 18 стихов из 50, в VII — 21 стих из 52.

Гимн II «К Афродите» соотносится с V «К Афродите Ликийской». В гимне II (21 стих) мольба занимает 8 стихов, соответственно в V из 15 стихов — 4.

Гимн III «К музам» соотносится с VI «К Гекате и Янусу». В каждом просьба занимает соответственно 8 стихов из 17 и 9 из 15, причем в последнем 3 начальных и замыкающих стиха — хайретизмы, так что мольба заключена в середине гимна.

Гимн IV «Общий гимн к богам» — сердцевина гимнического ряда, и здесь все 15 стихов представляют собой просьбу поэта.

В центре рассматриваемых гимнов оказывается не столько божество, сколько человек, умоляющий своих высоких покровителей о достижении тихой пристани жизни, света знания, об очищении от страстей и житейской суеты, об укреплении веры в древние мифы и мудрость книг, о даровании силы для борьбы с врагами и для участия в делах народа.

Прокл в своих гимнах рисует художественную структуру универсума как вечного, нестареющего, равновесного, воплотившего в себе красоту, сопричастную уму, осуществляющую в себе надежду человека на приобщение к источнику жизни. В поэзии Прокла ощущается незнакомое классике стремление конца античности к охвату целостности всей космической жизни, сердцем которой является Солнце, и вместе с тем к необычайно личностному ее пониманию, к познанию самого себя через вдохновенное созерцание мирового бытия, где отдельного слабого человека надежно охраняют, ведут по жизни и приводят к свету мудрые боги. Отсюда то единство интеллектуальности и интимности, углубленного логического продумывания и безотчетного вдохновения, которое характерно для философской поэзии Прокла и для художественной специфики его гимнов. Заметим, что гимны Прокла вообще, а особенно гимн Афине, представляют собой любопытный синкретизм позднего язычества и христианства. В нем, по словам А. Ф. Лосева,

«на первом плане мотивы несчастной земной доли человека, смиренного покаяния, просьб о спасении, мотивы надежды на будущий век и благодатную помощь богини, велемудрой и со светлым лицом»³⁶.

Анализ космологии в гимнах Прокла, употребление развитой символики (свет, огонь, влага, путь, странничество и т. д.), системы образов, демонстрирующей разную степень предметной выразительности, подтверждают стремление Прокла к органическому введению художественных элементов в философское размышление без заостренного противопоставления двух сторон творчества — научной и поэтической³⁷.

Итак, гимническая поэзия, представленная рассмотренными здесь сбражиями, прошла долгий путь развития, в течение которого модифицировалась содержательная, художественная и структурная сторона гимнов. Этот путь начинается от древнейших ритуальных истоков, от непосредственной связи молящего с его божественным покровителем. Гомеровские гимны, жанрово оформленные, устранив личную направленность ритуального обращения, представляли в духе позднего эпического стиля похвалу деяниям великих олимпийских богов.

Каллимах усилил и развил драматическое начало гимнов, диалог поэта с теми, кто слушает увлекательные и поучительные истории из жизни богов.

С Клеанфа через орфиков к Проклу идет, набирая силу, философская линия гимнографии, отразившая взаимодействие мощных универсалистских идей эллинистического римского мира и представлений о судьбе отдельного человека. В конце античности гимническая поэзия, исчерпав свои возможности, переходит от жанра похвалы с его объективным эпическим описанием мифологии божества к выражению субъективного личного чувства, что находит самое очевидное подтверждение в структуре поздних философских гимнов.

В поздней античности находят место и гимны, в которых эмоциональная настроенность и субъективность интимных чувств, доходя до экстаза, выражаются не в эпическом гексаметре, а в формах классической лирики. Эти чрезвычайно интересные гимны имеют явно переходный характер, объединяя в себе понятия языческого синкретизма и неоплатонической философии с раннехристианскими идеями. Предназначенные не только для чтения, но и для сакральной практики, они свидетельствуют о неумирающем опыте традиционной античной поэзии. Такова именно гимнография Синезия³⁸.

Синезий родился в Кирене приблизительно в 370—375 гг. Будучи греком знатного происхождения, он гордился своими предками и восводил свой род к Гераклу. Учился он в Александрии, где его главным учителем оказалась дочь математика Теона — знаменитая Гипатия, возглавлявшая в то время философскую школу Александрийского неоплатонизма. Годы пребывания Синезия в Александрии (393—395) были годами расцвета деятельности Гипатии, которая впоследствии тра-

³⁶ Лосев А. Ф. Олимпийская мифология в ее социально-историческом развитии// Учен. зап. МГПИ им. Ленина. 1953. Т. 72. С. 96—97.

³⁷ Ср. анализ философских гимнов в кн.: Meipier M. Aristote, Cléanthe, Proclus. *Hymnes philosophiques*. Paris, 1935.

³⁸ Раздел о Синезии написан А. Ф. Лосевым.

гически погибла, растерзанная толпой фанатически настроенных христиан. В настоящее время существует, правда, весьма серьезное сомнение в ее собственном языческом фанатизме (в чем ее подозревали). Как считает современная наука, Гипатия была, наоборот, таким философом, который достаточно спокойно относился и к собственной, и ко всем другим религиям³⁹. Недаром она не участвовала в реставрации древнего язычества, предпринятой императором Юлианом, а, с другой стороны, среди ее учеников были и христиане, причем даже из духовных лиц. Гипатия, несомненно, признавала примат разума над религиозными верованиями. Синезий прямо говорил о том, что Гипатия — «гениальный философский учитель» (Epist. 137, 1525 A).

Синезий был, по-видимому, весьма энергичным общественным деятелем, в силу чего он еще совсем молодым человеком участвовал в посольстве в Константинополь, обратившемся с просьбой к императору Аркадию о снижении налогов для киренцев и о защите Кирены от кочевых племен. Он и сам не раз возглавлял защиту своей родины от варваров. Ездил Синезий и в Афины, но покинул их разочарованным, не найдя там таких учителей, у которых мог бы поучиться.

Особое значение в жизни Синезия имело одно событие: жителями и церковным клиром Птолемаиды (город в Киренайке) он был избран (вероятно, в 409 г.) епископом. Не исключена возможность, что Синезий принял крещение одновременно с епископством или вскоре после избрания. (Поначалу его епископство ограничивалось только административными и общественными функциями.) Умер Синезий в 413 г., пробыв епископом не более четырех лет. Его ранняя кончина объясняется семейными несчастьями, преждевременной смертью членов его семьи и собственной тяжелой, неизлечимой болезнью.

Источники говорят о высоком моральном облике Синезия, о его склонности к уединению и постоянных занятиях философией и другими науками. Эти биографические подробности позволяют лучше понять переходный характер мировоззрения Синезия. Он был настоящим языческим неоплатоником. И поэтому христианский неоплатонизм отнюдь не дался ему сразу и содержал в себе множество отдельных элементов, характерных для языческой философской мысли. Двойственность мировоззрения Синезия должна быть отмечена особо. Ведь как миросозерцательные категории язычество и христианство, конечно, глубочайшим образом отличались одно от другого, поскольку одно исходило из обожествления природы, а другое — из обожествления абсолютной личности.

Однако история не есть только логическая последовательность культурологических категорий. Для исторического процесса необходимы и закономерны постоянная взаимосвязь одного периода с другим, непрерывный переход одной категории в другую. Синезий является замечательным примером именно такого культурно-исторического становления. Не забывая общественных дел, Синезий всегда был углублен в изучение философии, в своем уединении страстно предавался изучению

неоплатонических философов и, наряду со своей весьма удачной жизненной практикой, был подлинным созерцателем и неоплатоническим теоретиком. Расстаться с языческим прошлым было вовсе не так легко. Но судьба постоянно ставила его перед необходимостью новых духовно-нравственных и религиозных исканий. Синезий много страдал, тосковал, мучился, доходил до отчаяния; постоянные общественные заботы и хлопоты, и неудавшаяся личная жизнь способствовали этим острым и болезненным духовным состояниям.

Синезий жил задолго до Прокла, он не мог еще знать всей виртуозной диалектики поздних неоплатоников. Да кроме того, углубленная философская диалектика вообще была ему чужда. Он был страстным любителем греческой классики, ритором, сторонником того, что в науке называется второй софистикой, или греческим Возрождением II—III вв. н. э. Так как ни созерцательный образ мышления, ни литературные вкусы Синезия не располагали его к утонченной диалектике, основное неоплатоническое учение о трех ипостасях он принимал не то чтобы на веру, но без всяких категориально-диалектических уточнений. Можно судить и о безусловном понимании им сверхсущего неоплатонического первоединства, и учения об уме и о мировой душе⁴⁰.

При чтении самого Синезия и о нем основное впечатление, которое складывается, — это ощущение противоречивости натуры человека. Так, например, сочетание созерцательности и практической деятельности доставляло Синезию большие страдания. Он прямо писал: «Созерцание и деятельность никогда не согласуются вместе» (письмо 57). Уже будучи епископом, он (совсем не по-епископски!) лично участвовал в схватках с врагами. В одной из своих речей он пишет в тоске и печали, как хотел бы он сесть на корабль и уехать из своей родной Кирены и как егодерживают от этого епископские обязанности.

Синезий мучительно глубоко осознавал свои прежние языческие грехи перед христианством, хотя принял его с восторгом. Колебания и разочарования заставляли его иной раз сомневаться даже в действенности молитвы, в чем он, став христианским епископом, открыто каялся александрийскому патриарху Теофилу. Более того, он даже формулирует свои расхождения с ортодоксальным христианством и сообщает о них тому же Теофилу, который, несмотря на подобные признания, все-таки сделал Синезия епископом.

Синезий пишет ему: «Я никогда не поверю тому, чтобы душа проходила после тела; я никогда не скажу, чтобы мир и его различные части погибли с ним. Это воскресение, о котором столько говорят, я считаю просто священной и таинственной аллегорией и далек от того, чтобы согласиться с мнением черни».

Для характеристики свободы и широты философских взглядов Синезия лучше всего, может быть, привести его учение о троичности. Необходимо сказать, что в первоначальной, доникейской, теологии со-

³⁹ Об этом см., например: *V. Gregman J. Synesius of Cyrene, philosopher-bishop. Leiden*, 1982. P. 20—40.

⁴⁰ См.: Остроумов А. Синезий, епископ Птолемаидский. М., 1879. Несмотря на столетнюю давность, эта книга не утратила своего значения. В ней объективно анализируются религиозные и философские противоречия Синезия.

хранилась та онтологическая иерархия, которая характерна для всех языческих философов, включая стоиков и неоплатоников. Признавалось то или иное высшее начало, а все прочее трактовалось как истечение, или эманация, этого первоначала. Христианство, признававшее за первоначало абсолютную личность, никак не могло остановиться на такой языческой субординационной позиции, которая была не чем иным, как только последовательным пантезисом, исключавшим всякий персоналистический монотеизм.

Синезий как христианин, конечно, отрицал такое эманационное представление о мире и потому отрицал всякую субординацию также и в божественной троице. Однако он все-таки был воспитан на языческом неоплатонизме и до конца оставался неоплатоником, признавшим теорию трех основных ипостасей в их взаимной субординации: выше всего первоединство, ум — гораздо более низкое бытие, и космическая душа — еще более низкая ступень. Последовательно проведенный субординационизм создал в христианстве теорию Ария, которая была отвергнута на I Никейском соборе 325 г. Как же должен был поступить Синезий?

Итак, философия Синезия подвижна. Он не мог поступиться христианством и не оставлял языческого неоплатонизма. Более того, подробное исследование подтверждает постоянное и настойчивое стремление Синезия примирить то и другое. И мы закономерно причисляем Синезия к Александрийскому неоплатонизму — к переходной в высшей степени философской эпохе. Сомнения Синезия, неуверенность его в своей пригодности для высокого христианского поста — все это отражает суть мировоззренческих колебаний, характерных для того времени, для Александрийского неоплатонизма. Для этого последнего чувственно-материальный космос, конечно, оставался высочайшей красотой, и ни в одной из частей его трехипостасной структуры не было никаких сомнений. Но, с другой стороны, философская эстетика чувственно-материального космоса была отправлена представлениями об абсолютной личности, которые повелительно требовали признавать чувственно-материальную красоту космоса уже только как творение надкосмической личности.

Чувственная красота космоса всегда сохраняла для Синезия свою великую ценность и непреходящий смысл, поскольку он оставался античным человеком, в чем можно убедиться, познакомившись с его гимническим творчеством. Среди сочинений Синезия, от которого дошли речи, письма и гимны, последние занимают особое место.

Гимны Синезия, несмотря на свою христианскую основу, еще тесно связаны с традицией греко-римского политеизма и отличаются именно переходным характером. Автор хорошо знает Гомера и Платона, но особенно близки ему его предшественники, писатели так называемой второй софистики, или греческого Возрождения: Плутарх, Дион Хризостом, кинизирующий стоик ритор Элий Аристид, Филостраты, софист и теург Аполлоний Тианский. Синезий знаком с поэзией Эсхила и Еврипида, Пиндара и Феогнида, Анакреонта, Феокрита, Месамеда (автор начала II в., от которого дошло несколько гимнов) и с теогониями разных типов (Гесиод, орфики, гностики), на что указывает его поэтиче-

ская лексика, где встречаются характерные для сочинителей теогоний слова *вечность, бездна, корень, молчание, мужское, женское* и т. д. Судя по всему, Синезий читал Гомера и Платона в достаточно полном виде, а с другими древними поэтами знакомился по сборникам, антологиям и флорилегиям, распространенным в конце античности и содержащим выбранные и освященные многовековой традицией места из античных авторов, а часто и переложения с комментариями, служащими для ученых целей.

Не чуждался Синезий сочинений египетских и сирийских, халдейских и герметических трактатов, пророчеств сивиллических книг. Что касается философских интересов Синезия, то бесспорен их платонический и неоплатонический характер и очевидна начитанность его, ученика знаменитой Гипатии, в текстах Плотина, Порфирия и Ямвлиха.

Собрание гимнов Синезия состоит из десяти гимнов, причем десятый вызывал сомнения еще у Виламовица⁴¹. В исследовании Н. Терцаги (издавшего гимны в 1939 г.) подложность гимна была доказана, а сам он обрел своего настоящего автора, некоего Георгия Алитра, византийца IX—X вв., подражавшего Синезию. Однако сила традиции такова, что и поныне в собрание гимнов Синезия включается этот не принадлежащий ему гимн.

Следует сказать, что также традиционно несколько сот лет держалась нумерация гимнов, установленная известным гуманистом XVII в. Э. Портусом (он издавал также Прокла) в его издании 1568 г. Изменена она была в 1939 г. Н. Терцаги на основе старой византийской традиции. В нашем же собрании нумерация Портуса сохраняется в скобках: I(III), II(IV), III(V), IV(VI), V(II), VI(VII), VII(VIII), VIII(IX), IX(I), [X]⁴².

Гимны Синезия имеют, несомненно, философско-религиозную окраску (ср. например, гимн стоика Клеанфа), причем они написаны были не только для чтения, но и для сакральной практики. Время их создания точно не установлено. Скорее всего они складывались в три периода — около 395 г., в конце 402 г. (перед вступлением в брак) и во время епископства Синезия (410—412 гг.).

При жизни автора гимны не были изданы, но посмертное издание сделало их чрезвычайно известными и даже популярными. По своей форме гимны Синезия — это настоящие мелические произведения (отнюдь не традиционный эпический гекзаметр!), близкие по своей стrophicе и метрике к народной песне и некоторым классическим формам античного мелоса (анакреонтический стих, анапестические метры).

Композиция гимнов достаточно единообразна. Вначале следует вступительная инвокация (обращение), затем главная часть: похвала

⁴¹ Willamowitz-Moellendorff U. von. Die Hymnen des Proklos und Synesios// Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Berlin, 1907. S. 272—295—Kleine Schriften, Berlin, 1971. Bd. II. S. 168—184.

⁴² Нумерация гимнов дается нами по новейшему изданию К. Лакомбрада (*Synésios de Cyrène/Texte établi et traduit par C. Lacombrade*. Paris, 1978. T. I), который следует здесь за изданием Н. Терцаги (*Synesii Cyrenensis Hymni et opuscula/Rec. N. Terzaghi*. Romae, 1939—1944. T. I—II).

и прославление божества; далее замыкающая мольба о помощи. Иной раз (гимн III) гимн завершается хайретизмами. Для гимнического стиля Синезия характерен не только философско-возвышенный тон, но и определенного рода интимность, личностное начало, выполненное преклонения и восторга перед высшим существом, позволяющее автору то обращаться на древний языческий манер к своей форминге (IX 1) и к звучащим струнам (IX 47), то в духе христианского смирения беседовать со своей душой, призывая ее оставить земные помыслы и обратиться к Отцу всего (IX 127—133). Некоторые гимны (I—III) воспевают любовь к высшему источнику истины; гимны IV, V, VII, IX особенно личностны. В гимнах VI и VIII ощущается связь с торжественной сакральной службой и звучит призыв принять в ней участие. Гимн VIII (IX) дает нам представление об античном чувстве природы в его целостности.

Гимн IX(1), по-видимому, стоит ближе всего к языческому неоплатонизму. Здесь, правда, различимы две монады: одна превыше всего и недоступна никакому разделению, другая делится на три момента. Но характеристика этих трех моментов имеет мало общего с христианским учением о троичности. Здесь даже отсутствуют такие понятия, как, например, «ум» или «слово». А третье начало и вовсе характеризуется (в оригинале) как «душа космоса». Последнее особенно бросается в глаза в силу чисто языческого характера.

В гимне V(II) пантеистическая триада неоплатонизма дается уже при помощи христианской терминологии. Первое начало уже именуется Отцом, второе — Сыном и третье — Духом святым. Появляется и неоплатонический термин «ум» для характеристики второго начала.

Немало христианских элементов в гимне I(III). Но мы бы сказали, что христианство является здесь скорее в психологическом аспекте, нежели по существу, поскольку автор стремится освободиться от уз материи для достойного восхваления высшего абсолюта. Непротиворечие троичности единству — явный отголосок соответствующих споров во времена Синезия.

Гимн II(IV) мало чем отличается от гимна I(III). Здесь то же славословие Отцу как первому свету, так же воспевается творческая деятельность Сына, хотя и подробнее, чем в предыдущем гимне.

В гимнах III(V) и IV(VI) христианская догматика занимает большее место. Здесь, можно сказать, уже нет ничего общего с языческим неоплатонизмом других гимнов.

Наконец, в гимнах VI—X (VII—X) от языческой литературы остаются только некоторые мифологические образы, уже не имеющие ровно никакого философского значения и употребляемые для красоты речи. Стиль этих гимнов поражает своим вдохновением и своей искренностью.

Итак, гимны Синезия (кроме VI, VII и VIII) имеют очевидную неоплатоническую окраску, хотя главные объекты его почитания не плотиновская триада, Единое, Ум и Душа, а Единое и Троичное начало.

Неоплатонизм и христианство у Синезия неразрывны. Современный издатель Синезия К. Лакомбрад не без основания замечает: «По всей видимости, философ не изменил своей привязанности к языческому учению о вечности мира и непременном его следствии, вечном возвращении»⁴³. Именно этим и интересен для нас Синезий, автор гимнического мелоса.

A. A. Taxo-Godi

⁴³ *Synésios de Cypène/Texte établi et traduit par G. Lacombrade, T. I. P. 19.*

ГОМЕРОВСКИЕ ГИМНЫ

Данос-Фарват

I. К АПОЛЛОНУ ДЕЛОССКОМУ

Вспомню, — забыть не смогу, — о метателе стрел Аполлоне.
По дому Зевса пройдет он — все боги и те затрепещут.
С кресел своих повскакавши, стоят они в страхе, когда он
Ближе подступит и лук свой блестящий натягивать станет.

- 5 Только Лето остается близ молнелюбивого Зевса;
Лук распускает богиня и крышкой колчан закрывает,
С Фебовых плеч многомощных оружье снимает руками
И на колок золотой на столбе близ седалища Зевса
Вешает лук и колчан; Аполлона же в кресло сажает.
10 В чаше ему золотой, дорогого приветствуя сына,
Нектар отец подает. И тогда божества остальные
Тоже садятся по креслам. И сердцем Лето веселится,
Радуясь, что родила луконосного, мощного сына.

- 19 Что же спеть о тебе? Песнопений во всем ты достоин.
25 Спеть ли, как смертных утеша, Лето, тебя на свет родила.
К Кинфской горе прислоняясь, на утесистом острове бедном
Делосе, всюду водою омытом? Свистящие ветры
На берег гнали с обеих сторон покерневшие волны.
Выйдя оттуда, над всеми ты смертными властвуешь ныне.
30 Родами мучаясь, Крит посетила Лето и Афины,
Остров Эгину, Евбею, страну моряков знаменитых,
Морем омытый кругом Пепарет и Пейреские Эги,
Также Фракийский Афон, Пелиона высокие главы,
Самофракию и тенью покрытые Идские горы,
35 Скирос, Фокею, крутые высоты Автоканы,
Благоустроенный Имбрис и Лемнос труднодоступный,
Эолиона Макара обитель, божественный Лесбос,
Хиос, тучнейший из всех островов, расположенных в море,
И каменистый Мимант, и высокие главы Корика,
40 Кларос блестящий, крутые высоты горы Эсагеи,

Самос, богатый водою, высокие главы Микале,
Коос, город людей меропийских, Милет и высоко
Вверх возносящийся Книд, и Карпат, от ветров не закрыты
Рению, остров с землей каменистой, и Наксос, и Парос —
Все их Лето обошла, собираясь родить Дальноверхца,
Всех опросила, не хочет ли кто стать родиной сыну.
Но трепетали все земли от страха, никто не решился
Фебу пристанище дать, хоть и были они плодородны.
В Делос пришла наконец каменистый Лето пречестная
И, обратившись к нему, окрыленное молвила слово:

«Делос! Не хочешь ли ты, чтоб имел тут пристанище сын мой
Феб-Аполлон, чтобы храм на тебе был основан богатый?
Вряд ли тобою другой кто прельстится иль почесть окажет:
Думаю я, ни овцами ты не богат, ни быками,
Зелень скучна на тебе и плодов никаких не родится.
Если же будешь ты храм Аполлона иметь Дальновержца,
Станут все люди на остров сюда пригонять гекатомбы,
Жертвенный дым без конца над тобою начнет подниматься...»

Так говорила. И радостно Делос богине ответил:
«Верь мне, Лето, многославная дочерь великого Кея:
С радостью принял бы я Дальноверхца-владыки рожденье
Ибо ужасно я сам по себе для людей неприятен.
После же этого все бы почет мне оказывать стали.
Сильно, однако, — не скрою, богиня, — страшат меня слухи.
Больно уж будет рожденный тобой Аполлон, как я слышал
Неукротим и суров, и великая власть над богами
И над людьми ожидает его на земле хлебодарной.
Вот я чего опасаюсь ужасно умом и душою:
Ну как, сияние солнца впервые увидев, презреньем
К острову он загорится, — скалиста, бедна моя почва, —
И в многошумное море меня опрокинет ногами.
Будут бежать чередой непрерывной высокие волны
Там над моей головою. А он себе больше по вкусу
Землю найдет, чтобы храм заложить и тенистые рощи.
Черные вместо людей лишь тюлени одни да полипы
Гнезда и домики будут на мне возводить беззаботно.
Если б, однако, посмела ты клятвой покляться великой,
Что благолепнейший храм свой на мне он воздвигнет на п

Для провещания божьих велений, и после того лишь...

Всюду, меж всеми людьми. Ибо многое имен он имеет»

И поклялася Лето великою клятвой бессмертных:

«Этой землею клянуся и небом широким над нами,

Стикса подземно текущей водой,— меж богов всеблаженных
Клятвою, самой ужасной из всех и великою самой:
Истинно Фебов душистый алтарь и участок священный
Вечно останутся здесь, и почтит он тебя перед всеми».

После того как она поклялась и окончила клятву,
С радостью роды царя Дальноверхца приветствовал Делос.
Девять уж мучилась дней и ночей в безнадежно тяжелых
Схватках родильных Лето. Собралися вокруг роженицы
Все наилучшие между богинь: Ихнея-Фемида,
Рея, шумящая плесками волн Амфитрита, Диона,
Также другие. Лишь не было там белолокотной Геры.
Да ни о чем не слыхала Илифия, помощь родильниц:
Под облаками златыми сидела она на Олимпе;
Хитростью там удержала ее белокурая Гера,
Злобой ревнивой горя, потому что могучего сына
На свет родить предстояло в то время Лето пышнокудрой.

С острова спешно богини послали Ириду с приказом,
Чтобы Илифию к ним привела, обещав ожерелье
Длинное, в девять локтей, золотое, из зерен янтарных.
Но приказали богиню позвать потихоньку от Геры,
Чтобы словами ее, как пойдет, не вернула обратно.
Только сказали они ветроногой и быстрой Ириде, —
Та побежала и вмиг через все пронеслася пространство.
Быстро примчавшись в обитель богов на высоком Олимпе,
Вызвала тотчас Ирида Илифию вон из чертога
И с окрыленными к ней обратилась словами, сказавши
Все, что сказать олимпийские ей приказали богини,
И убедила Илифий душу в груди ее милой.
Тотчас они устремились подобные робким голубкам.

Только ступила на Делос Илифия, помощь родильниц,
Схватки тотчас начались, и родить собралася богиня.
Пальму руками она охватила, колени уперла.
В мягкий ковер луговой. И под нею земля улыбнулась.
Мальчик же выскоцил на свет. И громко богини вскричали:

120 Тотчас тебя, Стреловержец, богини прекрасной водою
Чисто и свято омыли и, белою тканью повивши,—
Новою, сделанной тонко, — ремнем золотым закрепили.
Груди своей не давала Лето златолирному Фебу:
125 Нектар Фемида впустила в нетленные губы младенца
Вместе с амвросией чудной. И сердцем Лето веселилась,
Радуясь, что родила луконосного, мощного сына.

После того как вкусили ты, владыка, от пищи бессмертной,
Бурных движений твоих не сдержали ремни золотые,
Слабы свивальники стали, и все распустились завязки.
130 Тотчас же Феб-Аполлон обратился к бессмертным богиням:

«Пусть подадут мне изогнутый лук и любезную лиру.
Людям начну прорицать я решенья неложные Зевса!»

Молвивши так, зашагал по земле неиссчетнодорожной
Феб длинновласый, далеко стреляющий. Все же богини
135 Остолбенели. И весь засиял, словно золотом, Делос:
139 Так покрываются гор возвышенья лесными цветами.
140 Ты же, о, с луком серебряным царь, Аполлон

далнострельный,

То поднимался на Кинф, каменисто-суровую гору,
То принимался блуждать, острова и людей посещая.
Много, владыка, имеешь ты храмов и рощ многодревних;
Любы все высги тебе, уходящие в небо вершины
145 Гор высочайших и реки, теченье стремящие в море.
К Делосу больше всего ты, однако, душой расположен.
Длиннохитонные сходятся там ионийцы на праздник,
С ними и жены, достойные их, и любезные дети.
Помнят они о тебе и, когда состязанья назначат,
150 Боем кулачным, и пляской, и пеньем тебя услаждают.
Кто б ионийцев ни встретил, когда они вместе сберутся,
Всякий сказал бы, что смерть или старость над ними бессильны.
Видел бы он обходительность всех и душой веселился бы,
Глядя на этих детей и на жен в поясах несравненных,
155 На корабли быстроходные их и на все их богатства.
К этому ж — диво большое, которого славе не сгинуть, —
Острова Делоса девы, прислужницы Феба-владыки,
Песнью хвалебной они Аполлона сначала прославят;
После, Лето помянув пышнокудрую и Артемиду
160 Стрелолюбивую, песни поют о мужах и о женах,
В древности живших, и племя людей в восхищенье приводят.
Дивно умеют они подражать голосам и напевам
Всяких людей; и сказал бы, услышав их, каждый, что это
Голос его, — до того хорошо их наложены песни.

165 Милость свою ниспошлите на нас, Аполлон с Артемидой!
Вам же, о девы, привет! И впредь обо мне не забудьте.
Если какой-либо вас посетит человек земнородный,
Странник, в скитаньях своих повидавший немало, и спросит:
«Девы, скажите мне, кто здесь у вас из певцов наилучший?
170 Кто доставляет из них наибольшее вам наслажденье?»
Страннику словом хорошим немедленно все вы ответьте:
«Муж слепой. Обитает на Хиосе он каменистом.
Лучшими песни его и в потомстве останутся дальнем».
Мы же великую славу об вас разнесем повсеместно,
175 Сколько ни встретим людей в городах, хорошо населенных,
Все нам поверят они, потому что мы правду расскажем.

Я же хвалить не устану метателя стрел Аполлона,
Сына Лето пышнокудрой, владыку с серебряным луком.

II. К АПОЛЛОНУ ПИФИЙСКОМУ

Ликией ты, повелитель, владеешь, Меонией милой,
Около моря лежащим Милетом, желаемым всеми;
Сам же с великою честью на Делосе царствуешь славном

* * * * *

Стопы свои направляет к утесам скалистым Пифона
5 Сын многославный Лето, на блистающей лире играя.
Благоухают на боге одежды бессмертные. Струны
Страстно под плектром звучат золотым на божественной лире.
Мысли быстрее с земли на Олимп перенеслись, оттуда
10 Входит в палаты он Зевса, в собрание прочих бессмертных.
Тотчас желанье у всех появляется песен и лиры.
Сменными хорами песнь начинают прекрасные Музы,
Божьи дары воспевают бессмертные голосом чудным
15 И терпеливую стойкость, с какою под властью бессмертных
Люди живут, — неумелые, с разумом скучным, не в силах
Средства от смерти найти и защиты от старости гнусной.
Пышноволосые девы Хариты, веселые Оры,
Зевсова дочь Афродита, Гармония, юная Геба,
20 За руки взявшись, водить хоровод начинают веселый.
Не безобразная с ними танцует, не малая с виду, —
Ростом великая, видом дивящая всех Артемида,
Стрелолюбивая дева, родная сестра Аполлона.
С ними же здесь веселятся и Арес могучий, и зоркий
25 Аргоубийца. А Феб-Аполлон на кифаре играет,
Дивно, высоко шагая. Вокруг него блещет сиянье,
Быстрые ноги мелькают, и пышные вьются одежды.
И веселятся, душою великою радуясь много,
Фебова мать, Лето златокудрая, с Зевсом всемудрым,
Глядя на милого сына, как тешится он меж бессмертных.

Что же мне спеть о тебе? Песнопений во всем ты достоин.
30 Спеть ли о том, как ты был женихом, как любовью горел ты,
Как приходил, домогаясь Азановой дочери милой,
С Исхием, равным богам, многооконным Елатионидом?
Иль как Форбанта из рода Триопова, иль Амаринфа...
Или, как вместе с Левкиппом и вместе с женой Левкиппа...

* * * * *

35 Пеший, а он на конях

* * * * *

Или о том, как, замысливши первый для смертных оракул,
Места ища для него, по земле ты бродил, Дальновержец?

Прежде всего в Пиерию ты путь свой направил с Олимпа;
Лакмос, Эматию после того миновал, Эниены,
40 Через Перрёбы прошел ты. И скоро достиг Иаолка.
В славной судами Евбее на мыс поднимался Кенейский.
Стал пред Лелантской равниной, — но сердце твое не прельстилось
Храм твой на ней заложить и тенистые рощи густые.
После того перешел ты Еврип, Аполлон-дальновержец,
45 И поднялся на зеленую гору святую, с нее же
Быстро сошел в Микалесс и в луга травяные Тевмесса.
В Фивы оттуда пришел ты, дремучим одетые лесом:
Не жили в те времена еще люди в божественных Фивах,
И ни дорог, ни тропинок еще никаких не бежало
50 По хлебородной равнине фиванской: лишь лес простирался.

Дальше оттуда отправился ты, Аполлон дальнострельный,
И до Онхеста дошел, Посейдоновой рощи блестящей,
Новообъезженный конь, в колеснице идущий прекрасной,
55 Там переводит дыханье от бремени: добрый возница,
Спрыгнувши наземь с повозки, пешком по дороге шагает;
Кони ж, не зная вожжей, опустившей гремят колесницей.
Если с повозкою въедут они в многодревнюю рощу, —
Ждет уход лошадей, а ее, прислонив, оставляют.
60 Ибо таков изначально священный обычай: владыке
Молятся люди, а божью повозку судьба охраняет.

Дальше оттуда отправился ты, Аполлон дальнострельный.
Вскоре достиг ты прекрасно струящейся речки Кефиса,
Льющейся светлотекучей своею водой из Лилеи.
Через Кефис перейдя, миновав Окалейские башни,
65 Ты пересек, Дальновержец, густые луга Галиарта
И до Тельфусы дошел. И прельстился ты местом спокойным.

Здесь захотел ты свой храм заложить и тенистые рощи,
Встал пред Тельфусою близко и слово такое ей молвил:

«Здесь основать я, Тельфуса, прекраснейший храм собираюсь»

70 Чтобы прорицалищем был для людей он, которые вечно
Станут сюда пригонять безупречные мне гекатомбы, —
В пелопонесском ли кто обитает краю плодоносном,
На островах ли, водой отовсюду омытых, в Европе ль.
75 Будут они вопрошать мой оракул, И всем непреложно
В храме моем благолепном начну подавать я советы».

Молвивши так, заложил основанье сплошное для храма
Феб-Аполлон широко и пространно. Увидевши это,
Сильно разгневалась сердцем Тельфуса и слово сказала:

«Феб- дальновержец, владыка, скажу тебе некое слово.

80 Храм заложить благолепный на этом замыслил ты месте,
Чтоб прорицалищем был для людей он, которые вечно
Станут тебе приносить безупречные здесь гекатомбы.
Вот что, однако, скажу я тебе, — и подумай об этом:
Топотом будут тебя раздражать быстроногие кони
85 И у божественных наших истоков поимые мулы.
Станет иной тут охотней глядеть на коней пышногривых,
С топотом мчащих в пыли колесницу с отделкой прекрасной,
Чем на великий твой храм и сокровища многие в храме.
Если б, однако, меня ты послушал, — могучей и лучше
90 Ты, о владыка, чем я, и весьма велика твоя сила,—
Храм ты построил бы в Крисе, в долине под снежным Парнасом.
На колеснице прекрасной никто уже там не промчится,
Топот коней быстроногих вокруг алтаря не раздастся.
Станут в безмолвии там племена знаменитые смертных
95 И эпеану дары приводить, и прекрасные будут
Жертвы окрестных людей доставлять тебе радость большую».

Так говоря, убедила она Дальновержца, чтоб слава
Не Дальновержцу была на земле, а самой ей, Тельфусе.

Дальше оттуда отправился ты, Аполлон дальнострельный.
100 В город флегийцев, мужей нечестивых и гордых, пришел ты:
Знать не желаю о Зевсе, они на земле обитают
Недалеко от болот кефисийских в прекрасной долине.
Быстро оттуда бегом на скалистый хребет поднялся ты,
105 В Крису пришел наконец, под Парнасом лежащую снежным,
Обращена она склоном на запад, над ней нависает

Сверху скала, а внизу глубоко пробегает долина
Дикая. Там-то в душе порешил Аполлон-повелитель
Храм свой построить ютный и слово такое промолвил:

110 «Вот где прекраснейший храм для себя я воздвигнуть решao,
Чтоб прорицалищем был для людей он, которые вечно
Станут сюда пригонять безупречные мне гекатомбы, —
В пелопонесском ли кто обитает краю плодоносном,
На островах ли, водой отовсюду омытых, в Европе ль.
115 Будут они вопрошать мой оракул. И всем непреложно
В храме моем благолепном начну подавать я советы».

Молвивши так, заложил основанье сплошное для храма
Феб-Аполлон широко и пространно. На том основанье
Входный порог из каменьев Трофоний возвел с Агамедом,
Славные дети Эргина, любезные сердцу бессмертных.
120 Вокруг же порога построили храм из отесанных камней
Неисчислимые роды людей, на бессмертную славу.
Близко оттуда — прекрасно струистый родник, где владыкой,
Зевсовым сыном, дракон умерщвлен из могучего лука, —
125 Дикое чудище, жирный, огромный, который немало
Людям беды причинил на земле, — причинил и самим им,
И легконогим овечьим стадам, — бедоносец кровавый.

Был на вскормление отдан ему златотронно Герой
Страшный, свирепый Тифаон, рожденный на пагубу людям.
Некогда Гера его родила, прогневившись на Зевса,
130 После того как Афину преславную из головы он
На свет один породил. Разъярилась владычица Гера
И средь собранья бессмертных такое промолвила слово:

135 «Слушайте, слушайте все вы, о боги, и вы, о богини,
Как опозорил меня мой супруг, облаков собиратель,—
Первый, в то время как я остаюсь женой ему доброй:
Он совоокой Афиной помимо меня разрешился,
Всех остальных превзошедшей блаженных богов олимпийских.
Мной же самою рожденный Гефест между тем оказался
На ноги хилым весьма и хромым между всеми богами...
* * * * *

140 В руки поспешно схватив, и в широкое бросила море.
Но среброногая дочерь Нерея Фетида младенца
Там приняла и его меж сестер меж своих воспитала.
Лучше б другим чем она угодить постаралась бессмертным...
Жалкий, коварный изменник! Теперь что еще ты замыслишь?

145 Как же один породить совоокую смел ты Афину?
Разве бы я не сумела родить? Ведь твою женою
Я средь бессмертных зовусь, обладающих небом широким.
Ныне, однако, и я постараюсь, как бы дитя мне,
150 Не опозоривши наших с тобою священных постелей,
На свет родить, чтоб блистало оно между всеми богами.
Больше к тебе на постель не приду. От тебя в отдаленье
Буду я с этой поры меж бессмертных богов находиться».

Молвивши так, от богов удалилась с разгневанным сердцем.
И возложила на землю ладонь волоокая Гера
155 И, сотворяя молитву, такое промолвила слово:

«Слушайте ныне меня вы, Земля и широкое Небо!
Слушайте, боги-Титаны, вокруг Тартара в глуби подземной
Жизнь проводящие, — вы, от которых и люди и боги!
Сделайте то, что прошу я: помимо супруга Кронида
160 Дайте мне сына, чтоб силою был не слабее он Зевса.
Но превзошел бы его, как Кроноса Зевс превоходит».

Так восклицала. И в землю ударила пышной рукою.
Заколебалась земля живописная. Это увидев,
Возвеселился Гера: решила — услышана просьба.
165 И ни единого разу с тех пор в продолжение года
Не восходила она на постель многомудрого Зевса
И не садилась, как прежде, на пышный свой трон, на котором
Часто советы супругу разумные в спорах давала.
В многомолитвенных храмах священных своих пребывая,
170 Тешилась жертвами, ей приносимыми, Гера-царица.
После ж того как и дней и ночей завершилось теченье,
Год свой закончил положенный круг и пора наступила,
Сын у нее родился — ни богам не подобный, ни смертным,
Страшный, свирепый Тифаон, для смертных погибель и ужас.
175 Тотчас дракону его отдала волоокая Гера,
Зло приложивши ко злу. И дракон принесенного принял.
Славным людским племенам причинил он несчастий немало.

День роковой наступал для того, кто с драконом встречался.
Но поразил наконец-то стрелою его многомощной
180 Царь Аполлон-дальноверхец. Терзаемый болью жестокой,
Тяжко хрюпя и вздыхая, по черной земле он катался.
Шум поднялся несказанный, безмерный. А он, извиваясь,
По лесу ползал туда и сюда. Наконец кровожадный
Дух испустил он. И, ставши над ним, Аполлон похвалился:

185 «Здесь ты теперь изгнивай, на земле, воскормляющей
смертных! *Землю*
Больше не будешь теперь ты свирепою пагубой людям!
Мирно вкушая плоды многодарной земли, постоянно
Станут они приносить мне отборные здесь гекатомбы.
Ныне от гибели злой не спасти тебя ни Тифоэю,
190 Ни злоймянной Химере. На этом же месте сгнишь ты
Силою черной Земли и лучистого Гипериона».

No 25
195 Так он хвалился. Глаза же драконовы мглою покрылись.
Гелиос в гниль превратил его силой своею святою.
Вот почему он Пифоном зовется теперь, а владыку
Мы называем дифийским: на месте на этом сгнила
Острого Гелия сила останки свирепого гада.

200 Здесь только понял в уме своем Феб-Аполлон
дальнострельный,
Из-за чего он обманут прекрасноструктой криницей.
Гневом пылая, пошел он к Тельфусе, достиг ее быстро,
Стал очень близко пред нею и слово такое ей молвил:

«Ты обманула, Тельфуса, меня. Не хотела ты, видно,
Местом прелестным владея, струить светлобежную воду.
Славу свою ты зато здесь отныне разделишь со мною».

205 Так сказавши, скалой завалил каменистое устье
Царь — Аполлон-дальноверхец и скрыл под обвалом теченье.
Здесь же себе он построил и жертвенник в роще тенистой
Около самой криницы прекраснотекущей. Владыке
Все там возносят мольбы, именуя его Тельфусийским.
Так как Тельфусы священной теченье там посрамил он.

210 Начал в уме своем тут размышлять Аполлон-дальноверхец.
Как бы ему и кого из людей привести в это место,
Чтобы жрецами его они стали в Пифоне скалистом,
Жертвы ему приносили бы и всем возвещали законы
Золотолукого Феба-властителя, что бы ни сказал он;
215 Из-под Парнасской скалы прорицанья давая из лавра.

Так размышляя, узрел он в дали винно-черного моря
Быстрое судно. Везло оно много мужей благородных,
Критян из града Миносова Кноса, — они для владыки...

* * * * *

Ради богатств и товаров на судне своем черном
 220 Плыли в песчанистый Пилос, к родившимся в Пилосе людям.
 Вдруг повстречался им Феб-Аполлон. На корабль быстроходный
 Выскочил он из воды, уподобившись видом дельфину.
 Там и остался лежать он чудовищем страшным, огромным.
 Из моряков же никто догадаться не мог и не видел...

* * * * *

225 И отовсюду толкал он и тряс корабельные балки.
 Молча, объятые страхом, сидели внутри мореходцы;
 Не распустили счастей на бокастом судне они черном
 И парусов корабля черноносого ставить не стали:
 230 Как они что-либо где укрепили ремнями сначала,
 Так и поплыли. Порывами Нот быстроходный корабль их
 Сзади, с кормы, подгонял. Миновали сначала Малею,
 Землю Лаконскую мимо проплыли и Гелос приморский,
 Прибыли в Тенар, страну, где царит угнетающий смертных Гелиос,
 235 в мягких лугах превосходного этого края
 Много пасется обычно овец густорунных владыки.
 Здесь пожелали они свой корабль задержать и, сошедши,
 Дивное диво вблизи осмотреть и глазами увидеть,
 Будет ли чудище дальше на днище лежать корабельном
 Иль в многорыбную бездну морскую опустится снова.
 240 Не подчинился, однако, рулю превосходный корабль их, —
 Дальше пошел самовольно вдоль тучного Пелопоннеса:
 Легким своим дуновеньем его направлял потихоньку
 Царь Аполлон дальнострельный. Дорогу свою совершая,
 Судно в Арену пришло, в Аргифею, приятную видом,
 245 В Фриос на броде Алфейском и славные зданьями Эпи,
 Дальше — в песчанистый Пилос, к родившимся в Пилосе людям.
 Круны потом их корабль миновал, и Халкиду, и Диму,
 Мимо Элиды священной прошел он, — державы епейцев,
 Зевсову радуясь ветру попутному, Феры покинул.
 250 И показались вдали из-за облак утесы Итаки,
 Следом — Дулихий, и Сам, и Закинф, покрытый лесами.
 Пелопоннес целиком обогнул их корабль быстроходный,
 И беспредельный Крисейский залив пред глазами открылся,
 Пелопоннес плодоносный собой отделивший от суши,
 255 Вдруг, при безоблачном небе, бурливо рванул из эфира
 С запада ветер великий, по Зевсовой воле, чтоб морем
 Горько-соленым как можно скорее промчался корабль их.
 Быстро обратной дорогой они на зарю и на солнце
 Поплыли. Вел же Кронионов сын, Аполлон, повелитель,
 260 К Крисе пришли они, издали видной, богатой лозами,
 В гавань. И врезался в берег песчаный корабль мореходный.

Из корабля поднялся тут наверх Аполлон-дальновержец,
 Видом средь белого полдня звезде уподобившись; искры
 Сыпались густо с нее; достигало до неба сиянье.
 265 В храм он спустился, пронесшись дорогой треножников ценных.
 Ярко сверкнувши лучами, зажег он в святилище пламя,
 И осветилась вся Криса сияньем. И громко вскричали
 Жены крисейцев и дочери их в поясах многоценных
 От Аполлонова взблеска. И ужас объял их великий.
 270 Снова оттуда назад к кораблю он, как мысль, устремился,
 Образ принявши весьма молодого и сильного мужа;
 Длинные кудри его на широкие падали плечи.
 Громко он критян окликнул и слово крылатое молвил:

«Странники, кто вы? Откуда плывете дорогою влажной?
 275 Едете ль вы по делам иль блуждаете в море бесцельно,
 Как поступают обычно разбойники, рыская всюду,
 Жизнью играя своею и беды неся чужеземцам?
 Что так печально сидите вы здесь, отчего не сойдете
 На берег вы, отчего не свернете счастей корабельных?
 280 Нет меж трудящихся тяжко людей, кто бы делал иначе,
 После того как на черном своем корабле быстроходном
 К суше пристанет, трудом изнуренный; душой его тотчас
 Овладевает желанье великое сладостной пищи».

Так он сказал и сердца их отвагою бодрой наполнил.
 285 Критян начальник немедля в ответ ему слово промолвил:

«О чужестранец! Осанкой и всем своим видом походишь
 Ты не на смертнорожденных людей, — на бессмертного бога.

* * * * *

Здравствуй! Привет тебе наш! Да пошлют тебе счастье боги!
 290 Дай мне, прошу я, правдивый ответ, чтоб доподлинно знать мне:
 Что за земля? Что за край? Что за смертные здесь обитают?
 В место другое держали мы путь по великому морю, —
 В Пилос из Крита: оттуда мы родом, и этим гордимся.
 Ныне ж сюда мы пришли с кораблем не по собственной воле.
 295 Плыли б домой мы другою дорогой, другими путями:
 Против желания кто-то сюда нас привел из бессмертных».

Им, на их речь отвечая, сказал Аполлон-дальновержец:

«Странники! В Кносе, богатом деревьями, вы обитали
 Раньше. Но ныне домой вы к себе не воротитесь больше,

- 300 В город возлюбленный ваш и в прекрасные ваши жилища,
 К милым супругам, Но здесь вы получите храм мой богатый,
 Здесь вы останетесь жить, почитанием пользуясь общим.
 Сын я великого Зевса. Горжуся я быть Аполлоном,
 Вас же сюда я привел чрез великую бездну морскую,
 Не замышляя вам зла. Богатейший мой храм во владенье
 305 Здесь вы получите, всеми людьми почитаемый много.
 Волю бессмертных вы будете знать и, богов изволеньем,
 Станете жить в величайшем почете во вечные веки.
 Ну, а теперь поскорее исполните все, что скажу я:
 Прежде всего развязите ремни и спустите ветрила;
 310 Сделавши это, ваш черный корабль извлеките на сушу,
 Из равнобокого судна богатства все выньте и снасти,
 Соорудите мне жертвенник здесь высоко над прибоем,
 И разожгите огонь, и ячмень принесите мне в жертву,
 И обступите алтарь, и молитву ко мне сотворите.
 315 Так как впервые из моря туманного в виде дельфина
 Близ корабля быстроходного я поднялся перед вами,
 То и молитесь мне впредь как Дельфинию, и да зовется
 Жертвенник этот дельфийским. И будет он славен вовеки.
 Кончивши, сядьте обедать близ черного вашего судна
 320 И возлиянья свершите блаженным богам олимпийским.
 После ж того как свой голод вы сладкой едой утолите,
 Вместе идите со мною, пэн распевая, доколе
 Вы не придете в страну, где получите храм богатейший».
- Так он промолвил. Они же приказу его подчинились.
 325 Прежде всего развязали ремни и ветрила спустили,
 Мачту к гнезду притянули, спустивши ее на канатах,
 Сами же вышли на берег крутой многошумного моря,
 После того из воды высоко на песок оттащили
 Свой быстроходный корабль, укрепив на огромных подпорках.
 330 Жертвенник богу воздвигли над берегом шумноприбойным,
 Белых насыпали зерен ячменных в огонь разожженный,
 Сами же стали вокруг и молились ему, как велел он.
 Кончивши, сели обедать вблизи быстроходного судна
 И возлиянье свершили блаженным богам олимпийским.
 335 После того как желанье питья и еды, утолили,
 Двинулись в путь. Во главе их пошел Аполлон-дальновержец,
 С лирой блестящей в руках, превосходно и сладко играя,
 Дивно, высоко шагая. И, топая дружно ногами,
 Критяне следом спешили в Пифон и пэн распевали,
 340 Как распевается песня у критян, которым вложила
 В груди бессмертная Музу искусство сладчайшего пенья.
 Неутомимо на холм поднимались они и достигли
 Вскоре Парнаса и края уютного, где предстояло
 Жить им оставаться теперь, почитанием пользуясь общим,
 345 Храм свой богатый он им показал и святилища в храме.

Но нерешимостью в милой груди волновалась душа их,
 И, вопрошая владыку, сказал ему критян начальник:

«О повелитель! Сюда, далеко от друзей и отчизны,
 Нас ты завел, ибо так твоему пожелалося сердцу!
 350 Как же, однако, мы будем тут жить? Укажи нам, владыка!
 Ни виноградников нет, ни лугов в этом крае прелестном,
 Чтобы прожить хорошо и не хуже людей оказаться».

И, улыбнувшись, ответствовал им Аполлон дальнострельный:

«Вечно вы ищете духом, нестойкие, глупые люди,
 355 Тягостных мук для себя, и забот, и душевных стеснений!
 Легкое слово скажу я и в души его заложу вам:
 В правую руку возьмите вы жертвенный нож и закланью
 Будете скот предавать, что сюда чередой непрерывной
 Станут ко мне пригонять племена знаменитые смертных,
 360 Храм сторожите священный и роды людей принимайте,
 Сколько б сюда ни пришло их, и, волю мою соблюдая...

* * * * *

Если же слово пустое за вами замечу иль дело,
 Если проявите гордость, что часто меж смертных бывает,—
 Люди другие тогда властелинами станут над вами,
 365 И в подчиненье у них навсегда вам придется оставаться.
 Сказано все. А тебе сохранить это следует в сердце!»

Славься, о сын Громовержца-царя и Лето пышнокудрой!
 Ныне ж, тебя помянув, я к песне другой приступаю.

III. К ГЕРМЕСУ

Муза! Гермеса восславим, рожденного Майей от Зевса!
Благостный вестник богов, над Аркадией многоовечной
И над Килленою царствует он. Родила его Майя,
Нимфа, достойная чести великой, в любви сочетавшись
5 С Зевсом-Кронионом. Сонма блаженных богов избегая,
В густотенистой пещере жила пышнокудрая нимфа.
Там-то на ложе всходил к ней Кронион глубокою ночью,
В пору, как сон многосладкий владел белолокотной Герой.
10 Втайне равно от богов и людей заключен был союз их.
Время пришло, — и свершилось решенье великого Зевса:
13 Сын родился у богини, — ловкач, изворотливый малый,
Вор, быкокрад, сновидений вожатый и ушлый пролаза,
В двери подглядчик, ночной соглядатай, которому вскоре
15 Много преславных деяний явить меж богов предстояло.
Утром, чуть свет, родился он, к полудню играл на кифаре,
К вечеру выкрад коров у метателя стрел, Аполлона;
Было четвертого это числа, как явился он на свет.
20 После того как из недр материнских он вышел бессмертных,
В лульке священной своей лишь недолго Гермес оставался:
Вылез и в путь припустился на розыск коров Аполлона,
Через порог перешедши пещеры со сводом высоким.
25 Там, черепаху найдя, получил он большое богатство.
Встретил ее многославный Гермес у наружного входа.
Сочную траву щипала она перед самым жилищем,
Мягко ступая ногами. Увидев ее, рассмеялся
Сын благодетельный Зевса и слово немедля промолвил:
30 «Знаменье очень полезное мне, — и его не отвергну!
Здравствуй, приятная видом, размерная спутница хора,
Пира подруга! Откуда несешь ты так много утехи,
Пестрый ты мой черепок, черепаха, живущая в скалах?

Дай-ка возьму я тебя и домой отнесу: ты нужна мне.
35 Мимо тебя не пройду; мне на выгоду первою будешь.
Дома полезнее быть, оставаться снаружи опасно.
Правда, пока ты жива, то защитой от чар вредоносных
Служишь; зато, как умрешь, превосходно станешь певицей».

Так он сказал. И, руками обеими взяв черепаху,
40 Снова домой воротился, неся дорогую утеху.
Стиснувши крепко руками, резцом из седого железа
Горную стал потрошить черепаху Гермес многославный.
Как через грудь человека, которого злые заботы
Мучают, быстрые мысли несутся одна за другою,
45 Как за миганием глаза другое миганье приходит,
Так у Гермеса за словом немедленно делалось дело.
Точно по сделанной мерке нарезав стеблей тростниковых,
Их укрепил он над камнеподобной спиной черепахи,
Шкурой воловьей вокруг обтянул, догадавшись разумно,
50 Пару локтей прикрепил, перекладину сделал меж ними
И из овечьих кишок семь струн приладил созвучных.
Милую эту утеху своими готовив руками,
Плектром одну за другою он струны испробовал. Лира
55 Звук испустила гудящий. А бог подпевал ей прекрасно,
Без подготовки попробовав петь, как на пире веселом
Юноши острой насмешкой друг друга язвят, не готовясь.
Пел он о Зевсе-Крониде и Майе прекраснообутой,
Как сочетались когда-то они в упоенье любовном
60 В темной пещере; о собственном пел многославном рожденье;
Славил прислужников он, и жилище блестящее нимфы,
И изобилие прочных котлов и треножников в доме.
Пел он одно, а другое в уме уж держал в это время.
Кончив, отнес он и бережно спрятал блестящую лиру
65 В лульке священной своей. И мясца ему вдруг захотелось.
Выскочил вон из чертога душистого быстро в пещеру,
Хитрость в уме замышляя высокую: темною ночью
Замыслы часто такие в умах воровских возникают.

Гелий меж тем в Океан опустился под землю с конями
И с колесницей своею. Сын Майи бежал без оглядки
70 И к Пиерийским горам наконец прибежал многотенным.
Там у блаженных богов на прелестных лугах некошеных
Стойло имели коровья стада их, не знавшие смерти.
Быстро полсотни протяжно мычащих коров криворогих
Аргуса зоркий убийца, сын Майи, отрезал от стада.
75 Путаной он их дорогой погнал по песчанистой почве,
Перевернувши следы им: повадки он хитрые ведал.
Задом ведя их, копыта передние задними сделал,
Задние сделал передними, задом и сам подвигался.

Снявши сандалии с ног, на морской он песок их забросил
80 И принял измышлять несказанные, дивные вещи:
Миртоподобные ветви с ветвями смешав тамариска,
Эти охапки ветвей зеленеющих крепко связал он,
Их под подошвами в виде сандалий искусно приладил
Вместе с листвой и пошел, избегая проезжей дороги,
86 Словно спеша напрямик, чтобы путь сократить себе дальний.
И увидал тут стариk, в винограднике землю копавший,
Как чрез богатый травою Онхест на равнину спешил он.
Это заметивши, первым Гермес к старику обратился:

90 «Старец с согнутой спиною! Мотыжишь ты землю усердно.
Только бы вызрели лозы, — вина ты получишь немало!

* * * * * * * * * * * *
Если и видишь — не видь! Оглохни, если и слышишь!
Сделайся нем, раз тебе самому здесь не будет убытка!»

Столько сказавши, погнал он гурьбою коров крепколобых.
95 Много в пути за собою Гермес многославный оставил
Гор густотенных, цветущих лугов и шумливых ущелий,
Но уже близкий конец надвигался помощнице черной —
Ночи священной. Вставало к работе зовущее утро.
101 Сын многомощный Кронида к Алфею-реке в это время
Широколобых коров подогнал Аполлона-владыки.
Бодро приблизилось стадо к загону со сводом высоким
И к водопойным корытам, стоявшим пред лугом прелестным.
105 Вволю протяжно мычащих коров накормивши травою,
Всех их гурьбою направил в пещеру Гермес многославный.
Шли они, клевер жуя и росою обрызганный кипер.
Сам же искусство огонь добывать он измысливать начал.
Ветку блестящую лавра ножом от коры он очистил,
110 Чтоб по руке приходилась. И дым заклубился горячий.
112 Много поленьев набравши сухих, он обильно и тесно
Яму глубокую ими набил. Засветилося пламя
И далеко задышало горячим, пылающим жаром.
115 Силой Гефеста огонь разгорался, а он в это время
Двух крепкорогих, протяжно мычащих коров из загона
Вывел наружу к огню: обладал он великою силой.
Дышащих тяжко коров повалил он спиною на землю
* И, наклонив, опрокинул, и мозг им спинной перерезал.
120 Дело свершалось за делом. Отрезавши мясо от жира,
Тщательно начал он жарить, на вертел надев деревянный,
Бедра и спины — почетный кусок — и наполненный черной
Кровью кишечник; а рядом на землю сложил остальное.
Шкуры ж убитых коров на кремнистом утесе развесил:

125 И до сих пор еще те, долговечными ставшие, шкуры
Можно на той же скале увидать. А потом, разложивши
Жирное мясо на камне, широком и гладком, разрезал
Радостнодушный Гермес на двенадцать частей это мясо,
Жрёбий метнув. И почет соответственный каждой воздал он;
130 Очень хотелось Гермесу попробовать мяса от жертвы:
Хоть и бессмертен он был, раздражал его ноздри призывно
Запах приятный. Но дух его твердый ему не позволил
* Жертвенной шеи священной попробовать, как ни тянуло.
Часть приношенья сложил он в загоне со сводом высоким, —
135 Мясо обильное, сало; другую ж на воздух вознес он,
* Нового знак воровства. И, сухих набросавши поленьев,
Ноги и головы все целиком сожжению предал.
После того как исполнил он все сообразно обряду,
В водовороты Алфея сын Май сандалии бросил,
140 Угли костра затушил и по воздуху пепел развеял.

142 Утром, едва рассвело, на священные главы Киллены
Снова вернулся Гермес. И на длинном пути никого он
Ни из бессмертных богов, ни из смертнорожденных не встретил.
145 Даже собаки молчали. И Зевсов Гермес-благодавец,
Съежившись, в дом сквозь замочную скважину тихо пробрался,
Ветру осеннему или седому подобный туману.
150 Там в колыбельку поспешно улегся Гермес многославный.
Плечи окутав пеленкой, лежал он, как глупый младенец,
В руки простынку схватил и ею играл вокруг коленок.
Лику же милую слева под мышкой прижал. Но не смог он
Скрыться от матери, — бог от богини. И молвила Майя:

155 «Выдумщик хитрый! Откуда сюда, облеченный бесстыдством.
Ты возвращаешься ночью глухой? Погоди, мой голубчик!
Крепкими узами скрутит по ребрам тебя Дальновержец,
И под тяжелой рукой Летоида пойдешь ты отсюда,—
Либо же впредь воровством заниматься начнешь по долинам.
160 Прочь убирайся, несчастный! Ведь вот на какую заботу
Людям и вечным богам произвел тебя на свет отец твой!»

Матери тотчас Гермес хитроумный ответствовал речью:

«Мать! Не пугай, не старайся! Меня запугать не удастся!
Или меня ты считаешь младенцем невинным и глупым? —
165 Видит, разгневалась мать, — испугался младенец, затрясся. —
Знай, заниматься я стану искусством, из всех наилучшим:
* Будем мы изо дня в день скотоводничать вместе с тобою.
И уж тогда без даров и молитв меж блаженных бессмертных
Нам не придется с тобой никогда оставаться, как ныне.
170 Много приятней с богами бессмертными вечно общаться,

В полном довольстве, в богатстве, с запасами хлеба, чем дома
В сумрачной этой пещере сидеть. И с великою честью
Буду такую ж, как Феб, отправлять я священную службу.
Ну, а не даст мне ее мой родитель, — так что же? Другое
175 Я попытаю: могу предводителем жуликов стать я.
Если же здесь меня сын многославный Лето и отыщет,—
Штуку другую, куда покрупней уж, ему я устрою:
Тотчас отправлюсь в Пифон, проломлю дворцовую стену,
180 Вдоволь котлов и прекрасных треножников там наворую,
Золота вдоволь себе наберу с искрометным железом,
Много и разной одежды. Увидиць сама, коль захочешь».

Так они оба словами вели меж собой разговоры —
Зевса эгидодержавного сына и почтенная Майя.

Смертным несущая свет, спозаранку рожденная Эос
185 Из Океана вставала глубокотекущего. Прибыл
Феб в это время в Онхест, многомилую рощу святую
Земледержателя громко шумящего. Там увидал он:
* Скармливал изгородь старец волу в стороне от дороги.
Первым сын многославной Лето к старику обратился:

«Старец, срыватель колючек в Онхесте, богатом травою!
Из Пиерии пришел я, ишу я мой скот запропавший:
Всё это были коровы из стада, с кривыми рогами.
Бык же пасся один, от других в отдалении, черный;
195 Огненнооких четыре собаки за стадом ходили,
Дружно его охраняя, как будто разумные люди.
Бык и собаки остались — и это особенно странно, —
Все же коровы, как только стемнело, куда-то исчезли,
Мягкий покинувши луг и от вкусной травы удалившись.
200 Вот что, о древнерожденный стариик, мне скажи, не видал ты,
Не прогонял ли какой человек их по этой дороге?»

И Аполлону словами ответил старик и промолвил:

«Друг! Нелегко рассказать обо всем, что придется глазами
Видеть кому: по дороге тут путников много проходит.
Эти идут, замышляя худые дела, а другие —
205 Очень хорошие. Где там узнать, что у каждого в мыслях?
Я же весь день непрерывно, покуда не скрылося солнце,
Землю прилежно копал в винограднике, там вот, на склоне.
Точно, любезный, не знаю, однако мальчишку я словно
Видел, который мальчишка коров подгонял крепкорогих.

210 Малый младенец, с хлыстом. И, ступая, усердно вертелся,
Вспять он коров оттеснял, головою к нему обращенных».

— Так он сказал. Аполлон поскорее отправился дальше.
— Вдруг быстрокрылую птицу узрел он и понял тотчас же,
Что похититель — родившийся сын Громовержца-Кронида.
215 Чтобы коров отыскать тяжконогих, в божественный Пилос
Быстро направил шаги Аполлон-повелитель, сын Зевса,
Облаком темно-багряным покрывши широкие плечи.
И увидал Дальновержец следы, и промолвил он слово:

«Боги! Великое чудо своими глазами я вижу!
220 Вот на дороге следы предо мною коров кругорогих,
Снова, однако, они повернули на луг асфодельный.
Эти же вот отпечатки — ни женщины след, ни мужчины,
Также ни серого волка, ни дикого льва, ни медведя;
225 И не сказал бы я также, что это кентавр густогривый
Быстрым копытом своим тот чудовищный след наворочал.
Жутки следы и туда, но оттуда — того еще жутче».

— Так сказавши, пошел Аполлон-повелитель, сын Зевса.
Вскоре пришел он на гору Киллену, заросшую лесом,
230 К густотенистой пещере в скале, где бессмертная нимфа
Милого сына на свет родила Громовержцу-Кронида.
Склоны священной горы той окутывал запах прелестный.
Много овец легконогих паслося на пастище мягкое.
Там, через каменный входный порог торопливо шагнувши,
В сумрак тенистый пещеры сошел Аполлон-дальновержец.

235 Только завидел сын Зевса и Майя могучего Феба,
Из-за пропавшего стада горящего гневом ужасным,
Быстро нырнул он в пеленки душистые. Как под покровом
Пепла скрывается куча углей, раскаленных и ярких,
Так под пеленками скрылся Гермес, увидав Дальновержца.
240 Голову, руки и ноги собрал в незаметный комочек,
Будто бы после купанья приятнейший сон предвкушав,
Хоть и не спящий пока. А под мышкой держал черепаху.

245 Сразу узнал — не ошибся — Кронионов сын дальнострельный
Майю, горную нимфу прекрасную, с сыном любезным,
Малым младенцем, исполненным каверз и хитрых уловок.
Все оглядев закоулки жилища великого нимфы,
Ключ захватил он блестящий и три отомкнул кладовые:
Нектаром были они и приятной амвросией полны,

250 Золота много хранили внутри, серебра и блестящих
Платьев серебряно-белых и пурпурных нимфы прекрасной,—
То, что обычно хранится в священных домах у бессмертных.
Все оглядевши места потайные великого дома,
С речью такой Аполлон-Летоид обратился к Гермесу:

255 «Мальчик! Ты! В колыбели! Показывай, где тут коровы?
Живо! Не то мы с тобою неладно расстанемся нынче!
Ибо тебя ухвачу я и в Тартар туманный заброшу,
В сумрак злосчастный и страшный, и на свет тебя не сумеют
Вывесть оттуда обратно ни мать, ни отец твой великий.
Будешь бродить под землею, погибших людей провожая».

260 Тотчас лукавою речью Гермес отвечал Аполлону:
«Сын Лето! На кого ты обрушился словом суровым?
Как ты искать здесь придумал коров, обитательниц поля?
Видом твоих я коров не видал, и слыхом' не слышал.
И указать бы не мог, и награды не взял бы за это.
265 Я ли похож на коров похитителя, мощного мужа?
Нет мне до этого дела, совсем я другим озабочен:
Сон у меня на уме, молоко материнское — вот что.
Мысли мои — о пеленках на плечи, о теплом купанье.
Как бы нас кто не услышал, чего ради спор происходит:
270 Право, великое было бы то меж бессмертными чудо,
Если бы новорожденный ребенок да выскоцил за дверь,
Чтобы коров воровать. Несуразную вещь говоришь ты!
Я лишь вчера родился, ноги нежны, земля камениста.
Хочешь, великою клятвой — отца головой — поклянуся,
275 Что и ни сам я ничем в этом деле ничуть невиновен,
И не видал никого, кто украл. Да притом и не знаю,
Что за коровы бывают: одно только имя их слышал».

280 Так он ответил и начал подмигивать часто глазами,
Двигать бровями, протяжно свистеть и кругом озираться,
Чтоб показать, сколь нелепой считает он речь Аполлона.
И, добродушно смеясь, отвечал Аполлон-дальновержец:

285 «О мой голубчик, хитрец и обманщик! Я чую, как часто
Будешь в дома хорошо населенные ты пробираться
Темною ночью. Как много народа дотла ты обчистишь,
Делая в доме без шума свою воровскую работу,
Много и в горных долинах ты буд принесешь овцепасам,
290 Жизнь проводящим под небом открытым, когда, возжелавши
Мяса, ты встретишься с стадом коров и овец руноносных.
Если, однако же, сном ты последним заснуть не желаешь,
Черной ночи товарищ, — вставай, покидай колыбельку!
Почесть же эту, мой друг, и потом меж богов ты получишь:

Будешь главою воров называться во вечные веки».

Так сказал Аполлон. И, схвативши, понес он мальчишку.

295 В руки попав Дальновержца, в уме своем принял решение
Аргоубийца могучий и выпустил знаменье в воздух,—
Наглого вестника брюха, глашатая с запахом гнусным;
Вслед же за этим поспешно чихнул он. Услышавши это,
Наземь из рук Аполлон многословного бросил Гермеса,
Сел перед ним, хоть и очень продолжить свой путь торопился,
300 И, над Гермесом глумяся, такое сказал ему слово:

«Не беспокойся, пеленощик мой, сын Зевса и Май:
Время придет, и позднее найду я по знаменьям этим
Крепкоголовых коров. И дорогу мне ты же укажешь!»

305 Так он промолвил. И быстро Гермес поднялся килленийский
И побежал, поспешая за Фебом. К ушам он руками:
Крепко пеленку прижал, облекавшую плечи, и молвил:

«О Дальновержец, в богах силачина! Куда меня мчишь ты?
Из-за каких-то коров, разозлившись, ты так меня треплешь.
Пусть бы пропало все племя коров! Да клянусь же, не крал я
310 Ваших коров, не видал никого, кто украл, и не знаю,
Что за коровы бывают. Одно только имя их слышал.
Дай же ты мне и прими правосудье пред лицом Кронида!»

315 Так, препинаясь, подробно в отдельности все перебрали:
Пастырь овечий Гермес с Аполлоном далекоразящим,
Разное в сердце имея: один — говорящий лишь правду,
Знающий верно, что сцепал того за коров не напрасно,
Тот же, другой, Киллениец, — коварно ласкателной речью
320 Только хотел обмануть Аполлона с серебряным луком.
Но не сумел многохитрый от многоразумного скрыться,
И, поспешая, шагал он теперь по песчаной дороге
Спереди, сзади же, следом за ним — Аполлон-дальновержец..

325 Прибыли скоро на многодушистые главы Олимпа
К Зевсу-родителю оба прекрасные сына Кронида.
Там ожидали того и другого весы правосудья.
Ясен и тих был Олимп многоснежный. Толпою собирались
Боги бессмертные после восхода Зари златотронной.

Остановились Гермес с Аполлоном серебрянолуким
Перед коленями Зевса. И Зевс, в поднебесье гремящий,
Спрашивать сына блестящего начал и слово промолвил:

330 «Феб! Откуда несешь ты богатую эту добычу,—
Мальчика, только что на свет рожденного, с видом герольда?
Важное дело, я вижу, встает пред собраньем бессмертных!»

Царь Аполлон дальнострельный немедля в ответ ему молвил:

335 «О мой родитель! Услышишь сейчас не пустое ты слово:
Ты ведь смеялся, что я лишь один до добычи охотник.
Путь совершивши великий, нашел я в горах Килленийских
Этого вот негодяя мальчишку — плута продувного.
В мире мошенников много, — такого, однако, ни разу
Ни меж бессмертных богов, ни меж смертных людей не

встречал я.

340 Выкрад он с мягкого луга коров у меня и погнал их
Вечером поздно песками прибрежными шумного моря.
К Пилосу он их пригнал. Но на диво чудовищны видом
Были следы их, — деянье поистине славного бога!
В черной пыли подорожной коровьих следов отпечатки

345 Шли в направленье обратном опять к асфодельному лугу.
Неуловимый же этот хитрец за коровами следом
Сам не ногами ступал, не руками по почве песчаной:
Способ измыслив какой-то особый, следы натоптал он
Столь непонятные, словно ступал молодыми дубами!

350 Первое время с коровами шел он по почве песчаной,
И отпечатались ясно следы их в пыли подорожной.
После ж того как песчаной дорогой прошел он немало,
Сделалась твердою почва; и стал на дороге не виден
След ни его, ни коров. Но один человек заприметил,

355 Как направлялся со стадом лобастых коров он на Пилос.
После того как коров преспокойно куда-то он запер,
Накуролесивши в разных местах в продолженье дороги,—
С черною сходствую ночью, залег он в свою колыбельку,
В темной пещере, во мраке. И даже орел остроглазый

360 Там рассмотреть бы его не сумел. И руками усердно,
Хитрые замыслы в сердце питая, глаза протирал он.
А на вопрос мой тотчас же решительным словом ответил:
Видом твоих я коров не видал, и слыхом не слышал,
И указать бы не мог, и награды не взял бы за это!»

365 Так сказав, замолчал Аполлон и уселся на место.
Начал с своей стороны и Гермес отвечать, и промолвил,

И указал на Кронида, богов олимпийских владыку:

«Зевс, мой родитель! Всю правду как есть от меня ты
услышишь.

370 Правдолюбив я и честен душою и лгать не умею.
Только что солнышко нынче взошло, как приходит вот этот
В дом наш и ищет каких-то коров и притом не приводит
Вместе с собой ни свидетелей, ни понятых из бессмертных.
Дать указанье приказывал мне с принужденьем великим
И многократно грозился швырнуть меня в Тартар широкий,
375 Он-то вон в нежном цвету многорадостной юности крепкой,
Я же всего лишь вчера родился, — он и сам это знает, —
И не похож на коров похитителя, мощного мужа.
Верь мне, ведь хвалишься ты, что отцом мне приходишься милым:
Если коров я домой пригонял, — да не буду я счастлив!
380 И за порогом я не был совсем, говорю тебе верно!
Гелия я глубоко уважаю и прочих бессмертных,
Также тебя я люблю и вот этого чту. И ты знаешь
Сам, что невинен я в этом. Поклянуся великою клятвой:
Этой прекрасною дверью бессмертных клянусь, — невиновен!
385 А уж за обыск я с ним сосчитаюся так или этак,
Будь он как хочешь силен! Ты ж тому помогай, кто моложе!»

Кончил Килленаец и глазом хитро подмигнул Громовержцу.
Так и висела на локте пеленка, ее он не сбросил.
Расхохотался Кронид, на мальчишку лукавого глядя,
390 Как хорошо и искусно насчет он коров отпирался.
И приказал он обоим с согласной душою на поиск
Вместе идти, а Гермес чтоб указывал путь, как вожатый,
И чтоб привел Аполлона-владыку, умом не лукавя,
К месту, в котором коров крепколобых его он запрятал.
395 Зевс головою кивнул, и Гермес не ослушался славный:
Разум Эгидодержавца его убедил без усилий.

Оба прекрасные сына владыки Кронида поспешно
Прибыли в Пилос песчаный, лежащий на броде Алфейском,
К полю пришли наконец и к загону со сводом высоким,
400 Где сберегал он добычу свою в продолжение ночи.
Тут многославный Гермес, подойдя к каменистой пещере,
Крепкоголовых коров Аполлоновых вывел наружу.
В сторону взор Летоид обратил, на высоком утесе
Шкуры коровьи заметил и быстро Гермесу промолвил:

405 «Как же, однако, сумел ты, хитрец, две коровы зарезать, —
Этакий малый младенец, едва только на свет рожденный?

Будущей силы твоей я страшусь. Невозможно позволить,
Чтобы он вырос большой, о Майи сын, Киллениец!»

Так он промолвил и прутьями ивы скрутил ему крепко
410 * Руки. Но сами собою на нем распустилися узы
И, перепутавшись, тотчас к ногам его наземь упали...

* * * * * * * * * * * * * * *
413 По измыслению Гермеса, лукавого бога. Увидел
Феб-Аполлон и весьма изумился. Усердно моргая,
415 Аргобуйца могучий оглядывал искоса местность...

* * * * * * * * * * * * * * *
Спрятать пытаясь. И очень легко, как желал, успокоил
Сердце он сына Лето многославной, царя-Дальновержца,
Как тот ни был могуч. Положивши на левую руку,
420 Плектром испробовал струны одна за другою. Кифара
Звук под рукою гудящий дала. Аполлон засмеялся,
Радуясь; в душу владыки с божественной силой проникли
Эти прелестные звуки. И всею душою он слушал,
Сладким объятый желаньем. На лире приятно играя,
425 Смелый сын Майи по левую руку стоял Аполлона.
Вскоре, прервавши молчанье, под звонкие струнные звуки
Начал он петь, и прелестный за лирою следовал голос.
Вечноживущих богов воспевал он и темную землю, —
Как и когда родились и какой кому жребий достался.
430 Первой между богинями он Мнемосину восславил,
Матерь божественных Муз: то она вдохновляла Гермеса.
Следом и прочих богов по порядку, когда кто родился,
И по достоинству стал воспевать сын Зевса преславный,
Все излагая прекрасно. На локте же лиру держал он.
435 Неукротимой любовью душа разгорелася Феба,
И, обратившись к Гермесу, слова он крылатые молвил:

* «О скоторез, трудолюбец, искусствник, товарищ пирушки,
Всех пятьдесят бы коров подарить тебе можно за это!
Мирно отныне с тобою, я думаю, мы разойдемся.
440 Вот что, однако, скажи мне, о Майи сын многохитрый:
Дивные эти деянья тебе от роженья ль присуши,
Либо же кто из бессмертных иль смертных блистательным этим
Даром тебя одарил, обучив богогласному пению?
Слушаю я этот дивный, доселе неслыханный голос, —
445 Нет, никогда не владел тем искусством никто ни из смертных,
Ни из бессмертных богов, в Олимпийских чертогах живущих,
Кроме тебя одного, сын Зевса и Майи, воришка!
Что за искусство? Откуда забвенье забот с ним приходит?

Как научиться ему? Три вещи дает оно сразу:
Светлую радостность духа, любовь и сон благодатный.
450 Сопровождаю я сам и божественных Муз олимпийских,
Дело же их — хороводы и песенный строй знаменитый,
Пышно цветущие песни и страстные флейты переливы.

Но никогда ни к чему еще сердце мое не лежало
Больше, чем к этим деяньям искусственным, явленным тобою.
455 Сын Кронидов, игре превосходной твоей удивляюсь!
Хоть невелик ты, но что за прекрасные знаешь ты вещи!
Сядь же, голубчик, и слово послушай того, кто постарше.
Ныне же славу великую ты меж бессмертных получиши, —
Верно тебе говорю я, — и сам ты, и мать твоя также.
460 Этим тебе я клянуся кизиловым дротиком крепким:
Славным тебя и богатым я сделаю между богами,
Пышных даров надарю и ни в чем никогда не надую!»

Речью лукавою Фебу Гермес отвечал многославный:

«Как осторожно меня ты пытаешь! А мне бы завидно
465 Не было вовсе, когда бы искусство мое изучил ты.
Нынче ж узнаешь. Желаю тебе от души угодить я
Словом своим и советом: ведь все тебе ведомо точно,
Ибо на первом ты меете сидишь близ богов всеблаженных,
470 Смелый душой и могучий. И любит тебя не напрасно
Зевс-промыслитель. По праву так много даров и почета
Ты от него получил. Говорят, прорицать ты умеешь.
С голоса Зевса-отца: ведь все прорицанья от Зевса.
Ныне ж и сам я узнал хорошо, до чего ты всеведущ.
Выбор свободный тебе — обучаться, чему пожелаешь.
475 Так как, однако, желаешь душой на кифаре играть ты, —
* Пой и играй на кифаре и праздник устраивай пышный,
В дар ее взяв от меня. Ты же, друг, дай мне славу за это.
Звонкую будешь иметь на руках ты певицу-подругу,
Сможет она говорить обо всем хорошо и разумно.
480 С нею ты будешь желанным везде, — и на пире цветущем,
И в хороводе прелестном, и в ществии буйно веселом.
Радость дает она ночью и днем. Кто искусно и мудро
Лиру заставит звучать, все приемы игры изучивши, —
485 Много приятных для духа вещей он узнает чрез звуки,
* Тешиться нежными станет привычками с легкой душою
И от работы бессчастной забудется. Если же неуч
Грубо за струны рукою неопытной примется дергать,
Будет и впредь у него дребезжать она плохо и жалко.
Выбор свободный тебе — обучаться, чему пожелаешь,
490 Сын многославный Кронида, тебе отдаю эту лиру!
Мы же на пастбищах этой горы и равнины привольной
Будем пасти, Дальновержец, коров, обитательниц поля.

И в изобилии станут коровы, сопрягшись с быками,
Нам и бычков и телушек рожать. А тебе не годится, —
495 Как бы о выгоде ты ни заботился, гневаться слишком!»

Так говоря, протянул он кифару. И Феб ее принял.
Сам же Гермесу вручил он блистающий бич свой и отдал
Стадо коровье в подарок. И с радостью принял сын Май.
500 В левую руку тотчас же кифару Гермесову взявшi,
Сын знаменитый Лето, Аполлон, дальнострельный владыка,
Плектром испробовал струны одна за другую. Кифара
Сладостный звук испустила. А бог подпевал ей прекрасно.

После того повернули назад они стадо коровье
К лугу священному, сами ж, прекрасные дети Кронида,
505 На многоснежный Олимп воротились, в собранье бессмертных,
Лирою тешась. И радость взяла промыслителя-Зевса.

* * * * *

Дружбу меж ними возжег он. И с этого времени крепко
И нерушимо навеки Гермес возлюбил Летоида,
510 Милую дав Дальновержцу кифару как знаменье дружбы.
И, обучившись приемам, играл он, с кифарой на локте.
Сам же Гермес изобрел уж искусство премудрости новой:
Тотчас создал далеко разносящийся голос свирелей.

И обратился к Гермесу тогда Летоид со словами:

«Очень боюсь я, сын Майи, вожатый, на выдумки хитрый,
515 Как бы кифары моей не стянул ты и гнутого лука:
Ибо в удел тебе Зевсом дано всевозможные мены
Производить между смертных людей на земле многодарной.
Если б, однако, великою клятвой богов поклялся ты, —
520 Либо кивком головы, либо Стикса могучей водою, —
Все бы тогда мне приятным и милым ты сделал для сердца».

И головою кивнул знаменитый Гермес, обещаясь
Не воровать никогда ничего из имущества Феба,
Не приближаться и к прочным палатам его. И ответно
525 Клятву в союзе и дружбе принес Аполлон дальнострельный
В том, что милее не будет ему ни один из бессмертных, —
Ни человек, от Кронида рожденный, ни бог. «Превосходным
* Будешь посредником ты у меня меж людьми и богами,
Веры достойным моей и почтенным. Поздней тебе дам я

530 Посох прекрасный богатства и счастья — трилистный, из золота.
Будет тебя этот посох повсюду хранить невредимым,
* Все указуя дороги к хорошим словам и деяньям,
Сколько бы я их ни знал по внушению вещему Зевса.
Что ж до гаданий, которым ты, друг, научиться желаешь,
Этой наукой владеть не дано ни тебе, ни другому.
535 Ведает только Кронида великого ум. Поручившись,
Я головою кивнул и поклялся великою клятвой,
Что, исключая меня, средь богов, бесконечно живущих,
Знать ни единой не будет решений обдуманных Зевса.
Так не настаивай также и ты, златожелзенный брат мой,
540 Чтобы тебе я поведал Кронидовы вещие мысли.
Вред я несу одному человеку и пользу другому:
Много имею я дела с родами бессчастными смертных.
И от оракула пользу получит лишь тот, кто, доверясь
Лёту и голосу птицы надежной, ко мне обратится:
545 Тот от оракула пользу получит, не будет обманут.
Кто ж, положившись на знаменья птиц, для гаданий негодных,
За прорицанием к нам безрассудно захочет прибегнуть,
Больше узнать домогаясь, чем знают бессмертные боги,
550 Тот, говорю я, без пользы придет и дары принесет мне.
Но расскажу я тебе и другое, сын Майи преславной
И Эгиоха-Кронида, в богах божество-благодавец!
Некие Фрии на свете живут, по рождению сестры,
Девы. На быстрые крылья свои веселятся те девы,
555 Троє числом. Волоса их посыпаны белой мукою.
А обитают они в углубленье Парнасской долины,
Там обучая гаданью. И мальчиком подле коров я
Им занимался и сам. Но отец ни во что его ставил.
Дом свой покинув и с места на место проворно летая,
560 К сотам они приникают и все их дотла очищают.
Если безумьем зажгутся, поевши янтарного меда, —
Всю душою хотят говорить они чистую правду.
Если же сладостной пищи богов не отведают нимфы,
565 Тех, кто доверится им, поведут безо всякой дороги.
Их я тебе отдаю. Обо всем вопрошая подробно,
Тешь себе душу. А если гадать ты и смертному станешь,
Часто твоих прорицаний запросит он: лишь бы сбывались!
Это возьми ты, сын Майи, и стадо коров криворогих.
На попеченье прими лошадей и выносливых мулов...

* * * * *

570 Огненноокие львы, белокрылые вепри, собаки,
Овцы, сколько бы их на земле ни кормилось широкой, —
Четвероногие все да пребудут под властью Гермеса!
Быть лишь ему одному посланцем безупречным к Аиду.
* Дар принесет он немалый, хоть сам одарен и не будет».

Так возлюбил Дальновержец Гермеса, рожденного Майей,
575 Всяческой дружбой. А прелесть придал их союзу Кронион.
Дело имеет Гермес и с людьми, и со всеми богами.
Пользы кому-либо мало дает, но морочит усердно
Смертных людей племена, укрываемый черною ночью.

Радуйся также и ты, сын Зевса-владыки и Майи!
580 Ныне ж, тебя помянув, я к песне другой приступаю.

IV. К АФРОДИТЕ

Муза! Поведай певцу о делах многозлатной Киприды!
Сладкое в душах богов вожделенье она пробудила,
Власти своей племена подчинила людей земнородных,
В небе высоком летающих птиц и зверей всевозможных,
5 Скольким из них ни дает пропитанье земля или море,
Всем одинаково близко сердцам, что творит Киферея.
Только троих ни склонить, ни увлечь Афродита не в силах:
Дочери Зевса-владыки, сиятельноокой Афины, —
Мало лежит ее сердце к делам многозлатной Киприды.
10 Любят она только войны и грозное Ареса дело,
Схватки жестокие, битвы, заботы о подвигах славных.
Плотников, смертных мужей, обучила впервые богиня
Сооружать для боев колесницы, пестрящие медью.
Девушек с кожею нежной она обучила в чертогах
15 Славным работам, вложив понимание каждой в рассудок.
Также не в силах Киприда улыбоколюбивая страстью
Жаркой и грудь Артемиды зажечь златострельной и шумной:
Любит она только луки, охоту в горах за зверями,
Звяканье лир, хороводы, далеко звучащие клики,
20 Рощи, богатые тенью, и город мужей справедливых.
Дел Афродиты не любит и скромная дева Гестия,
Перворожденная дочь хитроумного Крона-владыки,
Снова ж потом и последнерожденная, волею Зевса.
Феб-Аполлон добивался ее, Посейдон-земледелец, —
25 Не пожелала она и сурово обоих отвергла.
Клятвой она поклялася великой — и клятву сдержала,
До головы прикоснувшись эгидодержавного Зевса,
Что навсегда она в девах пребудет, честная богиня.
Дал ей отличье прекрасное Зевс в возмездию безбрачья:

30 Жертвенный тук принимая, средь дома она восседает;
С благоговеньем богине во всех поклоняются храмах,
Смертными чтится она как первейшая между богами.

Этих троих ни склонить, ни увлечь Афродита не в силах.
Из остальных же избегнуть ее никому невозможно,
35 Будь то блаженные боги иль смертнорожденные люди.
Зевс-молнелюбец и тот обольщаем бывал не однажды, —
Он, величайший из всех, величайшей чести причастный!
Разум глубокий вскружив, без труда и его Афродита —
40 Стоило лишь пожелать ей, — сводила со смертной женою
И забывать заставляла о Гере, сестре и супруге,
Между бессмертных богинь выдающейся видом прекрасным, —
Славную Крон хитроумный и мать Рея родили.
Знающий вечные судьбы, властительный Зевс-молнелюбец
Сделал разумную Геру своею супругой почтенной.

45 Но и саму Афродиту зажег сладострастным желаньем
Ласк человеческих Зевс, чтоб как можно скорей оказалось,
Что не смогла и она не взойти к человеку на ложе,
Чтобы нельзя уже было хвалиться пред всеми богами
50 Сладко смеющейся, любящей смех Афродите прекрасной,
Как она с женами сводит земными богов **всеблаженных**,
И сыновей для бессмертных богов они смертных рождают,
Как и с мужами земными блаженных богинь она сводит.

55 Зевс ей забросил к Анхизу желание сладкое в душу,
Пас в это время быков на горах он высоковершинных
Иды, богатой ключами, — осанкой бессмертным подобный.
И загорелось любовью улыбколюбивой Киприды
Сердце. И, ужас будя, вожделенье ей в душу проникло.
Быстро примчавшись на Кипр, низошла она в храм свой
60 В Пафосе: есть у нее там алтарь благовонный и роща.
В храм Афродита вошла и закрыла блестящие двери.
Там искупали богиню Хариты и тело натерли
Маслом бессмертным, какое обычно для вечно живущих.
64 Чудной облекшись одеждой и все превосходно оправив,
65 Золотом тело украсив, покинула Кипр благовонный
И понеслась Афродита улыбколюбивая в Трою,
На высоте, в облаках, свой стремительный путь совершая.
Быстро примчалась на Иду, зверей многоводную матери.
70 Прямо к жилищам пошла через гору. Виляя хвостами,
Серые волки вслед за богинею шли и медведи,
Огненноокие львы и до серн ненасытные барсы.
И веселилась душою при взгляде на них Афродита.

75 В грудь заронила она им желание страстное. Тотчас
По двоем все разошлись по логам тенистым. Она же
Прямо к пастушьям пришла шалашам, что сделаны прочно,
Там-то Анхиза-героя нашла. В отдаленье от прочих
Он в шалаше пребывал, от богов красоту получивший.
Вслед за стадами бродили по пастбищам густотравистым
Все остальные. От них вдалеке он туда и обратно
80 По шалашу одиноко ходил, на кифаре играя.
Встала внезапно перед ним Афродита, Кронидова дочерь,
Ростом и видом вполне уподобившись деве невинной,
Чтобы Анхиз не пугался, ее увидавши глазами.
Он же, увидев богиню, в уме размышляя и дивился
85 Виду и росту ее и блестящим ее одеяньям.
Пеплос надела она, лучезарный, как жаркое пламя,
Ярко блестали на теле витые запястья и пряжки,
И золотые висели на шее крутой ожерелья,
Разнообразные, видом прекрасные; словно блестящий
90 Месяц вокруг нежных грудей Афродиты светился чудесно.
Страсть овладела Анхизом. Он слово навстречу ей молвил:

«Здравствуй, владычица, в это жилище входящая, — кто бы
Ты ни была из блаженных, — Лето, Артемида, Афина,
Иль Афродита златая, иль славная родом Фемида!
95 Или же ты мне явилась, одна из Харит, что бессмертных
Сопровождают богов и бессмертными сами зовутся?
Или ты нимфа — из тех, что источники рек населяют,
Влажногустые леса и прекраснотенистые рощи?
Или из тех, что на этой горе обитают прекрасной?
100 Я для тебя на холме, отовсюду открытом для взоров,
Жертвенник пышный воздвигну и буду на нем постоянно.
Жертвы тебе приносить многоценные. Ты же, богиня,
Будь благосклонна ко мне, возвеличь меж сограждан троянских,
Даруй, как время настанет, цветущих потомков и сделай
105 Так, чтоб, в народах блаженный, и сам хорошо я и долго
Жил и на солнце глядел, и до старости дожил глубокой».

Зевсова дочь Афродита немедля ему отвечала:

«Славный Анхиз! Из мужей, на земле порожденных,
славнейший!
Я не богиня. Напрасно меня приравнял ты к бессмертным.
Смерти подвержена я. И жена родила меня, мать.
Славноименный Отреи — мой отец, коли слышал о нем ты.
Царствует он нераздельно над всей крепостенной Фригией.
Но языком хорошо я и нашим и вашим владею,
Ибо меня воскормила троянка-кормилица дома,

115 Девочкой малой принявши от матери многолюбимой.
Вот почему языком хорошо я и вашим владею.
Ныне же Аргоубийца с лозой золотою из хора
Золотострельной и шумной похитил меня Артемиды:
Много нас, нимф, веселилось и дев, для мужей вожделенных.
120 И неиссчетные толпы венком хоровод окружали.
Там-то меня и похитил Гермес с золотою лозою.
Нес он меня через земли, являвшие труд человека.
Нес и чрез дикие земли, лишенные меж, на которых
Лишь плотоядные звери блуждают по логам тенистым;
125 Кажется мне, что ногами я даже земли не касалась.
Он мне сказал, что на ложе Анхиза законной супругой
Я призываюсь взойти и детей народить тебе славных.
Все указавши и все объяснив, возвратился обратно
Аргоубийца могучий в собрание прочих бессмертных.
130 Я же к тебе вот пришла: принуждает меня неизбежность.
Именем Зевса тебя заклинаю! Родителей добрых
Именем, ибо худые такого, как ты, не родили бы!
Девой невинной, любви не познавшей, меня отведи ты
И покажи как отцу твоему, так и матери мудрой,
135 Также и тем, кто от них порожден, твоим братьям родимым,
Буду ли я подходящей невесткой для них иль не буду?
Быстрого вестника тотчас пошли к резвоконным фригийцам,
Пусть сообщит и отцу он, и матери, тяжко скорбящей,
Золота много тебе они вышлют и тканой одежды.
140 Ты же прими за невестой в приданое эти богатства.
Все это сделавши, свадебный пир снаряди богатейший,
Чтоб оценили его и бессмертные боги и люди».

Так говорила и сладким желаньем наполнила душу.
Страсть овладела Анхизом; он слово сказал и промолвил:

145 «Если ты смертная впрямь и жена родила тебя мать,
Если отец твой — Отреи знаменитый, как ты утверждаешь,
Если ты здесь по решенью бессмертного Аргоубийцы
И навсегда суждено тебе быть мне законной женою, —
То уж никто из богов и никто из людей земнородных
150 Мне помешать не сумеет в любви сочетаться с тобою
Тотчас, теперь же! Хотя б даже сам Аполлон-дальновержец
Луком серебряным слал на меня многостонные стрелы!
Мне бы хотелось, о дева, богичаям подобная видом,
Ложе с тобой разделивши, спуститься в жилище Аида!»

155 Руку он взял Афродиты улыбколюбивой. Она же,
Светлый потупивши взор, повернулась и тихо скользнула
К постланной пышно постели. Там сложено было уж раньше:

Ложе из мягких плащей для владыки и сверху покрыто
Шкурами тяжко рыкающих львов и косматых медведей,
160 Собственноручно в высоких горах умерщвленных Анхизом.
Рядом воссели они на прекрасно устроенном ложе.
Снял он ей прежде всего украшенья блестящие с тела —
Пряжки, застежки, витые запястья для рук, ожерелья.
Пояс потом распустил и сиявшие светом одежды
165 С тела богини совлек и на стуле сложил среброгвоздном.
И сочетался любовью, по божеской мысли и воле,
С вечной богинею смертный, и сам того точно не зная.

В час же, когда пастухи на стоянку коров пригоняют
С тучными овцами к дому с цветами усыпанных пастбищ,
170 Крепкий и сладостный сон излила на Анхиза богиня,
С ложа сама поднялась и прекрасное платье надела.
Все со вниманьем вокруг тела оправив, у самого входа
Остановилась богиня богинь, головой достигая
Притолки, сделанной прочно, и ярко сияли ланиты
175 Той красотою нетленной, какою славна Киферея.
И пробудила от сна, и такое промолвила слово:

«Встань, поскорей, Дарданид! Что лежишь ты во сне
непробудном?
Встань и отвесь себе точно, кажусь ли сейчас я подобной
Деве, какою сначала меня ты увидел глазами».

180 Так говорила. Ее он из сна очень быстро услышал.
И увидал он глаза и прекрасную шею Киприды,
И ужаснулся душою, и, в сторону взор отвративши,
Снова закрылся плащом, и лицо несравненное спрятал,
И, умоляя богиню, слова окрыленные молвил:

185 «Сразу, как только тебя я, богиня, увидел глазами,
Понял я, кто ты, и понял, что мне ты неправду сказала.
Зевсом эгидодержавным, простервшись, тебя заклинаю:
Не допусти, чтоб живой между смертных я жить оставался
Силы лишенным. Помилуй! Ведь силы навеки теряет
190 Тот человек, кто с бессмертной богинею ложе разделит!»

И отвечала ему Афродита, Кронидова дочерь:

«Славный Анхиз! Из людей, на земле порожденных,
славнейший

Духом не падай и в сердце своем не пугайся чрезмерно.
 Ни от меня, ни от прочих блаженных богов ты не должен
 195 Зол испытать никаких: олимпийцы к тебе благосклонны.
 Милого сына родишь. Над троянцами он воцарится.
 Станут рождать сыновья сыновей чередой непрерывной.
 Имя же мальчику будет Эней, потому что в ужасном
 200 Горе была я, попавши в объятия смертного мужа.
 Больше всего меж людей походили всегда на бессмертных
 Люди из вашего рода осанкой и видом прекрасны.
 Так златокурдрого некогда Зевс Ганимеда похитил
 Ради его красоты, чтобы вместе с бессмертными жил он
 205 И чтобы в Зевсовом доме служил для богов виночерпцем, —
 Чудо на вид и богами блаженными чтимый глубоко, —
 Из золотого кратера пурпуровый черпая нектар.
 Тросом же тяжкая скорбь овладела: не знал он, куда же
 Сына его дорогого умчало божественным вихрем.
 Целые дни непрерывно оплакивал он Ганимеда.
 210 Сжалился Зевс над отцом и ему, в возмездье за сына,
 Дал легконогих коней, на которых бессмертные ездят.
 Их ему дал он в подарок. Про сына ж, велением Зевса,
 Аргоубийца, глашатай бессмертных, владыке поведал,
 215 Что нестареющим стал его сын и бессмертным, как боги.
 После того как услышал он Зевсово это известье,
 Трос горевать перестал, и душою внутри веселился,
 И, веселясь душой, разъезжал на конях ветроногих.
 Так и Тифона к себе увлекла златотронная Эос, —
 220 Тоже из вашего рода и видом подобного богу.
 С просьбой прибегла она к чернотучному Зевсу-Крониду
 Сделать бессмертным его, чтобы жил он во вечные веки.
 Зевс головою на это кивнул и исполнил желанье.
 Глупая! Вон из ума упустила владычица Эос
 225 Вымолить юность ему, избавленье от старости жалкой.
 Первое время, пока многомилою юностью цвел он,
 Рано рожденную он наслаждался Зарей златотронной,
 Близ океанских течений у граней земли обитая.
 С той же поры, как сединки в его волосах появились
 230 На голове благородной и на подбородке прекрасном,
 Ложе его посещать перестала владычица Эос,
 Но за самим продолжала ходить и амвросией сладкой,
 Пищей кормила его, одевала в прекрасное платье.
 После же того как совсем его грозная старость настигла
 235 И ни единого члена не мог ни поднять он, ни двинуть, —
 Вот каковое решенье представилось ей наилучшим:
 В спальню его положила, закрывши блестящие двери;
 Голос его непрерывно течет, но исчезла из тела
 Сила, которой были исполнены гибкие члены.
 Не пожелала бы я, чтоб, подобным владея бессмертьем,
 240 Между блаженных бессмертных ты жил бесконечною жизнью.
 Если б, однако, с такою, как ныне, осанкой и видом

Жить навсегда ты остался, моим именуясь супругом,
 Заволочить не могло бы рассудка мне ясного горе.
 Ныне же быстро тебя беспощадная старость охватит, —
 245 Старость, пред вами так скоро встающая, общая всем вам,
 Трудная, полная горя, которой и боги боятся.
 Ныне позор величайший и тяжкий на вечное время
 Из-за тебя между всеми бессмертными я заслужила:
 Раньше боялися боги моих уговоров и козней,
 250 Силой которых сводила бессмертных богов на любовь я
 С смертными женами: всех покоряла я мыслью своею.
 Но никогда уже уст я отныне своих не раскрою
 Перед бессмертными чем похвалиться. Бедою ужасной,
 Невыразимой постигнута я, заблудился мой разум:
 255 Сына под поясом я зачала, сочетавшись со смертным!..
 После того как впервые он солнца сиянье увидит,
 Горные нимфы с грудями высокими вскоряют младенца, —
 Здесь обитают они, на горе на божественной этой.
 Род их — особый; они не бессмертны, но также не смертны:
 260 Долгое время живут, амвросийской питаются пищей
 И в хороводах прекрасных участвуют вместе с богами.
 Их в закоулках уютных пещер заключают в объятья
 С лаской любовной сирены и Аргуса зоркий убийца.
 С ними, как только рождаются они, появляются на свет
 265 Из многоплодной земли на высоких горах либо сосны,
 Либо высокие дубы, прекрасные зеленью пышной.
 Стройно стоят и высоко. Священною рощей бессмертных
 Их называют. И люди рубить их железом не смеют.
 Но наступает судьбою назначенный час умирания —
 270 И на корню засыхают деревья прекрасные, гибнет
 И отмирает кора, опадают зеленые ветви.
 В это же время и души тех нимф расстаются со светом.
 Сына они моего у себя воспитают и вскоряют.
 После ж того как впервые придет к нему милая юность,
 275 Мальчики нимфы сюда же к тебе приведут и покажут.
 278 Милый свой отприск впервые когда ты увиши глазами,
 Радость тобой овладеет: бессмертным он будет подобен,
 280 Мальчики тотчас в открытый ветрам Илион отведешь ты.
 Если ж какой-нибудь смертный о матери спросит, приявшей
 В страстных объятьях твоих многомилого сына под пояс,
 То отвечай, — и навеки запомни мое приказанье, —
 Что родила тебе сына того цветколицая нимфа, —
 285 Из обитающих здесь вот, на этих горах многолесных.
 Если же правду ты скажешь и хвастать начнешь безрассудно,
 Что сочетался в любви с Киферей прекрасновеночкой, —
 Зевс тебя в гневе низвергнет, обугливши молнией жгучей.
 Все я сказала тебе. А ты поразмысли об этом:
 290 Не проболтайся, сдержись, — трепещи перед гневом

бессмертных!»

Так Афродита сказала и в ветреном небе исчезла.

Радуйся много, богиня, прекрасного Кипра царица!
Песню начавши с тебя, приступаю к другому я гимну.

V. К ДЕМЕТРЕ

Пышноволосую петь начинаю Деметру-богиню
С дочерью тонколодыжной, которую тайно похитил
Аидоней, с изволенья пространно гремящего Зевса.
Не было матери с ней, златосерпой Деметры, в то время.
5 В сонме подруг полногрудых, рожденных седым Океаном,
Дева играла на мягком лугу и цветы собирала,
Ирисы, розы срывая, фиалки, шафран, гиацинты,
Также нарциссы, — цветок, из себя порожденный Землею,
По наущению Зевса, царю Полидекту в угоду,
10 Чтоб цветколицую деву прельстить — цветок благовонный,
Ярко блистающий, диво на вид для богов и для смертных.
Сотня цветочных головок от корня его поднималась,
Благоуханью его и вверху все широкое небо,
Вся и земля улыбалась, и горько-соленое море.
15 Руки к прекрасной утехе в восторге она протянула
И уж сорвать собиралась, как вдруг раскололась широко
Почва Нисийской равнины, и прянул на конях бессмертных
Гостеприимец-владыка, сын Кроноса многоименный.
Деву насильно схватив, он ее в золотой колеснице
20 Быстро помчал. Завопила пронзительным голосом дева,
Милого клича отца, высочайшего Зевса-Кронида.
Но не услышал призыва ее ни один из бессмертных,
И ни один из людей, ни одна из подруг пышноруких.
Слышала только из темной пещеры Персеева дочерь,
25 Нежная духом Геката, с блестящей повязкою дева.
Слышал и Гелиос-царь, Гиперионов сын лучезарный,
Как призывала богиня Кронида-отца. Но далеко
В многомолитвенном храме отец пребывал в это время,
От земнородных людей принимая прекрасные жертвы.
30 Деву же, против желанья ее, наущением Зевса,
Прочь от земли на бессмертных конях увлекал ее дядя,
Гостеприимец-властитель, сын Кроноса многоименный.

35 Все же, покамест земля и богатое звездами небо,
И многорыбное, сильно текущее море, и солнце
С глаз не исчезли у девы, — надежды она не теряла
Добрую матерь увидеть и племя богов вековечных:
В горькой печали надежда ей все еще тешила душу...

* * * * *

Ахнули тяжко от вопля бессмертного темные бездны
Моря и горные главы. И вопль этот мать услыхала.
40 Горе безмерное остро пронзило смущенное сердце.
Разодрала на бессмертных она волосах покрывало,
Сбросила с плеч сине-черный свой плащ и на поиски девы
Быстро вперед устремилась по суще и влажному морю,
Как легкокрылая птица. Но правды поведать никто ей
45 Не захотел ни из вечных богов, ни из смертнорожденных,
И ни одна к ней из птиц не явилась с правдивою вестью.

Девять скиталася дней непрерывно Део пречестная,
С факелом в каждой руке обходя всю широкую землю,
И не вкусила ни разу амвросии сnectаром сладким,
50 Кожи нетленной своей не омыла ни разу водою.
Но лишь десятая в небе забрезжила светлая Эос,
Встретилась скорбной богине Геката, державшая светоч, —
Бествия матери, слово сказала и так говорила:

«Пышноцарящая, добропогодная матерь Деметра!
55 Кто из небесных богов или смертных людей дерзновенно
Персефонею похитил и милый твой дух опечалил?
Голос ее я слыхала, однако не видела глазом,
Кто похититель ее. По совести все говорю я...»

* * * * *

Так говорила Геката. И ей не ответила речью
60 Реи прекрасноволосой дочь, но вперед устремилась
С факелом в каждой руке в сопутствии девы Гекаты.
К Гелию обе пришли, пред конями его они стали,
И взговорила к богов и людей соглядатаю матери:

«Гелиос! Сжался над видом моим, если словом иль делом
65 Я хоть когда-нибудь сердцу и душу тебе утешала.
Дева, дитя мое, отпрыск желанный, прекрасная видом, —
Слышала я сквозь пустынный эфир ее громкие вопли,
Словно бы как от насилия, однако не видела глазом.
70 Ты из священного смотришь эфира своими лучами,
Все озаряешь ты сверху — широкую землю и море.

Если ты милую дочь мою видел, скажи мне всю правду.
Кто из бессмертных богов иль, быть может, из
смертнорожденных,
Быстро схватив ее, силой похитил от матери тайно».

Так говорила. В ответ же ей сын Гиперионов молвил:

75 «Реи прекрасноволосая дочь, о царица Деметра!
Все я поведаю. Чту я тебя глубоко и о деве
Тонколодыжной печалюсь совместно с тобой. Не иной кто
В том из бессмертных виновник, как Зевс, облаков собиратель.
Брату Аиду назвать твою дочерь цветущей супругой
80 Зевс разрешил, и ее он, вопящую громко, схвативши,
В сумрак туманный под землю увлек на конях быстроногих.
Но прекрати, о богиня, великий свой плач. Понапрасну
Гневом безмерным себя не терзай. Недостойным ужели
Зятем себе почитаешь властителя Аидонея,
85 Единокровного брата родного? Притом же и чести
Он удостоен немалой, как натрое братья делились.
С теми живет он, над кем ему властвовать жребий достался».

Так отвечав, на коней закричал он. И быстрые кони,
Как легкокрылые птицы, помчали вперед колесницу.
90 Ей же еще тяжелей и ужасней печаль ее стала,
Гневом исполнилось сердце на тучегонителя Зева.
Сонма богов избегая, Олимп населяющих светлый,
Долго она по людским городам и полям плодоносным
Всюду блуждала, свой вид изменив. И никто благодатной
95 Ни из мужей не узнал, ни из жен, подпоясанных низко,
Прежде чем в дом не пришла она храброго духом Келея
(Был в это время царем благовонного он Элевсина).
Сердцем печалуясь милым, богиня близ самой дороги
У Парфенейского села колодца, где граждане воду
100 Черпают, — села в тени под оливковым деревом, образ
Древней старухи принял, для которой давно уже чужды
Венколюбивой дары Афродиты и деторожденье.
Няни такие бывають у царских детей или также
Ключницы, в гулко звучащих домах занятые хозяйством.
105 Дочери там элевсинца Келея ее увидали.

Шли за водою они легкочерпною, чтобы, сосуды
Медные ею наполнив, в родительский дом воротиться.
Четверо, словно богини, цветущие девичьим цветом, —
Каллидика, Демо миловидная, и Клейсидика,
110 И Каллифоя (меж всеми другими была она старшей).
И не узнали: увидеть богов нелегко человеку.
Остановились вблизи и крылатое молвили слово:

«Кто ты из древнерожденных людей и откуда, старушка?
Что ты сидишь здесь одна, вдалеке от жилищ, и не входишь
В город? Немало там женщин нашла б ты в тенистых чертогах
В возрасте том же, в каком и сама ты, равно и моложе.
Все бы любовь проявили к тебе на словах и на деле».

Так говорили. Ответила им пречестная богиня:

«Милые детки! Кто б ни были вы между жен малосильных,
Здравствуйте! Все расскажу я. Ведь было бы мне непристойно
Гнусной неправдою вам на вопросы на ваши ответить.
Доя мне имя: такое дала мне почтенная мать.
Ныне из Крита сюда по хребту широчайшему моря
Я прибыла не по воле своей. Но, помимо желанья,
Силой меня захватили разбойники. Вскоре пристали
На быстроходном они корабле к Форикосу, где все мы,
Женщины, на берег вышли, равно и разбойники сами.
Близ корабельных причалов они там устроили ужин.
Сердце ж мое не к еде, услаждающей душу, стремилось.
Тайно от всех я пустилась бежать через черную сушу
И от хозяев надменных ушла, чтобы, в рабство продавши
Взятую даром меня, барышей бы на мне не нажили;
Так вот, блуждая, сюда наконец я пришла и не знаю,
Что это здесь за земля, что за люди ее населяют.
Дай вам великие боги Олимпа законных супругов,
Дай вам и деток они, по желанью родителей ваших,
Вы же, о девы, меня пожалейте, во мне благосклонно,
Милые детки, примите участье и в дом помогите
Мужа попасть и жены, чтоб могла я для них со стараньем
Делать работу, какая найдется для женщины старой.
Я и за новорожденным ходить хорошо бы сумела,
Нянча его на руках; присмотрела б в дому за хозяйством;
Сталла б хозяевам ложа в искусно устроенных спальнях
И обучать рукодельям могла бы служительниц-женщин».

Тотчас ответила ей Каллидика, не знавшая мужа
Дева, из всех дочерей Келеевых лучшая видом:

«Бабушка! Как ни горюй человек, все же волей-неволей
Сносит он божьи дары, ибо много сильнее нас боги.
Все я подробно тебе расскажу и мужей перечислю,
Кто здесь у нас обладает великою силой почета,
Кто выдается в народе и кто многомудрым советом
И справедливым судом охраняет у города стены.
Встретишь у нас хитроумного ты Триптолема, Диокла,

Долиха и Поликсена, и знатного родом Евмолпа,
Также отца моего, знаменитого храбростью духа.
Дома у всех их обширным хозяйством заведуют жены:
Вряд ли из них изо всех хоть одна, после первого ж взгляда,
Видом твоим пренебрегши, твое предложение отвергнет.
Все тебя примут охотно: богине ты видом подобна.
160 Если желаешь, то здесь подожди нас. Домой воротившись,
Все подпоясанной низко Метанире, матери нашей,
Мы по порядку расскажем. Быть может, к себе она примет
В дом наш тебя, и к другим обращаться тебе не придется.
Сын у нее многомилый в чертоге, устроенном прочно.
165 Позднорожденный растет, горячо и издавно желанный.
Если б его ты вскорила и юности мальчик достиг бы, —
Право, любую из жен слабосильных, тебя увидавших,
Зависть взяла бы: такую награду бы ты получила».

Так говорила. Она головою кивнула. И девы
170 Воду в блестящих сосудах назад понесли величаво.
Прибыли быстро в великий отцовский дворец и поспешно
Матери все сообщили, что видели, что услыхали.
Тотчас велела им мать поскорей за безмерную плату
К ней чужестранку призвать. Как олени иль юные телки
175 Прягают по лугу в пору весеннюю, сытые кормом,
Так понеслись по дороге ущелистой девы, руками
Тщательно складки держа прелестных одежд: развевались
Волосы их над плечами, подобные цвету шафрана.
Возле дороги богиню нашли они, там же, где прежде
180 С нею расстались. К чертогам отца повели ее девы.
Сердцем печалуясь милым, богиня за девами следом
Шла, с головы на лицо опустив покрывало, и пеплос
Черный вокруг ее ног развевался, божественно легких.
Быстро жилища достигли любимого Зевсом Келея
185 И через портик пошли. У столба, подпиравшего крышу
Прочным устоем, сидела почтенная мать их, царица,
Мальчика, отприск недавний, держа у груди. Подбежали
Дочери к ней. А богиня взошла на порог и достала
До потолка головой и сияньем весь вход озарила.
Благоговенье и бледный испуг охватили царицу.
С кресла она поднялась и его уступила богине.
Не пожелала, однако, присесть на блестящее кресло
190 Пышнодарящая, добропогодная мать Деметра,
Но молчаливо стояла, прекрасные очи потупив.
195 Пестрый тогда ей придинула стул многоумная Ямба,
Сверху овечьим руном серебристым покрывши сиденье.
Села богиня, держа перед лицом покрывало руками.
Долго без звука на стуле сидела, печалуясь сердцем,
И никого не старалась порадовать словом иль делом,
200 Но без улыбки сидела, еды и питья не касаясь,

205 Мучаясь тяжкой тоскою по дочери с поясом низким.
 Бойким тогда балагурством и острыми шутками стала
 Многоразумная Ямба богиню смешить пречестную:
 Тут улыбнулась она, засмеялась и стала веселой.
 205 Милой с тех пор навсегда ей осталась и в таинствах Ямба.
 Кубок царица меж тем протянула богине, наполнив
 Сладким вином. Отказалась она. Не годится, сказала,
 Красное пить ей вино. Попросила, чтоб дали воды ей,
 Ячной мукой для питья замесивши и нежным полеем.
 210 Та, приготовивши смесь, подала, как велела богиня.
 Выпила чашу Део. С этих пор стал напиток обрядным.
 И говорить начала ей Метанира с поясом пышным:

215 «Радуйся, женщина! Не от худых, а от добрых и славных
 Ты происходишь, я вижу, родителей. В царских родах лишь
 Благоволеньем таким и достоинством светятся взоры.
 Что же до божьих даров, все мы волей-неволей их сносим,
 Как ни горюем душой: под ярмом наши согнуты шеи.
 Здесь же, в дому у меня, будешь так же ты жить, как сама я.
 220 Мальчика этого мне воспитай. Ниспослали мне боги
 Поздно его и нежданно, его горячо я желала.
 Если б его ты вскормила и юности мальчик достиг бы, —
 Право, любую из жен слабосильных, тебя увидавших,
 Зависть взяла бы: такую награду бы ты получила».

Тотчас прекрасновеночная ей отвечала Деметра:

225 «Радуйся также и ты, да пошлют тебе счаствие боги!
 Сына с великим старьем вскормить я тебе обещаюсь,
 Как ты велишь. Никакие, надеюсь, по глупости няньки.
 Чары иль зелья вреда принести не смогут ребенку:
 Противоядье я знаю сильнее, чем всякие травы,
 230 Знаю и против вредительских чар превосходное средство».

Молвила так и прижала младенца к груди благовонной,
 Взяв на бессмертные руки; и радость объяла царицу.

235 Вскормливать стала богиня прекрасного Демофонта,
 Поздно рожденного на свет Метанирой с поясом пышным,
 Сына Келея-владыки. И рос божеству он подобным.
 Не принимал молока материнского, пищи не ел он;
 Днем натирала Деметра амвросией тело младенца,
 Нежно дыша на него и к бессмертной груди прижимая;
 Ночью же, тайно от милых родителей, мальчика в пламя,

240 Словно как факел, она погружала, и было им дивно, —
 Так он стремительно рос, так богам становился подобен.
 И неподверженным стал бы ни старости мальчик, ни смерти,
 Если бы, по неразумью, Метанира с поясом пышным,
 Ночи глубокой дождавшись, из спальни своей благовонной
 245 Не подглядела. Вскричав, по обоим ударила бедрам
 В страхе за милого сына, и ум у нее помутился.
 Проговорила слова окрыленные в горе великому:

«Сын Демофонт! Чужестранка в великом огне тебя держит,
 Мне же безмерные слезы и горькую скорбь доставляет!»

250 Так говорила, печалясь. Услышала это богиня.
 Гневом наполнилось сердце Деметры прекрасновенчанной.
 Милого сына, царицей нежданно рожденного на свет
 В прочных чертогах, из рук уронила бессмертных на землю,
 Вырвав его из огня, возмущенная духом безмерно.
 255 И взговорила при этом к Метанире с поясом пышным:

«Жалкие, глупые люди! Ни счастья, идущего в руки,
 Вы не способны предвидеть, ни горя, которое ждет вас!
 Непоправимое ты неразумьем своим совершила.
 Клятвой богов я клянуся, водой беспощадного Стикса, —
 260 Сделать могла бы навек не стареющим я и бессмертным
 Милого сына тебе и почет ему вечный доставить.
 Ныне же смерти и Кер уж избегнуть ему невозможно.
 В непреходящем, однако, почете пребудет навеки:
 К нам он всходил на колени, и в наших объятиях спал он.
 265 Многие годы пройдут, и всегда в эту самую пору
 Будут сыны элевсинцев войну и жестокую свалку
 Против афинян вчинять ежегодно во вечные веки...

* * * * *

Чтимая всеми Деметра пред вами. Бессмертным и смертным
 Я величайшую радость несу и всегдашнюю помощь.
 270 Пусть же великий воздвигнут мне храм и жертвеник в храме
 Целым народом под городом здесь, под высокой стеною,
 Чтобы стоял на холме, выдающемся над Каллихором.
 Таинства ж в нем я сама учрежу, чтобы впредь, по обряду
 Чин совершая священный, на милость вы дух мой склоняли».

275 Так сказала богиня, и рост свой и вид изменила,
 Сбросила старость и вся красотою обвеялась вечной.
 Запах чудесный вокруг разлился от одежд благовонных,

Ярким сиянием кожа бессмертная вдруг засветилась,
И по плечам золотые рассыпались волосы. Словно
Светом от молний прочно устроенный дом осветился.
Вон из чертога пошла. А у той ослабели колени.
Долго немой оставалась царица и даже забыла
Многолюбимого сына поднять, уроненного наземь.
Жалобный голос младенца услышали издали сестры,
С мягких постелей вскочили и быстро на крик прибежали.
Мальчика с полу одна подняла и на грудь возложила;
Свет засветила другая; на нежных ногах устремилась
К матери третья — из спальни ее увести благовонной.
Бился младенец, купали его огорченные сестры,
Нежно лаская. Однако не мог успокоиться мальчик:
Было кормилицам этим и няням далёко до прежней!

Целую ночь напролет, трепеща от испуга, молились
Славной богине они. А когда засветилося утро,
Все рассказали Келею широкодержавному точно,
Что приказала Деметра прекрасновеночная сделать.
Он же, созвавши немедля на площадь народ отовсюду,
Отдал приказ на холме выдающемуся храм богатейший
Пышноволосой воздвигнуть Деметре и жертвенному в храме.
Тотчас послушались все, и словам его вняли, и строить
Начали, как приказал. И с божественной помощью рос он.
После того как исполнили все и труды прекратили,
Каждый домой воротился. Тогда золотая Деметра
Села во храме одна, вдалеке от блаженных бессмертных,
Мучаясь тяжкой тоскою по дочери с поясом низким.

Грозный, ужаснейший год низошел на кормилицу-землю
Волею гневной богини. Бесплодными сделались пашни:
Семя сокрыла Деметра прекрасновеночная в почве.
Тщетно по пашням быки волокли искривленные плуги,
Падали в борозды тщетно ячменные белые зерна.
С голоду племя погибло б людей, говорящих раздельно,
Все без остатка, навек прекратились бы славные жертвы
И приношенья богам, в олимпийских чертогах живущим,
Если бы Зевс не размыслил и в сердце решенья не принял.
Прежде всего златокрылой Ириде призвать повелел он
Пышнокудрявую, милую видом Деметру-богиню.
Так он сказал. И, словам чернотучного Зевса-Кронида
Внявши, помчалась Ирида на быстрых ногах сквозь

пространство,

В город сошла Элевсин, благовонным куреньем богатый,
В храме сидящей нашла в одеянии черном Деметру
И окрыленное слово, окликнув богиню, сказала:

«Вечное знающий Зевс-промыслитель тебя, о Деметра,
К племени вечноживущих богов призывает вернуться.
Ты же иди, — да не будет напрасным Кронидово слово!»

825 Так говорила, прося. Но душой не склонилась богийя.
Тотчас отец и других к ней отправил богов всеблаженных,
Вечно живущих. И все к ней один за другим приходили,
Звали богиню и много дарили даров превосходных,
Почестей много сулили, ее меж бессмертными ждали.
Но не сумел ни один убедить ни рассудка, ни сердца
330 Гневной Деметры. Сурово все речи отвергла богиня.
На благовонный Олимп и ногою, сказала, не ступит,
Черной земле не позволит плода ни единого высказать,
Прежде чем дочери милой своей не увидит глазами.

335 Это услышавши, Зевс, тяжело и пространно гремящий,
Тотчас отправил в Эреб златожелтого Аргоубийцу,
Чтобы, приятно речью хитро обольстивши Аида,
Чистую Персефонею из темного мрака он вывел
На свет, в собранье богов, чтоб, ее увидавши глазами,
Мать оскорблена гнев свой великий в душе прекратила.
340 И не ослушался Зевса Гермес, но в глубины земные
Тотчас поспешно спустился, покинув жилище Олимпа.
Аидонея-владыку нашел он в подземных чертогах;
С ним, против воли своей, восседала на ложе супруга,
Черной терзаясь тоскою по матери. Гневом безмерным
345 Все еще дух волновался ее на решенье бессмертных.
Близко представши, могучий сказал ему Аргоубийца:

«Чернокудрявый Аид, повелитель ушедших от жизни!
Зевс мне, родитель, велел достославную Персефонею
Вывести вон из Эреба к своим, чтоб, ее увидавши,
Гнев на бессмертных и злобу ужасную мать прекратила.
Ибо великое дело душою она замышляет, —
Слабое племя людей земнородных вконец уничтожить,
Скрывши в земле семена, и лишить олимпийцев бессмертных
Почестей. Гневом ужасным богиня полна. Не желает
355 Знаться с богами. Сидит вдалеке средь душистого храма,
Город скалистый избрав Элевсин для себя пребываньем».

Так он сказал. Улыбнулся бровями владыка умерших,
Аидоней, и, послушный веленьям властителя Зевса,
Персефоне разумной тотчас же отдал приказанье:

360 «К матери черноодежной немедля иди, Персефона,
Кроткую силу и благостный дух во груди сохраняя.
И не печалься чрезмерно: не хуже других твоя доля.
Право, не буду тебе я в богах недостойным супругом,
Брат родителя Зевса родной. У меня пребывая,
365 Будешь владычицей ты надо всем, что живет и что ходит,
Почести будешь иметь величайшие между бессмертных.
Вечная кара постигнет того из людей нечестивых,
Кто с подобающим даром к тебе не придет и не будет
Радовать силы твоей, принося, как положено, жертвы».

370 Так он промолвил. Вскочила, объятая радостью, с ложа
Мудрая Персефонея. Тогда повелитель умерших
Зернышко дал проглотить ей граната, сладчайшее меда,
С замыслом тайным, чтоб навек супруга его не осталась
375 Там наверху с достославной Деметрою черноодежной.
Раньше того уж бессмертных своих лошадей быстроногих
Многодержавный Аид в колесницу запряг золотую.
На колесницу богиня вступила. И, в милые руки
Вожжи и бич захвативши, коней устремил из чертогов
380 Аргоубийца могучий; охотно они полетели.
Быстро великий проделали путь; ни широкое море
Бега бессмертных коней задержать не могло, ни речные
Воды, ни гор высота, ни зеленых долин углубленья.
Поверху резали воздух они высоко над землею.
385 Там, где сидела Деметра в прекрасном венке, колесницу
Остановил он, — пред храмом дущистым. Она же, увидев,
Ринулась, словно менада в горах по тенистому лесу.
А Персефона
Матери милой своей
Бросилась
390 Ей же

«Дочь моя
395 Пищи. Скажи откровенно
Ибо тогда, возвратившись,
Подле меня и отца твоего чернотучего Зевса...
Будешь ты жить на Олимпе, бессмертными чтимая всеми.
Если ж вкусила, обратно пойдешь и в течение года
400 Третью будешь ты часть проводить в глубине преисподней.
Две остальные — со мною, а также с другими богами.
Чуть же наступит весна и цветы благовонные густо
Черную землю покроют, — тогда из туманного мрака
Снова ты явишься на свет, на диво бессмертным и смертным.

* * * * *

Также о том, как тебя обманул Полидегмон могучий».

405 Тотчас в ответ ей сказала прекрасная Персефонея:

«Все, как случилось, тебе откровенно, о мать, расскажу я.
После того как Гермес-благодавец, глашатай проворный,
Мне приказанье принес от Кронида и прочих бессмертных
К ним из Эреба прийти, чтоб, меня увидавши глазами,
410 Гнев на бессмертных и злобу ужасную ты прекратила, —
Радостно тотчас вскочила я с ложа. Тогда потихоньку
Сунул зерно мне граната он в руку, — сладчайшее вкусом, —
И, против воли моей, проглотить его силой заставил.
Что ж до того, как похитил меня он по мысли коварной
415 Зевса, отца моего, как увлек в преисподнее царство, —
Я расскажу, без ответа вопросов твоих не оставив.
Все мы, собравшись на мягком лугу, беззаботно играли.
Было нас много: Левкиппа, Ианфа, Файно и Электра,
Также Мелита и Яхе, Родея и Каллироя,
420 Тиха, Мелобосис и цветколицая с ней Окироя.
И Хрисеида с Акастой, Адмета с Янирою вместе,
Также Родопа, Плутон и прелестная видом Калипсо,
С ними Урания, Стикс и приятная всем Галаксавра,
Дева Паллада, к сраженьям зовущая, и Артемида
425 Стрелолюбивая — все мы играли, цветы собирали,
Ирисы рвали с шафраном приветливым и гиацинты,
Роз благовонных бутоны и лилии, дивные видом,
Также нарциссы, коварно землею рожденные черной.
Радуясь сердцем, цветок сорвала я. Земля из-под низу
430 Вдруг раздалася. Взвился из нее Полидегмон могучий.
Быстро под землю меня он умчал в золотой колеснице,
Как ни противилась я. Закричала я голосом громким.
Хоть и с печалью, но все я по правде тебе сообщаю».

Так целый день непрерывно, душе отзываясь душою,

435 Крепко обнявшись, сидели они и душой веселились,
Глядя одна на другую. Забыло все горести сердце.
Радость взаимно они получали и радость давали.
Дева Геката приблизилась к ним в покрывале блестящем;
Чистую дочерь Деметры в объятья она заключила.
440 С этой поры ей служанкой и спутницей стала царица.
С вестью отправил к ним Зевс, тяжело и пространно гремящий,
Пышноволосую Рею, чтоб в пеплосе черном Деметру
В сонм олимпийцев обратно она привела, обещаясь
Почести ей даровать величайшие между бессмертных.

445 Постановил он, чтоб дочерь ее в продолжение года
Треть проводила одну в многосумрачном царстве подземном,
Две ж остальные — с Деметрой, а также с другими богами.
Так он сказал, и приказа его не ослушалась Рея.
Быстро покинув вершины Олимпа, она ниспustилась
450 В Рарион. Выменем был он земли живоносным дотоле,
Но живоносным теперь уже не был. Без зелени, дикий,
Он простирался, в себе сохранивши ячменные зерна,
Как порещиша Деметра прекраснолодыжная. Вскоре,
455 С новой весной, предстояло, однако, опять ему пышно
Заколоситься, густые колосья с зерном полновесным
К самой земле преклонить и снопами обильно покрыться.
Там-то впервые сошла из эфира пространного Рея.
Радуясь духом, с любовью они друг на друга взглянули.
И взговорила к ней вот как блестящеодежная Рея:

460 «Встань, о дитя мое! Зевс, тяжело и пространно гремящий,
В сонм олимпийцев тебя призывает вернуться, и много
Почестей хочет тебе даровать средь блаженных бессмертных.
Постановил он, чтоб дочерь твоя в продолжение года
465 Треть проводила одну в многосумрачном царстве подземном,
Две остальные — с тобою, а также с другими богами.
Так он решил и главою своею кивнул в подтвержденье.
Встань же, дитя мое, волю исполни его и чрезмерно
В гневе своем не упорствуй на тучегонителя Зевса.
Произрасти для людей живописные зерна немедля!»

470 Так говорила. И ей не была непослушна Деметра.
Выслала тотчас колосья на пашнях она плодородных,
Зеленью буйной, цветами широкую землю одела
Щедро. Сама же, поднявшись, пошла и владыкам державным, —
475 С хитрым умом Триптолему, смирителю коней Диоклу,
Силе Евмолла, а также владыке народов Келею, —
Жертвенный чин показала священный и всех посвятила
В таинства. Святы они и велики. Об них ни расспросов
Делать не должен никто, ни ответа давать на расспросы:
80 В благоговенье великому к бессмертным уста замолкают.
Счастливы те из людей земнородных, кто таинство видел.
Тот же, кто им непричастен, до смерти не будет вовеки
Доли подобной иметь в многосумрачном царстве подземном.
Все учредив и устроив, богиня богинь воротилась
485 С матерью вместе на светлый Олимп, в собранье бессмертных.
Там обитают они подле Зевса, метателя молний,
В славе и чести великой. Блажен из людей земнородных,
Кто благосклонной любви от богинь удостоится славных:
Тотчас нисходит в жилище его очага покровитель
Плутос, дарующий людям обилье в стадах и запасах.

490 Вы же, под властью которых живут Элевсин благовонный,
Парос, водой отовсюду омытый, и Анtron скалистый, —
Ты, о царица Део, пышнодарная, чтимая всеми,
С дочерью славной своею, прекрасною Персефонеей, —
495 Нам благосклонно счастливую жизнь ниспошли за песню!
Ныне же, вас помянув, я к песне другой приступаю.

VI. К АФРОДИТЕ

Песня моя — к Афродите прекрасной и златовенчанной,
Чести великой достойной. В удел ей достались твердыни
В море лежащего Кипра. Туда по волнам многозвучным
В пне воздушной пригнало ее дуновенье Зефира
5 Влажною силой своею. И Оры в златых диадемах,
Радостно встретив богиню, нетленной одели одеждой:
Голову вечную ей увенчали сработанным тонко,
Чудно прекрасным венцом золотым и в проколы ушные
Серьги из золотомеди и ценного золота вдели;
10 Шею прекрасную вместе с серебряно-белою грудью
Ей золотым ожерельем обвили, какими и сами
Оры в повязках златых украшают себя, отправляясь
На хоровод ли прелестный бессмертных, в дворец ли отцовский.
После того как на тело ее украшенья надели,
15 К вечным богам повели. И, Киприду приветствуя, боги
Правую руку ей жали, и каждый желаньем зажегся
Сделать супругой законной своей и ввести ее в дом свой,
Виду безмерно дивясь Кифереи фиалковенчанной.

Славься, с ресницами гнутыми, нежная! Даруй победу
20 Мне в состязании этом, явись мне помощницей в песне!
Ныне ж, тебя помянув, я к песне другой приступаю.

VII. ДИОНИС И РАЗБОЙНИКИ

О Дионисе я вспомню, рожденном Семелою славной, —
Как появился вблизи берегов он пустынного моря
На выступающем мысе, подобный весьма молодому
Юноше. Вокруг головы волновались прекрасные кудри,
5 Иссиня-черные. Плащ облекал многомощные плечи
Пурпурный. Быстро разбойники вдруг появились морские
На крепкопалубном судне в дали винно-черного моря,
Мужи тирренские. Злая вела их судьба. Увидали,
Перемигнулись и, на берег выскочив, быстро схватили
10 И посадили его на корабль, веселясь душою.
Верно, то сын, говорили, царей, питомцев Кронида.
Тяжкие узы они на него наложить собралися.
Но не смогли его узы сдержать, далеко отлетели
15 Вязи из прутьев от рук и от ног. Восседал и спокойно
Черными он улыбался глазами. Все это заметил
Кормчий и тотчас, окликнув товарищей, слово промолвил:

«Что за могучего бога, несчастные, вы захватили
И заключаете в узы? Не держит корабль его прочный.
Это иль Зевс-громовержец, иль Феб-Аполлон сребролукий,
20 Иль Посейдон. Не на смертнорожденных людей он походит,
Но на бессмертных богов, в олимпийских чертогах живущих.
Ну же, давайте отчалим от черной земли поскорее,
Тотчас! И рук на него возлагать не дерзайте, чтоб в гневе
Он не воздвигнул свирепых ветров и великого вихря!»

25 Так он сказал. Но сурово его оборвал предводитель:

«Видишь — ветер попутный! Натянем же парус, несчастный!
Живо за снасти берись! А об нем позаботятся наши.

Твердо надеюсь: в Египет ли с нами прибудет он, в Кипр ли,
К гиперборейцам, еще ли куда, — назовет наконец он
30 Нам и друзей и родных и богатства свои перечислит,
Ибо само божество нам в руки его посыпает».

Так он сказал и поднял корабельную мачту и парус.
Ветер парус срединный надул, натянулись канаты.
И совершаться пред ними чудесные начали вещи.
35 Сладкое прежде всего по судну быстроходному всюду
Вдруг зажурчало вино благовонное, и амвросийный
Запах вокруг поднялся. Моряки в изумленье глядели.
Вмиг прятнулись, за самый высокий цепляясь парус,
Лозы туда и сюда, и в обилии гроздья повисли;
40 Черный вокруг мачты карабкался плющ, покрываясь цветами,
Вкусные всюду плоды красовались, приятные глазу,
А на уключинах всех появились венки. Увидавши,
Кормчему тотчас они приказали корабль поскорее
К суще направить. Внезапно во льва превратился их пленник.
45 Страшный безмерно, он громко рычал; средь судна же являя
Знаменья, создал медведицу он с волосистым затылком.
Яростно встала она на дыбы. И стоял на высокой
Палубе лев дикоглазый. К корме моряки побежали:
Мудрого кормчего все они в ужасе там обступили.
50 Лев, к предводителю прыгнув, его растерзал. Остальные,
Как увидали, жестокой судьбы избегая, поспешно
Всюю гурьбой с корабля побросались в священное море
И превратились в дельфинов. А к кормчему жалость явил он,
И удержал, и счастливейшим сделал его, и промолвил:

55 «Сердцу ты мил моему, о божественный кормчий, не бойся!
Я Дионис многошумный. На свет родила меня мать,
Кадмова дочерь Семела, в любви сочетавшись с Кронидом».

Славься, дитя светлоокой Семелы! Тому, кто захочет
Сладкую песню наладить, забыть о тебе невозможно.

VIII. К АРЕСУ

Арес, сверхмощный боец, колесниц тягота, златошлемный,
Смелый оплот городов, щитоносный, медянооружный,
Сильный рукой и копьем, неустанный, защита Олимпа,
Многосчастливой Победы родитель, помощник Фемиды,
5 Грозный тиран для врагов, предводитель мужей справедливых.
Мужества царь скимтроносный, скользящий стезей огнезарной
Меж семипутных светил по эфиру, где вечно коней ты
Огненных гонишь своих по небесному третьему кругу!
Слух преклони, наш помощник, дарующий смелую юность,
10 Жизнь освещающий нам с высоты озарением кротким,
Ниспосылающий доблесть Аресову. Если бы мог я
Горькое зло от моей отогнать головы, незаметно
Разумом натиск обманный души укротить и упрочить
Сызнова острую силу в груди, чтоб меня побуждала
15 В бой леденящий вступить. Ниспосли же, блаженный, мне
смелость,
Сень надо мной сохрани неколеблемых мирных законов,
И да избегну насильственных Кер и схватки с врагами!

IX. К АРТЕМИДЕ

Муза, воспой Артемиду, родную сестру Дальновержца,
Стрелолюбивую деву, совместно возвращенную с Фебом.
Поит она лошадей в тростниках высоких Мелита
И через Смирну несется в своей всезлатой колеснице
5 В Кларос, богатый лозами, — туда, где сидит, дожидаясь
Стрелолюбивой сестры-дальновержицы, Феб сребролукий.

Радуйся ж песне и ты, и с тобой все другие богини!
Первая песня — тебе, с тебя свою песнь начинаю.
Славу ж воздавши тебе, приступаю к другому я гимну.

X. К АФРОДИТЕ

Кипророжденную буду я петь Киферею. Дарами
Нежными смертных она одаряет. Не сходит улыбка
С милого лика ее, и прелестен цветок на богине.

5 Над Саламином прекрасным царящая с Кипром обширным,
Песню, богиня, прими и зажги ее страстью горячей!
Ныне ж, тебя помянув, я к песне другой приступаю.

XI. К АФИНЕ

Славить Палладу Афину, оплот городов, начиная,
Страшную. Любит она, как и Арес, военное дело,
Яростный войнов крик, городов разрушенье и войны.
Ею хранится народ, на сраженье ль идет, из сраженья ль.

5 Славься, богиня! Пошли благоденствие нам и удачу!

XII. К ГЕРЕ

Золототронную славлю я Геру, рожденную Реей,
Вечноживущих царицу, с лицом красоты необычной,
Громкогремящего Зевса родную сестру и супругу
Славную. Все на великом Олимпе блаженные боги
5 Благоговейно ее наравне почитают с Кронидом.

XIII. К ДЕМЕТРЕ

Пышноволосую петь начинаю Деметру честную
С дочерью славной ее, прекрасною Персефонеей.

Славься, богиня! Наш город храни. Будь первая в песне.

XIV. К МАТЕРИ БОГОВ

Мать всех бессмертных богов и смертных людей, о восславь
мне,
Дочерь великого Зевса, о звонкоголосая Муза!
Любы ей звуки трещоток и бубнов и флейт переливы,
Огненнооких рыканье львов, завывания волчьи,
Звонкие горы и лесом заросшие логи глухие.

Радуйся ж песне и ты, и с тобой все другие богини!

XV. К ГЕРАКЛУ ЛЬВИНОДУШНому

Зевсова сына Геракла пою, меж людей земнородных
Лучшего. В Фивах его родила, хороводами славных,
С Зевсом-Кронидом в любви сочетавшись, царица Алкмена.
Некогда, тяжко трудясь на службе царю Еврисфею,
5 По бесконечной земле он и по морю много скитался;
Страшного много и сам совершил, да и вынес немало.
Ныне, однако, в прекрасном жилище на снежном Олимпе
В счастье живет и имеет прекраснолодыжную Гебу.

Славься, владыка, сын Зевса! Подай добродетель и счастье.

XVI. К АСКЛЕПИЮ

Всяких целителя болей, Асклепия петь начинаю.
Сын Аполлона, рожден Коронидою он благородной,
Флегия царственной дщерью, на пышной Дотийской равнине, —
Радость великая смертных и злых облегчитель страданий.

5 Радуйся также и ты, о владыка! Молюсь тебе песней.

XVII. К ДИОСКУРАМ

Кастора и Полидевка пою, Тиндаридов могучих.
От олимпийского Зевса-владыки они происходят.
Их родила под главами Тайгета владычица Леда,
Тайно принявшая бремя в объятиях Зевса-Кронида.

Славьтесь вовек, Тиндариды, коней укротители быстрых!

XVIII. К ГЕРМЕСУ

Петь начинаю Гермеса Килленского, Аргоубийцу.
Благостный вестник богов, над Аркадией многоовечной
И над Килленою царствует он. Родила его Майя,
Чести достойная дочерь Атланта, в любви сочетавшись
5 С Зевсом-Кронионом. Сонма блаженных богов избегая,
В густотенистой пещере жила пышнокудрая нимфа.
Там-то на ложе взошел к ней Кронид непогодною ночью,
В пору, как сладостный сон овладел белолокотной Герой,
Втайне равно от бессмертных и смертных свершился союз их.

10 Радуйся с нами и ты, сын Зевса-владыки и Майи!
Песню начавши с тебя, приступаю к другому я гимну.

XIX. К ПАНУ

Спой мне, о Муза, про Пана, Гермесова милого сына.
С нимфами светлыми он — козлоногий, двурогий, шумливый —
Бродит по горным дубравам, под темною сенью деревьев.
Нимфы с верхушек скалистых обрывов его призывают,
5 Пана они призывают с курчавою, грязною шерстью,
Бога веселого пастища. В удел отданы ему скалы,
Снежные горные главы, тропинки кремнистых утесов.
Бродит и здесь он и там, проницаясь сквозь частый кустарник;
10 То приютится над краем журчащего нежно потока,
То со скалы на скалу понесется, все выше и выше,
Вплоть до макушки, откуда далеко все пастища видны.
Часто мелькает он там, на сверкающих, белых вершинах,
Часто, охотясь, по склонам проносится, с дикого зверя
15 Острых очей не спуская. Как только же вечер наступит,
Кончив охоту, берет он свирель, одиноко садится
И начинает так сладко играть, что тягаться и птичка
С ним не могла бы, когда она в чаще, призываю тоскуя,
В пору обильной цветами весны заливается песней.
Звонкоголосые к богу собираются горные нимфы,
20 Пляшут вблизи родника темноводного быструю пляску,
И далеко по вершинам разносится горное эхо.
Сам же он то в хороводе ступает, а то в середину
Выскочит, топает часто ногами, на звонкие песни
Радуясь духом. И рысь за ним развеивается шкура.
25 Так они пляшут на мягкому лугу, где с травой вперемежку
Крокусы и гиацинты душистые густо пестреют.
Песни поют про великий Олимп, про блаженных бессмертных.
И про Гермеса, — как всех, благодетельный, он превосходит,
Как для богов олимпийских посланником служит проворным
30 И как в Аркадию он, родниками обильную, прибыл,
В место, где высится роща его на Киллене священной,
Бог — у смертного мужа там пас он овец густорунных.
Там, для себя незаметно, зажегся он нежною страстью

К дочери Дриопа, нимфе прекрасноволосой и стройной.
35 Скорый устроился брак. Родила ему нимфа в чертогах
Многолюбивого сына, поистине чудище с виду!
Был он с рогами, с ногами козлиными, шумный, смешливый.
Ахнула мать и вскочила и, бросив дитя, убежала:
В ужас пришла от его бородатого, страшного лица.
40 На руки быстро Гермес благодетельный принял ребенка.
Очень душой веселился он, глядя на милого сына.
С ним устремился родитель в жилище блаженных бессмертных.
Сына укутавши шкурой пушистою горного зайца.
Сел перед Зевсом-властителем он меж другими богами
45 И показал им дитя. Покатились со смеху боги.
Больше же прочих бессмертных Вакхей-Дионис был утешен.
Всех порадовал мальчик, — и назвали мальчика *Паном*.
Радуйся также и сам ты, владыка! Молюсь тебе песней.
Ныне ж, тебя помянув, я к песне другой приступаю.

XX. К ГЕФЕСТУ

Муза, Гефеста воспой, знаменитого разумом хитрым!
Вместе с Афиной он светлоокою славным ремеслам
Смертных людей на земле обучил. Словно дикие звери,
В прежнее время они обитали в горах по пещерам.
5 Ныне ж без многих трудов, обученные всяким искусствам
Мастером славным Гефестом, в течение целого года
Время проводят в жилищах своих, ни о чем не заботясь.

Милостив будь, о Гефест! Подай добродетель и счастье!

XXI. К АПОЛЛОНУ

Феб! Воспевает и лебедь тебя под плескание крыльев,
С водоворотов Пенейских взлетая на берег высокий.
Также и сладкоречивый певец с многозвучною лирой
Первым всегда и последним тебя воспевает, владыка.

5 Радуйся много! Да склонит тебя моя песня на милость!

XXII. К ПОСЕЙДОНУ

Песня — о боге великом, владыке морей Посейдоне.
Землю и море бесплодное он в колебанье приводит,
На Геликоне царит и на Эгах широких. Двойную
Честь, о земли Колебатель, тебе предоставили боги:
5 Диких коней укрощать и спасать корабли от крушенья.

Слава тебе, Посейдон, — черновласый, объемлющий землю!
Милостив будь к мореходцам и помошь подай им, блаженный!

XXIII. К ЗЕВСУ

Зевс, меж богов величайший и лучший, к тебе моя песня!
Громораскатистый, владыка державный, судья-воздаятель,
Любишь вести ты беседы с Фемидой, согбенно сидящей.

Милостив будь, громозвучный Кронид, многославный, великий!

XXIV. К ГЕСТИИ

Дом священный метателя стрел, Аполлона-владыки,
Ты охраняешь в Пифоне божественном, дева Гестия!
Влажное масло с твоих нистекает кудрей непрестанно.
Этот, владычица, дом посети, — низойди благосклонно.
5 Вместе с Кронидом всемудрым. И дай моей песне приятность.

XXV. К МУЗАМ И АПОЛЛОНУ

С Муз мою песню начну, с Аполлона и с Зевса-Кронида,
Ибо от Муз и метателя стрел, Аполлона-владыки,
Все на земле и певцы происходят и лирники-мужи;
Все же цари — от Кронида. Блажен человек, если Музы
5 Любят его: как приятен из уст его льющийся голос!

Радуйтесь, дочери Зевса, и песню мою отличите!
Ныне же, вас помянув, я к песне другой приступаю.

XXVI. К ДИОНИСУ

Шумного славить начну Диониса, венчанного хмелем,
Многохвалимого сына Кронида и славной Семелы.
Пышноволосые нимфы вскормили младенца, принявши
К груди своей от владыки-отца, и любовно в долинах
5 Нисы его воспитали. И, волей родителя-Зевса,
Рос он в душистой пещере, причисленный к сонму бессмертных.
После того как возрос он, богинь попечением вечных,
Вдаль устремился по логам лесным Дионис многолетий,
Хмелем и лавром венчанный. Вслед ему нимфы спешили,
10 Он же их вел впереди. И гремел весь лес необъятный.

Так же вот радуйся с нами и ты, Дионис многогроздный!
Дай и на будущий год нам в веселии снова собраться!

XXVII. К АРТЕМИДЕ

Песня моя — к златострельной и любящей шум Артемиде,
Деве достойной, оленей гоняющей, стрелолюбивой,
Одноутробной сестре златолирного Феба-владыки.
Тешась охотой, она на вершинах, открытых для ветра,
5 И на тенистых отрогах свой лук всезлатой напрягает,
Стрелы в зверей посылая стянящие. В страхе трепещут
Главы высоких гор. Густотенные чащи лесные
Стонут ужасно от рева зверей. Содрогаются суща
И многорыбное море. Она же с бестрепетным сердцем
10 Племя зверей избивает, туда и сюда обращаясь.
После того как натешится сердцем охотница-дева,
Лук свой красиво согнутый она наконец ослабляет
И направляется к дому великому милого брата
Феба, царя-дальноверхца, в богатой округе дельфийской,
15 Чтобы из Муз и Харит хоровод устроить прекрасный.
Там она вешает лук свой с концами загнутыми, стрелы,
Тело приятно украсив, вперед выступает пред всеми
И хоровод зачиняет. И пеньем бессмертным богини
Славят честную Лето, как детей родила она на свет,
20 Между бессмертными всеми отличных умом и делами.

Радуйтесь, дети Кронида-царя и Лето пышнокудрой!
Ныне же, вас помянув, я к песне другой приступаю.

XXVIII. К АФИНЕ

Славную иесть начинаю богиню, Палладу Афину,
С хитръ искусствым умом, светлоокую, с сердцем немягким,
Деву достойную, градов защитницу, полную мощи,
Тритогенею. Родил ее сам многомудрый Кронион.
5 Из головы он священной родил ее, в полных доспехах,
Золотом ярко сверкающих. При виде ее изумление
Всех охватило бессмертных. Пред Зевсом эгидодержавным
Прыгнула быстро на землю она из главы его вечной,
10 Острым копьем потрясая. Под тяжким прыжком Светлоокой
Заколебался великий Олимп; застонали ужасно
Окрест лежащие земли, широкое дрогнуло море
И закипело волнами багровыми; хлынули воды
На берега. Задержал Гиперионов сын лучезарный
15 Надолго быстрых коней, и стоял он, доколе доспехов
Богоподобных своих не сложила с бессмертного тела
Дева Паллада Афина. И радость объяла Кронида.

Радуйся много, о дочерь эгидодержавного Зевса!
Ныне ж, тебя помянув, я к песне другой приступаю.

XXIX. К ГЕСТИИ

Почесть большая на долю тебе, о Гестия, досталась:
Вечно иметь пребыванье внутри обиталищ высоких
Всех олимпийцев и всех на земле обитающих смертных.
Дар превосходный и ценный тебе: у людей не бывает
5 Пира, в котором бы кто при начале его возлиянья
Первой тебе и последней не сделал вином медосладким.
Также и ты, сын Кронида и Майи, Аргоубийца,
Вестник блаженных бессмертных, с жезлом золотым, благодавец,
10 Помощь пошли благосклонно с Гестией почтенной и милой!
Оба в прекрасных жилищах людей, населяющих землю,
Вы обитаете, зная душою, что мило другому,
Разум и молодость в людях успехом прекрасным венчая.

Радуйся, Кроноса дочь, и ты, о Гермес златожезлый!
Ныне же, вас помянув, я к песне другой приступаю.

XXX. К ГЕЕ, МАТЕРИ ВСЕХ

Петь начинаю о Гее-всематери, прочноустойной,
Древней, всему, что живет, пропитанье обильно дающей.
Ходит ли что по священной земле или плавает в море,
Носится ль в воздухе — все лишь твоими щедротами живо.
5 Ты плодовитость, царица, даешь и даешь плодородье;
Можешь ты жизнь даровать человеку и можешь обратно
Взять ее, если захочешь. Блажен между смертных, кого ты
Благоволеньем почтишь: в изобилии все он имеет.
10 Тяжкие гнутся колосья на ниве, на пастбище тучном
Бродит бесчетное стадо, и благами дом его полон.
Сами ж они изобильный красивыми женами город
Правят по добрым законам. Богатство и счаствие с ними.
Хвалятся их сыновья жизнерадостным, свежим весельем,
15 Девушки — дочери их, — в хороводах кружась цветоносных,
Нежные топчут цветы на лугах в ликовании светлом.
Так отличаешь ты их, многочитая, щедрая Гея!

Радуйся, мать богов, о жена многозвездного Неба!
Сердцу приятную жизнь ниспошли благосклонно за песню!
Ныне ж, тебя помянув, я к песне другой приступаю.

XXXI. К ГЕЛИЮ

О Каллиопа, от Зева рожденная Муза! Восславь мне
Гелия: был он рожден волоокою Эйрифаессой
Сыну Геи-Земли и звездного Неба-Урана.
Эйрифаессу, родную сестру, Гиперион в супруги
5 Взял, и его подарила богиня потомством прекрасным:
Эос-Зарей розорукой, кудрявой Селеной-Луной
И богоравным, не знающим устали Гелием-Солнцем.
Свет с высоты посыпает бессмертным богам он и людям,
На колесницу взойдя. Из-под шлема глядят золотого
10 Страшные очи его. И блестящими сам он лучами
Светится весь. От висков же бессмертной главы ниспадают
Волосы ярко блестящие, лицо обрамляя приятный,
Светом пронзающий даль. И под ветром сверкают на теле
Складки прекрасных и тонких одежд. Жеребцы же под богом...
* * * * *

15 Там, задержавши коней с колесницею златояремной,
К вечеру с неба на них в Океан опускается Гелий.

Радуйся, царь! Благосклонно счастливую жизнь подари нам!
Песню начавши с тебя, воспою я людей говорящих,
Полубогов. Их дела показали бессмертные людям.

XXXII. К СЕЛЕНЕ

О длинокрылой, прекрасной Луне расскажите мне, Музы,
Сладкоречивые, в пенье искусные дочери Зевса!
Неборожденное льется сиянье на темную землю
От головы ее вечной, и все красотою великой
5 Блещет в сиянии том. Озаряется воздух бессветный
Светом венца золотого, и небо светлеет, едва лишь
Из глубины Океана, омывши прекрасную кожу,
Тело облекши блестящей одеждой, издали видной,
И лучезарных запрягши коней — крепкошеих, гравастых, —
10 По небу быстро погонит вперед их Селена-богиня
Вечером, в день полнолуния. Великий свой круг совершая,
Ярче всего в это время она, увеличившись, блещет
В небе высоком, служа указаньем и знаменьем людям.
С нею когда-то сопрягся Кронион любовью и ложем.
15 Затяжелевши, ему родила она деву Пандию,
Междуду бессмертными всеми отличную видом прекрасным.

Слава царице, Селене святой, белокурой богине,
С мудрым умом, пышнокудрой! Начавши с тебя, вспою я
Полубогов, знаменитых героев, деяния которых
20 Сладкими славят устами служители Муз, песнопевцы.

XXXIII. К ДИОСКУРАМ

О Тиндаридах начните рассказ, быстроглазые Музы, —
Зевсовых детях, рожденных прекраснолодыжною Ледой, —
Касторе, коннике мощном, и брате его Полидевке
Безукоризненном. С Зевсом-владыкой в любви сочетавшись,
5 Их под главою Тайгета, великой горы, во спасенье
Людям она родила, населяющим черную землю,
И кораблям быстроходным, когда на неласковом море
Зимние бури бушуют. С судна восьмая молитвы,
Люди на помощь зовут сыновей многомощного Зевса,
10 Режут им белых ягнят, на носу корабельном собравшись.
Ветер великий меж тем и свирепые волны морские
В воду корабль погрузили. Но вдруг появились братья.
Быстро промчавшись эфиrom на крыльях своих золотистых,
Ветров неистово злых бушеванье тотчас прекратили.
15 Сделали гладкой поверхность над бездною белого моря —
Для мореходцев прекраснейший знак и трудов разрешенье.
Радость взяла их, и горестный труд свой они прекратили.

Славьтесь вовек, Тиндариды, коней укротители быстрых!
Ныне же, вас помянув, я к песне другой приступаю.

ГИМНЫ КАЛЛИМАХА

XXXIV. ОТРЫВКИ ГИМНА К ДИОНИСУ

* * * * *

Кто говорит, что в Драконе, а кто — что в Икаре ветристом,
Кто — что на Наксосе иль на Алфее глубокопучинном
Зевсу Семела тебя, забеременев, на свет родила,
Отрасль Кронида, Защитый в бедро! Утверждают другие,
Будто бы в Фивах божественных ты, повелитель, родился.
Все они лгут. Вдалеке от людей породил тебя, прячась
От белолокотной Геры, родитель бессмертных и смертных.
Есть, вся заросшая лесом, гора высочайшая, Ниса:
От Финикии вдали и вблизи от течений Египта...

* * * * *

«Изображений ее немало воздвигнется в храмах.
Так как их три, то и будут на третьем году постоянно
Люди тебе приносить гекатомбы из жертв безупречных...»

Молвил Кронион и иссиня-черными двинул бровями:
Волны нетленных волос с головы Громовержца бессмертной
На плечи пали его. И Олимп всколебался великий.

Так сказавши, кивнул головою Кронид-промыслитель.

Милостив будь, женолюб, Защитый в бедро! И в начале
Мы воспеваем тебя и в конце. Для того, кто захочет
Помнить о песне священной, забыть о тебе невозможно.

Радуйся также и ты, Дионис, из бедра порожденный,
С матерью славной Семелой, что ныне зовется Фионой!

I. К ЗЕВСУ

К Зевсу за чашей воззвав, кого ж воспевать нам пристойней,
Как не его самого — вовеки державного бога,
Что землеродных смирил и воссел судией Уранидов,
Зевса Диктейского... так ли? Ликейского, может быть, скажем?
5 Сердце в сомненье: немалая тяжба о родине бога!

Молвят, о Зевс, будто свет увидал ты на Иде высокой,
Молвят, о Зевс, что аркадянин ты: так кто же солгал нам?
«Критяне все-то солгут»; еще бы, и гроб сотворили
Критяне, боже, тебе, — а ты пребываешь живущим!
10 Так, решено: на Паррасии был ты рожден! Изобильно
Эта вершина одета густою листвой, и поныне
Свято блюдется: вовеки для дел Илифии ни самка
Зверя лесного туда не придет, ни женщина. «Реи
Древней Ложницей» зовет это место народ апиданов.

15 Вот разрешилось тобой роженицы почтенное чрево,
Вот она стала искать проточной воды, пожелавши
Скверну смыть и свою и тебе сотворить омовенье;
Но ведь тогда не струился еще ни Ладон величавый,
Ни Эриманф не катил чистейшей волны, и безводным
20 Весь был аркадский предел, что теперь многоводным зовется!
Так: ведь в оное время, как Рея пояс расторгла,

Много лелеял дубов в сухом своем русле Иаон,
Много повозок свой путь совершало по ложу Меланфа,
Много плодилось зверей в той самой лощине, где ныне
25 Сам Карион полноструйный течет, и шествовал путник
По каменистому дну Крафисы, по руслу Метопы,
Жажды терзала его — а вода под ногами таилась.

Той же нуждой стеснена, изрекла почтенная Рея:

«Матерь-Земля, роди же и ты; легки твои роды!»
30 Молвила так и, высоко воздев многомощную руку,
Камень жезлом поразила; разверзлась скала под ударом,
Брызнул обильный поток, и Рея омыла младенца,
После ж тебя, спеленавши, — о царь! — доверила Неде
35 Тайно доставить на Крит и воспитывать в месте надежном —
Неде, старейшей из нимф, что служили родильнице-Рее,
Самой почтенной в их сонме святому, кроме Стиксы с Филирой.
Выслужить ей довелось большую награду у Реи:
Именем Неды богиня поток нарекла, что струится
40 Мимо града кавконов, а имя граду — Лепрейон, —
Прямо сливаясь со старцем Нереем, и древнюю влагу
Черпает все и досель Ликаонской медведицы племя.
Вот уж и Фены прошла, на Кнос свой путь направляя,
Неда с тобой на руках (поблизости Фены от Кноса);
45 Отче Зевес, пупок у тебя отпал в этом месте —
Дол и поныне зовут «Пуповым» с той поры кидонийцы.

На руки взяли тебя, — о Зевс! — корибантов подруги,
Нимфы диктейских лесов, а потом в колыбельку златую
Спать Адрастея сама уложила. Кормился младенец
Млеком козы Амальфеи, а после и лакомым медом,
50 Ибо внезапно открылись творенья пчелы-панакриды
В тех Идейских горах, что Панакрами мы именуем.
Бурно кружились куреты окрест твоей колыбели,
Громко бряцая оружьем, для Кронова чуткого уха
Звоном медяным щитов твой детский плач заглушая.
55 Зевс-миродержец, отменно ты рос и кормился отменно,
Быстро мужал, и скоро пушок осенил подбородок.
Даже и в детские лета была твоя мысль совершенна;
То-то и братья твои, пред тобой первородство имея,
Все же без спора тебе уступили небесные domы.

60 Речи старинных певцов не во всем доверья достойны:
Можно ль поверить что жребий уделы Кронидам назначил?
Кто ж это стал бы делить Олимп и Аид жеребьевкой,
Кто, коль не вздорный глупец? О вещах равнозенных пристало
Жребий метать; а здесь велико непомерно различье.
65 Я бы солгал, да никто ведь лжи такой не поверит.
Нет, не жребий владыкой богов тебя сделал, но длани,
Мощь и сила твои, что держат дозор у престола.
Их ты в стражи избрал, а меж всех наилучшую птицу —
Для благовестий своих, что да будут с нами вовеки!
70 Так и среди человеков ты лучших избрал: не пучины
Влажной браздитель достался тебе, не певец, не копейщик, —
Этих доверил ты меньшим богам в собранье блаженных,
Это другим поручил, а себе избрал градодержцев,

Властных царей; ведь у тех под рукой земледел, и воитель,
75 И мореход, и кого ни возьми — все служат владыке!
Медников мы прозывать навыкли Гефестовым родом,
Воины — люди Ареса, охотники — люди Хитоны,
Славной в лесах Артемиды, а лирники — Фебовы люди;
80 Но «от Зевса цари», и нет божественней рода,
Нежели Зевсова часть: ты сам владык избираешь.
Им ты доверил блюсти города, а сам восседаешь
На высотах городских, надзирая, кто правит народом
Дурно, а кто правосудно вершит и суд, и расправу.
85 Ты одарил изобильем царей; одарил их достатком,
Всех одарил — да не поровну дал; тому подтвержденье —
Наш государь: намного других владык превзошел он!
К вечеру он завершает деянье, что утром замыслил,
К вечеру — подвиг великий, а прочее — только помыслив!
Год на такое потребен иным, а иным — так и года
90 Мало: ты сам сдержал их порыв и отнял победу.

Радуйся много, всевышний Кронид, блаженства податель,
Здравья податель! Дела же твои я воспеть неспособен.
Кто же Зевса дела воспеть достойно способен?
Радуйся, отче, а нам ниспошли достаток и доблесть.
95 Доблести нет — и достаток не даст возрасти человеку.
Нет достатка — и доблесть не даст: Одари нас двояко!

II. К АПОЛЛОНУ

Слышишь, как зашептались листы Аполлонова лавра,
Как содрогается храм? Кто нечист, беги и скройся!
Это ведь Феб постучался к нам в дверь прекрасной стопою.
Или не видишь? Нежданно согнулась делосская пальма,
5 Но не от ветра! — а в воздухе лебедь залился напевом.
Вот уже сами собой засовы снялись, и раскрылись
Вот уже сами собой врата. О, бог уже близко!
Юноши, время настало: усердие в пляске явите!
Зрим не для каждого царь Аполлон, но для славного мужа:
10 Кто его узрит, велик, а кто не узрит, тот жалок, —
Мы же, узревши тебя, Дальновержец, жалки не будем.
Но, коль скоро явился нам Феб, — о дети! — не должно
Вашим кифарам молчать или топоту ног прерываться,
15 Если хотите дожить до брака и старость увидеть,
Если желаете стенам стоять на древних устоях.
Так вот за это хвалю: я слышу, лира не праздна.
Ныне безмолвствуйте все, внимая песни о Фебе,

Ибо и море безмолвно, когда поют песнопевцы
Лук и кифару, прекрасный убор ликорейского Феба.
Горькие стоны Фетиды, тоскующей матери, молкнут,
Только заслышил она пэан, пэана напевы;
20 В оное время и камень от скорби своей отдыхает —
Слезоточивый утес фригийский, высоко подъятый
Мрамор, сковавший жену с разверстыми мукой устами.
Звонче пойте пэан! С богами спорить негоже,
25 Тот, кто спорит с богами, — с моим поспорь-ка владыкой!
Тот, кто спорит с владыкой моим, — поспорь с Аполлоном!
Если ж усердствует хор, воздаст Аполлон за усердье
Щедро: на то его власть — одесную сидит он от Зевса.
30 О, не один только день будет Феба хор славословить.

Впрочем, ну кто не поет Аполлона? Что славить приятней?
В золоте весь он: плащ золотой, золотая застежка,
Лира, ликтийский лук и колчан — все золотом блещет,
Как и сандалий убор. Аполлон весь златом обилен.
35 Всяким богатством обилен, как сам ты увидаш в Пифоне.
Вечно он юн и вечно красив; вовек не оденет
Даже легчайший пушок ланиты нежные Феба.
Тихо по локонам книзу стекает елей благовонный, —
40 Нет, не масло струят святые власы Аполлона,
Пали на землю однажды, вовеки недугов не будет.

Нет никого, кто бы столько искусств имел в обладанье:
Феба над лучником власть, и Феба власть над певцами,
Ибо его достоянье — и лук, и звонкая песня;
45 Фебов удел — и пророки, и вещие камни; от Феба же
Власть получают врачи отгонять врачеваньем кончину.
Феба зовем и Пастушеским мы, то время припомнив,
Как у Амфриссова брега он блул кобылиц быстроногих,
Жаркой любовью пылай к Адмету, подобному богу.
50 Скоро б возрос, утучнился, умножился скот, и плодились.
Козы без счета, когда бы сподобиться им Аполлона
Око иметь на себе; и овцы бы все зачинали,
Все бы метали ягнят и млечо струили обильно,
Каждая матка бы стала вдвое и втройне плодовита.
55 Тот же Феб размерять города научил землемеров
В роде людском: возлюбил ведь Феб городов основанье,
Первый камень всегда он своею рукой полагает.
Феб четырехгодовым дитятах первый свой камень
В милой Ортигии встарь заложил на брге озерном.
60 Роги ланей кинийских с охоты своей Артемида
Все приносила; и вот Аполлон, те роги сплетая,
Твердо сплотил основанье, потом из рогов же построил
Сверху алтарь, и роги по кругу поставил стеною:
Так-то Феб научился зачин-полагать для строений!
65 Он же и земли отчизны моей для Батта назначил:
Он и народ предводил, вступавший в Ливию, враном
Одесную явясь, и клялся город и стены
Роду наших владык даровать; и клятвы сдержал он.

Царь Аполлон, именуют тебя Боэдромием люди,
70 Кларием кличут тебя; имена твои многи повсюду.
Я же Карнеем зову — таков мой обычай природный!
Ибо Карнею была обителью первою Спарты,
Фера за нею второй, а третьею — город Кирена:
Чада Эдипа в колене шестом из Спарты с собою
75 В Феру тебя привели, о Карней; а после из Феры,

Здравье найдя, Аристотель привел к земле Асбистийской;
Храм он отмений воздвигнул тебе, наказав горожанам
Из года в год обновлять торжества, при которых обильно, —
О владыка! — быки на помост припадают кровавый.
80 И э пэан! Многочтимый Карней! Ведь каждой весною
Всеми цветами алтарь твой увит, каких только Оры
Ни ухитрятся взрастить под росистым Зефира дыханьем,
Каждой зимою шафраном украшен: на нем пламенеет
Неугасимый огонь, и пеплом не кроются угли.
85 Фебово сердце смеялось, когда приспели впервые
Сроки Карнейских торжеств и в кругу белокурых ливиек
Начали пляс, доспехи надев, браноносные мужи
(В оное время дорийцы еще не черпали влаги
90 Из Кирейской струи, но жили в долинах Азилы);
Празднество их увидав, Аполлон любезной подруге
Их показал с Миртусской скалы, с высот, где сразила
Дщерь Гипсеева льва, быков Еврипиловых гибел.
О, никогда еще Феб хоровода не видел священней;
95 И ни единому граду щедрее себя не явил он,
Нежель Кирене, подругу почтив; и Баттовы чада
Ни одного из богов не чтили усердней, чем Феба.

И э пэан, о, из э пэан! Мы внемлем припевам
Тем, что дельфийский народ измыслил в оное время,
Как на луке златом искусство явил Стреловержец.
100 Вот нисходил ты к Пифу, и предстал тебе в облике змия *Лосев*
Демон ужасный: но лёгкие стрелы в него ты направил
Быстро, одну за другой, и народ восклицал в изумленье:
«И э, пэан! И этой попал! Защитником сильным
Матери будешь ты, бег!» — Отсель и ведутся припевы.

На ухо раз Аполлону шепнула украдкою Зависть:
«Мне не по нраву певец, что не так поет, как пучина!»
Зависть ударила ногой Аполлон и слово промолвил:
«Ток ассирийской реки обилен, но много с собою
105 Грязи и скверны несет и темным илом мутится.
А ведь не всякую воду приносят Деметре мелиссы,
Нет, — но отыщут сперва прозрачно-чистую влагу
И от святого ключа зачерпнут осторожно, по капле».

Радуйся, царь! Да отыдет Худа — и Зависть прихватит.

III. К АРТЕМИДЕ

Артемиду, ту, что забыть песнопевец не смеет,
Мы воспоем, возлюбившую лук, и охоты, и травли,
И хоровод круговой, и пляски на горных высотах;
Петь же начнем от времен, когда еще девочкой малой,
5 Сидя на отчих коленях, она лепетала умильно:
«Батюшка, ты удали мне дар вековечного девства,
Много имен подари, чтобы Феб не спорил со мною!
Дай мне стрелы и лук — или нет, отец, не пекися
10 Ты о луке и стрелах: скуют мне проворно киклопы
Множество стрел и гибкою лук наделят тетивою.
Ты же мне светочи даруй в удел и хитон, до колена
Лишь доходящий, дабы нагнать мне зверя лесного;
Дай шестьдесят дочерей Океановых, резвых плясуний —
15 Каждой по девять годов, и каждая в детском хитоне;
Дай в прислужницы мне два десятка нимф амнисийских —
Пусть пекутся они у меня о сапожках и гончих
Псах, когда мне случится сражать оленей и рысей.
Горы мне все подари, а вот город — какой пожелаешь
20 Мне уделить; не часто его посетит Артемида.
Жить на высях я буду, людей, города навещая
Только по зову рожающих жен, что в пронзительных муках
Станут ко мне вопить, мне в удел сужденные первый
Мойрою; им я должна помогать и нести избавленье,
25 Ибо не ведала мук, нося меня и рождая,
Мать, но без больно на свет из родимой явила утробы».
Так говорила она и силилась тронуть с мольбою
Подбородок отца, но долго ручки тянула.
Прежде, чем дотянулась. Отец же кивнул ей приветно
30 И, улыбаясь, сказал: «Когда бы таких мне рождали
Чаще богини детей, о гневе ревнующей Геры
Я бы и думать не стал. Прими же, дитя, в обладанье
Все, что сама пожелала! Но больше отец твой прибавит.

Тридцать дам городов, а к ним — укреплений немало,
Тридцать дам городов, из которых вовек ни единый
Бога иного не станет хвалить, по тебе именуясь;
55 Много притом городов Артемида разделит с другими,
На островах и на суше; и в каждом городе будут
Роща у ней и алтарь. И еще — все дороги отходят,
Гавани все под руку твою». Закончивши слово,
40 Он головою кивнул. И в путь отправилась дева,
Критской взыскуя горы, ища лесокудрого Левка;
После пошла к Океану и нимф получила избранных —
Каждой по девять годов, и каждая в детском хитоне.
Много ликуй, о Кэрата поток, и ты, о Тефиса,
45 Ибо своих дочерей Летоиде вы дали в подруги!

Но отоль поспешила к киклопам она, обрела же
Их на острове том, что зовется Липарой, — Липарой
Ныне зовем мы его, но тогда он был Мелигунис, —
У наковальни Гефеста, великое дело свершавших:
50 Чашу ковали они, водопой Посейдоновым коням.
Как устрашились нимфы, ужасных узрев исполинов,
Высям Оссы подобных! У каждого яро глядело
Из-под бровей единое око, огромностью схоже
С четырехожным щитом; к тому же звон наковален
55 В уши нимф ударял, и кузнечных мехов воздыхавших
Свист громогласный, и тяжкие стоны; охала Этна,
Охала с ней Тринакрия, жилище сиканов, а дале
Ахал Италии-край, и эхом Кирн ему вторил;
Между тем ковачи, вознося над плечами с размаху
60 Молоты, мощно в расплавленный ком железа иль меди
В лад ударяли и ухали шумно сквозь скатые зубы.
Вот потому-то без слез не могли Океановы дщери
Ни на вид их глядеть, ни шума кузнецного слышать.
Немудрено: всегда ведь дрожат, киклопов завидев,
65 Дщери блаженных, даже и те, кому лет уж немало.
Ежели матери дочка не хочет слушать, бывает,
Мать в подмогу себе для острастки кличет киклопов —
Арга или Стеропа; тогда из укромного места
Кто выходит? Гермес, обличье вымазав сажей.
70 Живо он страх нагоняет на девочку; та, присмиревши,
Льнет к материнской груди, глаза покрывая руками.
Ты же, о Дева, и прежде, трехлетней еще, не страшилась
Было: Лето на руках принесла тебя в гости к Гефесту,
Что тебя пожелал повидать, одарив для знакомства.
75 Здесь на крепких тебя Бронтея лелеял коленях,
Ты же с пространной груди густые власы ухватила
Крепко и дернула с силой... Досель у него безволоса
Вся середина груди, как бывает, когда заведется
У мужчины в висках, оголяя кожу, лисица.

80 Так и на этот раз ты речь повела без смущенья:
«Эй, киклопы! Живей снарядите мне лук кидонийский,
Стрелы в придачу к нему и для стрел вместительный короб
Ведь не один Аполлон — и я Лето порожденье!
Если же мне придется добыть стрелою иль вепря,
85 Или зверя иного, то будет пир для киклопов».
Молвила: сделано дело — и ты получила доспехи.

После направилась ты за сворой в Аркадию, к Пану
В сельский приют, и его ты нашла; он резал на доли
Меналийскую рысь, плодовитых сук насыщая.

90 Он, брадатый, тебе подарил двух псов черно-белой
Масти, а трех — огневой, одного ж пятнистого; хваткой
Крепкой впившись в загривок, хотя бы и льва они в силах
Довлачить живого на двор; а к ним он добавил
95 Семь собак кинкосурских, что вихря быстрее и могут
Лучше всех затравить и лань, и бессонного зайца,
Без промедления сыскать олена иль дикобраза
Логово и, не сбиваясь, вести по следу косули.

Вспять от Пана пойдя (а псы за тобою спешили!),
Ты повстречала на высях, в предгорьях горы Паррасийской,
100 Скачущих ланей, дивное диво! Паслися на бреге
Чернокремнристой реки Анавра они неизменно, —
Ростом больше быков, а рога их златом блистали.
Ты изумилась и молвила тотчас милому сердцу:
«Вот пристойная дичь Артемиде для первой охоты!»
105 Было всего их пять; четырех ты настигла немедля,
Псами их не тряя, и в свою запрягla колесницу.
Но убежала одна, пересекши поток Келадона,
По замышлению Геры, готовившей подвиг последний
В ней для Геракла; и скрыл беглянку холм Керинейский

110 О Артемида, о Дева, убийца Тития! Златом
Блещут доспехи твои, колесница твоя золотая,
И золотые уздечки, богиня, вложила ты ланям.
Но куда ты свою погнала впервые упряжку?
К Гему, Фракийской горе, отколе порывы Борея
115 Веют, стужей дыша на тех, кто плащик не укутан.
Где же ты светоч смолистый срубила и где запалила?
На Олимпе мисийском срубила; а неугасимый
Пламень, пылающий в нем, взяла от перунов отцовских.
Сколько раз ты, богиня, серебряный лук испытала?
120 Первый выстрел был в улем, второй в дубовое древо,
Третий зверя лесного добыл; но четвертый не дерево —
Град нечестивых мужей поразил, которые много

И над пришельцами зла совершили и над своими.
Горе тем, кого посетиша ты яростным гневом!
125 Сгинет скот их от язвы, и сгинут посевы от града;
Старцы власы остригут, хороня сыновей; роженицы
Будут, стрелой сражены, умирать, а ежели горькой
Смерти избегнут, так явят на свет недостойное жизни.
Но у тех, на кого ты с улыбчивой милостью взглянешь,
130 Нивы злаком обильным кипят, отменно плодится
Стадо, и счастлив их дом; притом и в могилу не сходят
Прежде они, чем успеют сполна вкусить долголетья.
Распри семейной не знают они, той распри, что часто
Даже и сильные domы губила; но ставят согласно
135 Рядом сиденья свои за столом золовки и снохи.
К ним же да сопричтется и друг мой, кто друг мне по правде,
Да сопричтусь я и сам, госпожа! Тебя воспевая,
В песнях славя и брак Лето, и тебя неустанно,
И Аполлона, и все деянья твои, о богиня,
140 Также и псов, и колчан, и ту колесницу, на коей
Ты возносишься быстро в небесные domы Зевеса.
Там встречает тебя у ворот Гермес Акакесий
И принимает доспех; а добычу Феб принимает.
Впрочем, было так прежде — покуда еще не явился
145 Мощный Алкид. Когда ж он пришел, Аполлон распростился
С этой заботой; тиринфянин сам теперь неустанно
Подле ворот сторожит, смотря еще издали, нет ли
Тучной снеди с тобой для него. Несказанный подъемлют
Смех блаженные боги, и теща сама особыло,
150 Видя, как он из твоей колесницы огромного тура
Иль клыкузубого вепря влечит, ухвативши за ногу,
Небескорыстные речи меж тем к тебе обращая.
«Ты поражай вредоносных зверей, дабы люди
Помощь узрели в тебе, как во мне; а ланям и зайцам
155 Мирно пасть разреши. Ну, что тебе лани и зайцы
Сделали? Нет, кабаны, кабаны — вот пажите гибель!
Да и в быках для людей — немалое зло. Не жалей их!» —
Молвит, а после спешит разделаться с тушей великой.
Если и богом он стал через дуб фригийский, однако
160 Та же прожорливость в нем, и тот же остался желудок,
С коим он встарь повстречался пахавшему Феодаманту.
Амнисиады меж тем от упряжки твоей отрешают
Ланей усталых, скребницей их чешут и корм задают им,
С луга Геры собрав траву, растущую быстро, —
165 Клевер трилистный, которым и Зевсовы кормятся кони;
Доверху чаны златые спешат они после наполнить
Чистою влагой, дабы водопой был ланям приятен.
Ты же вступаешь в отцовский чертог; там все тебя кличут
Рядом с собою воссесть; но ты к Аполлону садишься.

170 Если же нимфы ведут вокруг тебя хороводы,
Будь то подле истоков египетской влаги Инопа,
Иль у Питаны (затем, что твоя Питана!) и в Лимнах,
Иль когда, о богиня, ты к Аlam идешь Арафанским,
Бросив Скифский предел и обычай тавров отринув, —
175 Пусть в это время мои быки не выходят на ниву
Чуждую труд свой дневной совершать за условную плату!
Верно, в хлев воротятся они, вконец изнемогши,
Крепость мышц потеряв, хотя бы стимфейской породы
Девятилетки то были, что роги влачат, рассекать же
180 Пашню оралом способней других. Ведь бог солнцезарный,
С неба такой хоровод приметив, коней остановит,
Залюбовавшись; а дня между тем теченье продлится.

185 Меж островами какой тебе мил, и какая вершина,
Град какой, и залив? И кого возлюбила особо
Ты среди нимф, и каких героинь принимала в подруги?
Мне открой, о богиня, а я поведаю людям.
Меж островами — Долиха, средь градов мила тебе Перга,
Горы Тайгета мили, заливы же любы Еврипа;
Но среди нимф возлюбила ты дивно гортинаскую нимфу,
190 Зоркую Бритомартис оленеубийцу, за коей
Гнался по критским горам Минос, язвимый желаньем.
То в укромах лесных от него таилася нимфа,
То в болотных лощинах; он девять месяцев кряду
По бездорожью блуждал, не желая погони оставить;
195 Но под конец, настигаема им, она ввергнулась в море,
Прянув с обрыва, а там ее удержали тенета
Спасших ее рыбарей. С тех пор кидонийцы «Диктиной»
Нимфу зовут самое, а утес, с которого нимфа
200 Прянула, кличут «Диктейским»; алтарь у брега воздвигнув,
Жертвы приносят они, венки же плетут из фисташек
Или сосновых ветвей, но мирт рукам их запретен,
Ибо веточка мирта, за пеплоса край зацепившись,
Девы замедлила бег; с той поры ей мирт ненавистен.
Светоченосная Упис, владычица, критяне даже
205 И тебя самое именуют прозванием нимфы.
Ты и Кирену дарила приязнь, ей уступивши
Двух охотничих псов, из которых один Гипсеиде
После награду стяжал на играх при гробе Иолкском.
И супругу Кефала, Дейонова сына, избрала
210 Встарь белокурую ты, госпожа; а еще, по преданьям,
Больше света очей ты любила красу Антиkleю.
Первыми эти двое и лук, и колчан стрелоемный
Стали носить у плеча, оставляя правое рамо
Неприковенным и правый сосок всегда обнажая.
Также лелеяла встарь быстроногую ты Аталанту
215 Деву, Иасия дщерь аркадского, вепреубийцу,

Псов подстрекать научив и цель стрелою уметить,
Не изрекут на нее хулы зверобои, что были
На Калидонского созваны вепря; добычу победы
220 Край Аркадский принял и досель те клыки сберегает.
О, ни Гилей, полагаю, ни Рэк неразумный не станут,
Сколько ни мучит их злость, хулить облыжно в Аиде
Лучницу; не подтвердят той лжи бока их и чресла,
Те, что кровью своей обагрили утес Меналийский.

225 Радуйся много, Хитона, держащая храмы и грады,
Ты что в Милете являешь себя! Ведь тобою ведомый
Некогда прибыл в тот край Нелей из Кекропова царства.
Первопрестольница ты хесийская! Царь Агамемон
Дар во храме твоем принес тебе, путь умоляя
230 Вновь открыть кораблям (ибо ветры ты оковала),
В оное время, как плыли суда ахейцев на грады
Тевкров, бранью грозя Рамнусийской ради Елены.
Также и Пройт два храма тебе, богиня, воздвигнул:
Первый «Девичьей», когда ему в дом ты дев воротила,
235 Что в Азанийских блуждали горах; второй же, на Лусах, —
«Кроткой», затем, что у чад его отняла ты свирепость.
И амazonок народ, возлюбивший брань, у берега,
Подле Эфеса поставил тебе кумир деревянный
240 В сень священного дуба, и жертвы Гиппо сотворила.
Но остальные плясали вокруг, о владычица Упис,
Бранную пляску сперва, щитами вращая, а после
Хоровод по кругу вели; пронзительный голос
Им подавала свирель, чтоб в лад они били стопами
245 (Ибо выдалбливать кость оленю тогда не навыкли,
Как то Паллада во вред оленям измыслила). Эхо
До Берекинфа неслось и до Сард, как топотом шумным
Землю разили они, и вторили звоном колчаны.
После ж вокруг кумира того воздвигся пространный
Храм; святее его никогда не видело солнце,
250 Как и богатством обильней: легко и Пифо превзойдет он.
Храм сей разрушить грозил Лигдамид, обуянный гордыней
Дерзкий обидчик; привел он рать кормящихся млеком,
Словно песок, несчислимых с собой киммерийцев, живущих
Подле пролива того, что зовется по древней телице.
255 Как помрачен был рассудок царя проклятого! Больше
Уж ни ему не пришлось увидеть Скифскую землю,
Ни другим, чьи повозки пестрели на береге Каистра,
Путь возвратный найти; ибо лук твой — защита Эфесу!

260 О Мунихия, ты заливами правишь, Ферея!
В почести да не откажет никто Артемиде, затем что
Даже Ойнею пришлось не к добру созывать зверобоев;

Пусть не желает никто с Охотницей спорить в искусстве —
За похвальбу и Атрид расплатился пеней немалой;
Девственной да не дерзнет никто домогаться — как Отос,
265 Так Оарйон желаньем пылал себе не во благо;
Плясок пусть никто не бежит ежегодных — отвергнув
Танец пред алтарем, и Гиппо вкусила возмездье.

Радуйся много, Царица! И к песне будь благосклонна.

IV. К ОСТРОВУ ДЕЛОСУ

Дух мой, когда же сберешься воспеть ты Делосскую землю,
Пестунью Фебову? Так, и другие Киклады прилично
Славить; они между всех островов, омываемых морем,
Святы особо; но первого дара от Музы достоин
5 Делос — затем что Феба, над песнями властного, первым
Он омыл, пеленами повил и как бога восславил.

Как на певца, что не хочет Пимплею воспеть, негодуют
Музы, так гневен и Феб на-того, кто Делос забудет.
Делосу ныне хвалу приношу; да возлюбит владыка
10 Кинфий меня, усмотрев, что его я пестунью славлю!
Пусть бесплодна эта земля, ветрами продута,
Морем бичуема бурным, не коням приют, а гагаркам,
Что среди понта лежит неподвижно; окрест же пучина
Пенообильную влагу волны Икарийской подъемлет;
15 То-то одни рыбари на ней обитают морские!
Все же никто не отнимет у ней особыливую почесть:
Если вокруг Океана, вокруг титаниды Тефисы
Сходятся все острова, всегда она шествует первой —
А уж за нею вслед идет и Кирн финикийский,
20 И абантская с ним Макрина, Эллопа жилище,
И Сардиния, сладостный край, и остров, который
Первым Киприду приял из волн и ею блудится.
Каждый из них охраняем оградою стен крепкозданных;
Делос же Фебом храним — найдется ль ограда надежней?
25 Ибо от вихрей Борея стримонского рушатся низемь
Башни и стены порой; но бог — он вовеки незыблем.
Милый Делос, так вот кто тебя, хранящий, обходит!

Так; но если в избытке тебе воспеваются песни,

30 Чем изумлю я тебя? Что по сердцу будет услышать?
Или о том, как некогда бог многомощный, ударив
Горы трезубым копьем, что ему сковали тельхины,
Дал через то островам начало, а после низринул
Их с устюев привычных и ввергнул в морскую пучину?
35 Да, в глубине, чтоб они и думать забыли о сущем,
Дал он им корни — им всем; но ты принужденья не знала,
Вольно блуждая по лицу зыбей; и старое имя
Было тогда у тебя — «Астерия», ибо в пучину
Пала звездой ты с небес, убегая от Зевсова ложа.
40 Так; покуда златая Лето у тебя не гостила,
Было Астерия имя тебе, а вовсе не Делос.

Часто зрели тебя мореходы, от града Трезена
Путь направлявшие свой к Эфире, когда ты являла
В волнах Саронских себя; но уже при своем возвращенье
Больше тебя не встречали, меж тем как ты проплыvalа
45 Возле узких протоков Еврипа, грохочущих шумно,
Чтобы в этот же день, презрев Халкидские зыби,
К мысу Афинской земли, к высокому Сунию выйти,
Или к Хиосу, иль также к сосцам орошенного влагой
Острова, к славной Парфении (Самос еще не родился),
50 К царству Анкея, где ждали тебя микалийские нимфы.
Но когда для рожденья дала ты Фебова место,
Новое имя в награду тебе нарекли мореходы,
Ибо уже ты не бродишь по смутным путям, но в пучине
Бурных Эгейевых вод пустила глубокие корни.

55 Не убралася ты и грозившей Геры. Богиня
Гневалася страшно на жен, что чад зачинали от Зевса,
Пуще всего — на Лето: суждено той было единой
Сына родить, что будет отцу любезней Ареса.
На дозорных она высотах пребывала в эфире,
60 Так ярясь, что и молвить нельзя, и Лето заграждая,
Мукой язвимой, стези; меж тем к земле крепкозданной
Двух приставила стражей она. Озирая прилежно
Весь материк, на вершине воссел фракийского Гема.
Буйный Арес, облеченный в доспех; к дороге готовы,
65 Кони ждали его в седьмидомном Бореевом гроте.
А крутосклонные все острова поручены были
Дщери Фавнантовой рвенью, на выси взлетевшей Миманта.
Оба они дожидались, к какому граду направит
Путь свой Лето, и, грозя, ее принять возбрали.
70 В страхе бежала Аркадия вся, бежала святая
Аги гора, Парфений, и вспять Феней обратился,
Вся бежала Пелопа земля, что простиралась до Истма,
Кроме Аргоса лишь с Эгиалом; туда не ступали

Ноги Лето, затем что над Инахом Гера владычит.
75 Тем же страхом гонима, бежала Аония; следом
Дирка со Строфией купно спешили; на них опирался
Чернокремнистый отец Имен; и медлительным ходом
Тек, отставая от них, Асон, что перуном расслаблен:
80 Мелия, нимфа тех мест, плясунья, думать забыла
О хороводах, и бледность покрыла робкой ланиты,
Ибо страшилась она за дуб соприродный, увидев,
Как сотряслась Геликонова гриба. О Музы, откройте,
Правда ль, что с деревом вместе на свет рождаются нимфы?
85 Нимфы ликуют, когда от дождей кудрявится древо;
Нимфы тоскуют, когда опадают листья у древа...

Гневом вспыхнул меж тем во чреве еще материнском
Царь Аполлон и Фивам прорек ужасное слово:
«Фивы, к чему искушать вы свою хотите судьбину?
Не призывайте меня, о злосчастные! — ныне пророчить,
90 Нет ведь еще и в Пифо у меня треножных седалищ,
Змей великий еще не сражен; пресмыкаясь, ползет он,
Страшной украшен брадой, свой путь зачиняя от Плейста,
В девять обвивши колец Парнаса снежные выси...
95 Все же слово скажу, верней, чем вещанье от лавра:
Что ж, бегите скорей! Нагоню я вас, омывая
Стрелы в крови; потомство жены преступноречивой
Пестовать будете вы — но меня ни вам не лелеять,
Ни Киферону вовек; я, чистый, вверюсь лишь чистым!»

Так он сказал; и снова Лето в блужданья пустилась
100 Но когда отвергли приход сей гости все грады
Края Ахейского, как и Гелика, град Посейдонов,
И Ойкиада, приют Дексамена, сельская Бура, —
Путь обратила она к Фессалии. Кинулись в бегство
И Анавр и Ларисса, а с ними Хироновы горы.
105 И Пенея поток, по Темпейскому долу бегущий.
Все же в груди у тебя, о Гера! жестокое сердце
Не умягчалось никак, когда Лето вздымала
Обе в моленье руки, понапрасну речи вещая:

«О фессалийские нимфы, о дщери потока! Просите
110 Все вы, касаясь брады родительской, да успокоят
Волны отец, чтобы Зевсовых чад в водах я родила.
Фтийский Пеней, для чего, отец, ты с ветрами споришь?
Не на ристалище мы, и нет коня под тобою.
Молви: всегда ль у тебя так ноги легки? Или только
115 Из-за меня убыстрились они? Как будто крылами
Некто тебя наделил! Не внемлет! О мое бремя,

Где сложу я тебя? Нет в теле крепости больше!
Или помедли хоть ты, Пелион! Помедли, Филиры.
120 Брачный чертог! Ведь нередко на высинах твоих и на склонах,
Яростных чад породив, от мук разрешаются львицы».

Слезы лия, такою Пеней ответствовал речью:
«Власть велика у богини Неволи, Лето! Не отвергнул
Я бы тебя, госпожа; и другие жены, родивши,
125 Знаю, в водах моих омывались. Но страшно грозит мне
Гера! Ты только взгляни, какой боец на дозорных
Ныне высотах воссед; без труда он вконец изничтожит
Струи мои! На что ж я решусь? Пенея погибель
Даст ли радость тебе? Так пусть свершится судьбина!
Ради тебя я постражду, Лето, хотя бы пришлось мне
130 Вовсе иссякнуть, вконец умалиться, навеки погибнуть
И перед реками всеми лишиться славы и чести!
Так, я готов; что нужно еще? Зови Илифию!»

Молвил, и мощный сдержал он поток; но Арес, воспылавши,
Выси Пангея решил до корней из почвы изринуть,
135 В воздух поднять, на реку повергнуть и струи засыпать.
Загрохотал он с высот и в щит ударил ужасным.
Жалом копья — и бранные звуны окрест огласили
Оссу крутую и дол Краннона, отдавшися эхом
140 В ветреных Пинда вершинах; Фессалия в страхе великом
Вся подскочила; столь грозно звучал его щит меднозданный.
Словно на Этне-горе, курящейся пламенем дымным,
Ходят все ходуном, чуть только в недрах подземных
Стронется с места гигант Бриарей и плечами подвижет,
145 Между тем как в Гефестовой кузне сосуды, и горны,
И треноги, и чаши, в огне сотворенные, купно
Друг на друга вались, гудят и звенят нескованно, —
Столь же разительный гул от щита округленного несся.
Все же Пеней не стал убегать, но с прежней отвагой
150 Ждал поначалу врага, сдержав проворные воды,
Слов покуда таких Лето не вещала: «Спасайся
Во благовременье, отче! Спасайся, да зла не претерпишь.
Ты за ласку твою, которой вовек не забуду!»

Молвила так — и направила путь, устав от скитаний,
К мореобъятим она островам; но ее отвергали
155 Как Эхинады, отрадный приют дающие судну,
Так и Коркира, что любит гостей и встречает отменно, —
Ибо всем им с высот Миманта грозила Ирида,
Яростью в дрожь приводя; они же, окрику внявши,
Все разбегались по морю, едва Лето подходила.

160 После к древнему Косу, к Меропову острову бег свой
Устремила она, к священной земле Халкионы,
Но удержало ее сыновнее слово: «Не должно,
Мать, рожать меня здесь! Пусть мил сей остров и славен,
Пусть изобилем гордится пред всеми он островами;
165 Но приговором судеб ему бог иной обетован —
Дивных Спасителей сын, под чью покоряется державу,
Добрюю волей своею приемля власть Македонца,
И сухопутные земли, и те, что покоятся в море,
Вплоть до крайних пределов, отколе свой бег начинают
170 Кони проворные Солнца; а нрав он наследует отчий.
С ним-то и мне предстоит разделить со временем подвиг,
Войны совместно ведя. Ведь некогда против Эллады
Злые кинжалы подымет и кельтского кликнет Ареса
Племя новых титанов, от самого края заката.
175 В том же пришедшем числе, в каком виются снежинки
В вихре или светила идут по небесному кругу.

... И в Кризейских долинах, и в узком Гефестовом логе
Будут теснимы они отовсюду, взирая, как дымы
К небу с соседних восходят полей; но не то еще узрят!
В самом храме моем проблеснут оружьем фаланги
Богопротивных врагов, засверкают мечи и доспехи
Дерзко, и с ними щиты ненавистные; после же станут
180 Метить собою они повсюду проклятые троны
Дикого рода галатов, от коих немалая доля
Мне останется — часть же иная сгинет у Нила,
Став добычей царя, подъявшего труд ратоборный.
Феба вещанье прими, Птолемей, имущий родиться!
185 Так; со временем ты похвалишь провидца, что ныне
В чреве глаголет родном! А ты мужайся, о мать:
Видишь, в волнах морских невеликий остров приметен,
Что плывет над зыбями, в земле же корней не имеет,
Словно побег асфодели, гоним повсюду теченьем,
190 Будь то к Евру иль Ноту, куда ни стремится пучина.
Вот к нему и ступай — и нам прибежище будет!»

Так он вещал; между тем острова разбегались по морю,
Но приближалася ты, Астерия, милая песне,
Вспять от Евбеи спеша повидать Киклады скорее:
Водоросьль из Герэста еще на тебе повисала.
200 Все поняв, сдержанла ты бег и стала недвижно;
И провещала Гере самой дерзновенное слово,
В тяжких томлениях видя богиню перед собою:
«Гера, что хочешь со мною твори, но я преступила
Ныне запрет. Ко мне, о Лето! Ко мне! Поспеши же!»

205 Кончила ты; она же, предел узревши блужданьям,
Села подле Иноповых струй, что из недр подземельных
Брызжут всего полноводней тогда, когда разольется
Нил, от высот Эфиопских гоня изобильную влагу.
Пояс расторгла она, а плечи свои прислонила
210 К древу пальмы, вконец ослабев от натиска жгучих
Болей, и хладный пот по коже ее заструился.
Громко стенала она: «Что мать терзаешь, о сын мой?
Чадо, вот ведь и остров тебе нашелся плавучий.
Сын мой, рождайся скорей! И кроток выди из чрева».

215 Но и ты оставалась недолго неизвестенной,
Ярая Зевса супруга; к тебе внеслась, запыхавшись,
Вестница и начала, к словам боязнь примешавши:
«Гера, моя госпожа, средь богинь высочайшая саном!
Я, как и все, под рукой твоей; ты по праву владычишь,
220 На олимпийском престоле воссев; иной не страшимся
Женской руки. Но узнай, госпожа, в чем гнева причина:
Ныне пояс Лето на земле островной развязала!
Все острова отвергали ее, устрашенные мною:
225 Только Астерия смела ее по имени кликать,
Только Астерия, моря отребье; ты наглуя знаешь.
Ах, заступись, помоги, владычица мощная, верным
Слугам, которые ради тебя всю землю обходят!»

Кончив, припала к подножью она, Артемидиной псице
230 Видом подобясь своим, средь охоты на миг прикорнувшей
Подле ног госпожи, но востряющей во сне свои уши
И готовой по кличу богини с места сорваться;
Так-то у трона златого сидела дочерь Фавманта.
Неукоснительно рабье свое она ведает место;
235 Даже когда забвение Сон крылом ей навеет,
Голову чуть опустив на грудь, притулясь незаметно
К ножке высокого трона, она вкушает дремоту,
И ни сандalias притом, ни пояса с тела не снимет —
Ибо ведь в каждый миг с поручением спешным царица
240 Может ее отослать! Но Гера промолвила мрачно:
«Так-то, срамницы Зевеса, любитесь без чести, без славы
Чад являйте на свет — не там, где и низким рабыням
Корчиться в родах дано, но где одни лишь тюлени Р. 7
Малых детенышей мечут, на бреге пустом и безлюдном.
Все же не гневаюсь я на Астерию за прегрешенье
245 Дерзкое и не намерена впредь ей кары готовить,
Хоть заслужила она, Лето приютив беззаконно!
Все же ее особливо я чту; ведь она не сквернила
Ложа вовек моего, но в пучину сокрылась от Зевса».

250 Слово она изрекла; меж тем певцы Аполлона,
 Лебеди, кинув Пактол Меонийский, семь сотворили
 Плавных кругов над Делосской землей, и славили звонко
 Дивные роды они той песнью, что всех сладкогласней.
 Вот потому и к лире своей приладил рожденный
 Столько же струн, сколько раз при рожденье лебеди спели.
 255 Песни восьмой не успели начать они, как из чрева
 Он явился, и грянули в лад делосские нимфы,
 Древней чада реки, Илифию зовя, и медянный
 В высях ответил эфир, зазвенев от зычного гласа.
 Даже и Гера не гневалась ныне, склоненная Зевсом.
 260 Стала златою окрест, Астерия, вся твоя почва,
 Стали златыми листы осенившей роды маслины,
 Стали златыми струи виующего русло Инопа.
 Ты же сама подняла с земли озлащенной младенца,
 265 К персям своим приложила и молвила слово такое:

 «Гея, несущая домы, имущая грады и храмы,
 Вы, о материки, и вы, острова! Поглядите,
 Земли мои каковы? Бесплодны, не правда ль? Но будет
 270 Делием именоваться по мне Аполлон, возлюбивши
 Так, что не будет иной земли, столь богом любимой.
 Ни Керхниду свою Посидаон так не лелеет,
 Ни Килленскую гору — Гермес, ни Крит — Громовержец,
 Сколь возлеет меня Аполлон, и блуждать я престану».
 Так промолвила ты, и к сосцам припал он любезным.

 275 Фебова пестунья, ты священнейшей меж островными
 Землями с той зовешься поры; на тебя не дерзают
 Ни Энио, ни Аид вступить, ни Аресовы кони.
 Но ежегодно тебе воздают десятину начатков
 Грады, и хоры свои посыпают купно народы
 280 Все, что к восходу живут, иль к закату, или обитель
 В kraе полдневном снискали себе, и те, что привыкли
 Жить за Бореем в песках, долговечнейший род человеков!
 Да, они-то и шлют солому тебе и колосья
 В освященных снопах; от них пеласти в Додоне
 285 Первыми дар принимают, из дальнего посланный края, —
 Слуги глаголющей меди, что спят на земле обнаженной;
 После отходят снопы к Священному Граду и к горным
 Высям Малийской земли; оттоле же странствуют морем
 К милому долу абантов, к Лелантию, — но от Евбеи
 290 Уж недалече им плыть, затем что ты ждешь по соседству.
 Первыми эти удары от русых тебе аrimаспов
 Уплис, и дева Локсо доставили, и Гекаерга,
 Дщери Борея, и отроков с ними толпа непорочных,
 Юности избранный цвет; но в отчизну они не вернулись,

295 Лучший удел получив и стяжав вековечную славу.
 Даже доныне невесты на Делосе, клич Гименея
 Ухом трепетным вняв, несут в приношение девам
 Кудри девичьи свои, меж тем как юноши, срезав
 Первой начатки брады, их жертвуют отрокам чистым.

 300 Ты фимиамом всегда, Астерия, дышишь, окрест же
 Словно бы хоровод ведут острова круговидный.
 О, тебя-то вовеки без кликов, без плясок не узрит
 Геспер кудрявый, взойдя, ты всегда оглашаема звоном.
 Юноши в лад припеваю напеву ликийского старца,
 305 Тот напев, что от Ксанфа принес Олен боговецкий,
 Между тем как плясуньи стопами прах ударяют.
 В оное время венками разубран бывает и старый,
 Чтимый кумир, что древле Тесей поставил Киприде,
 Купно с отроющим сонном свой путь направляя от Крита;
 Ибо, спасши себя от ужасного рыка, от злого
 Пасифайна чада, от хитрой стези Лабиринта,
 Пляской они круговой под звоны кифары почтили
 Твой алтарь, госпожа; а Тесей начальствовал хором.
 310 С той-то поры обычай велит посылать Кекропидам
 К Фебу священный корабль, о Тесеевом плаванье помня.

Много ты слышишь молитв, Астерия! Кто же проедет
 Мимо тебя, стороною спеша с кораблем быстроходным,
 Из торговых людей? О нет, какие бы ветры
 Ни подгоняли корабль, и какая б нужда ни теснила,
 325 Спустят парус сперва моряки и не тронутся с места,
 Прежде чем вокруг алтаря не покружатся в пляске
 Под ударами розог и ствол не укусят маслины,
 Руки держа за спиной. Измыслила ж эти обряды
 Местная нимфа, забаву творя Аполлону-дитяти.

330 Радуйся много, очаг островов, святыня морская,
 Радуйся ты, Аполлон, и с тобою сестра Аполлона!

V. НА ОМОВЕНИЕ ПАЛЛАДЫ

Сколько ни есть вас, прислужниц Палладиных, все выходите,
В путь выходите: пора! Ярое ржанье коней
Я заслышал уже, и к дороге богиня готова:
О белокурые, в путь, дщери Пеласговы, в путь!
5 Рук могучих еще никогда не омыла Афина
Прежде, чем грязь сокресть с конских усталых боков,
Даже и в день, как, доспехи неся, залитые кровью,
С бранью вернулась она, буйство гигантов смирив;
10 Нет, поначалу она поспешала коней истомленных,
Отрешив от узды, в водах глубоких омыть
Океана, и пыль удаляя, и пот, и от пастей,
Грызших в пылу удила, ярую пену стереть.
Ныне, ахеянки, в путь; но с собой не берите ни мира,
15 Ни алавастров (уже слышу, как спицы скрипят!),
Ни алавастров, ни мира с собой не несите Палладе:
Ведь умащений таких Дева не терпит вовек.
Зеркала тоже не надо: ее красота неизменна.
Даже и в день, как судил пастьры фригийский богинь,
20 Не заглянула ни в медь Афина, ни в ясные воды
Симоисса, чья гладь облик являет любой.
Так же и Гера: одна лишь Киприда не раз поглядела
В зеркало, дважды сменив хитросплетенье волос.
Дважды Паллада меж тем шестьдесят уж поприщ промчалась,
25 Как у Евротовых струй бег свой свершает чета
Звездных лаконских мужей; затем умастилась искусно,
Взявши елей, что рожден собственным древом ее.
Девушки, как раскраснелась она от бега! Как роза
Рдеет в саду на заре или граната зерно.
30 Так и теперь ей несите елей, что мужам подобает:
Им ведь и Кастор себя, им и Геракл умащал.
Гребень златой не забудьте, дабы она расчесала
Локон, пригладив волну ясно светящих кудрей.

35 Выйди, Афина! Смотри, каково твоё ополченье —
Чистые девушки все, кровь же Арестора в них.
Вот, Афина, несут и оный щит Диомедов,
Как тому научил в давние дни аргивян
Их наставник Евмен, тебе любезный служитель;
Ибо, приметив, что смерть тайно готовит ему
Племя его, он бежал, прихватив с собою в дорогу
Твой кумир, и ушел в Крейских горах обитать,
В Крейских горах обитать; тебя же, богиня, поставил
В тех ущельях, что мы днесь Паллатиды зовем.
Выйди, Афина в шлеме златом, губящая грады,
Ты, чей дух веселят звоны щитов и копыт.
40 45 По воду, жены, сегодня страшитесь ходить; аргивяне,
Пейте сегодня от струй кладезных, не из реки.
Нынче, рабыни, несите сосуды свои к Фисадии
Иль к Амимоне, другой дщери Даная-царя —
Ибо, влагу свою со златом смешав и цветами,
Иных роскошно ее с гор, веселяся, несет
На омовенье Афине; а ты берегись, пеласгиец,
Как бы нечаянно ты не увидал Госпожу.
Кто ее узрит нагой, Градодержицу нашу Палладу,
Аргоса нашего впредь уж не увидит вовек.
50 55 Так счастливо же в путь, Госпожа! А я им покуда
Слово скажу; не мое слово, но старых людей.
Дети, в некое время Афина фиванскую нимфу
Дивно любила, ее всем остальным предпочтя
(Ту, что Тиресию матерь), и с нею была неразлучна.
60 65 Так, направляла ли путь к древней Феспийской земле
Или, ища Коронеи, ища Галиарта, стремила
Бег упряжки своей чрез Беотийский предел
(Да, ища Коронеи, где ей благовонная роща
Посвящена и алтарь у Куралийской волны), —
Часто богиня ее с собою брала в колесницу;
70 75 Ни хороводы, ни смех, ни ликования нимф
Не услаждали Палладу, коль пляски вела не Харикло.
Все же и ей довелось горькие слезы узнать,
Ей, что была для Афины меж всех любезней подругой.
Ибо однажды они, скрепы одежд разрешив,
Вместе купались в прозрачнотекущих водах, в Геликоне
Конском; полуденный час горы сковал тишиной.
Вместе купались они; полуденной это порою
Было, и тишина всюду царила в горах.
75 80 Только Тиресий один (едва борода пробивалась
На ланитах младых) там же со сворой бродил.
Жажда томила его, и пришел он к струям несказанным,
Бедный; и то, что нельзя, против желанья узрел.
Гневная тотчас к нему слова обратила Афина:
«Что за демон тебя, очи свои навсегда
Ныне теряющий сын Эверов, привел не на радость?»

Только сказала — и мрак юноше очи покрыл.
Не было речи в устах у него: оковала колена
Мука, и в страхе коснел оцепеневший язык.
85 Нимфа же вопль подняла: «Увы, ты ль отрока губишь,
О Госпожа? Такова ль ваша, богиня, приязнь?
Очи сыновние ты отняла. Злаполучнейший отрок,
Ибо Афинино ты лоно узрел и сосцы,
Солнца же больше не узришь вовек. Увы мне, злосчастной!
90 О Геликон, ты моей ныне запретен стопе!
Многое ты за немногое взял, меняла жестокий, —
Нескольких ланей отдав, отрочьи отняв глаза!»
И, руками схватив обеими бедного сына,
Матерь вопль подняла, словно лесной соловей
95 Жалобой звонкой залившись. Над ней умилилась богиня,
И Афины уста слово такое рекли:
«О, жена, отрекись поскорей от речи, внушенной
Гневом, затем, что в беде должно винить не меня.
О, нисколько, поверь, похищать не сладко Афине
100 Отроков очи, но так Кронов глаголет закон:
Кто одного из бессмертных, самим божеством не избранный,
Узрит, великую тот пению уплатит за грех.
О жена, что свершилось, того воротить невозможно:
Верно, такую уж нить выпряла Мойра, когда
105 Этот мальчик рождался на свет. Неси же с терпеньем,
Чадо Эвера, беду, ту, что тебе суждена.
Сколько жертв принести пожелает в свой час Кадмеида,
Сколько, увы, Аристей, если бы только могли
Вымолить этой ценой они хоть слепцом Актеона!
110 Ведь Артемидинах он спутником будет охот,
Но ни охоты, ни травли, ни стрелы, что вместе с богиней
Станет метать он в горах, все не помогут ему,
Стоит ему увидать не по воле своей омовенье
Дивной богини; свои псы господина пожрут,
115 Яростный пир учинив; а кости сыновние матери
Будет сбирать, обходя заросли скорбной стопой.
Верно, счастливой тебя она назовет и блаженной,
Ибо тебе хоть слепцом горы вернули дитя.
О подруга, печаль отложи; его же немало
120 Ждет прекрасных даров в память о дружбе моей.
Я пророком его сотворю, досточтитым в потомках,
И без сравненья других он превысит собой.
Птиц различит он неложно, какая на благо, какая
Попусту иль не к добру в небе явила себя.
125 Много он возвестит божественных слов беотийцам,
Кадму откроет вещун и Лабдакидам судьбу.
Дам я и посох ему, шаги направляющий верно,
И долголетний ему жизни отмерю предел.
Он и по смерти один в Аиде пребудет разумен,
130 Властным почивших царем Агесилаем почен».

Слово скончав, кивнула она. Коль Паллада кивнула —
Сделано дело; одной меж дочерей даровал
Зевс Афине вершить дела отцовскою властью.
Жены, явила не мать нашу богиню на свет,
135 Но Зевеса глава; глава же Зевеса неправде
Не покивает вовек; так и Зевесова дщерь.
Подлинно, едет Афина сюда! О девы, воспряньте,
Ежели Аргос вам свят; должно богиню встречать
Благоустановлю речью, молитвою и возглашеньем.
Радуйся, Дева, и нам град Инахийский блюди.
140 Радуйся много, от нас ли коней или к нам направляешь,
И сохрани навсегда целым данайцев удел!

VI. К ДЕМЕТРЕ

Вот и кошницу несут! О жены, примолвите звонко:
«Радуйся, мать Деметра, обильная кормом и хлебом!»
Вот и кошницу несут! С земли взирайте на тайну,
Кто посвящению чужд; не смейте подглядывать с кровель,
5 Ни жена, ни дева, ни та, что власы распустила,
Все мы покуда должны голодную сплевывать влагу.
Геспер сквозь дымку сверкнул — когда же ты выйдешь, о Геспер?
Это ведь ты убедил испить Деметру впервые
В оное время, как Деву она безуспешно искала.
10 Ах, Владычика наша, и как тебя ноги носили
В странствиях к черным мужам и к плодам Гесперидина сада?
Сколько же маялась ты, не омывшись, не пивши, не евши!
Трижды ты перешла серебряный ток Ахелоя,
15 Каждую реку ты столько же раз пересечь потрудилась,
Трижды у струй Каллихора ты наземь садилась устало!
Солнцем палима, пылью покрыта, терзаема гладом!
Нет, о нет! О том промолчим, как Део горевала.
Лучше припомним, как градам она даровала законы,
20 Лучше припомним, как жатву она совершила впервые
Свято, и как подложила быкам под ноги колосья
В те времена, как был Триптолем в искусстве наставлен;
Лучше припомним, дабы научиться бежать преступлений
И своеволья, о том, как был Эрисихтон наказан.

В давнее время не Книда предел, но Дотий священный
25 Племя пеласгов еще населяло; они посвятили
Рощу богине густую — сквозь листья стреле не пробиться.
Там и сосна возрастила, и статные вязы, и груши,
Там и сладчайшие яблоки зрели; электра яснее
Там струилась вода из протоков. Не меньше ту рощу,
30 Чем Элевсин, иль Триоп, иль Энну, любила богиня.

Демон благой отошел между тем от Триопова рода.
И через то Эрисихтон был злым подвигнут советом:
Двадцать служителей он повел с собою, могучих,
Словно гиганты, способных хоть целый град нисровергнуть,
35 Их секирами всех ополчил, ополчил топорами —
И предерзких толпа к Деметриной кинулась роще.
Был там тополь огромный, до неба росшее древо,
Тень в полуденный час для игры дарившее нимфам;
Первым принял удар, печально оно восстенало.
40 Вот Деметра взяла, как тополь страждёт священный,
И промолвила в гневе: «Кто дивные рубит деревья?»
Тотчас она уподобилась видом Никиппе, что жрицей
От народа была богине назначена, в руки
Взявшая мак и повязки, ключами же препоясавшись.
45 Кроткие речи она обратила к негодному мужу:
«О дитя, что стволы, богам посвященные, рубишь,
О дитя, отступись! О дитя, ведь мил ты родившим!
Труд прекрати и слуг отошли, да не будешь постигнут
Гневом властной Деметры, чью ты бесчестишь святыню!»
50 Он же воззрился в ответ страшней, чем дикая львица
На зверобоя глядит, в горах его встретив Тмарийских,
Только родившая чад (говорят, страшны у них очи).
«Прочь! — он вскричал, — иль моим топором тебя поражу я!
Что до этих дерев, то они пойдут на укрытье
55 Для чертога, где радостный пир сотворю я с друзьями!»
Юноша кончил; была записана речь Немесидой.
Гневом вскипев, свое божество Деметра явила, —
Праха касались стопы, глава же касалась Олимпа.
Слуги, от страха мертвяя, узрели богиню и тотчас
60 Прочь пустились бежать, в лесу топоры покидавши.
Их Госпожа отпустила, людей подневольных, не доброй
Волей пришедших сюда; но владыке молвила гневно:
«Так, хорошо, хорошо, о пес, о пес! О веселых
Ныне пекися пирах! Предстоит тебе трапез немало».
65 Так провещала она, Эрисихтону горе готовя;
В тот же миг он был обуян неистовым гладом,
Жгучим, ярости полным, и злой в нем недуг поселился.
О, злосчастный! Чем больше он ел, тем больше алкал он.
Двадцать слуг подносили еду, а вина — двенадцать.
70 Ибо гневом пыпал Дионис с Деметрой согласно:
Что ненавидит Деметра, всегда Дионис ненавидит.

Срама такого стыдясь, своего родители сына
В гости не смели уже отпускать, отговорки слагая.
Как-то на игры Афины Итонской его Ормениды
75 Призывали, но им ответила мать отказом:
«Нет его дома сейчас; вчера в Кранон поспешил он,
Во сто быков ценой востребовать долг». Посетила

Их Поликсо, Акториона мать, на сыновнюю свадьбу
Звать вознамерясь Триопа, а с ним и Триопова сына.
80 Скорбь держа на душе, в слезах ей молвила мать:
«Будет с тобою Триоп; Эрисихтон же, вепрем на склонах
Пинда ранен, лежит на одре уж девятые сутки».
Бедная, нежная мать, какой ты лжи не сплетала!
85 Коль устроется пир — так «нет Эрисихтона дома»;
Свадьбу справляет сосед — «Эрисихтон диском ушиблен»,
Или «упал с колесницы», иль «чистит отрийское стадо».
Дома меж тем заперлись, целодневно, с утра и до ночи
Ел он и ел без конца, но вотще — свирепый желудок
Только ярился сильней; как будто в пучину морскую
90 Все погружались бесплодно, нимало не пользуя, яства.
Словно снег на Миманте иль воск в сиянии солнца,
Так он таял и таял сильней, пока не остались
Только жилы одни у страдальца, да кожа, да кости.
95 Горько плакала мать, и сестры тяжко скорбели,
И сосцы, что вскормили его, и десять служанок.
Сам Триоп, седую главу поражая руками,
Громко возвзвал к Посейдону, ему не внимавшему вовсе:
«О лжеродитель! Воззри на внука, если и вправду
100 Твой я сын от Канаки, Эоловой дщери; мое же
Семя — этот злосчастный. Когда бы стрелой Аполлона
Был он сражен и его склонил я своими руками!
Ныне же мерзостный голод в его очах поселился.
Или недуг отврати, иль его под свое попеченье
105 Сам прими и питай; мои же иссякли запасы.
Пусты конюшни мои, на дворе моем больше не вид
Четвероногих; меж тем повара, из сил выбиваясь,
Уж и месков моих отпрягли от большой колесницы.
Он и корову пожрал, что готовила мать для Гестии,
110 И боевого коня с ристалищным вместе, и даже
Самое белохвостку, страшившую малых зверушек!»

Все же, покуда в Триоповом доме столы накрывались,
Только родимый покой об этом ведал злосчастье.
Но когда от зубов ненасытных все опустело,
На перекрестке дорог уселся царственный отпрыск,
115 Клянча сухие куски и стола чужого отбросы.

Другом моим да не будет, Деметра, твой оскорбитель,
Ни соседом моим! Не терплю соседей злонравных.

Молвите звонко, о девы, и вы подхватите, о жены:
«Радуйся, матерь Деметра, обильная кормом и хлебом!»
120 Как четыре коня провозят святую кошницу,

Белые мастью, так нам царящая мощно богиня
Белую пусть ниспошлет весну, и белое лето,
Также и осень, и зиму, блюди обращение года!
Как мы, ноги не обув и волос не связав, выступаем,
125 Так да пребудут у нас и ноги и головы здравы!
Полную злата несут кошниценосные жены
Ныне кошницу; таков да будет злата избыток!

Te, кто таинствам чужд, идите до пританея;
Вы ж, посвященные жены, — до самого храма богини,
130 Если шести не достигли десятков. А вы, кто во чреве
Носите плод, Илифию моля, или мучимы болью,—
Сколько ноги пройдут; и вас Део в изобилье
Всем одарит, а когда-нибудь вы и до храма дойдете.
Радуйся много, богиня, и граду даруй удачу
135 Ты и согласье, в полях возрасти плоды нам и злаки,
Скот возрасти, дай яблокам сок, дай колосу зрелость,
Сладостный мир возрасти, чтоб жатву пожал, кто посеял.

Милость яви мне, молю, меж богинями дивная силой!

ГИМН
КЛЕАНФА

К ЗЕВСУ

Ты, из бессмертных славнейший, всесильный и многоименный,
Зевс, произведший природу и правящий всем по закону.
Зевсу привет мой! Тебя всем смертным хвалить подобает,
Мы — порожденье твое и все твой образ мы носим,
5 Смертные все, что живем на земле и ее попираем.
Вот почему твою мощь восхваляю и петь буду вечно.
Все мироздание это, что землю обходит кругами,
Движется волей твоей, тебе повинуясь охотно.
Держиши в своих ты руках, никогда пораженья не знавших,
10 Молнии блеск огневой, ослепительный, вечно живущий,
Молнии той, чей удар в смятенье ввергает природу;
Этим огнем направляешь по миру ты разум всеобщий,
Всюду проносится он, меж светил великих и малых.
Ты повелитель всего, над всем величайший владыка.
15 Нет ничего на земле, что помимо тебя бы возникло,
Нет ни в эфире небесном, ни в моря глубокой пучине,
Кроме того, что безумцы в своем безрассудстве свершают.
Ты же умеешь, однако, соделать нечетное четным,
Дать безобразному вид, у тебя и немилое мило.
20 Ты согласуешь в единство дурное совместно с хорошим,
Так что рождается разум, всеобщий и вечно живущий,
Разум, чья сила страшна одним лишь дурным между смертных;
В зависти злобной они стремятся к владениям добрых,
Общий священный закон не видят, ему не внимают;
25 Если б ему покорились, то жили бы честно, разумно.
Ныне ж пылают одни необузданной жаждою славы;
Эти стремятся лукаво к наживе бесчестной, иные
Преданы только распутству и, тело свое ублажая,
Ищут одних наслаждений, взамен же страданье находят.
30 Ты же, о Зевс, всех даров властелин, темнокурый, громовый
Дай человеку свободу от власти прискорбной незнанья;
Ты изгони из души неразумье и путь укажи нам

К мудрости вечной, которой ты правишь над всем справедливо,
Честь от тебя восприняв, и тебе будем честь воздавать мы,
Вечно твои воспевая деянья, как смертному должно.
Нет награжденья прекрасней для смертных и нет для бессмертных,
Кроме как общий закон восхвалять и чтить справедливость.

ОРФИЧЕСКИЕ ГИМНЫ

К МУСЕЮ
НА ПОЛЬЗУ И ВО БЛАГО ТЕБЕ, ДРУГ!

Вот послушай, Мусей, молитву при действиях священных
Силы великой — тебе она более всех подобает.
Царь Зевес и Земля, и небесное чистое пламя
Солнца с Луной, и бесчисленных созвездий святое свеченье!
5 Ты, Посейдон, черновласый держатель Земли! Персефона!
Ты, о Деметра святая, плодами обильная пышно!
Также и ты, Артемида, о ты, стрелометная дева,
С Фебом, что в Дельфах святых обитаешь! О ты, что имеешь
Вышнюю честь у блаженных богов — Дионис-хороводник!
10 Духом могучий Арес и Гефестова сила святая!
Пенниорожденная, ты, кто жребий дарует преславный!
Также и ты, о подземный владыка, державнейший демон!
Геба с Илифией, вы! Ты, Гераклова сила благая!
Ты, Справедливость, и ты, Благочестье — оплот величайший!
15 Всех вас зову — и нимф знаменитых, и славного Пана,
Геру цветущую, Зевса, эгидодержавца, супругу,
Милую я Мнемосину и Муз призываю священных,
Девять числом, и Харит, и Ор я зову вместе с Годом,
Кличу Лето пышнокудрую я и богиню Диону,
20 Кличу куретов, носящих доспех, корибонтов, кабиров,
Кличу Спасителей высших, Зевесовых чад неистленных,
Кличу Идейских богов и вестника воли бессмертных,
Гермия, кличу Фемиду, блудущую жертвы у смертных,
Ночь всестаринную я призываю и День светоносный,
25 Веру и Дику зову, беспорочную матерь Законов,
Рею и Крону зову и в пеплосе черном Тефию,
И Океана великого, и дочерей Океана,
Я и владычную силу Эона зову, и Атланта,
Вечное Время зову и Стикса священную воду,
30 Ласковых кличу богов, а с ними и Промысел добрый,
Демонов кличу благих для людей и гибельных смертным,

Демонов кличу небесных, земных, и воздушных, и водных,
С ними подземных и тех, кто в огне пребывает горящем,
Кличу Семелу и Вакха со всей его шумною свитой,
35 Кличу Ино, Левкотею, подателя благ Палемона,
Нику, чье сладостно имя, и с ней Адрастею-царицу,
Кличу, Асклепий, тебя, о владыка, смягчающий боли,
Кличу Палладу, зовущую в бой, призываю все ветры,
Грома раскаты и Стороны света зову я четыре.
40 Кличу и Матья бессмертных, и Аттиса кличу, и Мена,
Кличу Уранию я и Адониса кличу святого,
Кличу Начало и кличу Предел — он всего нам важнее,
Все вы явитесь теперь благосклонно, с отрадой на сердце
К жертвенным действиям священным, к сему возлиянию честному.

I. К ГЕКАТЕ

Я придорожную славлю Гекату пустых перекрестков,
Сущую в море, на суще и в небе, в шафранном наряде,
Ту, примогильную, славлю, что буйствует с душами мертвых,
Ту нелюдимку Персею, что ланьей гордится упряжкой,
5 Буйную славлю царицу ночную со свитой-собачьей.
Не опоясана, с рыком звериным, на вид неподступна,
О Таэропола, о ты, что ключами от целого мира
Мощно владеешь, кормилица юношей, нимфа-вождия,
Горных жилища высот, безбрачная — я умоляю,
10 Вняв моленью, гряди на таинства чистые наши
С лаской к тому волопасу, что вечно душою приветен!

II. ПРОФИРЕЕ (фимиам, стиракта)*

Внемли, богиня почтенная, демон об имени светлом,
В родах помощница, радостно видеть тебя роженицам,
Жен ты спасенье, одна лишь ты любишь, о добрая, деток,
Быстрые роды неся, являешься там, где страданье.
5 Ты, Профирия, о добрая ключница, пестовать любишь,
Радостно дбмам людским тебе посыпать процветанье,
Рвущая пояс, невидима ты, но дела твои зrimы.
Ты сострадаешь родящим, коль роды легки — веселишься.
Ты, Илифия, снимаешь страданье в миг тяжелейший,
10 Только тебя, облегченье душе, и зовут роженицы,
Только в тебе забывают страдания болей родильных.
О Артемида, Илифия, о Профирия честная!

Внемли, блаженная, роды пошли и пребудь на подмоге,
Будь мне спасеньем, раз все упасать ты на свет уродилась!

* Имеются в виду ароматные травы и смолы, которые воскурялись при жертвоприношениях.

III. НОЧИ (фимиам, головни)

Буду я Ночь воспевать, что людей родила и бессмертных,
Ночь — начало всего, назовем ее также Кипридой.
Внемли, блаженная, в звездных лучах, в сиянии синем!
Внемли! Отрадны тебе тишина и сон безмятежный,
5 Ты, о веселая, добрая, праздники любишь ночные,
Мать сновидений, ты гонишь заботы и отдых приносишь.
Все тебя любят, дарящую сон, колесницы хозяйку,
Свет твой таинствен, и ты по природе, богиня, двусуща —
То под землей пребываешь, то снова восходишь на небо.
10 Кругом бредя, ты играешь, гоняясь за живущими в небе,
Либо, коней подгоняя, к подземным богам устремляешь
Бег их и светишь в Аиде опять, ведь тобой управляет
Строгий Ананки закон, что всегда и для всех неизбежен.
Ныне, блаженная, всем вожделенная Ночь, — умоляю,

15 Внемли с охотой словам к тебе обращенной молитвы,
Мне благосклонно явись, разогнав мои страхи ночные!

IV. УРАНУ (фимиам, ладан)

О всеродитель Уран, некрушимая часть мирозданья,
Старший в роду, и начало всего и всему завершенье!
Куполом ты над землей, о миродержавец, простерся,
Дом всеблаженных богов. Ты все обтекаешь дозором
5 В круговорщенье своем, о страж и земли и эфира,
В сердце твоем — бесконечный закон неизбывной природы,
Ты, голубой, адамантово твердый, изменчивый видом,
Всеми играешь цветами, о Крона родитель всезрячий,
Высший из демонов! Мне, о блаженный, внемли, умоляю!
10 Вновь посвященного миста по жизни веди беспорочной.

V. ЭФИРУ (фимиам, шафран)

О высочайшая кровля, вместилище силы Зевеса,
О некрушимый, опора для звезд, для Луны и для Солнца!
Ты, огнедышащий, всеукротитель, ты — искра живого!
Вышний эфир, из основ мироздания ты — наилучший!
5 Великолепный, исполненный света и блеска созвездий!
Я, призываю, молю — пребудь безмятежным и ясным!

VI. ПРОТОГОНУ (фимиам, смирна)

Я Протогона двусущего кличу, бродягу эфира,
Что из яйца появился, красуясь златыми крылами,
С ревом бычачим, начало и корень блаженных и смертных,
Семя честное, священными жертвами читомое часто,
5 Эрикепайон, таинственный, неизречимый, блестящий,
С громом и свистом летящий, чей взор разгоняет потемки
Всюду, куда понесут его быстрые крылья по миру.
Ярко блистающий, свет приносящий — отсюда Фанетом
Я величаю его, владыкой Приапом. Антавгом.

Семенем полный, блаженный, премудрый, явись же, ликуя,
К оргиофантам на таинство их, что и ярко, и свято!

VII. ЗВЕЗДАМ (фимиам, ароматы)

Звезд небесных свеченье священное язываю,
Благосвятыми словами я кличу сих демонов чистых.
Звезды небесные! Чада любимые Ночи всечерной!
Вы, кто, кружась, обтекаете мир огненосной волною,
5 Вы, кто, сияя и вечно горя, все и вся породили,
Вы — сопричастницы Мойр, указатели всяческой доли,
Вы направляете смертных людей по божественным тропам,
Вам пояса семикратные зrimы, воздушным скитальцам,
Вы и небесные, вы и земные, вам нет источенья,
10 Пеплос Ночи непроглядный вы сделали взору доступным,
Блеском осыпав своим, о дарящие время веселью.
К благосвященному действу трудов многомудрых явитесь,
Вы, кто на путь наставляет, ведущий к деяниям славным!

VIII. ГЕЛИОСУ (фемиам, манна с ладаном)

Внемли, блаженный, всезрящий, имущий всевечное око,
Светоч небесный, о Гиперion, о титан златояркий,
Неутомимый, себя породивший, отрада живущим!
Ты на востоке — родитель Зари, а на западе — Ночи,
5 Ор ты единственный сводишь, кружка на своей колеснице.
Ты, о летящий со свистом, сияющий огненным лицом,
О колесничий, гонящий коней по извечному кругу,
Благочестивых ко благам ведешь, нечестивым же — враг ты.
10 О златолирник, твой бег водворяет гармонию в мире,
Дел указатель благих, о юноша, Ор воспитатель,
Миродержатель, свирельник, бегущий огонь, кругоходец,
О плодоносный, дарующий жизнь, о Пэан пестровидный,
Года отец, незапятнанный, Зевс бессмертный и пылкий,
15 Ясный, сияющий всем! Ты — мир обходящее око!
И на закате сияешь ты дивно своими лучами!
О справедливый, о влаголюбивый, владыка вселенной!
Верности страж, вовеки всевышний, для всех ты подмога,
Око самой справедливости, жизни ты свет, о возничий!
20 Ты, подгоняя свистящим бичом колесницы четверку,
Внемли мольбе, просияй для мистов приятною жизнью!

IX. К СЕЛЕНЕ (фимиам, ароматы)

Внемли, богиня, царица Селена, дарящая светом!
С рожками бычьими Месяц, бродящий в ночи небожитель!
В факелях шествий ночных, о Луна, благозвездная дева,
То ты полнеешь, то таешь, и женщина ты, и мужчина,
5 О конёлюбица, о плодоносная, мать ты году,
Грустное ночи светило, блестящая, вся из электра,
Ты, о бессонная, ты, о всезрящая, в звездном уборе,
В радость тебе — тишина и счастье благого удела,
Прелестью блещешь, носящая рожки, ночи украшенье,
10 В пеплосе тонком ты кружишь, всемудрая звездная дева,
Ныне, блаженная, добрая, в свете своем благозвездном,
В полном сиянье явись, храня неофитов, о дева!

X. ПРИРОДЕ (фимиам, ароматы)

Ты, о Природа, богиня всемать, всеумелица-мать!
Ты, о небесная, старшая, ты, о владетельный демон,
Всех укрощая, сама никому не подвластна, ты — кормчий!
Ты всесиятельна, всепочтаема, демон всевышний,
5 Неистребимая, ты благородство мужам сообщаешь,
О первородная, древняя, с опытом многим, ночная,
О светоносная, неудержимая, ты, о святая,
Кружишься в пляске, но стопы твои танцуют бесшумно,
Ты — устроитель богов, всему ты конец бесконечный,
10 Общая всем, ты одна лишь из всех ни к чему не причастна,
Самоотец, не имущий отца, ты быстра и отрадна,
В дивном цветении все ты сплетаешь искусно, с любовью,
Ты, о вождина, о дева всепестунья, жизни носитель,
15 Самодостаточна, ты и Харита, Пейто ты и Дика,
Ты на земле, под землей, в небесах и на море владычишь,
Горечь для всех недостойных, тебе же послушным — услада,
О вседаритель заботливый, о всецарица, всемудрость,
Все ты растишь, ты все утучняешь и в срок разрешаешь,
20 Мать и отец ты всему, всему ты кормилица, нянька,
Роды твои, о блаженная, скоры, плоды преобильны,
Многосемянная, все ты умеешь, ваятель владычный,
Демон державный, о скромная, все ты в движенье приводишь,
Мудрая, с опытом многим, вращаешь ты вихрем извечным
25 Быстрый поток, всетекущая, в формах чужих пребываешь,
Благопрестольная, что сужено, завершаешь одна ты,
О скитродержица вышняя, тяжко гремящая громом,
Всеукротитель, не знающий страха, судьба роковая,
Огнедыханна, бессмертная жизнь и промысел вечный,
Ты во всем, и все сотворила на свете одна ты.
30 Ныне, богиня, молю — со счастливыми Орами вместе
К нам приведи и здоровье, и мир, и всему умноженье!

XI. ПАНУ (фимиам, смеси)

Пана пастушего мощного кличу — он все в этом мире —
Небо и море, бессмертный огонь и земля всецарица,
Все это — Пан, ибо все это пановы части и члены.
5 Ор сопрестольник, гряди, о блаженный прыгун, кругобежец,
О козлоногий вакхант, исполненный божьего рвенья,
Резвая песня твоя сообщает гармонию миру,
Вождь привидений и призраков, ужас для смертных,
подзвездный,
В радость тебе — козопас у ручья или пастырь со стадом,
Видящий зорко, охотник, друг Эхо, ты с нимфами пляшешь,
10 Всепородитель, раститель всего, многославнейший демон,
Миродержавец, Пэн плодоносный, светящий, пещерный,
Тяжкогневливый, ты истинный Зевс, венчанный рогами,
Это ведь ты равнину земли незыблемой сделал,
Ты отеснил неустанного моря тяжелую влагу,
15 Землю вращая в волнах Океана кружением вечным,
Воздух питающий — ты, что жить позволяет живому,
И невесомого пламени ты и краса и основа —
С легкостью все несовместное сходится волей твою
С промыслом твой, коль захочешь, природу всего переменит,
20 Смертный ли род человечий, иль мир, беспредельно широкий.
Ныне, вакхант вдохновенный, блаженный, гряди к
возлияньям
Благосвященным и добрую жизни кончину пошли нам,
Панова страха стрекало прогнав за пределы земные!

XII. ГЕРАКЛУ (фимиам, ладан)

Духом огромный Геракл, титан многосильный, могучий,
С крепкими дланями, непобедимый, вершитель деяний,
Видом изменчивый, года отец, благомысленный, вечный,
Неизречимый, свирепый, молимый людьми неустанно,
5 Сердцем всесильный, великая крепость, стрелец, прорицатель,
Всепородитель, всеядец, всевышний, всеобщий заступник,
Неукрощенное племя чудовищ для смертных смирил ты,
К миру стремясь драгоценному, миру — растителю юных,
10 Перворожденные стрелы твои, как молнии, блещут,
Лучшая поросль Земли, самородный и неутомимый,
Славный Пэан, вокруг чьей головы — и ночь, и денница!
Подвигов ты двенадцать пронес от востока на запад,
Ты, о бессмертный, незыблемый, опытный и бесконечный.
15 Ныне, блаженный, гряди и, ветью в руке помавая,
Нас от болезней избавь, отведи заблуждения злые!
Кер вредоносных пернатые стрелы твои да изгонят!

XIII. КРОНОСУ (фимиам, стиракта)

Пышущий пламенем отче мужей и богов всеблаженных,
В мыслях изменчивый, ты, о Титан незапятнанный, мощный!
Все истребляя, ты снова растишь, умножая, и держишь
Несокрушимые цепи всего бесконечного мира.
5 Крон-всеродитель всевечный, вешатель коварных глаголов,
Отпрыск богини Земли и звездами полного Неба,
Младших родитель богов, о Реи супруг, Промыслитель,
Родонаачальник, живущий в любом уголке мирозданья,
Хитролукавый умом! Услыши умоляющий голос,
10 Жизни счастливой пошли, о благой, благую кончину!

XIV. РЕЕ (фимиам, ароматы)

Рея-владычица, ты многовидного дщерь Протогона!
Лев-быкобоец впряжен в святую твою колесницу,
Звонкая медью, ты любишь неистовства в громе тимпанов.
Матерь Зевеса, владыки Олимпа, эгидодержавца.
5 Видом светла и всечтима, блаженная Крона супруга,
Любы тебе среди гор завыванья ужасные смертных,
Рея воинственно шумная, с мощной душой, всецарица,
Ты первородица, лгунья, спасаешь и все очищаешь,
Матерь единая вышних богов и смертного люда,
10 Ведь от тебя — и просторы земли, и высокое небо,
Ветер и море, о воздуховидная, легкая в беге!
Ныне, богиня, гряди во спасенье с душой незлобивой,
Мир принеси нам и с ним — благое стяжанье богатства,
Прочь за пределы земли и Кер отгоняя, и горе!

XV. ЗЕВСУ (фимиам, стиракта)

О многочтимый Зевес, о Зевес не губимый вовеки,
Ты нам — свидетель, ты — наш избавитель, ты — наши молитвы!
С помощью, царь наш, твоей головы на свет появились
Матерь богиня земля и гор вознесенные кручи.
5 Море и прочее все, что под небом широким воздвиглось.
О скиптродержец Кронид, низвергатель, могучий душою,
Всепородитель, начало всего и всему завершенье!
Недр сотрясатель, ты все насаждашь, растишь, очищаешь,
Зевс всетворящий, хозяин перуна, и грома, и молний,
10 Мне, многовидный, внемли, подай бесспорочное здравье,
Мир, что для нас — божество, и славу богатства честного!

XVI. ГЕРЕ (фимиам, ароматы)

Гера воздушная, в складках одежд темно-синих богиня!
О всецарица блаженная, Зевса делящая ложе!
Шлешь дуновенья, живящие душу, достойным и добрым,
Матерь дождей, пестунья ветров, ты все порождаешь.
5 Нет нигде ничего, чье рожденье тебе непричастно,
В тучу святую сокрываешься, ты все меж собой сопрягаешь,
Властвуешь всем ты одна, над всеми, богиня, владычишь,
Жизни поток потрясая воздушным пронзительным вихрем.
Ныне, блаженная, многоименная, ты, всецарица,
10 К нам, о богиня, гряди с сияющим ласково лицом!

XVII. ПОСЕЙДОНУ (фимиам, смирна)

О черновласый держатель земли Посейдаон, внемли мне!
Конник, держащий в руках трезубец, из меди отлитый,
Ты, обитатель глубин сокровенных широкого моря,
Понтовладыка, что тяжкими мощно грохочет валами!
5 О колебатель земли, что, вздымая могучие волны,
Гонишь четверку коней в колеснице, о ты, дивнокий,
С плеском взрываешь соленую гладь в бесчисленных брызгах,
Мира треть получил ты в удел — глубокое море,
Тешишься, демон владыка, средь волн со зверями морскими,
10 Корни земные хранишь, блюдешь кораблей продвижение.
Нам же подай честное богатство, и мир, и здоровье!

XVIII. К ПЛУТОНУ

Духом великий, о ты, обитатель подземного дома
В Тартара мрачных лугах, лишенных сияния света,
Зевс Хтонийский, прими, склоняйся, с охотою жертвы,
Ты, о Плутон! От всей земли ты ключами владеешь,
5 Смертному роду даришь урожай в богатые годы.
Треть мирозданья удел твой — земля, вседарящая почва,
Недра бессмертных богов, подпора крепчайшая смертных.
Ты свой трон утвердил среди области вечного мрака,
10 Средь необъятных просторов лишенного воздуха ада,
Черного близ Ахеронта, держащего корни земные.
Многоприимный, ты смертью над смертными властвуешь мощно,
О Евбулей! Ты прекрасное чадо священной Деметры
15 В жены похитил, схватив на лугу, и понес через море
Вдаль на четверке коней прямо в Аттику, в край Элевсинский:
Есть там пещера — врата ее путь открывают к Аиду.
Ты, о единый судья деяний и явных, и тайных!
О вседержитель, о самый священный, о блещущий славой,
20 В радость тебе — благочестное дело вершения тайнств!
О, призываю, гряди с благосклонным веселием к мистам!

XIX. ЗЕВСУ КЕРАВНУ (фимиам, стиракта)

Отче Зевес, ты хлещешь грохочущий мир, озаряя
Вспышками молний его во всевышних пределах эфира,
Громом божественным ты потрясаешь престол всеблаженных,
Огненный молнии столб среди туч всесплошных возжигаешь,
5 Мечешь дожди, и смерчи, и удары могучего грома,
Бурные молнии льешь, всепалиющие, силы ужасной,
Словно потоки огня, и низкими тучами кроешь
Войско нахолленных птиц, перепуганных, полных смятенья.
Молнии чистой стрела возникает средь грома внезапно,
10 Непобедимо сквозь вихри с безмерным проносится свистом,
Неодолимая, неотвратимая, страшная в гневе
Острая неба стрела слетает в пронзительной вспышке,
Море окрест озарив, — и трепещут и суша, и воды,
Звери к земле припадают, как грохот ушей их коснется,
15 Вспышки же слепят глаза порою, как в глубях эфира
С ревом грохочет гроза, и, неба хитон разрывая,
Ты, о Зевес, посылаешь с небес перун свой слепящий.
Ныне, блаженный, молю — на пучины и горные выси
Лучше свой гнев обрати, а уж нам твоя ведома сила!
20 Наше приняв возлиянье, пошли утешение сердцу,
Жизнь со спокойной душой, с Гигией владычицей вместе
Мир ниспошли, многочтимого бога, что пестует юных!
Дай нашей жизни цветсти, благородными мыслями полнясь!

XX. ЗЕВСУ АСТРАПЕЮ (фимиам, манна с ладаном)

Кличу великого, чистого, яркого, слышного всюду!
Туч темноту освещая, грохочет он в огненном блеске,
Светочем молний горя, пробегает по небу раскатом,
Тяжкий во гневе, вселяющий ужас, святой, необорный
5 Молниевержец Зевес всеродитель, о царь величайший,
Сладкую жизни кончину с собой принеси благосклонно!

XXI. ТУЧАМ (фимиам, смирна)

Тучи воздушные, странницы неба, кормилицы всходов,
О дождеродицы, носит вас по миру ветров дыханье,
Влажнодорожные, полные грома и пламени молний!
Ваши воздушные складки тают ужасающий грохот,
5 Кажется, войско напало, когда раздирает вас ветер.
Ныне молю вас, о росные, ветром дущистым повеяв,
Влагу — плодов пропитанье — на мать нашу землю пошлите!

XXII. ТЕФИИ (фимиам, манна с ладаном)

Я совоокую Тетис зову, Океана супругу,
В пеплосе синем царицу, что легкие волны колеблет,
Сладостновеющим ветром дыша на приморскую землю.
Ты крушишь о прибрежные скалы валы-исполины
5 И, усмирив, посылаешь на берег спокойно и мягко.
Ты кораблями красуешься, ты, о пестунья чудовищ,
Влажнодорожная матерь Киприды и туч мраковидных,
Матерь нимф ключевых и речных, изобильных водою,
10 Ныне внемли мне, молю, многочтимая, будь благосклонна,
Помощью будь и пошли кораблю попутные ветры!

XXIII. НЕРЕЮ (фимиам, смирна)

Корни моря блюдущий, живущий в сияющей сини,
Ты, кто гордится прекрасным потомством — ведь в волнах
резвятся
5 Все пятьдесят твоих дочерей, о Нерей многославный!
Ты — предел земли, дно моря, всего ты начало,
5 Ты и Деб священный престол теснишь, заключая
Мощные ветры, тобою гонимые, в глубях ущелий.
Внемли! От землетрясений храни, умоляю, и мистам
Счастье и мир ниспошли и здоровье с целящею дланью!

XXIV. НЕРЕИДАМ (фимиам, ароматы)

О цветоокие, чистые нимфы морского Нерея!
Влажнодорожные, хором веселым развитесь в глубинах,
Девы числом пятьдесят, в волнах вы ликуете буйно,
Мчитесь вы на колесницах, красуясь упряжкой тритонов,
5 Или на спинах чудовищ морских, произросших средь моря,
Или ныряете в самую глубь тритонийской пучины,
Влажной дороги бегуньи, танцовщицы, кружите в пляске,
Моря бродяги, дельфины, вы плещетесь в синем сиянье,
О, умоляю вас, многое счастье вы мистам пошлите!
10 Первыми справили вы обряд посвятительных таинств
Благосвященному Вакху и Ферсефоне пречистой,
С вами же вместе — и царь Аполлон, и мать Каллиопа.

XXV. ПРОТЕЮ (фимиам, стиракта)

Ныне Протея зову, что ключами от моря владеет.
Перворожденный! Явивший основы всей нашей природы,
Ты вешество изменяешь священное в множестве видов,
О многочтимый, премудрый, о знающий все в настоящем,
5 Равно и прошлое все, и то, что свершится в грядущем,
Всем обладая, меняешься сам и все изменяешь!
Ты лишь один из бессмертных, что снежный Олимп населяют,
Кто облетает и небо, и море, и шири земные.
Ведь порожденье всего — в Протее уже предлежало.
10 Отче, гряди с попечением добрым к творящим обряды!
Дай по делам нашей жизни счастливой благую кончину!

XXVI. ФЕЕ (фимиам и все семена, кроме бобов и ароматных)

Гайя-богиня, о матерь блаженных и смертного люда,
О всекормящая, о всецарящая, всепогубитель,
Ты, о всесильная, ты плодоносная, Орами блещешь
Ты — основа бессмертного мира, всепестрая дева.
5 О плодовитая, роды твои — урожай многовидный,
С грудью высокой, почтенная, вечная, с долей счастливой,
Сладко дышащая зелень отрадна тебе, многоцветной,
Любишь дожди ты, а космос, искусник всехитрый, светила
Вертит вокруг тебя венчотекущим могучим потоком.
10 Ныне, богиня блаженная, с радостью множь урожай!
Будь благосклонна во всякое время, нам счастье даря!

XXVII. МАТЕРИ БОГОВ (всевозможные ароматы)

О богочтимая, о всекормилица, матерь бессмертных,
Мощная силой богиня, явись, госпожа, по молитве!
Ныне впряги в колесницу свою со стремительным летом
Львов-быкобойцев, о ты, скиптродержица оси небесной!
5 Трон твой — среди мирозданья, великая, — вот и владеешь
Всею землей, и смертных даришь ты благим пропитаньем,
Ты породила на свет и богов, и род человечий,
Власть твоя вечна над всеми морями и реками всеми,
Гестией кличут тебя, называют дарящей богатства,
10 Любо тебе осчастливливать смертных превсяческим благом.
Ныне к обряду гряди, о царица, что любишь тимпаны,
Страстью разящая, Неба дитя и Крона супруга,
Всеукротитель, фригиянка, старшая, жизни пестунья,
Шествуй приветливо к нам, усладись почитанием нашим!

XXVIII. ГЕРМЕСУ (фимиам, ладан)

Служай меня, о Гермес, сын Майи, о вестник Зевеса!
Сердце имущий весильное, ты, состязаний блюститель,
Смертных владыка, со множеством замыслов, Аргоубийца!
О мужелюбец, в крылатых сандалиях, слов прорицатель,
5 В радость тебе и борьба, и обман, и коварство, о хитрый,
О толкователь всего, беззаботный, о выгод даритель,
Ты, безупречный, и мира защиту в руках своих держишь,
О Корикиец, пособник, пестры твои хитрые речи,
10 В деле помощник, о друг для людей в безвыходных бедах,
Ты — языка величайшая сила, столь чтимая в людях,
Внемли и жизни моей благое пошли окончанье —
Быть на ногах, в наслажденьях ума и в памяти твердой!

XXIX. ГИМН ПЕРСЕФОНЕ

О, гряди, Ферсфеона, рожденная Зевсом великим,
Единородная, жертвы прими благосклонно, богиня!
Ты, жизнетворная, мудрая, ты, о супруга Плутона,
Ты под путями земными владеешь вратами Аида,
5 Ветка святая Деметры, в прелестных кудрях Праксидика,
Ты Евменид породила, подземного царства царица,
Дева, рождённая Зевсовым семенем неизречимым,
Мать Евбулея, чей образ изменчив, гремящего страшно,
10 Сверстница Ор светоносная, в блеске красы несказанной,
О вседержащая дева, плодами обильная щедро,
Смертным одна ты желанна, рогатая, в блеске прекрасном,
Вешней порою на радость тебе дуновения с луга,
Тело святое твое указают зеленые всходы,
15 Осенью вновь дохищаема ты для брачного ложа,
Ты одна — и жизнь, и смерть для людей многобедных,
Ферсфеона — всегда ты «несесь» и всегда «убиваешь».
Внемли, блаженная, из-под земли урожай посылая
Дай процветание в мире, здоровье с целящею дланико,
Благополучную жизнь, что под тяжкую старость приходит
20 В царство твое, о царица, к Плутону, чья благостна сила.

XXX. ДИОНИСУ (фимиам, стиракта)

Я Диониса зову, оглашенного криками «эйа»!
Перворожденный и триждырожденный, двусущий владыка,
Неизреченный, неистовый, тайный, двухвидный, двурогий,
В пышном плюще, быколикий, «эвой» восклицающий, бурный,
Мяса вкуситель кровавого, чистый, трехлетний, увитый
Лозами, полными гроздьев, — тебя Ферсефоны с Зевесом
Неизреченное ложе, о бог Евбулей, породило.

Вместе с пестуньями, что опоясаны дивно, внемли же
Гласу молитвы моей и повей, беспорочный и сладкий,
Ты, о блаженный, ко мне благосклонное сердце имея!

XXXI. ГИМН КУРЕТАМ

О прыгуны куреты, что в воинской пляске кружатся,
С топотом дико скача, издавая ликующе крики!
Лира — не вам, нарушители лада с летящей стопою,
Оруженосные стражи, косметоры, яркие славой!
5 Матери буйной в горах вы и свита и оргиофанты!
О, благосклонно явитесь по слову, что вас прославляет,
С лаской к тому волопасу, что вечно душою приветен!

XXXII. АФИНЕ (фимиам, ароматы)

Единородное чадо великого Зевса, Паллада,
Ты, о богиня блаженная, славная, мощная духом,
К бою зовущая, ты изречима и неизречена,
Дивная, любишь пещеры и грозные держиши вершины
Гор, отдающихся эхом, и любишь лесные ущелья,
Ты, брачелюбца, в души людей исступленье вдыхаешь,
Дева, обвыкшая в битвах, чудовищно страшная духом.
Горгоубийца, о дева-боец, твой гнев ужасает,
Мать многосчастная всяких искусств, ненавистница ложа,
Бурная — бич негодяев, порядочным — мысль и решенье,
Ты и жена, и мужчина, о мысль, о родящая войны,
Переливаешься ты, о змея, в исступлении божьем,
Славная, гонишь коней, истребитель флегрейских гигантов,
О Тритогения, демон победный, от зол избавитель,
О совоокая, изобретатель ремесел, царица,
Молят тебя днем и ночью, всегда, до последнего часа.
Ныне услыши и меня, подари же мне мир многосчастный,
Дай мне счастливые дни и добрую меру здоровья!

XXXIII. НИКЕ (фимиам, манна)

Нику, желанную смертным, зову, благодатную силой,
Ту, что одна отрешает людей от борьбы и умеет
Буйный мятеожный порыв в нелегком сраженье с врагами,
В войнах, сулящих трофеи, унять, и к кому обернется —
Тем и дарует победа свою сладчайшую славу.
Все в твоей власти, о Ника, — и слава в любом состязанье,
Светлая, полная всяческих благ, причитается Нике.
Ты, о блаженная, ты, о желанная, светлая взором,
Вечно являйся, достойно верша лишь достойное дело!

XXXIV. АПОЛЛОНУ (фимиам, манна)

Феб Ликорей, гряди, о блаженный, Пэн святочтимый,
Мемфиса житель, податель богатств, златолирник, спаситель,
Тития свергший, оратай, титан, засеватель, Пифиец,
Гриней, Сминфей, о вещий Дельфиец, пифоноубийца,
Бог светоносный, неистовый, отрок преславный, прекрасный,
О Мусагет, о плясун хороводный, стрелец-дальновержец,
О Дионис, издалека разящий, о Бакхий, о Локсий,
Делоса царь, всезрящи твои светоносные очи,
Златокудрявый, вещатель грядущего чистых глаголов,
Я умоляю тебя за людей, — о, внемли благосклонно!
Все перед взором простерлось твоим — и эфир бесконечный,
И под эфиром земля, наделенная долей счастливой,
Зримы тебе и сквозь мрак звездами расцвеченою ночи,
В полной тиши ее, корни земли и мира пределы,
Сердце заботит твое и начало, и всеокончанье.
О всецветущий, ведь ты кифарой своей полнозвучной
Ладишь вселенскую ось, то до верхней струны поднимаясь,
То опускаясь до нижней струны, то ладом дорийским
Строя небесную ось, — и все, что на свете живого,
Ладишь, гармонию влив во вселенскую участь для смертных,
Поровну ты разделяешь, смешав и зиму, и лето:
Верхние струны — зиме, а нижние — лету вверяя,
Лад же дорийский — для сладкого цвета весны оставляешь.
Вот почему у людей именуешься ты, о владыка,
Паном, богом двурогим, вздымющим бури свирелью,
Ведь у тебя — печать от всего, что есть в мирозданье, —
Мистов мольбам, о блаженный, внемли и храни их, спасая!

XXXV. ЛЕТО (фимиам, смирна)

В пеплосе черном Лето, породившая двойню богиня!
О Коантида, могучая духом, молимая всеми,
Ты, кто Зевесово семя благим обратила потомством,
Феба на свет породив с Артемидою, лучницей славной —
Дочь на Ортигии ты родила, а на Делосе — сына.
Внемли, богиня-владычица, милость имея на сердце!
К жертве всеобщей гряди, принося завершенье благое!

XXXVI. АРТЕМИДЕ (фимиам, манна)

Многоименная Зевсова дщерь, внемли, о царица!
О титанида, Бромия, великая лучница дева,
Светоч несущая, явная всем, богиня Диктина,
Муки родильной не зная, несущая в родах подмогу,
5 Поясоснятица, страстью ты жалишь, охотишься с псами,
Быстрая в беге, забот разрешитель, ты бодрствовать любишь,
Ночью бродя, стреловержица, встреча с тобою — к удаче,
Статная, мужу подобна, даруешь недолгие роды,
Демон, что смертных потомство людей и растит, и питает!
10 Ты амвросийная, ты и подземная, звероубийца,
Горных хозяйка дубрав, оленей разиши, о честная,
Ты госпожа, всецарица, всегда в неизменном цветенье.
Псов ты, лесная, хранишь, кидониянка, светлая видом.
15 Ныне, богиня, гряди, о любезная, встречей благая,
К мистам ко всем благосклонна, щедра земными плодами!
Милый нам мир приведи с Гигией прекраснокурдявой,
Горе и злые болезни прогнав за далекие горы!

XXXVII. ТИТАНАМ (фимиам, ладан)

О Титаны, о чада прекрасные Геи с Ураном,
Наших отцов праородители, вы, кто под толщей земною
В Тартара доме, во глубях подземных теперь поселились,
Вы, о исток и начало всего, что смерти подвластно,—
5 Многострадальных существ, наземных, морских и пернатых,
Ибо от вас происходит все то, что рождается в мире.
Вас умоляю — от нас отдалите вы гнев вредоносный,
Ежели нашему дому пошлиют его мертвые предки.

XXXVIII. КУРЕТАМ (фимиам, ладан)

Звучные медью куреты, владельцы доспехов Арея!
Вы, многосчастные, сущие в небе, на суще и в море,
Животворящие духи, святые спасители мира!
Вы, обретаясь в святой Самофракии, смертных храните,
5 Тех, что по морю блуждают, от них отгоняя опасность.
Первыми вы учредили меж смертных свершение таинств,
Вы, о куреты бессмертные, вы, кто в доспехах Арея,
И Океан вы блюдете, и море, и даже деревья.
10 Звонко гремя, по земле вы проходите легкой стопою
В блеске слепящем доспехов — и в страхе уносятся звери
В пору, как движетесь вы, — и грохот до неба доходит,
Пыль же от поступи вашей, как черная туча, клубится,
И покрывается почва при шествии вашем цветами.
15 Вы, божества-пестуны, но вы и губители также,
Долго ли в гневе на смертных вы жизни их будете рушить,
Долго ли будете жечь и самих их, и все достоянье?
Стон вздымает великий глубокопучинное море,
Рушатся с корнем на землю деревья о кронах высоких,
20 Шум возводя к небесам при падении веток и листьев.
О корибанты, куреты, владыки, чья благостна сила,
Самофракии властители, отроки вышнего Зевса!
Душ пестуны, невидимки, вовеки живущие духи,
Вас близнецами небесными боги зовут на Олимпе,
25 Благоуханны, ясны, о спасители добрые наши!
Оп пестуны, плодоносные, нам, о владыки, повейте!

XXXIX. КОРИБАНТУ (фимиам, ладан)

Вечной земли царя величайшего я призываю,
Я корибанта зову, воителя с долей счастливой,
Взор на кого невозможно поднять, ночного курета,
Кто избавляет от ужасов тяжких, от призраков жутких.
5 Бродит один кориант, двусущий, изменчивый видом,
Кровью залитый, когда двое братьев его погубили,
Тот, кто по воле Део сменил свое тело святое,
Вид принимая чудовищный страшного черного змея.
Гласу внемли моему, о блаженный, не гневайся тяжко,
10 Грешную душу избавь от снедающих страхом видений!

XL. ДЕМЕТРЕ ЭЛЕВСИНСКОЙ (фимиам, стиракта)

Внемли, Део, богиня-всематерь, почтеннейший демон,
Юность растяющая, счастье дарящая ты, о Деметра,
Ты наделяешь, богиня, богатством, питаешь колосья,
Мир, всецарящая, любишь, трудам многохлопотным рада,
5 И семена ты хранишь, и зеленые всходы, и жатву,
В кучи ссыпаешь зерно, Элевсинской долины жилица.
Смертного люда кормилица, всем ты мила и желанна,
Пахарю первая ты быков запряженных вручила,
10 Смертным желая подать отрадное в жизни обилье,
Ты, сотрапезница Бромия, славная, все утучняешь,
Факелоносная, чистая, серп тебе летний — отрада.
Ты, о подземная, явная всем, ты ко всем милосердна,
Детолюбивая, добрая мать, растяющая юность,
15 Ты запрягла колесницу — вся упряжь ее змеевидна,
Вакховы буйные пляски твой трон окружают, ликуя,
Единородная, о многоплодная, о всецарица,
Ты, о цветочная, чистая, разная в обликах многих
Ныне гряди, о блаженная, летними полнясь плодами,
Мир к нам веди, приведи желанное благозаконье,
20 Славный достаток и с ними всему господина — здоровье!

XLI. МАТЕРИ АНТЕЕ (фимиам, ароматы)

Внемли, богиня, царица Антея, почтенная мать
Всех — и бессмертных блаженных богов, и смертного люда,
Ты, кто некогда в муках бродила, иска и терзаясь,
Лишь в Элевсинской долине поста обретя разрешенье,
5 Ты и к Аиду пришла, к блистательной Ферсефоне,
Сопровождало тебя Дисавлово чадо святое,
Что донесло до тебя известье о Зевсовом ложе.
Ты родила Евбулея, богиня, средь мук человечьих,
Ныне молю, многочтимая наша богиня, царица,
10 К мисту, что свято тебя почитает, явись благосклонно!

XLII. МИСЕ (фимиам, стиракта)

Я Фесмофора зову Диониса, носителя жезла,
Семя известное всем, Ебулея об имени славном,
С ним несказанную Мису зову, святую царицу.
Муж и жена, двуприродный Иакх, разрешающий узы,
5 Тешишься ль ты в Элевсине, во храме своем благовонном,
С матерью ль таинства правишь теперь во Фригийских пределах,
Нежишься ль ты с Кифереей прекрасновенчанной на Кипре
Или сверкаешь сейчас в полях огненосных, священных
10 Вместе с Исидой, что черное носит, преславной богиней,
Возле потока Египта средь нянек и прочих служанок.
Ныне гряди, благосклонно благие труды завершай!

XLIII. ОРАМ (фимиам, ароматы)

Оры, о дщери богини Фемиды и Зевса владыки!
Вы, Евномия и Дика с Эйреной, счастливые много!
Вешние и луговые, святые, в цветах бесконечных,
Благоухаете, пестрые, вы ароматом цветочным,
5 Ходите кругом, прелестные лицом и юныеечно,
Соткан из множества разных цветов ваш пеплос росистый.
Вы с Персефоной святой играете вместе в ту пору,
Как возвращают богиню на свет Хариты и Мойры,
Пляску ведя круговую свою, на радость Зевесу,
10 Равно и матери, щедро плоды приносящей богине.
О, явитесь же к тем, кто впервые на таинствах наших!
В должное время даруйте плодам уродиться на славу!

XLIV. СЕМЕЛЕ (фимиам, стиракта)

Кличу я Кадмову дщерь, всецарицу, прекрасную видом,
Кличу Семелу я пышнокудрявую, с грудью высокой,
Многовеселого мать Диониса, носителя тирса,
Ту, что познала великие роды средь огненных вспышек
5 Молний потока, рождая от Зевса, метателя молний.
Почести смертные ей воздают наряду с Персефоной
Достопочтенной, трехлетие каждое празднуя праздник
В честь появленья на свет Диониса, способного к жизни,
Трапезой благосвятой и чистым обрядом мистерий.
10 Ныне, Кадмида, богиня, владычица, я умоляю,—
К нам призываю тебя, — будь к мистам вовек благосклонна!

XLV. ГИМН ДИОНИСУ БАССАРЕЮ ТРИЕТЕРИКУ

О Дионис быколикий, блаженный, в огне порожденный,
Бахх Бассарей, гряди, многочтимый, гряди, многославный;
В радость тебе и кровь, и мечи, и святые менады,
Ты на Олимпе почиешь, о Бахх вдохновенный, гремящий.
5 Тирс твой подобен копью, о гневный, у всех ты в почете—
Чтут тебя боги и люди, что ширь населяют земную.
Ныне гряди, о плясун, о блаженный, всеобщая радость!

XLVI. ЛИКНИТУ (фимиам с манной)

Этой молитвой зову Диониса Священной Корзины,
Доброго Вакха-нисейца, желанного, в пышном цветенье,
Детище милое нимф и венчанной светло Афродиты.
Пляшущей поступью ты сотрясаешь лесные дубравы,
5 С нимфами вместе ликуя, безумием сладким объятый,
Ты отведен был к святой Персефоне по воле Зевеса,
Ею был вскормлен, взращен любимым для сонма бессмертных.
Ныне явись, о блаженный, принять эти милые жертвы!

XLVII. ПЕРИКОНИЮ (фимиам, ароматы)

Перикония Вакха, дарителя зелья хмельного,
Я призываю, того, кто, вращаясь средь домов Кадмейских,
Всюду могучим рывком всколыхнул потрясенную землю
5 В пору, как огненный свет с громовыми раскатами вихрем
Землю кругом обошел, — и опали оковы и путы.
Вакх, о блаженный, явись, и умом взвеселившись, и сердцем!

XLVIII. САБАЗИЮ (фимиам, ароматы)

Отче Сабазий, внемли, сын Крона, о демон преславный!
Ты Диониса, шумливого Вакха, ты Эйрафиота
Вынул на свет из бедра, дабы он, посвященный, явился
С Гиптой прекрасноланитной на Тмол, священный и славный,
5 Ныне, Фригийский владыка, всецарственный, ты, о блаженный,
К мистам гряди благосклонно, гряди как оплот и подмога!

XLIX. ГИПТЕ (фимиам, стиракта)

Гипту, кормилицу Вакха, кричащую «эя», я кличу,
Ту, что, ликуя, Сабазия чистого таинства правит,
Пляшет в ночных хороводах широкогремящего Вакха.
Где б ни была, ты услышиь меня, мать земная, царица,
5 То ли во Фригии ты, где владеешь Идейской горою,
Тмол-ли тебя веселит, привольный для плясок лидийских, —
С радостным лицом святым, о явись на таинства наши!

L. ЛИСИЮ ЛЕНЕЮ

Сын Зевеса блаженный, внемли мне, о Вакх виноградный,
Отпрыск о двух матерях, многочтимое семя святое,
Много великих имущий имен, о бог-разрешитель,
Чистая, тайнорожденная поросль блаженных, кормилец,
5 Вакх в ликующих криках «эвой», плодов умножитель,
Недр потрясатель, о гроздьев давитель, могучая сила!
Видом изменчивый бог, о лекарство людское от скорби!
Ты, о священный цветок, не терпящая горя отрада
Смертного люда, о всеотпуститель прекраснокудрявый,
10 С тирсом бушующий Бромий, Эвой, разрешитель вседобрый!
Всюду, где хочешь, являешься ты — средь людей и бессмертных,
О плодоносный и сладкий, явись же и к тайнствам нашим!

L. НИМФАМ (фимиам, ароматы)

Дщери отца Океана, владыки великих чудовищ,
Нимфи, живущие в глубях земли под влажной дорогой!
Скрыты убежища ваши, о Вакха пестуны, земные!
Вы, преблагие, растите плоды, луговые, святые!
5 Тропы извилисты ваши, пещеры и гроты вам любы,
Вы, ключевые, бегуны бродячие, с поступью легкой,
В каплях росы и в цветах, то видны вы, то вновь невидимки,
Горных жилицы лощин, вы танцуете с Паном на склонах,
Яркие звезды, течете по скалам, поющие звонко.
10 Девы полей, и ручьев, лесные и горные девы,
Вы, благовонные, в белых одеждах, с дыханием нежным,
Вы, о пастушки, подруги зверью, вы богаты плодами.
Нежным, вам люба прохлада, все кормите, все вы растите,
Гамадриады, игрунья, бродячие влажной дорогой,
15 Вы, о нисеянки буйные, вы, кто дарит исцеленье,
Вешние, радость несущие смертным с Деметрой и Вакхом,
Ныне грядите к священному действу, ликуя душою!
В пору, как всходят посевы, пролейте здоровье на всходы!

LII. ТРИЕТЕРИКУ (фимиам, ароматы)

Вакх, призывают тебя, о неистовый, в прозвищах многих,
О быкорогий, Леней, огнеродный Нисей, разрешитель,
Ты, кто в бедре произрос, Ликнит, предводитель обрядов,
В митре, ночной, Евбулей, тирсодержец, что огнь выдыхает,
5 Неизречимый, оргийный, Зевесова тайная поросль,
Триждырожденный, о Эрикепайон, о ты, первородный,
Божий и сын, и отец, скиптродержец, толпы предводитель,
В плясках и песнях неистовый, шествий веселых вожатый,
Празднуешь ты средь пестуний вакхический праздник трехлетний,
10 Недр разыматель, о двух матерях, возжигающий пламя,
Ты, о бродящий в горах, рогатый и в шкуре оленьей,
В гроздьях Пэан тирсоносец, вникающий в самое сердце,
Плющелюбив, многодевствен, о ты, Бассарей устроитель,
К мистам, блаженный, гряди, всегда благосклонности полный!

LIII. АМФИЕТУ (все благовония, кроме ладана, и возлияние молоком)

Я Диониса подземного кличу, зову Амфиета,
Бодрствует он с прекраснокурдявыми нимфами вместе,
Спит же близ Ферсефонеи в ее священном чертоге,
Время трехлетнее Вакхово, время святое покоя.
5 Минут три года — и вновь поднимаешь веселые толпы,
Ты возвращаешься в гимнах — кормилицы вместе с тобою,
Дивно они подпоясаны, кружат, «эвой» выкликая,
В круговороте времен годовых. Теперь же, блаженный,
10 Зеленью пышный, плодами обильный, о Вакх рогоносный,
К нашим всеобщим обрядам явись с сияющим лицом,
В пышном богатстве плодов изобильных и благосвященных!

LIV. СИЛЕНУ, САТИРУ (фимиам, манна)

О, внемли мне, почтеннейший Вакхов пестун и кормилец!
Доблестнейший из селенов, средь всех бессмертных прославлен,
Равно средь смертных людей во время трехлетнего срока,
Ты уважаем и свят, предводитель пастушеских празднеств,
Бодрствуешь — вместе с тобой в поясах прекрасных пестуны,
Ты — предводитель наяд и вакханок, носительница тирса,
К таинствам всех богов гряди же с сатирами вместе
Звероподобными, клич издавая в честь Вакха-владыки,
Вместе с вакханками к таинствам чистым Ленейским

гряди же,
10 Таинство действия ночного, священного, делая явным,
Тирса любитель, кричачий «эвой», усмирителя вакхантов!

LV. АФРОДИТЕ

О Афродита Урания, многовоспетая в гимнах,
Морерожденная, с вечной улыбкой, о матерь богиня!
Празднства любы ночные тебе, полуночнице славной,
Матерь Ананки, плетущая хитрости, всесопрягатель,
5 Три мироздания части ты в тесном сплотила союзе,
Ты, на земле породившая все и в небе высоком,
Также и в глубях морских, — о почтенная, с Вакхом ты рядом,
Свадьбы любя, посылаешь ты браки, о матерь Эротов,
С радостью к ложу склоняешь, о тайная, даришь услады,
10 Хоть не видна ты, но явна. Прекрасная, славного рода,
Свадебных пиршеств богиня, о волчья, богов повелитель,
Жизнедарящая, о мужелюбца, род продлевашь,
О вожделенная, узами смертных незримо связуешь,
Равно и племя зверей, любви вызывая влеченье,
15 Кипророжденная, божьего рода, бываешь повсюду, —
Ты на Олимпе, богиня царица, сияешь красою,
Или в уделе сирийском своем, ароматами полном,
Иль золотая твоя колесница в равнинах Египта
Путь к омовению держит, дарящему многие жизни,
20 Или над гладью морской ты летишь в лебединой повозке,
С радостью видя чудовищ морских хороводные пляски,
Или у Дия в земле синеглазые нимфы фиады
Тешат, богиня, тебя на отмелых пляскою легкой,
Иль пребываешь, царица, на Кипре — твоя колыбель он,
25 Там незамужние девы-невесты тебя ежегодно
Гимном святым прославляют с бессмертным Адонисом чистым.
Где бы ни была ты — гряди, о богиня, твой вид столь отраден!
С чистой душой призываю тебя и святыми словами!

LVI. АДОНИСУ (фимиам, ароматы)

Демон прекрасный, почтенный, услышь, как тебя призываю!
В возрасте самом желанном, ты любишь бродить одиноко,
В нежных прекрасных кудрях, о ты, Евбулей многовидный,
Всезнаменитый питатель всего, и отрок и дева,
5 Вечно цветущий Адонис — в году, затухая, сияешь,
Рост посылаешь всему, двурогий, оплаканный, милый,
Блещущий дивной красотой, длиннокудрый любитель охоты,
Сладкая ветка Киприды, прельстительный отпрыск Эрота!
О, порожденный от ложа прекрасной собой Персефоны!
10 В Тартаре мрачном обитель имел ты когда-то, но после
Вновь на высоты Олимпа вознес плодоносное тело.
Ныне же к мистам гряди, плодами земли награждая!

LVII. ГЕРМЕСУ ХТОНИЧЕСКОМУ (фимиам, стиракта)

Ты, что живешь у путей роковых безвозвратных Кокита,
Ты, что души умерших низводишь под своды земные,
Гермий, о сын хороводного Вакха и девы Пафосской,
Той Афродиты, чьи очи в изогнутых дивно ресницах!
5 Ты в Персефоны пределах священных имеешь обитель,
Душам, чья участь плачевна, под землею ты служишь вожатым
В пору, когда для людей их час роковой наступает.
Жезлом священным чаруя, ты в сон погружаешь живущих,
10 Вновь пробуждаешь потом — Персефона тебе даровала
Честь провожать под широкие Тартара своды умерших
Души несчастные, им указуя дорогу в Аиде.
Мистам, блаженный, пошли средь трудов всеблагую кончину!

L VIII. ЭРОТУ (фимиам, ароматы)

Кличу великого, чистого, милого бога Эрота!
Меткий, крылатый стрелок, огневой, летучий, проворный.
Ты и людьми, забавляясь, играешь, и даже богами,
Хитрый затейник, двусущий, имущий ключи, что отверзнут
5 Равно и недра, и море, небесный эфир, дуновенья
Ветров, — их Рея, родившая все, выпасает для смертных, —
Все, что и Тартар широкий хранит, и шумливое море.
Все это — дом твой, Эрот, и всем этим ты управляешь.
Ныне, блаженный, гряди же на помыслы чистые мистов,
10 Все побужденья дурные, ненужные, прочь отсылая!

L IX. МОИРАМ (фимиам, ароматы)

О беспредельные Мойры, о чада любимые Ночи!
Вам, о имущие много имен, я молюсь, о жилицы
Области мрачного моря, где теплые волны ночные
Полным ключом пробиваются в гроте из дивного камня.
5 К области смертных слетаете вы, над землей беспредельной
Мчитесь к кровавому роду людскому со тщетной надеждой,
В тонких багряных своих плащаницах выходите в поле
Смертных судеб — а там колесницу свою всеземную
Гонят тщеславие вечно, и мчится она постоянно
10 Мимо меты, что поставил уклад, упованье, тревога,
Издревле данный закон или власть беспредельно благая.
Мойра одна эту жизнь наблюдает — из выших блаженных,
Снежный Олимп населяющих, — боле никто, кроме ока
Зевса, что всесовершенно, — и все, что у нас происходит,
15 Ведают Мойра и всепостигающий разум Зевса.
Ныне грядите ко мне, о воздушные, с кроткой душою!
Дщери благого отца — о Лахесис, Клото и Атропа!
Неотвратимые, неумолимые, вы, о ночные,
О вседарящие, о избавители смертных в несчастьях,
20 Мойры, внемлите мольбам — священным моим возлияньям,
К мистам грядите, забвение тягот неся благосклонно!

LX. ХАРИТАМ (фимиам, стиракта)

Светлые славой Хариты, великие именем дщери
Зевса и в складках глубоких одежд Евриномы — внимлите,
О, многосчастные, Талия и Евфросина с Аглаей!
Радостней матери вы — прелестны, добры и священны!
5 Вечно подвижные, вечно цветущие, смертным желанны,
Радости жизни без вас ничто породить не способно —
Солнца ли быстрый поток, луны ли сиянье, успех ли
Доблести, мудрости ль дело, свершенье ль благое отваги,
10 Жизни надежной стезя иль юности нежные годы,
Счастья податели — вы, о дарящие радостью светлой!
Будьте к молящим добры и явитесь, им счастье даряя!

LXI. ГИМН НЕМЕСИДЕ

Кличу царицу великую я, Немесиду богиню!
Многоплеменных людей наблюдаешь, всезрящая, жизни,
В радость одной лишь, почтенной, тебе справедливые речи,
Ведая стыд, ненавидишь нетвердое, хитре слово,
5 Смертный люд, налагатель ярма, пред тобою трепещет,
Мысли людей заботят тебя, от тебя не скрыться
В общем потоке речей душа, возомнившей чрезмерно —
Все ты увидишь и все ты услышишь, и все ты рассудишь!
Смертных судить — тебе, о демон из всех величайший!
10 Ныне явись, о блаженная, мистам помощницей вечной,
Образ их мыслям даряя благой, устрани, о святая,
Злобу, греховность и спесь в переметных и скачущих мыслях!

L XII. ДИКЕ (фимиам, ладан)

Око всевидящей Дики пою, сияющей видом,
Дики, что, сидя близ трона священного Зевса-владыки,
С высей небес наблюдает людей многовидное племя,
Должным карает судом нечестивцев, закон преступивших,
5 Все беззаконное к правде ведет, блюдя справедливость,
Зримо ей все, что незримо питается мыслями злыми,
Ведомо все, что желают свершить нечестивые люди.
Дика, единственно ты, напав, воздаешь по заслугам,
Браг всем попрательям прав и друг для всех справедливых.
10 Ныне, богиня, по праву ценя наши чистые мысли,
Дай, чтоб шли в нашей жизни лишь дни, что ниспосланы свыше!

L XIII. ДИКЕОСИНЕ (фимиам, ладан)

О, справедливая к смертным, для всех — многосчастна,
желанна,
С радостью праведным людям всегда воздаешь по заслугам,
О справедливость, всечтимая, с долей счастливой богиня!
Ты непорочную совесть всегда направляешь, как должно,
5 Чистыми мыслями, ты же при этом разиши беспощадно
Всех, кто к тебе под ярмо не идет, кто умом переметен,
Всех, кто с пути уклонился, ты хлещешь бичом преогромным,
Миролюбивая, милая всем, ты любишь веселье,
Чужды тебе мятежи, ты склонна к устойчивой жизни,
10 Все черезмерное ты ненавидишь, а равенство любишь,
Цель благородную доблести мудрость в тебе полагает.
Внемли, богиня, караешь ты зло по заслугам у смертных,
Пусть всегда равномерно текут благородные жизни
Смертных людей, что в пишу имеют плоды полевые,
15 Равно — живого всего, что держит, собой обнимая,
Матерь богиня Земля и Зевс соленого моря.

L XIV. ГИМН НОМУ

Кличу небесный Закон — владыку бессмертных и смертных!
Звезд разместитель святой, он строгой печатью разметил
Землю и берег морской. Возмущениям чуждый, блюдет он
Неколебимо основы природы посредством законов,
5 Их с высот привнося, по небу великому ходит,
Прочь отгоняя со свистом с пути ничтожную зависть.
Он устроет и смертным достойную жизни кончину,
Ибо владеет один он браздами правления жизнью,
10 В мыслях, единственно верных, с пути не свернет он вовеки,
И, многоопытный, древний, хранит по законам живущих,
Оберегая от бед, беззаконным же — тяжкая кара!
О многочтимый, блаженный, податель богатств, всежеланный,
Память даруй о себе, о вседобрый, с душой благосклонной!

L XV. АРЕСУ (Фимиам, ладан)

О некрушимый, о духом огромный, о силой великий
Демон, оружья любитель, кого победить невозможно,
Смертных людей истребитель и стен городских сокрушитель,
В громе доспехов, владыка Арея, обагренный убийством,
5 В месиве боя ужасный, ликуешь от пролитой крови,
Грубый, лишь меч и копье для распрай тебе вожделенны,
Дикую злобу уйми и труд отложи душегубный!
Лучше согласно кивни на желанье Киприды, сменяя
Подвиг оружья на шутки Лиея, на дело Деметры,
10 Мира, что счастьем дарит и пестует юность, возжаждав!

LXVI. ГЕФЕСТУ (фимиам, манна с ладаном)

Духом могучий Гефест, многомощный огонь безустанный!
В пламени ярких лучей горящий и греющий демон!
О светоносный, о дланью могучий, о вечный искусствник,
Часть мирозданья, его элемент беспорочный, работник,
5 Всепоглотитель, о всеукротитель, всевышний, всевечный,
Солнце, эфир и Луна, и звезды, и свет безущербный —
Все это части Гефеста, что так сея смертным являют,
Всюду твой дом — и город любой, и племя любое.
Ты и в тела обитаешь людских, многосчастный, могучий.
10 Внемли, блаженный, тебя призываю к честным возлияньям,
К радостным нашим делам всегда приходи, благосклонный!
О, прёкрати же огня безустанного дикую ярость,
Ты, кто жаром своим естество выжигает из тела!

LXVII. АСКЛЕПИЮ (фимиам, манна)

О исцелитель всеобщий Асклепий, Пэн-всевладыка!
Ты ворожишь над людскими болезнями, полными муки,
Ты, облегченье дарящий, могучий, несущий здоровье,
Ты прекращаешь болезни, и смерть ты и Кер прогоняешь,
5 Отрок цветущий, от зол защищаешь и счастье приносишь,
Феб-Аполлон твой отец, о мощный, блистательный славой,
Ты, ненавистник болезней, Гигий супруг беспорочный.
Добрый конец подари нашей жизни, спаситель блаженный!

LXVIII. ГИГИЕЕ (фимиам, манна)

Внемли, желанная, милая, в полном цвету, всецарица!
О Гигиея, о матерь всего, о дарящая счастье!
Все от тебя погибают болезни у смертного люда,
Радостно дом процветает любой твою заботой,
5 Пышно ремесла цветут — весь мир тебя любит, царица,
Только Аид-душегубец к тебе отвращенье питает.
Полная жара, о званная всеми, отрада для смертных,
Если же нету тебя, то все для людей бесполезно:
Плутос — Богатство, кующее счастье, — нисколько не сладок,
10 Муж без тебя превращается в старца, недужного тяжко,
Ибо одна ты владычишь над всем и над всеми, царица!
Ныне же к мистам гряди, о богиня, помощницей вечной,
Прочь отгоняя тяжелых болезней злосчастные муки!

LXIX. ЭРИНИЯМ (фимиам, стиракта и манна)

Вы, о богини всечтимые, звездные, в грома раскатах!
О Тисифона! О ты, Аллекто! О богиня Мегера!
Вы, потаенные, вы, о ночные, живете скрыто,
Бозле потока священного Стикса в глубокой пещере,
5 Вечно витаете вы над преступными мыслями смертных,
Дико ликуете, о непреклонные, при злодеяньях,
Страшные, мощные, в шкурах звериных, терзаете тяжко,
Жуткие девы подземного Ада, ваш облик изменчив,
О невидимки туманные, быстрые в беге, как мысли,
10 Вечные судьи, очами самой Справедливости-Дики
Смертных вы вечно блюдете во всех племенах неисчислемых!
Ныне о вы, змеекудрые, вы, многовидные Мойры,
Славой меня наградите беззлобной и праведной жизни!

LXX. ЕВМЕНИДАМ (фимиам, ароматы)

О Евмениды, внемлите, почтенные, с помыслом добрым,
Чистые дщери Хтонийского Зевса, великого бога,
И Персефоны, прельстительной девы прекраснокурдявой!
Вы наблюдаете жизнь нечестивого люда всечасно,
5 Вмиг к преступлениям летите, неся нечестивым отмщенье.
Вы, о владычицы черные, молнии мечете взором,
Плоть истребляющий блеск источает очей ваших светоч,
О самодержицы, мрачные, страшные, с видом отвратным,
Грозные, бродите ночью с бичом, разымающим члены,
10 О змеекурдрые девы, полночицы, страшные взору!
Вас призываю! Грядите к питающим чистые мысли!

LXXI. МЕЛИНОЕ (фимиам, ароматы)

Я Мелиною зову, облаченную в пеплос шафранный,
Нимфу подземного царства — ее от священного ложа
Зевса на свет родила Ферсепона у глубей Кокита, —
Ту, что с Плутоном обманным путем сошлась, расколоввшись
5 Надвое кожей двутелой, — то замысел был Ферсепона.
Ты, Мелиноя, как призрак туманный, морочишь и манишь
Смертных, являясь их взорам в бесчисленном множестве видов,
То ты вполне различима, а то затемняешься мраком,
То возникаешь с одной стороны, то с другой, среди ночи.
10 Ныне молю, о богиня, царица подземного царства,
Жала страстей от души отгони за пределы земные,
Мистам желик свой священный яви благосклонно и кротко!

LXXII. ТЮХЕ (фимиам, ладан)

Тюхе, сюда! Призываю тебя, всеблагая, молитвой!
Кроткая, встреча с тобой — к стяжанью богатств изобильных,
О Артемида, вождина почтенная, кровь Евбулея,
Ты родилась от него — и тягаться с тобой невозможно,
5 О примогильная, всюду бродящая, всюду воспета
Ты у людей, ведь в тебе многопестрая жизнь человечья!
Это ведь ты наделяешь людей многосчастным богатством,
Это ведь ты, коли в гневе, и злую нужду посылаешь,
10 Ныне, богиня, молю — появись, благосклонная сердцем,
Жизни пошли изобилье, наполни счастливым богатством!

LXXIII. ДЕМОНУ (фимиам, ладан)

Демона я, предводителя, страх наводящего, кличу,
Дия Милихия, демона — жизни дарителя смертным,
Зевса великого, всепородителя, многоскитальца,
Мстителя зла, всецаря, дарящего щедро богатством!
5 Всякий дом, куда он ни вступит, цветет изобильем,
И от него же дома несчастливцев хиреют и чахнут.
Счастья и горя ключи у тебя ведь, блаженный, хранятся.
Ныне, святой, отгони далеко многостонные скорби,
10 Все, что ни есть на земле несущего в жизнь разрушенье!
Нам уготовь для сладостной жизни благую кончину!

LXXIV. ЛЕВКОТЕЕ (фимиам, ароматы)

О Левкотея Кадмida, зову тебя, демон почтенный!
Силой благую пестунью зову Диониса, о внемли!
Ты, о владычица, правишь глубокой пучиной морскою,
Волны — услада твоя, о спасенье великое смертных,
5 В дланях твоих — неустойчивый ход кораблей-моребежцев,
Горькую гибель в волнах от людей ты одна отгоняешь,
К тонущим ты, о спаситель и друг, на подмогу приходишь.
Ныне, царица, богиня, храни, я тебя умоляю,
10 Промыслом добрым своим корабли наши с палубой крепкой!
Мистам, пустившимся в море, да веет твой ветер попутный!

L XXV. ПАЛЕМОНУ (фимиам, манна)

Ты, кто возрос с Дионисом, водителем хоров веселых,
Ты, обитатель священного моря просторов солёных!
К благосвященным обрядам явись, Палемон благосклонный,
Кличу тебя, о явись, веселящийся, с лицом цветущим,
5 Юный, и мистов вовеки храни на земле и на море!
Зимней порою всегда ты для тех, кто блуждает по хлябям,
Помощь один подаешь, о спаситель, своим появлением
Тяжесть свирепую волн, разгулявшихся в море, смиряя.

LXXVI. МУЗАМ (фимиам, ладан)

Дщери Зевеса могучеремящеи и Мнемосины,
О Пиэриды, блестящие славой, почтенные Музы!
Смертного раз посетив — ему вы всего вожделеней!
Вы, о пестуны души, направляете к истине разум,
5 Властвую, твердо ведете вы ум с его мощью благою,
Вы, кто священные таинства смертному люду открыли,
Клио, Евтерпа и Талия, вы — Эрато с Мельпоменой,
Ты — Каллиопа, Урания — ты, и ты — Терпсихора,
10 И Полигимния — с матерью и Евномией священной.
Многообразные, чистые, к мистам явитесь, богини,
Рвенье даряя святое и милое песен богатство!

LXXVII. МНЕМОСИНЕ (фимиам, ладан)

Я Мнемосину зову, делившую ложе с Зевесом,
Кличу владычицу, муз породившую звонкоголосых,
Память ее не подвластна забвению, губящему разум,
Держит с душой съединенным она весь ум человека,
5 Множит тем самым великую силу благую рассудка.
Ты, о сладчайшая, бодрая вечно, способная тотчас
В памяти вызвать у нас, что когда-либо в душу запало,
Не преступив ничего, ты ум пробуждаешь во всяком.
Ныне, блаженная, память у мистов буди об обряде
10 Благосвященном, богиня, забывчивость прочь отгоняй!

LXXVIII. ЭОС (фимиам, манна)

Внемли, богиня, для смертных ведущая день светоносный,
Ярко горящая Эос, что мир обагряет румянцем!
Светлого ты предвещаешь Титана, великого бога,
Путь непроглядный ночи направляешь в подземные глуби,
5 Прочь ее, мрачную, шлешь, когда востекаешь на небо.
Ты — проводница в делах, глава в человеческой жизни,
Ты — отрада для смертных: никто избегать не стремится
Вышнего ока Зари при ее появлении в небе, —
Нет, но когда ты сладостный сон от вежд прогоняешь,
10 Рад человеческий род, и рады народы животных,
Рады пернатые птицы и все население моря,
Ибо живущим на свете даруешь ты поприще жизни.
Ныне же в мистах умножь горение света святого!

L XXIX. ФЕМИДЕ (фимиам, ладан)

Дочерь благого отца, Урана священное чадо
Кличу, Фемиду бутоноочитую, Геину поросль,
Первой она указала для смертных священный оракул
В Дельфах в глубоком ущелье, даря от богов предсказанья.
5 Царствую в землях пиинфских, в kraю, где равнина Пифона,
Это она научила давать предсказания Феба.
В блеске красы, многочтимая всюду, бродящая ночью,
Первая ты священные таинства смертным открыла,
Славя ночами вакхическим криком «эвой» властелина.
10 Ведь от тебя — почитанье бессмертных и действа святые.
Ныне, блаженная, с добрым советом гряди, веселяся,
К чистым мистериям благосвященных обрядов, о дева!

LXXX. БОРЕЮ (фимиам, ладан)

Движущий толщи воздушные мира своим дуновеньем,
О леденящий Борей, явись же из Фракии снежной,
Влажнодорожного неба разбей неподвижность сплошную!
Дунув на тучи, развей и прочь разгони дождеродиц,
Ясной погодой даря, дабы радостным взором с эфира
Солнца лучи засветили земле, и сияя, и грея!

LXXXI. ЗЕФИРУ (фимиам, ладан)

Морерожденные дщери Зефира, воздушные ауры,
В ласковом шепоте, сладко дыша, приносящие отдых,
Вешние и луговые, отрадные гавани всякой,
Радостный ход вы даете судам дуновением легким!
О, благосклонно грядите сюда, бесспорочные! Вейте,
О легкокрылые, воздуховидные, о невидимки!

LXXXII. НОТУ (фимиам, ладан)

Влажной дорогой летя, порывисто, быстро, скачками,
Крыльев стремительный взмах то туда, то сюда устремляя,
С тучами мокрыми вместе гряди, о дождей породитель,
Житель воздушный! Тебе от Зевеса даровано право —
5 Слатъ дождеродные тучи на землю с ненастного неба —
Бот мы и молим, блаженный, тебя — на мать нашу землю
Дождь плодородный послать, приняв приношение наше!

LXXXIII. ОКЕАНУ (фимиам, ароматы)

Кличу отца Океана. О ты, не губимый вовеки!
Ты, породитель бессмертных богов и смертного люда!
Круг ты земной омываешь, собою его ограничив,
Все от тебя происходят моря и глубокие реки,
5 Влага святая подземных ключей и ручьи — от тебя же.
О многосчастный, блаженный, внемли, о богов очищенье!
Ты, о земли желанный предел, небосвода начало,
Влажнодорожный, являйся же к мистам всегда благосклонно!

LXXXIV. ГЕСТИИ (фимиам, ароматы)

Гестия, о благовластного Кроноса дочерь, царица!
Ты, чей дом — средь огня величайшего, сущего вечно!
К таинствам чистым своим допусти этих мистов и сделай
Вечно цветущими, полными святости, счастья, веселья!
5 Дом всеблаженных богов, опора могучая смертных;
Зеленотравная, в образах многих, желанная всеми,
Вечная, с ясной улыбкой, прими эти жертвы охотно,
Счастьем повей на меня и здоровьем с целящею дланью!

LXXXV. ГИПНОСУ (фимиам с маком)

Гипнос, владыка блаженных богов и смертного люда,
Равно и живности всей, что просторы земли населяет!
Ты, кто единственный властен над всеми, ко всем ты приходишь,
Ковы твои не из меди окутают всякое тело!
5 О, прекратитель забот, от невзгод избавляющий сладко,
Всякому горю несущий святое свое утешенье,
Страх перед смертью спасительно ты от души удаляешь,
Единокровный ведь брат ты и Лете, и Танату-смерти,
О, умоляю, гряди и сладостью смутной окутай,
10 Мистов храня благосклонно для дел их, угодных бессмертным!

LXXXVI. ОНЕИРУ (фимиам, ароматы)

Вещий Сон, тебя, о блаженный, на крыльях простертых,
Кличу, о вестник грядущего, лучший оракул для смертных!
Ты, среди сладкого сна в тишине прилетая безмолвно,
Сам пробуждаешь умы, обращаясь к душе человека,
5 Сам насылаешь сквозь сон решенье и волю блаженных,
Душам безмолвным безмолвно являя, что ждет их в грядущем.
Людям, чей ум благородный влечет их к угодному вышним,
Тем, чьи решенья всегда направлены к большему благу,
Будет всегда предсказанье, как этого блага добиться,
10 Дабы по жизни они с отрадой прошли, наслаждаясь.
Зло же от них отвратится — и это сам бог научает,
Как успокоить гневливых владык смягчающей жертвой —
Ведь и конец несравненно отрадней у них, благочестных.
Людям же злым и дурным грядущего к ним неизбежно
15 Ты не покажешь во сне, в преступлениях ты не подсказчик,
Дабы они не нашли избавленья от муки грядущей.
Я же молю, о блаженный, являть мне богов замышленья,
Дабы всегда приближал ты меня к решениям верным,
Да и в другом никогда ничего не пророчествуй злого!

LXXXVII. ТАНАТУ (фимиам, манна)

Внемли, держащий правленья бразды над смертными всеми,
Коими издали правишь, давая священное время
Каждому, ибо твой сон сокрушает и душу, и тело,
Узы, природой сплетенные прочно, лишь ты разрешаешь,
5 Сон насылая великий, вседолгий, что вечность пройдется,
Общий для всех, но к иным он приходит порой не как должно,
Слишком поспешно, и юную жизнь прерывает в расцвете.
Все обретает в тебе предел, предназначенный свыше,
Только тебя одного не упросишь и ничем не умоишь,
10 Я же к тебе обращаю, блаженный, молитву и жертву:
Дни моей жизни продлив, надели меня даром почетным —
Старость почтенную дай, наилучшую в людях награду!

ГИМНЫ ПРОКЛА

I. ГИМН К СОЛНЦУ

Мысленного огня властелин, о Титан златобразый,
Царь светодатец, внемли, о владетель ключа от затвора
Животворящей криницы, о ты, кто гармонию свыше
Льешь на миры материальные вниз богатейшим потоком!

5 Трон твой превыше эфира, он в центре всего мирозданья,
Самое сердце вселенной — твой круг светоносный, отколе
Промысел твой, пробуждая умы, наполняет пространство.
Вечное пламя твое окружили, как пояс, планеты,
Свой хоровод без конца и без устали водят вовеки,

10 Вниз посылая на землю частицы, что жизнь порождают.
Кружите по небу вы, неуклонно назад возвращаясь,
Следя вам, по порядку и Оры сменяют друг друга.
Смолкли раскаты стихий изначальных в их сшибке взаимной
В пору, как неизречимый родитель явил тебя миру,

15 Даже и хор несгибаемых Мойр пред тобой отступает,
Стоит тебе пожелать — и, тебе угораждая, изменят
Нить неизбежной судьбы, столь силен ты, и столь ты державен.
Только от вашей цепи, со стези вашей богопослушной
Явится царственный Феб с божественной песнью кифары —

20 Тотчас улягутся бурные волны людского смятенья.
В блеске твоем, отвращающем зло и дарующем ласку,
Вырос Пэан и свое ему благо добавил — здоровье,
Всеисцеляющей полна гармонией космос широкий.
В песнях тебя прославляют отцом Диониса великим,

25 Аттисом также эвойным в чащобах лесных величают,
Нежным Адонисом в гимнах тебя прославляют иные.
Быстрый твой бич устрашает и демонов, к людям злотворных,
Диких губителей, что насылают на бедные души
Порчу, чтоб души людские средь шума житейской пучины

30 Страждали вечно под бременем тела, любя это иго,
Отчий чертог позабыв, сияющий в высях небесных.
Демон счастливый, венчанный огнем, из богов наилучший,

Всепородителя-бога подобие, душ возводитель,
Внемли! Очисти меня навсегда и от всех заблуждений,
35 К слезной мольбе преклонись, избавь от позорящих пятен,
Прочь от страданий сокрой и смягчи быстрозоркое око
Дики-богини, что взором своим проникает повсюду!
Зло отвращающей будь нам подмогой надежной вовеки!
Свет многосчастный, священный душе моей вечно являя,
40 Мрак разгони ядовитый, ужасный, губительный смертным,
Телу же бодрость пошли и дар наилучший — здоровье,
Дай мне и добрую славу стяжать по обычаям предков —
Муз пышнокудрых, прекрасных почтить дарами достойно!
Прочное счастье пошли, коль мое благочестие любо!

Если захочешь, то дай, о владыка, — ведь с легкостью можешь
Все, что желаешь, свершить, — беспредельно могучий и властный!
Если же звезд веретена в своем круговом обращенье
Нити какого несчастья несут — о будь мне защитой!
Сам это зло отврати ударом своим всемогущим!

II. ГИМН К АФРОДИТЕ

Гими посвящаем цепи многославной Рожденной из пены,
Славим источник великий и царственный, миру явивший
Всех Эротов бессмертных, крылатых, что мысленным жалом
Стрел своих души разят, без промаха их посылая,
5 С тем, чтобы души, приняв острие возвышающей страсти,
Тотчас зажглись увидать озаренный чертог материнский.
Стрелы иные пускают Эроты по воле отцовской,
Чей отвращающий зло божественный промысел — множить
Мир бесконечный рождением новых людских поколений,
10 К радостям жизни земной зажигают такие Эроты.
Есть средь Эротов и те, что жен наблюдают замужних
Разные жизни пути неустанно, чтоб в смертном народе
Вечно рождалось бессмертное племя мужей-страстотерпцев.
Все они делают дело родящей любовь Кифереи.
15 Слух твой поистине все и везде уловляет, богиня,
Небо ли ты обнимаешь великое, где, по преданью,
Стала душою ты мира божественной, вечно живущей,
Иль пребываешь в эфире, где семь кругов обращенья,
Вашей цепи соблюдая вовек некрушимые силы,
20 Слух и ко мне преклони, мой жизненный путь многотрудный
Сделай прямым справедливыми стрелами мне, о царица!
Всех недостойных страстей уими леденящую силу!

III. ГИМН К МУЗАМ

Свет воспеваем, подъемлющий смертных горé, воспеваем
Девять дщерей великого Зевса прекрасноголосых!
Души людей, кoi жизнь, полонивши, ввергает в глубины,
Могут они избавлять от скорбей, землеродным присущих,
5 Силою чистого таинства ум пробуждающей книги
Учат спешить поскорей пролететь чрез глубокую Лету,
След обретя, что к звезде соименной ведет — ведь когда-то
Там они сбились с пути и упали на берег рождений
10 В жажде безумной испробовать жребий вещественной жизни.
Ныне, богини, молю — уймите порыв мой тревожный!
Полными смысла рассказами мудрых меня опьяняйте!
Да не сбивает с пути меня род человеков безбожный,
С дивной, священной стези, сияющей, полной плодами!

15 Музы, молю — из толпы многогрешного рода людского
Вечно влеките к священному свету скиталицу-душу!
Пусть тяжелит ее мед ваших сот, укрепляющий разум,
Душу, чья слава в одном — в чарующем ум благоречье.

IV. ОБЩИЙ ГИМН КО ВСЕМ БОГАМ

Вы, кто священной премудрости держит кормило, о боги!
Вы возжигаете в душах людских возвышающий пламень,
Дабы, покинув обители мрака, они устремились
К высям бессмертных, очистившись таинством гимнов священных.
5 Слух преклоните, спасители! Ваши священные книги
Чистый излили мне свет, разогнавший туман непроглядный,
Дабы познал я вполне человека и высшего бога.
Да не погубит меня злоказненный демон, сокрывши
Прочь от чертогов блаженных навек, за током Летейским!
10 Да не закинет обратно в ужасные волны рождений
Душу мою, что доле не хочет по жизни скитаться,
Чья-нибудь страшная кара, да вновь ее с жизнью не свяжет!
Боги, водители мудрости светлой, молю вас, внемлите!
Мне, кто душою стремится к стезе, пролегающей свыше,
15 Боги, явите священных словес обряды и действия!

V. ГИМН К ЛИКИЙСКОЙ АФРОДИТЕ

Гимн посвящаем Ликийской владычице Куафродите.
Некогда нашей отчизне явилась она на подмогу,
Зло отвратив, и наши вожди, благодарностью полниясь,
В граде воздвигли священный кумир по внушению свыше.
5
Знаменовал он тот мысленный брак, Гименей многоумный,
Что Афродиту Небесную свел с огнеродным Гефестом,
И Олимпийской богиню они нарекли, ведь нередко
Смерти стрелу мужегубную прочь отгоняла богиня,
10
Зря добродетель людскую. А брак сей, плодами богатый,
Пышную поросль пустил — блестящее мыслью потомство,
И наступило повсюду спокойствие мирное в жизни.

Ныне молю, о царица, прими величанье, как жертву!
Я ведь и сам, как и ты, ликийцем являюсь по крови,
15
Душу мою вознеси к красоте от уродства земного,
Да избежит она злостного жала постыдных порывов!

VI. ГЕКАТЕ И ЯНУСУ

Радуйся, матерь богов многославная, с добрым потомством!
Радуйся, ты, о Геката преддверная, мощная силой!
Радуйся сам Иан прародитель, Зевес негубимый!
Радуйся, вышний Зевес! О, даруйте мне полную блага
5
Светлую жизни тропу и злые недуги гоните
Прочь от тела, а душу к себе привлеките, очистив
Ум пробуждающим действом от страстных земных искушений!
О, умоляю, подайте мне руку, стезю укажите
10
Богоизбранную мне, я желаю того! Да узреть мне
Свет драгоценный, рождений же черного зла да избегнуть!
О, умоляю, подайте мне руку, повейте мне ветром,
Что в благочестия гавань доставит страдавшего много.
15
Радуйся, матерь богов многославная, с добрым потомством!
Радуйся ты, о Геката преддверная, мощная силой!
Радуйся сам Иан прародитель, о Зевс высочайший!

VII. К МНОГОМУДРОЙ АФИНЕ

Внемли, дитя Эгиоха-Зевеса, что в свет появилась
От высочайшей цепи, от источника отчего! Внемли!
Мощного дочерь отца, многосильная, с мужеским духом,
О щитоносице в шлеме златом, Тритогена Паллада!
Внемли и гимн мой прими с благосклонным, владычица, сердцем!
Слово мое да не будет напрасным, не дай его ветрам!
Ты, кто отверзла врата для премудрости, к богу ведущей,
Кто укротила гигантов земных богооборное племя,
Ты, кто избегла желания зажженнего страстью Гефеста,
Пояс девический свой сохранила,
Ты, что смогла уберечь уцелевшее сердце владыки
Вакха, на части разъятого силой титанов, и скрыла
В глуби эфира его, и родителю после вручила,
Дабы по замыслу неизреченному отчemu' новый
В мир снизошел Дионис, порожденный отцом от Семелы.
Ты, кто рожденных от страсти всезрящей богини Гекаты
Всех укротила, секирой срубая их главы под корень,
Ты добродетелей силу благую возвысила в смертных,
Жизнь им украсила многоуменьем искусств и ремесел,
Силой творящей ума наделила ты души людские!
Ты, что Акрополь имеешь по жребию, холм неприступный,
Символ твоей принадлежности к высшей цепи, о царица,
Землю — пестунью мужей и матерь для книг — возлюбивши,
Ты, поборовши святое желанье отцовского брата,
Имя свое даровала земле и ум благородный,
Вот отчего, как память о споре богов, пребывает
Там, у подножья холма, в назиданье потомкам — олива,
Ты возрастила ее, когда Посейдона воля
На Кекропидов обрушила вал многошумного моря,
Хлынул могучий поток, на пути своем все затопляя.
Ты, о богиня, чей лик излучает святое сиянье,
Внемли и дай мне, скитальцу, счастливую тихую гавань,

О, даруй душе моей благосвященных сказаний
Чистый свет и премудрость, любовь и любовь таковую,
35 Я умоляю, вдохни, дабы силой ее воспарила
К отчemu дому душа, на Олимп от земного предела.
Если же я и подвластен ошибкам, как в жизни бывает,
Ведаю сам, что терзают меня прегрешенья, проступки,
Все, что не должно свершать, но свершаю, душой неразумный,
40 Смилийся, кроткая духом, не дай мне, простертому в прахе,
Стать для недугов готовой добычей, о смертных спасенье!
Я ведь молю об одном — дабы был, о богиня, твоим я!
Членам ослабшим даруй нерушимую крепость здоровья,
Прочь отгони плотоядных болезней печальное племя,
45 Я умоляю, царица, своей амвросической дланью,
О, прекрати непосильные муки страданий ужасных,
В море житейском пловцу, пошли мне спокойные ветры,
Брак и потомство, известность, богатство, отрады веселий,
Гибким умом одари, пошли в испытаниях стойкость,
50 Дар убеждения, шутки друзей, почет у сограждан.
Внемли, о, внемли, царица, молю бесконечной мольбою
В трудный свой час, да слух преклонишь ты ко мне благосклонно!

ГИМНЫ СИНЭЗИЯ

ГИМН I (III)

О душа моя,
о, настрой себя
к песнопениям,
полным святости,
ты уими слепней
матерьяльности,
ополчи мой ум
пылом ревностным,
и сплетем венец
мы царю богов —
сей бескровный дар —
приношенье слов.
О творец миров,
я пою тебя
и средь волн морских,
и на острове,
на материке,
в городах пою,
и в горах пою,
и в полях пою —
и везде, куда
ни ступлю стопой,
я пою тебя,
о, творец миров.
Мне приносит ночь
гимн к тебе, господь,
возношу к тебе
я дневную песнь,
и поутру встав,
и в вечерний час
я тебе несу
песнопения.

5

10

15

20

25

30

35

Мне свидетели —
звезд седых лучи,
и луна в ночи,
и владыка сам
чистых звезд святых.

40

Мне свидетелем —
Солице вышнее,
повелитель душ
незапятнанных,
Я стремлю свой путь
в твой святой чертог,
и несут меня
ноги легкие,
прочь от вещного
устремляясь
к луну вышнего,
в твой святой чертог,
с ликованием
я иду к тебе.

45

Вот пришел с мольбой
на святой порог,
к совершению
действ таинственных,
вот с мольбой моей
я достиг вершин
многославных гор.

50

Вот в долине я
средь безмолвных мест —
это Ливии
область южная.

55

И безбожный дух
не сквернит ее,
и следа в ней нет
суеты людской,
там душа моя
от страстей чиста,
замирает здесь
вожделение,
тихает боль,
тихает стон,
тихает гнев,
раздражение —
все, что мучает

60

жалкий смертный род —
там душа моя
с чистым помыслом
языком честным
вознесет тебе
надлежащий гимн.

65

70

75

80

85

90

95

100

105

110

115

120

125

130

О, замри, земля!
О, замри, эфир!
Ты, о море, стой,
ты, о воздух, стой!
Не колышься, ветр,
не шуми, о вихры!
Не греши, о ключ,
не плеши, река!
Не звени, капель
тока скального!
Глуби космоса,
свой уймите гул
в час вершенья служб
гимнопения!

В глубь земли ползи,
о змеиный род,
будь сокрыт землей
и крылатый змей,
демон вещного,
привидений друг,
ты, туман души,
что скликаешь псов,
слыша глас молитв.
Отче светлый наш,
отгони, молю,
душегубных псов
от молитв моих,
от души моей,
и от дел моих,
и от жизни всей!

Приношение
моего ума
доверяю я
многочтимейшим
тем служителям,
полным мудрости,
переносчикам
гимнов сих святых.
Вот влечет меня
к отправной черте
пресвятых словес,
вот звучит в уме
откровенья глас.
Отче, смилийся,
Боже, смилийся,
коль коснусь тебя,
как не следует,
на недолжный лад.
Чей могучий взор,

135

чей премудрый взор,
отразив тебя,
не потупится?
И богам нельзя
на твои огни
взор стремить в упор.

140

И когда летит
ум с высот твоих —
он становится
ласков к ближнему,
устремляется
к недоступному
в жажде свет узреть
в глубях пропасти,
тем путем пройти,
где дороги нет,
там, где взор влечет
красота идей
первозданная.

145

И оттуда ум
света взяв цветы
в песнопения,
прекращает вмиг
все метания,
отдавая вновь
все свое тебе.
Есть ли что-нибудь

150

не твое, о царь?

155

Сам себе отец,

160

отче всех отцов,
сам отца не зная,
всем ты прапотец,
сам себе ты сын,
ты — первейшее,

165

одного одно,

170

семя сущего,

175

центр всего и вся,

первозданный ум,

корень всех миров

первосозданных,

всюду вечный свет,

ум всеистинный,

кладезь мудрости,

ум, пронизанный

светом собственным,

око сам себе,

господин грозы,

вечности отец,

вечна жизнь твоя,

286

180

185

190

195

200

205

210

215

220

225

выше всех богов,
выше всех умов,
все в руке твой,
умородный ум,
всех богов проток,
что вдыхает жизнь,
воскромитель душ,
кладезь кладезей,
всех начал исток,
корень всех корней.
Всех единства — одно,
чисел всех число,
ты одно — число,
постигаем ты
силой разума,
сущий до него,
ты одно и все,
ты одно во всем,
сущий до всего,
семя ты всему,
корень и побег,
жизни сок умам,
и жена, и муж.

Ум, что принят был
в эти таинства,
обходя кругом
в пляске пропасти
неизречные,
повторяет вновь
все одно и то же:
ты и сам рожден,
и рождающий,
ты и светоч наш,
и горящий свет,
ты и явное,
ты и тайное,
ты — в лучах своих
сокровенный свет,
ты — одно и все,
ты — одно в себе,
ты — одно чрез все.

Ты излил вовне
несказанное,
породив собой —
сына ты родил,
мудрость чистую,
всесвиряющую,
весь излит, пребыл
неделим, делясь

287

в родах собственных.
Славься ты, един,
славься, тройственный,
ты — «одно» и «три»,
«три» ты и «одно»,
даже мысленно
неделимое —
то, что есть в тебе
разделенного.

ГИМН IV (VI)

Из ключа святого самопорожденья,
За пределами единства неизреченных,
Бог бессмертный, ты, о сын преславный бога,
Ты единственный, одним отцом рожденный,
Для тебя — венок цветов премудрых гимнов!
Из неведомого сына в свет явили
Роды воли отчей, слову не подвластной,
И плодом сих отчих родов оказался
Ум, сияющий в средине мирозданья —
В сем ключе он пребывает, изливаясь,
Луч красы, премудрость промысла отцова,
Ты, кого благоволил родить отец твой,
О блестательно таинственное семя
Твоего отца, ведь — ты миров начало!
Ты от умственных ведеш к телесным формам,
Это ты премудро движешь круг небесный,
Стадо звезд на небе вечно выпасая!
Хоры ангелов в твоей, владыка, власти,
Под твоим началом — демонов фаланги!
Тленный мир обходишь плясом хороводным,
Неделимый дух земному уделяя.
То, что ключ исторг, ты вновь соединяешь,
Отразив от смертных смерти неизбежность.
Будь же милостив принять гирлянду гимнов!
Гимнопевцу же пошли удел спокойный,
Усмири водовороты жизни бурной,
Матерьяльности губительные волны!
От души гони недуги и от тела!
Вожделений укроти напор злоторный!
Зашити от нищеты и от богатства,
А в трудах моих — да слышу голос свыше!
Славу добрую открой мне средь народов,

Одари ласкоречивым убежденьем!
Дабы ум вкушал досуги жизни мирной,
Дабы сам я не стенаł в земных заботах,
Но из русл твоих, что к высям воздымают,
Ум кропил я и питал, рождая мудрость.

5

10

15

20

25

30

10*

ГИМН V (II)

Вновь светает, снова — Эос,
Снова день пролил сиянье
После мрака ночи черной,
Снова пой, душа, ликуя,
Богу утренние гимны!
Он зажег сиянье Эос,
Он украсил ночь звездами,
Сим вселенским хороводом.

Понт бурливый — материальность
Всю — эфир собой окутал,
Там светя цветком горящим,
Где преславная Селена
Ослабляет свет по краю.
Над восьмым круговоротом
Звездоносного потока
Есть иной поток — беззвездный,
Что движением возвратным
Небо вглубь влечет и в пляске
Ум великий обтекает,
Ум, что высь владыки мира
Кроет светлыми крылами.
Дальше — высшее молчанье,
Всеблаженное, покрыло
Неделимое деленье,
То, что мысленным вершится
С постигаемым умами.

Ключ один — единый корень
Просиял тройным сияньем —
Ибо где отцова бездна, —
Там и сын его преславный,
Порожденье его сердца,
Мироздижущая мудрость,

35	С ними вместе — свет единый Воссиял святого духа. Ключ один, единый корень, Щедро благ излил богатство Вместе с отпрыском сверхсущим, Жизнетворчеством кипящим. В удивительном сиянье Предстают блаженных сути, А за ними — хор вселенский Высших сил владык бессмертных, Тех, что умственною песнью Породителей вседобрых — Пели эйдос-первосемя. Дальше — ангельское войско Тех, кто старости не знает, Породителей вседобрых — То они на ум взирают, Красоты исток вливая, То, блюда вращенье сферы, Правят космоса глубины И с выеот своих влекутся К материальности пределам, Там, гнездясь, родит природа Миру демонские толпы, Что хитры и многошумны, Там рождаются и герои, Там, рождаясь, дух нисходит, Растворяясь над землею, Оживлять земные судьбы Многохитрых форм и видов.	
40		85
45		90
50		95
55		
60		
65	Все в твоей державной власти! Для всего ты в мире корень В настоящем и в минувшем, И в грядущем и в возможном! Ты отец, но ты и матерь, Ты жена и муж при этом, Ты и голос, и молчанье, Породитель ты природы, Вечность вечности, владыка! Должно голос мне возвысить: Славься, славься, корень мира, Славься, жизни средоточье, Ты — «одно» бессмертных чисел, Произведших властелинов, Славься, славься, славься, славься! Богу — слава подобает!	
70		
75	Слух ко мне склони безгневно, Внемли хорам гимнопенья, Свет премудрости открой мне,	
80		

Одари честным довольством
Жизни мирной, безмятежной!
Прогони нужду с порога
И земных богатств несчастье!
Отврати от тела хвори
И страстей напор бесчинный,
От меня гони подальше
Ум гнетущие заботы,
Дабы разум мой крылатый
Зло к земле не пригнетало!
И о том, что породил ты,
Стану петь, и в пляс пущусь я
Невесомыми стопами
В действиях всенеизречимых.

ГИМН VII (VIII)

На дорийский лад на струнах,
Что скрепляет слоновья кость,
Запою я звучный напев
В честь твою, бессмертный, святой,
Многославнейший девы сын!

Ты мне жизнь сохрани мою
И безбедной сделай, о царь!
И закрыт будет вход скорбям
Пусть в нее и ночью и днем!
Ты мой дух огнем озари,
Что течет из ключа ума,
Членам тела силу даруй,
Сделай славным усердный труд.
Мои юные годы храни,
Дай мне радостно жизнь прожить
И достигнуть преклонных лет,
Пусть и мудрость растет во мне,
И здоровье тела мне дай!
Брату стражем будь моему:
Ты его, о бессмертный, мне
Невредимым вернул, хотя
Прикасался уже стопой
Он к порогу подземных врат.
Мое горе, мой тяжкий стон,
Мои слезы и горькую скорбь,
Сердце жегшую мне, ты смягчили,
Ты умершему жизнь вернул,
Снизойдя, как отец, к рабу,
О сестре я тебя молю,
О чете двоеродных чад!
Весь, молю, Гесихидов дом
Ты своей десницей покрай!

5

10

15

20

25

30

35

40

45

50

Ну а мне сохрани, о царь,
Ты сопутницу брачных уз,
Без болезней, без горя, без бед,
В одномыслии и в любви.
Ни лукавства, ни скрытых тайн
Пусть не знает жена моя,
Пусть хранит наш брачный покой
Незапятнанным и святым,
Пусть в него не войдет соблазн!
А когда со свободной души
Цепи жизни земной спадут,
То избавь от тяжелых мук
И не ввергни в гибель ее!
Разреши ей в сонме святых
Воспевать священную песнь.

И величье отца твоего,
О блаженный, и силу твою
Воспою в новом гимне я,
Тебе новую песнь сложу,
И опять пусть строй зазвучит
Непорочной кифары моей!

ГИМН IX (I)

Моя звонкая форминга!
 После песенки теосской
 И лесбосского напева
 Для торжественного гимна
 Зазвучи дорийским ладом!
 Не о девушких прелестных
 С их улыбкой сладострастной,
 Не о юношах цветущих,
 Чья краса чарует очи,
 Нет, рожденная от бога
 Мудрость чистая, святая
 Побуждает к песне божьей
 Натянуть кифары струны
 И бежать от сладких бедствий,
 От земной любовной страсти.
 Да, чего же стоят доблесть,
 Красота, богатство, слава,
 Царских почестей соблазны
 По сравнению с благочестьем?
 Пусть один — отважный всадник,
 А другой — стрелок из лука,
 Пусть иного тешат кудри,
 Копит кучи золотые,
 Пусть иного тешат кудри.
 Что текут волной на плечи,
 А иной воспет повсюду —
 Всех друзей и всех подружек
 Он пленяет красотою.
 Мне ж хотелось бы достигнуть
 Жизни тихой и безвестной.
 Пусть безвестна будет людям.
 Пусть лишь бог о ней узнает!

5

10

15

20

25

30

Пусть меня научит мудрость
 С ней прожить младые годы,
 С нею вместе встретить старость,
 С ней владеть своим достатком.
 Но и встречу с нищетою
 Мудрость терпит и с улыбкой
 Переносит горечь жизни,
 Лишь бы столько мне осталось,
 Чтобы в хижине я скрыться
 Мог от зависти соседей
 И нужда б меня не гнула
 Низкой черною заботой.
 Я услышал песнь цикады,
 Пьющей утренние росы,
 И мои запели струны
 Необычным звуком — будто
 Налетело вдохновенье.
 Что же, в сердце возникая,
 Порождает песню божью?
 Тот, кто сам себе начало,
 Управитель и родитель,
 Нерожденный, совершенный,
 Восседает бог предвечный
 Облеченный бессмертной славой.
 Он — единство в единенье
 И первичная монада.
 Простоту в многообразье
 Ты, связя, порождаешь
 Сверхъестественным рожденьем;
 И она, приняв начало,
 Через образ первозданный
 Разлита непостижимо.
 Мощью тройственной владеет
 Сверхвещественный источник,
 Красотою чад увенчан,
 Что, родясь из средоточья,
 Средоточье обтекают.
 Замолчи, моя форминга,
 Замолчи! Дерзать не смеешь
 Разглашать святые тайны!
 То, что выше, скрой в молчанье,
 Воспевай пути земные.
 Ибо разуму подвластен
 Только мир разумной мысли,
 Здесь начало лишь благое
 Человеческого духа,
 Неделимого деленья.
 В вещество низвергнут разум,
 Порождение бессмертных,

35

40

45

50

55

60

65

70

75

80

35

Сил божественных потомок.
Невелик он — но родился
Он от них, единый, цельный,
Цельный, в цельности разлит он.

90

Глубь небесную вращая,
Страж он видимого мира.
Он присутствует повсюду,
Проявляясь в видах разных,
Он ведет круги созвездий,
Сонмом ангелов он правит,
Он же связью равновесной
Укрепил земное тело.

95

Разум в тягостном забвенье
От родителей оторван,
Погружен в слепое горе,
Созерцает тьму земную.
Сам он — бог, но близок смертным.

100

И сияет некий светоч
Даже всем очам сомкнутым,
Даже тех, кто пал так низко,
Сила вновь возносит к небу.

105

И они из волн житейских
Выплывают беспечально,
Вновь идут святой дорогой,
Входят в царский дом отцовский.

110

Тот блажен, кто мог избегнуть
Вещества нападок жадных
И, взлетев, порывом легким
Прямо к Богу путь направить.

115

Тот блажен, кого от бедствий
И трудов земных и горьких
От испытанных страданий.
Разум к тем привел вершинам,

120

Где сияет светоч божий.
Нелегко отдать все сердце,
Вознести его высоко
На крылах любви небесной.

125

Но в порыв души разумной
Съедини свои стремления —
И родитель твой тотчас же
Руку помоши протянет.

130

Вспыхнет луч перед тобою,
Озарит твою тропинку,
Область разума откроет,
Красоты первоначало.

И теперь, душа, испивши
Из источника благого,
Обратись к отцу с мольбою,
Воспари скорей, не медли,

А земле оставь земное.
И с отцом сливаюсь, станешь
Богом в боже ты, ликуя.

КОММЕНТАРИИ

Гомеровские гимны*

Гомеровские гимны публикуются в нашем издании в переводе В. В. Вересаева, напечатанном в изд.: Вересаев В. В. Полн. собр. соч. М., 1929. Т. X. (перепечатан в сб.: Эллинские поэты. М., 1963), с отдельными уточнениями, сделанными по греческому оригиналу.

Из 34 гомеровских гимнов 33 относятся к единой рукописной традиции, восходящей, очевидно, к XI или XII в. В 1423 г. Дж. Авриела вывез из Константинополя манускрипт, содержащий большое собрание гимнов. Этот манускрипт и является источником различных списков гомеровских гимнов, рассеянных по библиотекам Запада. Первую копию с византийского оригинала сделал Ф. Фильтельфо (см., вступительную статью). Одно время выдвигалось мнение (гипотеза Г. Голландера), что списки Авриспы и Фильтельфо были сделаны с разных оригиналов. Однако в наши дни принято считать, что рукопись — оригинал XI или XII в. — к XV в. испытала значительные повреждения, и разнотекстия у Авриспы и Фильтельфо можно отнести к разного рода спискам, но сделаны оба списка с одного и того же манускрипта (ср.: Деревицкий А. Н. Гомерические гимны. Харьков, 1889. С. 37).

В настоящее время мы располагаем четырьмя кодексами, которые составляют базис всех известных изданий гомеровских гимнов. Содержание кодексов варьируется, и соотношение их со списками Авриспы и Фильтельфо определить трудно. Особняком стоит знаменитый московский кодекс, завезенный, очевидно, в Россию монахами из Греции или Афона. Он был открыт в 1777 г. в московской синодальной библиотеке Ф. Маттэя, приобретен впоследствии Д. Рункеном и теперь хранится в университетской библиотеке в Лейдене. В этом кодексе (единственном) сохранились: весь гимн «К Деметре», стихи 422, 457, 458 гимна «К Гермесу» и фрагмент из гимна «К Дионису» (12 стихов). Эти 12 стихов гимна «К Дионису» Ф. Маттэя счел возможным объединить с фрагментом неизвестного гимна из Диодора (III 66) — так в собрании гомеровских гимнов и появился гимн XXXIV.

Вопрос о хронологии гимнов весьма сложен. Гимны I—V обычно относят к VII—VI вв. до н. э. По традиции, из дошедших до нас больших гимнов древнейшими считаются гимны «К Афродите», «К Деметре», «К Аполлону Делосскому» — их датируют обычно VII в. до н. э., гимн «К Гермесу» — VII или VI в. до н. э. Остальные гимны созданы значительно позже. Общепризнано, что некоторые гимны, например гимн «К Пану», можно датировать не раньше V в. до н. э. Значительное число «малых» гимнов создано, безусловно, не раньше эпохи эллинизма, например гимн «К Аресу» с его астрологическим уклоном.

География создания гимнов очень пестра, большинство из них связано с местными культурами, с их установлением, распространением, основанием храмов. По преимуществу это храмовые легенды, посвященные тем или иным приключениям, странствиям, подвигам богов. По классификации Р. Вунша, гомеровские гимны должны быть отнесены к разряду так называемых смешанных гимнов (*hymnoi mixtoi*), где объединяются миф и просьба о даровании счастья.

Относительно того, когда именно был составлен данный сборник гимнов, единого мнения нет. Если судить по тому, что в собрание гимнов входят поздние гимны, то

* Комментарий к гомеровским гимнам и гимнам Каллимаха составлены В. П. Завьяловой.

необходимо признать, что сборник составлен не раньше эпохи эллинизма, хотя не исключена возможность, что некоторые «малые» гимны могли быть присоединены к сборнику позже.

Из многочисленных изданий гомеровских гимнов назовем одно из последних: *The Homeris hymnos*/Ed. by T. W. Allen, W. R. Halliday, E. E. Sikes, W. W. Metcalf. Oxford, 1961; из словарей к гомеровским гимнам следует иметь в виду следующий: *Index Homericus. Appendix hymnorum vocabula continens/Compositus A. Gehring. Lipsiae, 1845.*

I. К АПОЛЛОНУ ДЕЛОССКОМУ

В «Состязании Гомера с Гесиодом» рассказывается, что, пробыв некоторое время в Аргосе, Гомер отправился на остров Делос на народное торжество и здесь, у так называемого рогового алтаря, произнес в честь Аполлона гимн, начинающийся словами: «Вспомню, — забыть не смогу, — о метателе стрел Аполлоне». За этот гимн ионийцы объявили поэта гражданином своего союза, а делосцы, записав гимн на гипсовой скрижали, принесли его в дар святыни Артемиды.

Безусловно, это только красивая легенда, но первый гомеровский гимн и на самом деле, как пишет А. Лески, «прекраснейший цветок эпической поэзии послегомеровского периода» (*Lesky u. Die homerischen Hymnen*. Вегт, 1950. S. 12). Общепризнано, что данный гимн — продукт контаминации. Вплоть до 1781 г., когда Д. Рункен во втором издании своих «Критических писем» предположил, что гимн «К Аполлону» разбивается на два самостоятельных произведения — «К Аполлону Делосскому» и «К Аполлону Пифийскому», этот гимн считался единым. Но в нем всегда различали по крайней мере три отдельные части: гимн к делосскому божеству, гимн к божеству пифийскому, отрывок из теогонического стихотворения в духе гесиодовской поэзии. Имя гимнографа неизвестно. Родина гимна — скорее всего остров Хиос. По степени близости к языку Гомера этот гимн занимает одно из первых мест. Отличительная черта этого гимна — присутствие ярко выраженного лирического, личностного начала. Поэт, воздав подобающую хвалу божеству, обращается к служительницам его культа и вспоминает о тех великолепных празднествах, в которых он сам, бедный хиосский слепец, не раз принимал участие. Стихи о хиосском старце из этого гимна цитирует Фукидид (III 103).

Ст. 20—24 — здесь и далее, где сбиваются нумерации, стихи считаются некоторыми издателями интерполированными (неподлинными).

Ст. 26. *Кинф* — гранитная скала, главная возвышенность острова Делос.

Ст. 27. *Делос* — самый маленький из Кикладских островов в Эгейском море, славен рождением Аполлона и Артемиды.

Ст. 30—46 — описываются скитания Латона перед рождением Аполлона, хотя автор не указывает причину этих скитаний — гнев Геры.

Ст. 32. *Пепарет* — остров в Эгейском море; *Пейреские Эги* — островок в Эгейском море вблизи острова Хиос.

Ст. 33. *Фракийский Афон* — гора в Македонии, на южной оконечности полуострова Халкидика; *Пелион* — гора на севере Греции, в Фессалии.

Ст. 34. *Самофракия*, или *Самос*, — остров у Ионийского побережья Малой Азии; *Идские горы* — горная цепь в Мисии и Фригии (М. Азия).

Ст. 35. *Скирос* — остров вблизи от острова Евбея, к востоку от Аттики; *Фокея* — город на побережье Ионии (М. Азия); *Автокана* — мыс вблизи Фокеи.

Ст. 36. *Имброс* — остров у побережья Херсонеса Фракийского (сев. Греция) с городом того же названия; *Лемнос* — вулканический остров в северной части Эгейского моря, считавшийся главным местом пребывания Гефеста.

Ст. 37. *Эолион Макар*, или *Макарей* — сын Эола, бога ветра.

Ст. 38. *Хиос* — остров у берегов Ионии с городом того же названия.

Ст. 39. *Мимант* — отрог хребта Тмола в Лидии (М. Азия); *Корик* — скалистый мыс на Эритрейском полуострове в Ионии.

Ст. 40. *Кларос* — город на Ионийском побережье Малой Азии с храмом и оракулом Аполлона; *Эсаея* — гора близ города Клароса.

Ст. 41. *Микале* — мыс на Ионийском побережье.

Ст. 42. *Коос* (Кос) — остров у побережья Карии (М. Азия); *Мероп* — царь древнейшего поселения на острове Кос; *Милет* — ионийский город на побережье Карии.

Ст. 43. *Книд* — мыс и город в Карии со знаменитым храмом Афродиты, в котором находилась статуя богини работы Праксителя; *Карпат* (или *Карпаф*) — остров на полпути между Критом и Родосом.

Ст. 44. *Рения* — небольшой островок у западного побережья Делоса; *Наксос*, *Парос* — Эгейские острова.

Ст. 47. Хотя о гневе Геры автор не говорит, но «трепетали все земли от страха» именно из-за этого.

Ст. 57, 59 — здесь и далее строка звездочек или отточий означает испорченное место.

Ст. 62. *Кей* (Кой) — один из титанов, сын Урана и Геи, муж Фебы, отец Лето.

Ст. 93. *Фемида* — олицетворение закона и порядка, дочь Урана и Геи, жена Зевса; родила Ор и Мойр. *Ихнея* — читамая в городе Ихны в Фессалии.

Ст. 94. *Рея* — дочь Урана и Геи, супруга Кроноса, мать всех Кронид. *Амфитрия* — дочь Нерея и Дориды, одна из нереид, супруга Посейдона. *Диона* — дочь Океана и Тетии (Тефии) или Урана и Геи, титанида, мать Афродиты.

Ст. 97. *Илифия* — дочь Зевса и Геры, богиня деторождения, покровительница рожениц; впоследствии отождествлялась с Артемидой.

Ст. 102. *Ирида* — дочь Тавманта и Электры, сестра Гарпий, вестница богов.

Ст. 165—176 — стихи о хиосском певце, возможно, Олене, создателе ионийских гимнов в честь Аполлона.

II. К АПОЛЛОНУ ПИФИЙСКОМУ

Во всех дошедших кодексах этот гимн составлял одно целое с предыдущим гимном. Д. Рункен первый указал, что следует разделить гимн «К Аполлону» на два самостоятельных произведения. Считается, что второй гимн, «К Аполлону Пифийскому», создан значительно позже, но до 548 г. до н. э., когда пожар уничтожил первый дельфийский храм.

Ст. 1. *Ликия* — полуостров и область на южном берегу Малой Азии. В ликийских городах Патаре и Ксанфе были знаменитые храмы Аполлона Ликийского. *Меония* — древнее название Лидии (М. Азия), впоследствии восточная Лидия.

Ст. 2. К югу от города *Милета* (М. Азия) в Дидимах находился древний, основанный раньше города, храм Аполлона Дидимского со знаменитым оракулом.

Ст. 4. *Пифон* — древнее название местности у подошвы Парнаса в Фокиде, где находился город Дельфы.

Ст. 16. *Хариты* — богини красоты и радости, дочери Зевса и океаниды Евриномы; *Оры* (или *Горы*) — богини времен года, ясной погоды, урожая, юности и красоты, хранительницы небесных врат, спутницы богов, преимущественно Афродиты. По Гесиоду, их было три: Евномия, Дике, Эйрена; в аттическом культе — две: Весна и Осень.

Ст. 17. *Гармония* — дочь Ареса и Афродиты, жена Кадма, мать Ино, Семелы и др. *Геба* — дочь Зевса и Геры, богиня юности, жена Геракла.

Ст. 30—34 — напоминание о любовных историях Аполлона. Согласно одной из версий, Аполлон любил дочь Флегии Корониду, которая родила Асклепия.

Ст. 31. *Азанова дочь* — Коронида, родом из Азании — области в северной Аркадии, названной по имени Азана, сына Аркада.

Ст. 32. *Исхий*, сын Елатиона — возлюбленный Корониды, которого она предпочла Аполлону.

Ст. 33. *Форбант* — по одной из версий, отец Авгия, заносчивый кулачный боец; разграбил вместе с флегицами Дельфийский храм, но был ранен Аполлоном. *Триоп* — сын Посейдона от Калаки (отсюда Триопов род). *Амаринф* — mestechko на острове Евбея с храмом Артемиды, куда ежегодно в день праздника богини направлялось торжественное шествие и где выставлялись все важные государственные документы.

Ст. 38. *Пиерия* — область в юго-западной части Македонии, родина Орфея, излюбленное место пребывания муз.

Ст. 39. *Лакмос* — северная часть горной цепи Пинда, отделяющей Фессалию от

Эпира; Эматия — главная область Македонии; Энионы (Эния) — город на побережье Халкидии, в глубине Термейского залива.

Ст. 40. Перребы — северо-западная часть Фессалии; Иаолк (Иолк) — город в Фессалии, откуда начался поход аргонавтов.

Ст. 41. Кенейский мыс — западная оконечность острова Евбея.

Ст. 42. Лелантская равнина — между городами Халкидой и Эретрией, на острове Евбея.

Ст. 44. Еврип — пролив между Евбеей и беотийско-аттическим побережьем. Его постоянные волнения объяснялись тем, что в этом проливе семь раз в день менялось течение. Существовала даже поговорка — волноваться, быть непостоянным, словно Еврип.

Ст. 46. Микалесс — город в Беотии (ср. Греция); Тевмесс — гора близ Фив Беотийских.

Ст. 49. Онхест — город у Копаидского озера в Беотии с храмом и рощей Посейдона.

Ст. 62. Кефис — река в северной Фокиде и Беотии, впадающая в Копаидское озеро.

Ст. 63. Лилея — город в Фокиде.

Ст. 64. Окалея — город в Беотии на реке того же названия.

Ст. 65. Галшарт — город в Беотии на южном берегу Копаидского озера.

Ст. 66. Тельфуса — источник в Беотии.

Ст. 91. Криса — город в Фокиде со святилищем Аполлона Дельфийского.

Ст. 95. Испеан — Аполлон.

Ст. 100. Флегиццы — фракийское племя в Фокиде.

Ст. 118. Трофоний — сын орхоменского царя Эргина, построивший, по преданию, вместе с братом Агамедом храм Аполлона в Дельфах.

Ст. 119 — здесь и далее звездочки отмечены сомнительные места.

Ст. 122—126. Священный источник в Дельфах охранял дракон — чудовище Дельфиний, который был убит Аполлоном.

Ст. 128—177. Эпизод с Тифаоном считается вставкой в гесиодовском духе. Включение этого мифа в данном контексте оправдано тем, что именно дракону в Пифоне был отдан Тифаон (Тифон) на воспитание.

Ст. 141. Нерей — сын Понта и Геи, муж Дориды, отец 50 нереид, венчий морской старец. Фетида — морская богиня, дочь Нерея, жена Пелея, мать Ахилла.

Ст. 160—161. По одной из версий мифа, Тифаон во время поединка с Зевсом вырезал у него сухожилия и отдал их дракону Дельфинию (или драконше Дельфине), сам же обессиленный Зевс был заключен Тифаоном в Корикийской пещере (Киликия). И только когда Гермес и Пан выкрали эти сухожилия, Зевс был исцелен.

Ст. 190. Химера — мифическое огнедышащее чудовище в Лиции с головой льва, туловищем козы и хвостом дракона. По Гесиоду — дочь Тифаона и Ехидны, с тремя головами: льва, козы и дракона. Убита Беллеронтом.

Ст. 191. Гиперион — титан, сын Урана и Геи, отец Гелиоса. У Гомера и в гомеровских гимнах отождествляется с Гелиосом.

Ст. 193—195. Руфо «подвергать тленнию», «гноить». Отсюда дракон — Пифон и Аполлон Пифийский. В этом мифе соединяются два хтонических образа — более древний Дельфиний и Пифон, которые уступили место и оракул новому олимпийскому богу Аполлону.

Ст. 218. Кнос — столица Крита во времена царствования Миноса.

Ст. 220. Пилос — в древности было несколько городов с таким названием. Здесь имеется в виду город на западном побережье Мессении, владение гомеровского Нестора.

Ст. 230. Нот — бог южного ветра, сын Астрея и Эос.

Ст. 231. Малея — мыс на юго-востоке Пелопоннеса.

Ст. 232. Лаконская земля — Спарта; Голос (букв. «болото») — город в Спарте.

Ст. 233. Тенар — мыс на юге Пелопоннеса. Там были храм Посейдона и пещера, которая, по преданию, была входом в подземное царство.

Ст. 244. Арене, Аргифея — города в Элиде (зап. Греция).

Ст. 245. Фриос — город в Элиде на берегу реки Алфей; Эни — город Нестора в Пелопоннесе.

Ст. 247. Круны (букв. «ключи») — местечко в Элиде; Халкида — город в Элиде на реке того же названия; Дима — город в Ахайе.

Ст. 248. Элида — главный город Элиды на реке Пеней; епейцы — эпей — народность на севере Элиды, потомки мифического царя Элиды — Эпея.

Ст. 249. Феры — город в восточной Фессалии вблизи горы Пелион.

Ст. 250. Итака — остров в Ионийском море между побережьем Акарнании и Кефалленией, с главным городом того же названия.

Ст. 251. Дулихий — один из Эгинадских островов у западного побережья Этолии; Сам (Саме) — остров к западу от Итаки, впоследствии Кефаллении; Закинф — остров в Ионийском море с городом того же названия.

III. К ГЕРМЕСУ

Гимн III является самым значительным по объему из «больших» гомеровских гимнов (580 ст.). Существует мнение, что конец гимна — позднейшее добавление, что гимн заканчивается на 506-м стихе. Большинство исследователей, основываясь на сообщении Платона, что лиру с семью струнами изобрел Терпандр, живший в VII в. до н. э., а в гимне идет речь об изобретении Гермесом лиры, считают, что гимн хронологически относится к концу VII — началу VI в. до н. э.

Ст. 1. Майя — дочь Атланта и Плейбны, старшая из плеяд. Гермес — посланец и вестник богов, исполняющий их волю, покровитель красноречия, поэтому ему предназначались языки жертвенных животных; покровитель гимнастических состязаний молодежи, торговли, хитрости, ловкости и богатства; путешествий, дорог и перекрестков, а также обмана и воровства, изобретатель лиры и сирингы, алфавита и цифр, мер и весов, астрономии и музыки; он приносит людям посланные Зевсом сновидения и уводит в царство теней души усопших; его атрибуты — широкополая дорожная шляпа, золотой магический жезл (кадуций), увитый белыми лентами, а впоследствии змеями, и золотые сандалии с крыльями. Существует миф о том, что, когда Гермес убил Аргуса, сторожившего Ио, боги должны были его судить. Чтобы не касаться бога, оскверненного кровью, они бросали камешки, которые образовали груду камней у ног Гермеса. Так появился обычай устанавливать гермы посреди груды камней.

Ст. 3. Киллена — горная цепь на северо-востоке Аркадии, место рождения Гермеса и его культа.

Ст. 25. В подлиннике — игра слов: chélos «черепаха» и «лира».

Ст. 68. Гелий (Гелиос) — бог солнца, сын титанов Гипериона и Тейи, брат Селены и Эос; считался всевидящим и всеслышащим богом; впоследствии его стали отождествлять с Аполлоном.

Ст. 74. Аргус зоркий убийца — обычный эпитет Гермеса. Но уже античные комментаторы считали его послегомеровским (Schol. Hom. II. II 103; XXIV 24), поскольку ни у Гомера, ни у Гесиода эпизод с убийством Аргуса не встречается.

Ст. 88. Онхест — см. выше комм. к ст. 49 гимна II.

Ст. 101. Алфей — главная река Пелопоннеса, протекающая через Аркадию и Элиду и впадающая в Ионийское море.

Ст. 158. Летоид — Аполлон, сын Лето.

Ст. 183, 396. Эгидодержавный, Эгидодержавец (щитодержец) — эпитет Зевса.

Ст. 221 ...луг асфодельный. — Асфодель — растение, стебель которого похож на стебель лилии, с особыми наростами у корня, очевидно, употреблявшимся в пищу.

Ст. 331. ...с видом герольда? — В подлиннике — сэгусос «глашатай».

Ст. 372. ...ни свидетелей, ни понятых из бессмертных. — В подлиннике: «...свидетелей хорошо известных из богов блаженных».

Ст. 429. Мнемосина — дочь Урана, одна из титанид, мать муз.

Ст. 529. Псих... трилистный — волшебный жезл — атрибут Гермеса. По версии, отличной от гимнической, жезл вестника Гермеса венчают две змеи — в память о том, что Гермес бросил свой жезл в двух дерущихся змей.

Ст. 551. Эгиох «щитодержец» — одно из имен Зевса.

Ст. 552. Фрии — три вещие парнасские нимфы, вскормившие Аполлона.

IV. К АФРОДИТЕ

В гимне изображается эпизод посещения богиней любви Афродитой пастуха Ан-

хиса (в переводе Вересаева — Анхис) на горе Иде. От этого брака рождается Эней, родоначальник славного рода Энеадов. Впоследствии Анхис хвастливо поведал людям о любви богини, за что был наказан: по одной версии, он был убит молнией Зевса, по другой версии, был только ослеплен этой молнией, по третьей — молния лишила его жизненных сил. У Вергилия во время взятия Трои греками Эней уносит из горящего города своего отца; Анхис сопровождает Энея во всех его странствиях по морю. Умирает Анхис в Сицилии, где его и хоронят. Считается, что гимн «К Афродите» по языку самый «гомеровский» — ближе всего к эпической гомеровской традиции. Время создания гимна весьма спорно.

Ст. 1. *Киприда* — Афродита, у Гомера — дочь Зевса и Дионы, у Гесиода — рожденная из морской пены богиня любви и женской красоты, жена Гефеста (по другой версии — Ареса). Вышла на сушу на острове Кипр, отсюда — Киприда.

Ст. 6. *Киферей* — одно из имен Афродиты, происходящее от острова и города Кифера (Китера, Питера), у входа в Лаконский залив; колонизован в древнейшие времена финикийцами. Был известен культом Афродиты.

Ст. 21. *Гестия* (Гистия) — дочь Кроноса и Реи, иногда отождествляется с Реей; богиня — хранительница домашнего очага, позднее города, всей Эллады и, наконец, всей земли как средоточия мира.

Ст. 22—23. О двух версиях рождения Афродиты см. далее, комм. к орф. гимну LV.

Ст. 59. *Пафос* — город на юго-западном побережье Кипра с известным храмом Афродиты.

Ст. 177. *Дарданиды* — потомки Дардана, троянцы.

Ст. 198—199. ...будет Эней, потому что в ужасном горе была я... — Эней (гр. *aipos*) «ужасный».

Ст. 202. *Ганимед* — сын троянского царя Троса и нимфы Каллирои. Из-за своей необычной красоты был похищен Зевсом, превратившимся в орла, и унесен на Олимп, где исполнял обязанности виночерпия, разливая богам на пирах нектар.

Ст. 207. *Трос* (Трой) — сын фригийского царя Эрихтония, внук Дардана, отец Ганимеда, мифический основатель Трои.

Ст. 218. *Тифон* — сын Лаомедонта, царь Фригии, муж Эос.

Ст. 263. *Силены* — сельские божества, близкие к сатирам.

Ст. 280. *Илион* — Троя.

V. К ДЕМЕТРЕ

Это второй по величине из «больших» гомеровских гимнов. Сюжетом гимна послужила история похищения владыкой подземного царства Аидом Персефоной, дочери богини плодородия Деметры. С этим связывается в гимне миф об основании культа этих богинь в Элевсине и устройстве там происходящих мистерий.

О времени создания гимна мнения ученых расходятся. Одни считают, что гимн создан не ранее VI в. до н. э., т. е. после присоединения Элевсина к Афинам; по мнению других, гимн мог появиться раньше (ср.: Деревицкий А. Н. Гомерические гимны. Харьков, 1889. С. 83—86). В этом гимне мы находим древнейшее свидетельство об основании тайного элевсинского культа, имевшего огромное значение в истории развития греческой религии.

Ст. 3. *Аидоней* — Аид, владыка подземного мира и царства мертвых, муж Персефоны, отец Коры.

Ст. 9. *Полидект*, или Полидегмон, «вмещающий, принимающий многих» — одно из имен Аида.

Ст. 17. *Нисийская равнина* — Ниса — название городов в Беотии, Фракии, Каппадокии и др.

Ст. 25. *Геката* — дочь Персея и Астерии, по другой версии — Зевса и Деметры, богиня подземного мира, позже — богиня Луны; отождествлялась также и с Артемидой.

Ст. 47. *Део*, т. е. Деметра.

Ст. 96. *Келей* (Келий) — царь Элевсина, муж Метаниры, отец Демофона и Триптолема.

Ст. 97. *Элевсин* — город и дем в Аттике, к северо-западу от Афин, главный центр культа Деметры и Персефоны.

Ст. 99. *Парфенейский колодец* — «девичий колодец» у Элевсина.

Ст. 126. *Форикос*, или Торик, — один из 12 древнеаттических городов на северо-восточном побережье Греции, к северу от Сунийского мыса.

Ст. 153. *Триптолем* — царь Элевсина, мифический изобретатель плуга; научил людей земледелию, после смерти — судья в подземном царстве; *Диокл* — царь Элевсина.

Ст. 154. *Долих* — царь Элевсина; *Поликсен* — царь Элевсина. *Евмолл* — сын Посейдона и Хионы, учредитель элевсинских мистерий.

Ст. 195—202. *Ямба* — служанка в доме Келеля. Ее имя, по-видимому, может объяснять название стихотворного размера — ямба, первоначально использовавшегося в стихотворных шутках и остротах (*«ямбах»*), которыми обменивались участники Элевсинских празднеств.

Ст. 209. *Полей* — разновидность мяты.

Ст. 262. *Керы* — богини насильственной смерти, погибели, рокового конца.

Ст. 272. *Каллихор* — священный источник близ Элевсина.

Ст. 335. *Эреб* — подземное царство мрака, через которое тени усопших проникают в Аид.

Ст. 450. *Рарион*, или Рария, — равнина близ Элевсина.

Ст. 491. *Антрон* — город в Фессалии.

VI. К АФРОДИТЕ

Ст. 4. *Зефир* — бог западного ветра, сын Астрея и Эос.

VII. ДИОНИС И РАЗБОЙНИКИ

Ст. 1. *Дионис* (Вакх, Иакх, Бромий, Эвий) — сын Зевса и Семелы, дочери Кадма и Гармонии, рожденный ею преждевременно и доношенный в бедре Зевса, поэтому дваждырожденный и имеющий двух матерей (традиционные эпитеты Диониса), бог вина, виноделия, производительных сил природы, поэтического вдохновения, театрального искусства и веселых народных сборищ.

Ст. 8. *Мужи тирренские* — жители Тиррении, т. е. Этрурии.

Ст. 29. *Гиперборейцы* — мифический народ, живущий на крайнем севере.

VIII. К АРЕСУ

Ст. 1. *Арес* (Арей) — сын Зевса и Геры, бог войны и воинских доблестей.

Ст. 7. *Семилучные светила* — согласно учению пифагорейцев и Платона, сферы, составляющие космос, семь: сфера Луны, Солнца, Венеры, Меркурия, Марса, Юпитера и Сатурна. Звезды располагаются по этим семи сферам, или по семи путям.

Ст. 8. *Третий круг* — о названиях планет Платон подробно говорит в «Послезаконии» (987 b—d), где называет звезду Ареса — Марс (с красноватым оттенком; поэтому Арес назван огненным). Сфера Марса — третья после Сатурна и Юпитера, поэтому *третий круг*.

IX. К АРТЕМИДЕ

Ст. 3. *Мелит* — река в Ионии.

Ст. 4. *Смирна* — главный город Ионии, на берегу Смирнейского залива.

Ст. 5. *Кларос* — см. выше, комм. к гимну I ст. 40.

X. К АФРОДИТЕ

Ст. 4. *Саламин* — город на восточном побережье Кипра (не путать с о. Саламином).

XI. К АФИНЕ

Ст. 1. *Паллада* — эпитет Афины. По одной версии, во время битвы с гигантами Афина содрала кожу с Палланта и покрыла ею свое тело во время сражения (Аполлодор I VI. 2). По другой — этот эпитет связан с представлением о священном Палладии — изображении самой Афины или ипостаси Паллады (подруги Афины, нечаянно ею убитой).

XII. К ГЕРЕ

Ст. 1. *Гера* — старшая дочь Кроноса и Реи, сестра и супруга Зевса, мать Ареса, Гефеста и Гебы.

XIV. К МАТЕРИ БОГОВ

Ст. 1. *Мать всех бессмертных богов* — она же Великая мать богов. Отождествлялась по своим функциям с Рееей, дочерью Урана и Геи (см. подробнее комм. к орф. тимну XXVII).

XV. К ГЕРАКЛУ ЛЬВИНODУШНОМУ

Ст. 1. *Геракл* — сын Зевса и Алкмены, главный герой греческой мифологии. Гера неутомимо преследовала его от колыбели до мучительного самосожжения на горе Эта.

Ст. 4. *Еврисфей* — царь Тиринфа, или Микен, на службу к которому поступает Геракл и по требованию которого выполняет 12 подвигов.

Ст. 8. *Геба* — дочь Зевса и Геры, супруга Геракла после его обожествления.

XVI. К АСКЛЕПИЮ

Ст. 1. *Асклепий* — сын Аполлона и Корониды, бог врачевания,

Ст. 3. *Флегий* — мифический родоначальник флегиев (фракийского племени в Фокиде), отец Иксиона и Корониды, дед Асклепия. *Дотий* — город и равнина в Фессалии, близ Оссы.

XVII. К ДИОСКУРАМ

Ст. 1. *Кастор и Полидевк* — Диоскуры, «отроки Зевса», братья-близнецы — *Тиндариды*, участники похода аргонавтов и Калидонской охоты; после их смерти и апофеоза — покровители путешественников, гостеприимства и конных состязаний.

Ст. 3. *Тайget* — горная цепь вдоль спартанско-мессенской границы.

XVIII. К ГЕРМЕСУ

Ст. 1. *Гермес* — сын Зевса и Майи, родился в пещере горы Киллены — отсюда его эпитет Килленский.

XIX. К ПАНУ

Ст. 1. *Пан* — сын Гермеса (или Зевса), козлоногий и рогатый бог лесов, пастбищ и скота, изобретатель пастушеской свирели, чтившийся преимущественно в Аркадии.

Ст. 34. *Дочь Дриопа* («дубовидного») — нимфа Дриопа.

XX. К ГЕФЕСТУ

Ст. 1. *Гефест* — сын Зевса и Геры, бог огня и кузнецкого мастерства; на Олимпе он имеет свою мастерскую, на земле его излюбленное место пребывания — остров Лемнос. Гефест преимущественно почтился в Афинах как бог ремесел.

XXI. К АПОЛЛОНУ

Ст. 1. *Феб* — эпитет Аполлона, указывающий на чистоту, блеск (*phoibos*), способность к прорицаниям (*phoiādōz*). В зооморфной стадии мифологии Аполлон полностью отождествлялся не только с вороном, мышью, волком, бараном, но и с лебедем.

Ст. 2. *Пеней* — главная река Фессалии (сев. Греция).

XXII. К ПОСЕЙДОНУ

Ст. 3. *Геликон* — горная гряда в Беотии, на которой, по преданию, обитали музы; *Эги* — город в Ахайе на берегу Коринфского залива с храмом Посейдона.

Ст. 4. *Колебатель*, или *Землеколебатель* (*enāsichthōn*) — гомеровский и гесиодовский эпитет Посейдона.

Ст. 5. *Диких коней укрощать..* — Посейдон в зооморфных ипостасях — конь и бык; связан с плодородием и неиссякаемой порождающей силой земли.

...спасать корабли от крушения. — Культ Посейдона связан прежде всего с почитанием его как бога моря; родосцы, например, называли Посейдона Асфалея — «дарующего безопасность» на море.

XXIII. К ЗЕВСУ

Ст. 1. *Зевс* — сын Кроноса и Реи (отсюда имена Зевса — Кронид, Кронион). Зевс — покровитель общности людей, городской жизни, защитник обиженных и покровитель молящих; ему повинуются другие боги, поэтому его постоянные эпитеты «меж богов величайший и лучший». У Гомера Зевс «громовержец», «высокогремящий», «тухогонитель», насылающий на Землю ветры, дожди и ливни.

XXV. К МУЗАМ И АПОЛЛОНУ

Ст. 1. *Музы* — дочери Зевса и Мнемосины, богини поэзии, искусства и наук. Вначале их было только три: Мелета (опытность), Мнема (память) и Айда (песня). Но уже у Гомера их девять: Клио — муза истории, Евтерпа — лирической поэзии, Талия — комедии, Мельпомена — трагедии, Терпсихора — танца, Урания — астрономии, Эрато — любовной поэзии, Полигимния — гимнической поэзии, Калиопа — эпической поэзии.

XXVI. К ДИОНИСУ

Ст. 2—5. *Семела*, дочь фиванского царя Кадма, по наущению ревнивой Геры попросила Зевса явиться к ней во всем своем величии, и тот, представив в сверкании молний, испепелил огнем смертную Семелу и ее дворец. Зевс, однако, успел выхватить из пламени Диониса, появившегося на свет недоношенным, и зашил его в свое бедро. В положенное время Зевс родил Диониса, распустив швы на бедре, а потом отдал его через Гермеса на воспитание нимфам, обитающим в долинах около горы Нисы.

XXVII. К АРТЕМИДЕ

Ст. 1. *Артемида* — дочь Зевса и Лето, сестра-близнец Аполлона, богиня охоты. Она проводит время в лесах и на горах, охотясь в окружении нимф-подруг, тоже охотниц. Артемида вооружена луком, и ее сопровождает свора охотничих собак.

XXVIII. К АФИНЕ

Ст. 1—9. *Паллада Афина* — богиня мудрости и справедливой войны. Зевс, зная о том, что его сын от Метиды лишит его власти, проглотил свою беременную супругу и затем при помощи Гефеста (или Прометея), раскололшего ему голову топором, сам произвел на свет Афину, которая появилась из его головы в полном боевом во-

оружений и с воинственным кличем. Это произошло у озера (или реки) Тритон в Ливии, поэтому Афина имеет эпитет Тритонида, или *Тритогенея*.
Ст. 9. Атрибуты Афины — змея и сова, поэтому ее постоянный эпитет «совоокая» или «светлоокая».

Ст. 13. Гиперионов сын — Гелиос.

XXX. К ГЕЕ, МАТЕРИ ВСЕХ

Ст. 1. Гея — мать-Земля. Гея родилась вслед за Хаосом. Она одна из четырех первопотенций — Хаос, Земля, Тартар, Эрос. Она сама из себя породила Урана (Небо) и взяла его в супруги. Вместе с Ураном они породили шесть титанов и шесть титанид, среди которых Кронос и Рея, родители Зевса. Образ Геи частично воплотился в Деметре с ее благодетельными для человека функциями, в богине-матери с ее неиссякаемым плодородием.

XXXI. К ГЕЛИЮ

Ст. 1. Каллиопа — муз эпической поэзии.

Ст. 2. Гелий (Гелиос) — см. выше, комм. к ст. 68 гимна III.

Ст. 6. Эос — богиня утренней зари, дочь титана Гипериона и Эйрифаессы, а по другой версии — титаниды Тейи. Гомер описывает Эос «розоперстую». Селена, дочь титанов Гипериона и Тейи, сестра Гелиоса и Эос, олицетворение луны. Отождествлялась с Артемидой и Гекатой.

XXXIV. ОТРЫВКИ ГИМНА К ДИОНИСУ

Ст. 1. Дракон — город и мыс на Икарии (остров Икара), у побережья Малой Азии, к западу от Самоса.

Ст. 2. Наксос — самый крупный из Кикладских островов; Алфей — самая большая река Пелопоннеса.

Ст. 21. Фиона (Тиона «неистовая») — имя Семелы после ее обожествления.

Гимны Каллимаха

Гимны Каллимаха даны в нашем собрании в переводе С. С. Аверинцева, впервые напечатанном в изд.: Александрийская поэзия/Сост. М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1972 (с отдельными изменениями, внесенными переводчиком).

Каллимах — глава Александрийской школы поэтов, «ученый» поэт (*poeta doctus*), чье трудолюбие и эрудиция удивляли современников и потомков. «Суда» называет Каллимаха автором более 800 книг. Среди них — известнейшие в античности «Таблицы», поэма «Причины» (наиболее знаменитое в древности произведение поэта), эпиллии «Гекала» и «Победа Береники», считавшиеся манифестом новой литературной школы; популярные у эллинистических авторов произведения «Волосы Береники» и «На смерть Арсинои»; поражавшие современников широтой поэтических экспериментов «Ямы», эпиграммы (до нас дошли 64 эпиграммы) и многое другое.

Единственное из наследия Каллимаха, что дошло до нас целиком, — это гимны. Все шесть гимнов сохранились в одной рукописи XI—XII вв. и вместе с гомеровскими, орфическими гимнами, гимнами Прокла и др. были привезены в 1423 г. в Венецию сицилийцем Дж. Авриспой из Константинополя. Эпиграмма (возможно, VI в. н. э.), которая сохранилась вместе с каллимаховскими гимнами, свидетельствует о том, что некто неизвестный выбрал гимны из собрания каллимаховских произведений, скопив всего не раньше VI в. (а возможно, и не раньше IX/X в.). В этой же эпиграмме все шесть гимнов перечисляются именно в той последовательности, в какой их принято издавать: первым всегда идет гимн «К Зевсу», вторым — «К Аполлону», третьим — «К Артемиде», четвертым — «К Делосу», пятым — «На омовение Паллады» и

шестым — «К Деметре». Так как нигде не обнаружено ни одного свидетельства, что существовал еще какой-нибудь гимн Каллимаха, мы можем считать, что располагаем действительно полным циклом гимнографических произведений поэта.

Очевидно, в течение веков, до прихода арабов, гимны Каллимаха переписывались в Египте, о чем свидетельствуют 10 папирусов, дошедших до наших дней (Pfeiffer R. Prolegomena ad hymnos et epigrammata//Callimachus/d. R. Pfeiffer. Oxford, 1951. V. II. S. 51—94). Все эти папирусы, вернее небольшие папирусные полоски, датируются от I в. до н. э. до VI—VII вв. н. э. и содержат небольшие фрагменты из пяти гимнов — I—IV и VI. Считается случайностью, что до сих пор не найдено ни одного папирусного фрагмента из гимна V.

С рукописи, привезенной Авриспой в 1423 г. в Европу, были сделаны два списка, послужившие прототипами для девяти копий. Из них Codex Laurentianus был взят за основу для первого издания гимнов, осуществленного И. Ласкарисом во Флоренции в 1494 г. О. Шнейдер (1870) собрал все 33 кодекса, известных в его время, и издал гимны со всеми разночтениями, учитывая работу над текстами гимнов Р. Меркеля, Г. Кейля, К. Дильтея, А. Мейнеке и др. (Schneider O. Hymni cum scholiis veteribus ad codicum fidem recensiti et emendati, epigrammata recognita, excursus additi. Lipsiae, 1870—1873). И уже У. Виламовиц-Меллендорф, предпринимая свое издание гимнов (1882) на основе издания О. Шнейдера, восстановил предполагаемый архетип (*Callimachus*. Hymni et epigrammata/Quartum edidit U. de Wilamowitz-Moellendorff. Editio sexta ex editione anni 1925 lucis ope expressa. Berolini, 1962).

Последнее полное издание Каллимаха — стереотипное издание Р. Пфайффера 1965 г.: *Callimachus*/Ed. R. Pfeiffer. Oxford, 1949, 1953. V. I—II; *Callimachus*/Ed. R. Pfeiffer. Oxonii, 1965. V. I (fragmenta). V. II (hymni et epigrammata). Э. Фернандес-Галиано выпустил четырехтомный словарь к гимнам Каллимаха; автор, основываясь на лексикографических принципах Б. Снелля, исследует каждое слово в четырех главных аспектах: этимология, грамматика, метрика, семасиология (*Léxico de los himnos de Callimaco*/Per E. Fernandes-Galiano. Madrid, 1976—1980. V. I—IV).

I. К ЗЕВСУ

Вопросы хронологии гимнов вызывают много споров, но в отношении гимна Г мнения почти всех исследователей совпадают: гимн был написан в 280—275 гг. до н. э. Можно предположить, что этот гимн — нечто вроде «официальной канты», в которой есть тонкая лесть, рассчитанная на умение образованного правителя и многих других читать между строк. Эта лесть была предназначена для ушей Филадельфа. Птолемей II вступил на престол (283 г. до н. э.) в очень сложной и трудной обстановке, но в 275—270 гг. до н. э. наступило время внутренней и внешней стабилизации, настал период наивысшего процветания Египта и наибольшего его блеска.

При Птолемеях в Александрии создалась совершенно особая среда, особая культурная атмосфера со своими традициями и стилем: греко-ионическое общество в египетском окружении. Весьма соблазнительна гипотеза о том, что как в Вергилии мы можем видеть олицетворение соответствующих понятий и представлений августовской культуры, так и Каллимах выражает настроение и дух птолемеевского двора.

Именно это обстоятельство применительно к гимну I дает ключ к объяснению: столь радикальных и столь сложных по направленности трансформаций жанра гимна, когда наряду с констатацией фиксированной и замкнутой темы (традиционная мифологическая *parratio* — история рождения Зевса) утверждается новое современное содержание. «Содержание гимнов не чисто мифологическое, но личное и политическое — в гимнах I, II, и IV отчетливо звучат слова о египетском царе» (Hegeler H. Kallimachos aus Kyrene//P. W. R. E. Stuttgart, 1931. Suppl. 5. S. 437).

В гимне I «К Зевсу» условной ситуацией, фоном для мифологической *parratio* является описание пира, симпозия (1—9). Слова *aeidein* «воспевать» и *para spond-eisin* «при возлияниях» содержат выразительное указание на то, где, когда и каким должно представлять исполнение гимна. Но внешняя сторона обстановки выражена по сравнению с другими, более поздними, гимнами еще недостаточно ярко: основной интересующий поэта момент — диалог. Поэт с удовольствием и даже азартом разыгрывает две версии о рождении Зевса — официальную, критскую, и местную, аркадскую. При этом Каллимах с отчетливой ironией противопоставляет друг другу обе точки зрения и допускает, как пишет Э. Ховальд, «фриольный компромисс».

(Howald E., Staiger E. Die Dichtungen des Kallimachos. Zürich, 1955. S. 42). Следуя канонам жанра симпозия, поэт основное внимание уделяет «беседе взаимной», спору. Живая атмосфера дискуссии ясно ощущается, например, в стихах 60—65, где поэт ставит под сомнение вопрос о разделе мира между богами. Затем Каллимах резко меняет тему — от хвалебной песни Зевсу он переходит к восхвалению Птолемея. Поэт еще, кажется, только пробует себя в новом для него жанре гимна. Поэтому стилистическое отличие этого гимна от других весьма ощутимо. Здесь, как пишет Э. Ховальд, «еще отсутствует встреча с божеством, отсутствует смелость изображения, тут только мысль о том, как открыть страстное внутреннее волнение в форме религиозного переживания, создать свои формы выражения» (Howald E., Staiger E. Op. cit. S. 42).

Налицо некоторая внутренняя противоречивость, смешение двух планов: традиционно-мифологического и реально-исторического; желание сделать реальность мифом, но мифом нового, не эпического порядка, а традиционный миф с высоты Александрийского просвещенного скептицизма дать почти в бытовом, прозаическом аспекте привело к стилистической и языковой пестроте и разнородности. С одной стороны, в мифологической паггагио обнаруживается четкая тенденция к употреблению гомеровских эпических форм и формул. С другой стороны, во всех остальных эпизодах и стихах гимна — намеренный отказ от гомеровской четкости и ясности, намеренное изменение гомеровского языка. Лучшим подтверждением негомеровской ориентации во второй части (и уже в конце первой части) служит весьма ощущимая гесиодовская окраска. Каллимах высоко ценил Гесиода, много раз называл его «Труды и дни» «приятнейшим эпосом». В гимне I помимо гесиодовской цитаты «от Зевса цари» влияние Гесиода обнаруживается в целом ряде словоупотреблений. Общий нравоучительно-диактический, афористический тон второй половины гимна также свидетельствует о влиянии Гесиода.

Ст. 4. *Зевс Диктейский* — назван по имени горы и пещеры на Крите. *Зевс Ликийский* — назван по имени аркадской горы Лицеон.

Ст. 6. *Ида* — гора в центре Крита, где родился Зевс.

Ст. 8. «*Критяне все-то согнут*...» — Возможно, цитата из Эпименида с острова Крит, современника семи мудрецов, к которым его иногда причисляют.

Ст. 10. *Паррасия* — гора в Аркадии. Позже область южной Аркадии с восемью городами.

Ст. 14. *Апиданы* — древнейшие жители Пелопоннеса.

Ст. 18. *Ладон* — река в Аркадии, правый приток Алфея.

Ст. 19. *Эриманф* — правый приток Алфея.

Ст. 21. ...*пояс рассторгла* (букв. «развязала пояс») — перифраза: собралась родить.

Ст. 22. *Иаон* — приток Алфея.

Ст. 23—26. *Меланф, Карион, Крафиса, Метона* — реки в Аркадии.

Ст. 33—36. *Неда, Стикса, Филира* — нимфы-океаниды, они же нимфы одноименных рек.

Ст. 39. *Кавконы* — народ, живший в древнейшие времена в Пелопоннесе.

Ст. 40. *Нерей* — сын Понта и Геи, отец нереид.

Ст. 41. ...*Ликаонской медведицы племя* — жители Аркадии. Ликаонская медведица — Каллисто, дочь Ликаона, царя Аркадии. Каллисто была охотницей и спутницей Артемиды; Аркад, предок жителей Аркадии, рожден Каллисто от Зевса. Гера превратила ее в медведицу, в этом виде Каллисто была случайно убита Артемидой на охоте. Зевс даровал ей бессмертие и поместил среди звезд под именем Аркты.

Ст. 42. *Фены* — город на Крите; *Кнос* — город на Крите, столица при Миносе.

Ст. 45. «*Пуповый*» дол — в центре Крита; *кидонийцы* — народ, живший на Крите.

Ст. 46. *Корибанты* — жрецы Кибелы во Фригии; сопровождали богиню оргиастическими танцами и шумной музыкой.

Ст. 48. *Адрастея* — дочь Мелиссея, воспитательница Зевса, сестра куретов; также одно из имен фригийской богини Кибелы.

Ст. 49. *Амальфея* — коза, вскормившая Зевса молоком и медом. Отсюда выражение «рог Амальфея», что означает «рог изобилия».

Ст. 51. *Панакры* — горы на Крите, отроги Идейских гор.

Ст. 52. *Куреты* — жрецы Зевса на Крите. Обряды их сопровождались оглушительным шумом и танцами с оружием в руках. Позднее этот шум и танцы были осмыслены как традиционные в память о том шуме, который они производили, чтобы заглушить плач младенца Зевса и тем самым спасти его от Крона. Предполагают, что этот обряд может восходить к действительно существовавшему обычаю, отпугивать от колыбели младенцев злых духов.

Ст. 61. *Крониды* — Зевс, Посейдон, Аид.

Ст. 68. *Наилучшая птица* — перифраза: орел, вестник Зевса.

Ст. 77. *Хитона* — культовое имя Артемиды.

Ст. 80. ...*от Зевса цари* — цитата из «Теогонии» Гесиода.

Ст. 87. *Наш государь* — скорее всего имеется в виду Птолемей II Филадельф.

II. К АПОЛЛОНУ

О гимне II Каллимаха «К Аполлону» написано гораздо больше, чем о каком-либо другом гимне цикла. В свое время достаточно полную интерпретацию гимна получил у У. Виламовица, не раз обращавшегося к нему и трактуя его как «чисто политическую, целевую поэзию» (Wilamowitz-Moellendorff U. Hellenistische Dichtung in der Zeit des Kallimachos/2. Aufl. Berlin, 1962. S. 210). По мнению многих исследователей, Каллимах, базируясь на старой гимнической традиции, создает «современный политический манифест» (Wimmel W. Kallimachos in Rom. Die Nachfolge seines apogetischen Dichtens in der Augusterzeit. Wiesbaden, 1960. S. 59). Именно этот гимн, по общему признанию, обладает наибольшей полнотой выражения лирического начала. Это самый неэпический гимн из всего цикла, он дальше всех отстоит от гомеровской традиции, поскольку элемент рассказа здесь отсутствует почти совсем.

Датировка гимна получила убедительное доказательство сравнительно недавно. Благодаря работам П. фон дер Милюля теперь доказано, что гимн «К Аполлону» был написан в начале 60-х годов III в. до н. э. (Mühll P. von der. Die Zeit des Apollonhymnus des Kallimachos//Museum Helveticus. 1958. V. 15. N 1—2. S. 10), Г. Кранц в диссертации, посвященной гимнам «К Аполлону» и «К Делосу» доказывает, что гимн «К Аполлону» отчетливо обнаруживает три направления: ритуальное, политическое и чисто личное.

Аполлон — покровитель родного города поэта — Кирены. Отношения Кирены и Птолемеев складывались сложно. Стоит вспомнить, что предшественник Птолемея II Филадельфа Птолемей I совершил три военных похода на Кирену (322, 313, 308/307 г. до н. э.), причем второй поход был предпринят в ответ на восстание киренян против Птолемея. Вместе с тем во время власти Фиброна над Киреной часть ее граждан бежала под защиту Птолемея, и вторжение Птолемея в Кирену в 322 г. ставило целью возвращение эмигрантов на родину (в киренской политике, найденной при итальянских раскопках в Кирене, вопросу об эмигрантах уделяется особое место). При Птолемея II отношения Египта и Кирены складываются спокойнее. Дочь правителя Кирены Магаса была помолвлена с сыном Птолемея II Птолемеем III. В результате в 248/247 г. до н. э. Кирена вошла в состав птолемеевской державы.

Птолемей, как явствует из конечных стихов гимна II, оказывал личную поддержку поэту, защищал его и его поэзию от нападок противников. Для Каллимаха это, пожалуй, главная причина написания гимна.

Основная тема гимна достаточно неожиданна для гимнического жанра — поэт не останавливается ни на истории рождения бога, ни на истории основания в его честь храма, ни вообще на каком-либо отдельном законченном эпизоде. В данном случае Аполлон интересен для Каллимаха с точки зрения проявления своей божественной сущности, с точки зрения своих функций, но поэт бегло и вскользь говорит об Аполлоне-стреловержце (II 43), об Аполлоне — покровителе поэзии, пения, музыки (II 43), об Аполлоне — боге предсказаний и оракулов (II 45), об Аполлоне-исцелиtele (II 46) (ср.: в платоновском «Кратиле» разбираются именно эти четыре функции классического Аполлона). Центральной, наиболее разработанной в данном гимне функцией Аполлона является созидательная. Аполлон — основатель и охранитель городов, учредитель колоний (у Гомера Аполлон сам выстроил стены Трои, ср. Ил. VII 452). В эллинистической литературе популярной становится настущеская функция Аполлона (ср. Феокрит 25, 21; Аполлоний Родосский IV 1218), Каллимах не только

упоминает об этом в стихе «Феба зовем мы Пастушеским» (II 47), но и касается забытого эпизода, когда сам Аполлон пас стада Адмета у Лаомедонта (Ил. II 760, XXI 446).

Достаточно сложна и рафинирована композиция гимна II. В частности, здесь, как и в гимнах V и VI, Каллимах использует одно из средств имитации божественного явления, а именно эпифанию божества.

В гимне II обращает на себя внимание полиномия Аполлона. Обычно полиномию связывают с распространением культа, с увеличением мест почитания данного бога, с основанием новых храмов, алтарей, жертвенныхников и т. д. И действительно, культ Аполлона в птолемеевском Египте, и прежде всего в период правления Птолемея II Филадельфа, приобретает совершение исключительное значение. Это связано в первую очередь с внешнеполитическими устремлениями Египта, с его борьбой за Египту и Балканы, где культ Аполлона был широко распространен; культ Аполлона распространялся и в Припонтийских странах, включая Кавказ; в некоторых черноморских городах Аполлона чтили как основателя. И как раз во время правления Птолемея II намечается тенденция к укреплению связей между Египтом и городами Понта, что подтверждается свидетельством из архива Зенона, в котором говорится о прибытии посольства от понтийского царя Перисада.

Поэтический язык гимна II убеждает во внутренней перестройке художественной образности, которая происходит под специфическим углом зрения — автор, в совершенстве владеющий всем богатством литературных традиций, знающий все тоны и полутоны, которыми снабжено каждое слово в конкретном контексте Гомера, то соглашается с великим эпиком, то резко ему себя противопоставляет. При этом наглядность представления, идущая от мифологической традиции, реализуется в отдельных небольших картинах, в которых Каллимах краткими штрихами образно поясняет миф. Это как раз те небольшие эпизоды, которые играют роль этнографий, номинаций или характеристики функций бога и составляют, как в калейдоскопе, пеструю ткань содержания гимна. Именно в этих разрозненных, небольших группах стихов автор сохраняет элемент рассказа, эпическую, гомеровскую традицию.

Ст. 19. Ликорейский Феб — Ликорей — южная вершина Парнаса. По другому толкованию, Каллимах использовал эпитет Аполлона — ликорейский — в значении «волчий» (от гр. *lykos*), подчеркивая функцию Аполлона — хранителя от волков.

Ст. 20. Фетида — жена Пелея, мать Ахилла; оплакивает своего сына, убитого во время осады Трои.

Ст. 22—23. ...камень... слезоточивый утес фригийский... — Подразумевается Ниоба, превращенная богами в камень за свое высокомерное желание соперничать с Лето. Миф о Ниобе у некоторых Александрийцев вызывал сомнение. Каллимах этими стихами вступает с ними в полемику.

Ст. 26—27. ...с моим... владыкой... — Возможно, подразумевается Птолемей. Однако, по мнению У. Виламовица, а теперь и К. Мелье, в данном случае Каллимах имеет в виду царя Кирены Магаса.

Ст. 33—34. Описание внешности Аполлона строится так же, как в гомеровском гимне II (270—273). Ликтский лук — критский лук; Ликт — город на Крите.

Ст. 35. Пифон — местность в Фокиде, где находился храм Аполлона со знаменитым оракулом.

Ст. 40. Панакея — лекарство от всех болезней.

Ст. 48. Амфрисса — река в Фессалии, впадает в Пагасейский залив.

Ст. 49. Адмет — сын Ферета и Климены, царь Фер в Фессалии, аргонавт, муж Алкесты.

Ст. 59. Ортигия — старое название Делоса.

Ст. 59—64 — описание знаменитого в древности храма на Делосе. Очевидно, здесь был алтарь Аполлона Генетора, где, согласно Плутарху, жертвы были растительные — цветы асфодели и мальвы.

Ст. 65—68 — описание оракула Аполлона. О нем же читаем у Геродота (IV 47) и у Пиндара (Пиф. IV 6). Согласно преданию, дорийское племя в VII в. до н. э. основало город Кирену в Ливии; Батт — потомок аргонавта Евфема, мифический основатель Кирены, родины Каллимаха.

Ст. 69. Боэдромий — эпитет Аполлона как помощника в битве афинянам. Культ, характерный для Афин и Фив.

Ст. 70. Кларий — эпитет Аполлона по имени популярного в эллинистическое время храма в Кларосе на Ионийском побережье Малой Азии.

Ст. 71. Карней — первоначально додорийское божество (Карн — демон плодородия, сын Зевса и Европы), позднее дорийский бог. Под этим именем Аполлон особенно почитался в Спарте, Фере и Кирене.

Ст. 74. Аполлон особо покровительствовал «шестому» поколению Эдипа, дорийскому племени, выходцам с острова Фера, предводителем которых был Батт.

Ст. 76. Аристотель — первоначальное имя Батта; Асбистийская земля — Киренаика.

Ст. 86. Карнейские торжества — праздник в честь Аполлона-Карнея.

Ст. 89. ...из Кирейской струи... — Кира — посвященный Аполлону источник в Ливии, где позднее была основана Кирена; Азила — город и река в Киренаике.

Ст. 90—92. Каллимах излагает версию мифа о нимфе Кирене, дочери фессалийского речного бога Гипсея, возлюбленной Аполлона. Аполлон перенес ее в Ливию, где Кирена убила льва, губившего быков местного царя Еврипила. За это она получила в награду обещанное царство.

Ст. 91. ...с Миртусской скалы... — Миртуса — гора в Ливии около Кирены.

Ст. 105—113. Поэт выступает в защиту своего искусства. Мы не знаем точно, а можем лишь предположить, что Зависти аллегорически указывает на некую личность. О Зависти Каллимах пишет постоянно. В эпиграмме XXI «он поет победоносно об одной только Зависти», подробно о зависти Каллимах пишет в прологе к «Причинах».

Ст. 108. ...ассирийской реки... — Имеется в виду Евфрат.

Ст. 110. Мелиссы («пчелы») — жрицы Деметры.

III. К АРТЕМИДЕ

Гимн III «К Артемиде» считается самым «неорганичным» гимном Каллимаха — собственно эпические эпизоды, составляющие 2/3 гимна, непоследовательно и нелогично с точки зрения гимнической традиции соединяются с чисто лирическими. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что в этом гимне нет описания культовой ситуации, нет «религиозных рамок», как в гимнах V, VI и отчасти в гимне II, нет воспроизведения просто «внешней обстановки», как в гимне I. Более близкая связь обнаруживается между гимнами III и IV, но если в гимне IV эпические эпизоды построены почти без нарушения временной и сюжетной последовательности, то гимн III конструируется как бы из разрозненных мотивов, эпизодов. И эта временная и сюжетная пестрота волшает совершенно иную, чем у эпического художника, направленность поэтического осмысливания мифологического материала. Если в первом случае мы имеем дело с последовательно сменяющими друг друга эпизодами, фазами — частями гимна, то во втором — со множеством совместно выступающих разнородных элементов, деталей, подробностей, мотивов и т. д. В гимне III поэт фиксирует внимание сразу на нескольких сюжетах, подчиняя их описанию атрибутов, функций, культов богини Артемиды. Возникает впечатление, что поэт, как писал в свое время Ф. Кортц (Kortz F. Eigentümlichkeiten der Kallimacheischen Dichtkunst. Köln, 1901—1902. S. 8), не имел никакой другой цели, кроме перечисления атрибутов Артемиды и прославления ее под разными именами. Поэтому после знаменитой сцены у Зевса идут эпизоды, рассказывающие о приобретении богиней лука и стрел, охотничих собак, ланей для упряжки, пылающего факела, называемые любимые города, горы, заливы, любимые нимфы — подруги богини, ее самые знаменитые храмы и т. д.

Относительно хронологии гимна среди учёных единого мнения нет. Одни полагают, что гимн был написан в последнее десятилетие царствования Птолемея II (258—248 гг. до н. э.) для одного из самых значительных празднеств в Малой Азии. По мнению других, данный гимн имеет отношение к родине поэта — Кирене — и был написан не позднее 260 г. до н. э.

Каллимах называет свою поэзию «детской игрой», причем «детскость» гимна совершенно естественна. Каллимах считают первым поэтом, который изобразил поведение ребенка (именно в этом некоторые исследователи находят особое очарование и прелест данного гимна). Но к «детскости» Каллимаха примешана ирония, поэтому поэт не кажется нам «глупым взрослым». Юмористическое начало гимна III всегда отмечалось исследователями, которые подчеркивали мягкость и нежность юмора в данном гимне.

Ст. 15. ...нимф амнисийских... — Амнис — редкое географическое название небольшого местечка, горы или реки на Крите, недалеко от Кноса. Встречается лишь у Аполлона Родосского (III 877, 882).

Ст. 21—25. В том, что Артемида через свою помощницу (ранее — свою ипостась) Илифию помогает роженицам и, только что появившимся на свет, помогает матери принять родившегося вслед за ней Аполлона, сказываются рудименты архаической богини.

Ст. 41. В подлиннике: «на белую критскую гору, заросшую лесом» (*levkós «белый»*).

Ст. 44. *Карат* — река на Крите близ Кноса; *Тефиса* (Тефия) — супруга Океана, мать океанид.

Ст. 46—86 — широко известная сцена: Артемида в кузнице Гефеста, причем кузница переносится поэтом с Олимпа на остров *Липару* — самый большой из островов у побережья Сицилии.

Ст. 52. *Осса* — гора в фессалийской Магнесии, родина кентавров.

Ст. 57. *Тринакрия*, или Тринакия, — древнее название Сицилии, получившей его или из-за наличия на острове трех горных вершин или из-за своей треугольной формы. *Сиканы* — древний народ, переселившийся, возможно, от реки Сиканы сначала в Италию, а оттуда в Сицилию.

Ст. 58. *Италия* — первоначальное название самой южной части Апеннинского полуострова. Терпешняя Италия, начинающаяся с Альп, впервые так названа у Полибия (Полибий II 14). *Кирн* — греческое название острова Корсики.

Ст. 75. *Бронтей* — один из киклопов.

Ст. 89. *Меналийскую рысь...* — Меналийские горы в Аркадии — любимое место пребывания Пана.

Ст. 94. *Киносурские собаки* — порода охотничьих собак.

Ст. 101. *Анаэр* — река в Фессалии, впадающая в Пагасейский залив.

Ст. 107. *Келадон* — приток Алфея.

Ст. 110. *Убийца Тития* — этими словами Каллимах напоминает о редком мифе о великане Титии, который домогался Латоны в Пифоне и был убит Артемидой (или Аполлоном). Мучения Титии продолжаются и в подземном мире, коршун пожирает ежедневно его печень, которая снова вырастает.

Ст. 114. *Гем* — горный хребет в северной Македонии и Фракии, ныне Балканы.

Ст. 117. *Олимп мисийский* — Мисия — область в Малой Азии.

Ст. 120. *Улем* (*ulmus campistis*) — вяз.

Ст. 142. *Гермес Акаксий* — «отвращающий зло», «благодетель».

Ст. 145. *Мощный Алкид* — Геракл, внук Алкея.

Ст. 146. *Тиринфянин* — Геракл (служил царю Тиринфа Еврисфею).

Ст. 149. ...геща сама... — Гера.

Ст. 150—158. Чревоугорье Геракла традиционно в интерпретации образа героя (ср., например, «Алкесту» Еврипида).

Ст. 159. ...богом он стал через дуб фригийский... — Намек на миф о смерти Геракла, сгоревшего на костре.

Ст. 161. *Феодамант* — старик-пахарь, отказавшийся накормить Геракла и за это наказанный им.

Ст. 171. *Иноп* — небольшая речка на Делосе, истоки которой, по мнению Каллимаха, в Египте, у Эфиопских гор. Значительное расстояние Иноп, как считал поэт, протекает под землей.

Ст. 172. *Питана, Лимны* — знаменитые места почитания Артемиды в Лаконии. Лимны — букв. «болота». Святилища Артемиды часто находились вблизи источников и болот, был даже культ Артемиды Лимнатис («болотной»), символизирующий плодородие растительного божества.

Ст. 173. *Алы Арафанские* — аттический дем; находился между Марафоном и Бравроном, был известен храмом, посвященным Артемиде.

Ст. 174. *Скифский предел* — Скифией древние авторы называли территорию причерноморских степей и предгорий Кавказа. *Тавры* — одно из скифских племен, которое имело обычай после кораблекрушения приносить жертву своей богине. Этую богиню некоторые греческие авторы отождествляли с Артемидой. Культ Артемиды Таврической хорошо известен благодаря мифу об Ифигении.

Ст. 187. *Долиха*, позднее остров Икара, — один из Кикладских островов. *Перга* — главный город Памфилии со знаменитым храмом Артемиды.

Ст. 188. *Тайет* — высочайшая горная цепь в Греции. *Еврип* — пролив между островом Евбеей и материком.

Ст. 189—203. Каллимах вставляет критский миф о горгинской нимфе *Бритомартис*, дочери Зевса, которая отождествлялась с самой Артемидой.

Ст. 204. *Упис* (Опис) — имя Артемиды как помощницы при родах.

Ст. 207. *Гипсеида* — нимфа Кирена.

Ст. 208. ...при гробе Иолском. — Имеется в виду могила Пелия. *Иолк* — старый город в Фессалии, место сбора аргонавтов.

Ст. 209. ...супругу Кефала, Дейонова сына... — Имеется в виду Прокрида.

Ст. 211. *Антиклея* — дочь Автолика, жена Лаерта, мать Одиссея.

Ст. 215. *Аталауга* — дева-охотница, которая убила калидонского вепря. После охоты она получила в награду голову вепря, из-за чего началась ссора с другими участниками охоты.

Ст. 221. *Гилей, Рэк* — кентавры, которых убила Аталауга.

Ст. 227. *Нелей* — сын Кодра, основателя Афин; был изгнан братом и основал город Милет. *Кекропово царство* — афинский кремль, построенный Кекропом.

Ст. 228. *Хесийская* — эпитет Артемиды на острове Самос, где была горная цепь того же названия.

Ст. 228—232 — намек на миф о жертвоприношении Ифигении в Авалиде.

Ст. 232. *Тевкры* — троянцы. *Рамнусийская* — эпитет Елены, чтившейся в Рамнунте, в Аттике.

Ст. 233. *Пройт* — царь Тиринфа. Его дочери, отказавшиеся от участия в культе Диониса, были наказаны безумием.

Ст. 234. «*Девичья*» — эпитет Артемиды.

Ст. 235. *Азанийские горы* — в Аркадии, на границе с Элидой. *Лусы* — город в северной Аркадии.

Ст. 236. «*Кроткая*» — эпитет Артемиды.

Ст. 238—250 — описание культа и ритуальной пляски Артемиды Эфесской; в Эфесе почиталось изображение Артемиды многогрудой (*polymastos*). В Неаполе в Национальном музее сохранилась копия Артемиды Эфесской с греческого оригинала эпохи эллинизма.

Ст. 239. *Гиппо* — у Каллимаха одна из амазонок, у Гесиода — дочь Океана.

Ст. 246. *Берекинф* — город и местность во Фригии; *Сарды* — столица Персии.

Ст. 251. *Лигдамио* — царь киммерийцев, осевших в Киликии.

Ст. 254. ...пролива того, что зовется по древней телице. — Имеется в виду пролив Босфор Киммерийский, теперь Керченский пролив. *Древняя телица* — Ио, возлюбленная Зевса, превращенная Герой в корову (*boosrogón* «пролив коровы»).

Ст. 257. *Каистр* — река в Лидии (М. Азия).

Ст. 259. *Мунихия* — имя Артемиды от полуострова Мунихий, около Афин, с ее храмом; *Феря* — имя Артемиды от Фер в Фессалии.

Ст. 261. *Ойней* — царь Калидона (в Этолии).

Ст. 262. *Охотница* — Артемида.

Ст. 264. *Отос* (От) — сын Посейдона, великан, который заковал вместе со своим братом бога Ареса (Ил. V 385; Од. XI 308); покушался на девственность Артемиды и пал от ее стрел (или от стрел Аполлона).

Ст. 265. *Оарион* (Орион) — великан и охотник, сын Посейдона; убит стрелой Артемиды за то, что покушался на ее девственность. По другой версии, был ужален скорпионом по ее приказанию.

IV. К ОСТРОВУ ДЕЛОСУ

Гимн «К острову Делосу» ближе всех других гимнов Каллимаха к эпической традиции. Большинство исследователей считают, что этот гимн вообще невозможно понять, не учитывая традиций ионийского эпоса и, конкретнее, гомеровских гимнов, так что он может рассматриваться как эквивалент гомеровского гимна «К Аполлону».

Это единственный гимн, который имеет более или менее определенную хронологию. Он был написан после упомянутого в гимне уничтожения галльских солдат во время Первой сирийской войны и скорее всего сразу после обожествления Иглодемея II Филадельфа, т. е. в 271—270 гг. до н. э. Считается, что гимн «К острову Делосу» был написан Каллимахом сразу же после гимна «К Аполлону» — некоторые

особенности словоупотребления, обороты гимна II повторяются в гимне IV. По общему мнению, гимн был написан для Делосского праздника. Обращение к Делосу было для Каллимаха далеко не случайным. Политическое влияние на Делосе, стоящем во главе организации островной Лиги, давало возможность Птолемею утверждаться не только в Сирии, но и в Греции и осуществлять контроль над всеми морскими коммуникациями. Уже Птолемей I с 287/286 г. до н. э. являлся протектором островной Лиги. Птолемей II Филадельф продолжил политику своего отца. Каждый год на Делос из Египта отправлялись богатые дары. Птолемеи хотели подтвердить свое морское могущество религиозным авторитетом великого бога Делоса и последовательно проводили мероприятия в поддержку Делосского культа. Имя бога Аполлона в вотивных надписях Делоса встречается вместе с именем Птолемея. Птолемеи стремились, по возможности, расширить влияние культа делосского Аполлона — ведь в силу этого они сами как гегемон островной Лиги могли претендовать на расширение своего могущества. Каллимах и рисует Птолемея II будущим владыкой вселенной.

Итак, в гимне IV более всего эпических, гомеровских черт. Но читатель, хорошо знакомый с гомеровскими текстами, поймет весь шутливый подтекст каллимаховского гимна. Реализм, скептицизм и иррелигиозность, свойственные эллинистическому миросозерцанию, оказываются здесь соединенными с религиозной тематикой героического мира богов. Естественно, что такое соединение могло быть рассчитано только на образованных читателей, видящих и понимающих изощренную игру автора.

Ст. 1. *Делосская земля* — остров Делос (одна из этимологий от *dēloō* «являю», «видимый») — самый маленький из Кикладских островов. Поэты называют его еще Кинфием, Оритгий, Астерий. По преданию, Посейдон, ударив трезубцем, поднял остров со дна моря, и тот плавал до тех пор, пока Аполлон, родившийся на этом острове, не укрепил его между Миконом и Гиаром.

Ст. 7. *Пимплея* — город в Македонии, где жил легендарный Орфей и где процветал культ Муз, или местечко в Беотии у Гелиона, также посвященное Музам.

Ст. 17. *Океан* — у греков это прежде всего величайшая мировая река (Ил. XIV 245), которая окружает землю и море и дает начало рекам, источникам, морским течениям. У Гомера и Гесиода Океан — живое существо, прародитель всех богов и титанов (Ил. XIV 201, 246). *Тефиса* (Тефия) — дочь Геи и Урана, супруга своего брата Океана. Океан и Тефиса обитают на kraю света, боги почитают их как старелых родителей, заботятся о них.

Ст. 20. ...*абантская...* *Макрина* — древнее название острова Евбеи. Абанты — племя, покорившее остров. Эллоп — сын Иона, герой, по имени которого или весь остров, или часть его назывались Эллопией.

Ст. 25. ...*Борея стримонского...* — Стремон — река во Фракии. Борей — северный ветер. Стремонский Борей — намек на нашествие галлов (галлов).

Ст. 31. *Тельхины* — божественные существа, обитавшие на острове Родос, изобретатели литеиной и кузнечного дела; их отождествляли с первыми жителями острова.

Ст. 37. *Астерия* — дочь Кея и Фебы, сестра Лето; приняв образ перепелки (откуда название Оритгия), кинулась в море, чтобы избежать преследования Зевса. Зевс превратил ее в скалу, которая позже по просьбе Лето стала островом. В образе Астерии иногда усматривают персонификацию внезапно появляющейся и исчезающей в море падающей звезды. Каллимах неслучайно вводит в гимн мотив превращения нимфы Астерии в остров. Жанр метаморфозы был излюбленным жанром эллинистической литературы.

Ст. 41. *Трезен* — приморский город, место особого почитания Посейдона в Пелопоннесе.

Ст. 42. *Эфира* — древнее название Коринфа.

Ст. 43. *Волны Саронские* — Саронический залив, ныне Эгинский.

Ст. 46. *Халкидские зыби* — Халкида — город на острове Евбея.

Ст. 48. *Хиос* — остров у берегов Ионии. Славился лучшим вином, хорошим мрамором и глиной.

Ст. 49. *Парфения* — древнее название острова Самос.

Ст. 50. *Анкей* — царь Самоса, сын Посейдона; *микалийские нимфы* — от города Микале на ионийском побережье напротив острова Самос.

Ст. 55—69. Описание гнева Геры. Для особой драматизации событий Каллимах намеренно подчеркивает этот мотив, хотя в аналогичном контексте в гомеровском гимне эта тема отсутствует.

Ст. 67. *Дщерь Фавманта* — Ирида — златокрылая посланница Зевса и Геры, посредница между богами и людьми. *Мимант* — отрог хребта в Малой Азии.

Ст. 70—204. Основной, наиболее отделанный эпизод гимна — скитания Латоны. В этот мотив Каллимах вкладывает больше всего фантазии. Если гимнической традиции, лирикам Каллимах обязан темой: Делос — земля Аполлона, то остальное, и прежде всего скитания Латоны, он придумывает сам. Здесь, как в гимне I и во многих других случаях, обращает на себя внимание особый каллимаховский поэтический прием — «одушевление» природы. Поэт пишет: «в страхе бежала Аркадия вся», «бежала святая Авги гора, Парфений» и т. д.

Ст. 71. *Авга* — дочь Аркадского царя Алея, жрица богини Афины, соблазненная Гераклом; родила Телефа, которого подбросила на горе Парфений; разгневанный Алей приказал заключить Авгу в ящик и бросить в море. *Парфений* — гора на границе Аркадии и Арголиды. *Феней* — город в Аркадии.

Ст. 72. *Пелопа земля* — Пелопоннес.

Ст. 73. *Эгиал* — побережье северного Пелопоннеса.

Ст. 74. *Инах* — главная река Арголиды.

Ст. 75. *Аония* — редкое название части Беотии, где находилась гора Геликон — обиталище муз. Отсюда известное наименование муз — Аониды.

Ст. 76. *Дирка* — источник и река у Фив Беотийских; *Строфия* — источник у Фив Беотийских.

Ст. 77. *Исмен* — река в Беотии.

Ст. 78. *Акон* — бор реки в Беотии, сын Океана и Фетиды; был поражен молнией за то, что хотел спасти свою doch Эгину от преследований Зевса.

Ст. 79. *Мелия* — нимфа, doch Океана, матерь кентавра Фола.

Ст. 90. *Пифо (Пифон)* — см. выше, комм. к гом. гимну II ст. 4.

Ст. 92. *Плейст* — небольшая речка в районе Дельф.

Ст. 94. ...*вещанье от лавра...* — *Лавр* — символ Аполлона-прорицателя.

Ст. 96. ...*жены преступноречивой...* — Имеется в виду Ниоба, жена фиванского царя Амфиона, у которой было 7 сыновей и 7 дочерей. Хвастаясь своим потомством, Ниоба оскорбила Лето. В наказание Аполлон и Артемида убили всех детей Ниобы.

Ст. 98. *Киферон* — гора на границе Аттики и Беотии.

Ст. 101. *Гелика* — приморский город в Ахайе с храмом Посейдона.

Ст. 102. *Бура* — один из 12 городов Ахайи на Коринфском перешейке. *Дексамен*, сын Ойкиада, мифический царь Олена, в Буре имел хлев для своего скота.

Ст. 104. *Анавр* — река в Фессалии. *Ларисса* — в древности столица пеласгов. *Хироновы горы* — Пелион — гора на полуострове Магнесия в Фессалии; здесь Кронос и Филиппа произвели на свет кентавра Хирона.

Ст. 105. *Пеней* — главная река в Фессалии. *Темпейский дол* — долина в Фессалии, вдоль реки Пеней.

Ст. 112. *Фтийский* — Фтия — город и область в юго-восточной Фессалии.

Ст. 118. *Пелион* — см. выше, комм. к ст. 104.

Ст. 134. *Пангей* — гора в Македонии.

Ст. 138. ...*дол Кранона...* — Кранонская равнина — местность у города Кранона на юге Фессалии.

Ст. 139. *Пинд* — горная цепь на западе Фессалии, отделяющая эту область от Эпира.

Ст. 143. *Бриарей* — сторукий великан, защищавший богов от титанов, ковавший вместе с Гефестом молнии для Зевса. Этна считалась главной кузницей Гефеста.

Ст. 155. *Эхинады* — девять небольших островов в Ионийском море, вблизи устья реки Ахелой.

Ст. 156. *Коркира* — остров в Ионийском море у побережья Эпира.

Ст. 160. *Меропов остров* — остров Кос. Мероп — отец Аристы, первой жены Приама, основатель поселения на острове.

Ст. 161. *Земля Халкиопы* — остров Кос. Халкиопа — дочь Косского царя Еврипила.

Ст. 165. ...*бог иной...* — Имеется в виду Птолемей II Филадельф, который в 309 г. до н. э. родился на острове Кос, сын Птолемея I Сотера-Спасителя.

Ст. 172—176. Здесь Каллимах имеет в виду нашествие галатов (галлов) на Грецию в 277—276 гг. до н. э. Галаты были разбиты у Дельф, перешли в Египет и стали наемниками в войске Птолемея, но затем взбунтовались и были истреблены на одном из островов в дельте Нила.

Ст. 173. *Кельтский Арес* — галльский Арес.

Ст. 174. ...племя новых титанов... — Имеются в виду галаты. Эта аналогия была популярна в эллинистическую эпоху.

Ст. 178. ...в Крисейских долинах... — Криса — город в Фокиде, со святилищем Аполлона Дельфийского.

Ст. 199. *Гераст* — мыс с одноименной вершиной на Евбее.

Ст. 217. *Вестница* — Ирида.

Ст. 232. ...дочь Фавманта... — Ирида.

Ст. 250—254. Существует целый цикл мифов об Аполлоне, связанный с лебедями. Во время жертвоприношений Аполлону с северных Риепейских гор слетала стая лебедей, воспевавших бога. При рождении Аполлона — на этом мифе в данном случае останавливается Каллимах — лебеди семь раз облетели Делос и пропели семь песен. Аполлон-солнце летал по небу в золотой колеснице, запряженной лебедями. В такой же колеснице он увозит Кирену в Ливию.

Ст. 250. ...*Пактол меонийский*... — Меония — древнее название Лидии; Пактол — главная река в Лидии. По преданию, Мидас, получив от Аполлона дар превращать все своим прикосновением в золото, выкупался в Пактоле — и с тех пор Пактол стал самой золотоносной рекой.

Ст. 260—264. При рождении Аполлона — солнечного бога, а из данных стихов явствует, что Каллимах хочет подчеркнуть именно эту сторону культа Аполлона, все вокруг на Делосе озарилось золотым, солнечным светом.

Ст. 271. *Керхнда* — порт в Коринфе, где стояла статуя Посейдона.

Ст. 277. *Энию* — богиня раздора, спутница Ареса. На Делосе как на священном острове запрещались любые столкновения и не хоронили покойников.

Ст. 282—295. В описании ежегодных жертвоприношений Аполлону Каллимах особенно подчеркивает дары народа, «живущего за Бореем в песках», — гипербореев. Геродот первым упомянул о дарах гипербореев и о их пути на Делос (Геродот IV 33). Дары гипербореев зафиксированы документально, а «историчность даров гипербореев подтверждает историчность пути их следования» (Колосовская Ю. К. Агафирсы и их место в истории племен Юго-Восточной Европы // Вестник древней истории. 1982. № 4).

Ст. 284—285. Дары гипербореев, очевидно, доставлялись в конце лета, когда был сжат хлеб и его вязали в снопы. Как предполагают современные историки, дарами гипербореев были яйца лебедей, мед, янтарь, хлебные колосья.

Ст. 287—288 — в этих стихах Каллимах уточняет маршрут гипербореев после Додоны. По мнению некоторых исследователей (см. статью Ю. К. Колосовской), под Священным Градом следует понимать поселение Анфела в горной местности Малиды, западнее Фермопил.

Ст. 289. ...к милому долу абантов... — Дол абантов — Евбее. *Лелант* — равнина на острове Евбее между городами Халкидой и Эретреей.

Ст. 291. *Ариамсты* — одно из мифических гиперборейских племен.

Ст. 304. *Ликийский старец* — Олея, зачинатель гимнической поэзии.

Ст. 305. *Ксанф* — главная река в Ликии (М. Азия).

Ст. 306—324 — описание культа Аполлона на Делосе, в который входило несколько церемоний: жертвоприношение Аполлону; освящение статуи Афродиты, привезенной Тезеем с Крита от Ариадны и якобы сделанной самим Дедалом; танец юношей и девушек вокруг алтаря; бичевание алтаря и самобичевание юношей, которые затем кусали листву масличного дерева, держа руки за спинами.

Ст. 311. *Пасифая* — жена критского царя Миноса. От быка родила чудовище с телом человека и головой быка — Минотавра. Тезей убил Минотавра.

Ст. 314—315. *Кекропиды* — потомки царя Кекропа — афиняне. Ежегодно отправляли священное послыство из Афин на Делос.

V. НА ОМОВЕНИЕ ПАЛЛАДЫ

Два последних гимна — «На омовение Паллады» и «К Деметре» — исследова-

тели творчества Каллимаха единодушно признают лучшими произведениями поэта. Именно эти гимны показывают, что искал Каллимах в жанре гимна, таком далеком от литературной практики его современников. Простая и прямолинейная канва старых сюжетов, передающих хорошо известные ареталогии бога, позволяла одновременно отдаваться лирическому настроению и быть при этом художником строго организованного интеллекта, сильно развитого рационального мышления. Свообразие последних двух гимнов в том, что именно здесь Каллимаху удалось объединить, казалось бы, несоединимое, два основных начала — критически-рациональную ясность и страстную эмоциональную возбужденность. Иначе говоря, в этих гимнах, подчиняясь оригинальному замыслу автора, оказались объединенными два основных направления — эпический реализм и лирика.

Объединение гимнов V и VI в науке было всегда — сходство их композиционных, художественных элементов подтверждает единство поэтического замысла. Прежде всего обращает на себя внимание четкая композиция гимнов. Здесь так же, как и в других гимнах, можно выделить собственно мифологический рассказ (история о Тиресии и Эрисихтоне) и оформляющую их «ритуальную рамку», заканчивающуюся в обоих случаях эпифанией божества.

Оба гимна написаны на дорийском диалекте, диалекте родины поэта — Кирены. Гимн V написан элегическим дистихом, что усиливает лирическое настроение гимна.

Датировка гимна V весьма затруднительна. Его написание обычно связывают с праздником в честь Афины. Ритуальное оформление, изображение омовения кумира Афины в водах реки, представлено настолько живо и картино, поэт настолько увлекается описаниями и перечислением мельчайших деталей и подробностей, что вновь, как и во вступлении к гимну II, возникает иллюзия участия автора и читателя в приготовлениях к шествию в честь Паллады и Деметры.

Ст. 4. *Пеласг* — мифический родоначальник пеласгов, основатель фессалийского Аргоса, сын Посейдона (или Гемона) и Лариссы.

Ст. 8. ...*буйство гигантов смирив...* — Гиганты — сыновья Геи (числом до 150), родившиеся из крови скопленного Урана. Оскорблена заточением гигантов в Тартар, Гея побуждала своих сыновей выступить против богов, для которых они были неуязвимы. Знавший об этом Зевс родил смертного героя Геракла и помешал Гее найти траву, с помощью которой гиганты могли бы сопротивляться Гераклу. В ходе битвы с гигантами Афина содрала кожу с главного гиганта Палланта и воспользовалась ею как панцирем. В другого гиганта, Энкелада, она швырнула островом Сицилия и придавила его, так что дыхание гиганта до сих пор ощущимо — это извержение вулкана Этны.

Ст. 14. *Алавастр* — небольшой сосуд для благовоний масел; его обычно носили на поясе.

Ст. 18. *Пастырь фригийский* — Парис. Имеется в виду знаменитейший в античности миф о споре трех богинь.

Ст. 20. *Симоис* — приток реки Скамандра в Троаде.

Ст. 24. *Еврот* — главная река в Лаконии.

Ст. 25. ...*звездных лаконских мужей...* — Имеются в виду спартанские (а позднее — общегреческие) герои братья Диоскуры: Кастор (сын Леды и Тиндарея) и Полидевк (сын Леды и Зевса), прославленные в атлетических состязаниях. После того как смертный брат (Кастор) был убит из-за похищения невест, Полидевк выпросил у Зевса бессмертие для Кастора. И с тех пор Кастор и Полидевк (Поллукс) проводят каждый второй день в Аиде, поднимаясь оттуда в виде утренней звезды в созвездии Близнецов, а опускаются в виде вечерней звезды.

Ст. 26. ...*елей, что рожден собственным древом ее...* — оливковое масло. Олива впервые выросла в Аттике там, где Афина ударила копьем о землю.

Ст. 34. *Арестор* — отец Арга, основателя Аргоса, т. е. мифический предок аргивянок.

Ст. 35. *Диомед* — герой, сын Тидаea, царь Аргоса; в сражении под Троей выступает даже против богов (Афродиты и Ареса). На его щите — изображение Афины. Он традиционно считается основателем многих ее храмов в Пелопоннесе и Аттике. В древнейшие времена отождествлялся с аргосским божеством войны.

Ст. 37. *Евмел* — жрец Афины в Аргосе. В других источниках не встречается.

Ст. 40. *Крейские горы* — горы в Аргосе.

Ст. 47. *Фисадия* — источник в Аргосе.

Ст. 48. *Амимона* — одна из 50 дочерей Даная, посланная отцом на поиски воды по их прибытии в Арголиду. Амимона метнула дротик в сатира, который пытался ею овладеть. Взмолившись Посейдону, она спаслась от сатира, но не избежала самого Посейдона, который, однако, в награду выбил в скале источник, названный Лернским.

Ст. 51—54. Повинуясь закону Кроноса, Афина должна жестоко наказывать всякого, кто увидит ее нагой.

Ст. 57—69. Мифологический рассказ о *Тиресии* Каллимах начинает с описания дружбы Афины с матерью Тиресия — фиванской нимфой Харикло.

Ст. 60—64. Называются беотийские центры культуры Афины: *Фестии* — город на юго-восточном склоне Геликона, *Коронеи* — город на реке Куралий, *Галиарт* — город на южном берегу озера Копаида.

Ст. 71—72. *Геликон конский* — Каллимах перефразирует название источника Гиппокрена (конский источник), который возник, по преданию, от удара копытом крылатого коня Пегаса.

Ст. 75. Повествование о Тиресии у Каллимаха основывается на сказании Ферекида, которое, в свою очередь, является далеко не первой и не единственной версией, а лишь вариантом этого сказания. Трактовка Каллимахом мифа о Тиресии весьма специфична — в отличие от Ферекида он подчеркивает не только жестокость Афины, но и ее сострадание к Тиресию и Харикло.

Ст. 81. *Сын Эверов* — Тиресий.

Ст. 107—118. Вставной эпизод — миф об *Актеоне*.

Ст. 107. *Кадмеида* — дочь Кадма — Автоноя. Ее сын Актеон был страстным охотником. Смерть Актеона от собственных собак была, по одной из версий, следствием превращения его Артемидой в оленя.

Ст. 108. *Аристей* — отец Актеона.

Ст. 119—130. Тиресий сыграл значительную роль в фиванской истории. Отмеченный ему срок жизни равнялся семи поколениям (он умер после взятия Фив эпигонами), и, согласно предсказанию Афины, он сохранил дар пророчества даже в подземном мире (у Гомера, например, Тиресий пророчествует Одиссею о его будущем).

Ст. 126. *Кадм* — сын финикийского царя Агенора, основатель Беотийских Фив. *Лабдакиды* — потомки Лабдака, т. е. Лай, Эдип и дети Эдипа. Тиресий открыл Эдипу, что он убил своего отца и женился на собственной матери.

Ст. 130. *Агесилай* — эпитет владыки подземного царства Аида, которого греcks вообще избегали называть по имени.

VII. К ДЕМЕТРЕ

Последний каллимаховский гимн «К Деметре», по мнению ряда исследователей, датируется 258—248 гг. до н. э. и приурочивается к завоеванию Птолемеем Карии и усилению авторитета Филадельфа в провинциях. «Описательная» ситуация позволяет дать предположительную локализацию гимна: вступительные и заключительные стихи представляют процессию в честь Деметры — возможно, в Кирене или в Александрии.

Интерес к культовой специфике в этом гимне так же, как и во всех других гимнах, чисто научный. Каллимах еще раз проявляет себя здесь собирателем и хранителем древних, забытых традиций и обычая. Данный гимн не случайно посвящен Деметре: кульп Деметры получил широкое распространение при Птолемее II, и, как считают, именно этот кульп послужил образцом для прославления женщин в эпоху Рима. В гимне «К Деметре» одним из главных персонажей является фигура матери молодого фессалийского князя, обворавшая в себя черты, типичные для светских кругов в Александрии, современных поэту.

В этом гимне для поэта первична легенда. Рассказ об Эрисихтоне по праву считается поучительной историей, которая обнаруживает не слишком много оригинальных черт. Скорее всего миф об Эрисихтоне привлек внимание Каллимаха по двум причинам: во-первых, это один из тех малоизвестных местных мифов, которые хранят черты глубокой древности, а во-вторых, серьезное, благочестивое повество-

вание должно было сделать очевиднее авторскую иронию. Прежде всего обращают на себя внимание те изменения, которые внес Каллимах в легенду по сравнению с принятым каноническим мифологическим образом Эрисихтона. В свое время все эти изменения проанализировал и обобщил Ф. Ф. Зелинский (Zielinski Fh. Erysichton // Philologus. 1891. Bd. 4. S. 140). В результате изменений, внесенных Каллимахом в миф, традиционная легенда превратилась в нравоучительную веселую сказку для детей. Как в подавляющем большинстве гимнов, легенда заключается в особых «рамках». Вступление автор своеобразно делит между описанием печали Деметры по случаю похищения дочери (VI 1—16; ср. мотив похищения Персефоны у Овидия в «Метаморфозах» V 341—661 и в «Фастах» IV 393—620) и описанием радости людей, научившихся благодаря Демете земледелию (VI 17—23). После мифологической наррации автор рассказывает о всевозможных благодеяниях Деметры (VI 118—127) и о ее жалости к женщинам, участникам процессии (VI 128—133). В свое время Э. Бете (Bethe E., Röhrenz W. Griechische Literatur. Leipzig; Berlin, 1924. Bd. I. Hf. 3. S. 220) высказал мнение, что рассказчик гимна IV можно представить женщиной — вероятно, этим объясняется особый интерес автора во вступлении и заключении гимна к участникам процессии. Заканчивается гимн, как и предыдущий, ожиданием эпифании божества.

Бытовой, жанровый стиль мифологического рассказа в данном гимне усложняется учеными реминисценциями начала гимна, что подчеркивает «два различных стилевых тона: книжный тон и тон простонародный» (Голстай И. И. Миф в Александрийской поэзии // Статьи о фольклоре. М.; Л., 1966. С. 172).

Ст. 1—7. Как стрелы и лук — атрибуты Артемиды, а лира — Аполлона, так корзина, или кошница, — символ Деметры, символ плодородия. Именно кошницу видят толпа собравшихся — и девочки, и девушки, и женщины смотрят на нее обязательно снизу (VI 4). Везут кошницу четыре лошади белой масти (VI 121). Появляется процессия только под вечер, и в течение всего дня женщины должны соблюдать пост (VI 6). До конца в шествии участвуют женщины моложе шестидесяти лет (VI 130).

Ст. 7. *Геспер* — сын или брат Атланта, унесенный ветром и превращенный в вечернюю звезду. Традиционно считается самой прекрасной из звезд.

Ст. 8—17. Достаточно условное описание странствий Деметры в поисках своей дочери; *черные мужчины* — «эфиопы».

Ст. 11. ...к плодам Гесперидина сада? — Имеются в виду золотые яблоки — свадебный подарок Гере от Геи. Сад охраняли на крайнем западе у самых берегов Океана нимфы Геспериды (по разным версиям — от трех до семи).

Ст. 13. *Ахелой* — главная река Акарнании и Этолии.

Ст. 17. *Део* — одна из форм имени Деметры. Ниже раскрываются два ее культовых эпитета: *Тесмофора* — дарующая законы и *Кариопора* — дарующая плоды.

Ст. 21. *Триптолем* — сын элевсинского царя Келея. Деметра даровала ему золотую колесницу, запряженную двумя крылатыми драконами, чтобы он разъезжал в ней по всей земле, обучая людей земледелию, сея повсюду пшеницу и устанавливая законы. Триптолем выполняет функции мифологического культурного героя.

Ст. 24. *Книд* — мыс и город в Каии, центр дорийского союза в Малой Азии. *Дотий* — город и равнина в восточной Фессалии со святилищем Деметры, откуда бежал в Малую Азию царь Триоп — сын Посейдона, отец Фарба, Ифимедии и Эрисихтона.

Ст. 25. *Пеласги* — здесь под пеласгами имеются в виду греки вообще, а не потомки мифического аргосского царя Пеласга.

Ст. 30. *Элевсин* — город в Аттике к северо-востоку от Афин, со знаменитым храмом Деметры. Ежегодно в сентябре здесь происходили культовые торжества — великие мистерии, изображающие горе и странствия Деметры. *Триоп* — город в Беотии, центр культа Деметры. *Энна* — центральная часть Сицилии. Деметра очень любила эту страну за ее плодородие и красоту — здесь она воспитала свою Персефону.

Ст. 33—56 — описание преступления Эрисихтона.

Ст. 43—55. Превращение богов в смертных людей — традиционный мотив у Гомера: Посейдон обращается к грекам в образе Калхаса (Ил. XII 43); Афина наставляет Телемаха, превратившись в Ментора (Од. I 270—295), и т. д. В гомеров-

ском гимне Деметра превращается в старушку-няню (Гом. гимны V 101—104), у Каллимаха Деметра является Эрисихтону и его слугам в образе старушки-жрицы Никиппы.

Ст. 51. *Тмарийские горы* — горный хребет на севере Греции.

Ст. 56. *Немесида* — богиня справедливого возмездия, следит за соблюдением законов и наказанием преступников.

Ст. 74. *Ормениды* — Аминтор и Ктесий. Аминтор — царь города Ормения, расположенного близ горы Пелион в Фессалии.

...*игры Афины итонской...* — культовые игры в честь Афины в городе Итона в Фессалии.

Ст. 78. *Мать Акториона* — у нимфы Поликсо сына по имени Акторион не было. Скорее всего, как считают ряд исследователей, это имя Каллимах придумал сам.

Ст. 99. *Канака* — дочь Эола, жена Посейдона и мать его пятерых сыновей.

Ст. 107. *Мески* (в оригинале οὐρέας) — мулы.

Ст. 110. *Белохвостка* (в оригинале αιλούτη) — кошка.

Ст. 118—137 — описание культового ритуала на празднике Деметры.

Ст. 128. *Пританей* — общественное здание, символический центр города, где горел огонь, посвященный Гестии, символ единства общины.

Гимн Клеанфа «К Зевсу» *

Гимн Клеанфа «К Зевсу» был найден в рукописи «Эклог» Стобея XIV столетия. Его первым редактором и издателем был Ф. Орсины (Антверпен, 1568). В течение столетий греческий текст гимна, несколько испорченный в рукописи, неоднократно редактировался и переиздавался, особенно в XIX и XX вв., и как единственный дошедший в более-менее целом виде от древней Стой он был включен в собрание «Фрагменты древних стоиков» Г. Арнима. Последнюю, наиболее основательную критическую редакцию гимна произвел Г. Цунц (Zipp G. Zum *Gleanthes Hymnus // Hargard Studies in classical. Philology*. 1958. 63. S. 289—308), хотя отдельные спорные места в тексте обсуждаются и по настоящий день. Гимн переведен на многие европейские и некоторые неевропейские языки. Первый перевод на русский был сделан И. Мартыновым в конце XVIII в. В XIX и XX вв. гимн неоднократно переводился на русский, и среди его переводчиков можно назвать такие имена, как Г. Р. Державин, А. Ф. Мерзляков, Я. К. Грот, Ф. Ф. Зелинский и др. В нашем собрании гимн дан в переводе М. Е. Грабарь-Пасек (История греческой литературы. М., 1969. Т. III. С. 366—367), сделанном по изд.: Stoicorum veterum fragmenta / Coll. J. von Apelt. Lipsiae, 1921. Vol. I. В переводе гимн имеет 37 строк (в подлиннике 39). Перевод сверен Ю. Панасенко.

Основная идея гимна состоит в том, что наивысшее благо для вселенной и человека — добровольно повиноваться «всеобщему закону» и судьбе, хотя и называет гимн «К Зевсу» и начинается он обращением к верховному божеству олимпийской мифологии, а не к абсолютной философской категории. Образ Зевса проходит через весь гимн, пополняясь рядом зарисовок в мифологическом стиле. В этом противоречии воплощается один из фундаментальных принципов философствования стоиков — символическая эстетика. Никакие внешние причины не могли бы помешать автору прямо назвать свой гимн «К всеобщему закону» или «К судьбе» и восхвалять абстрактную категорию, как это сделал, например, за полвека до Клеанфа Аристотель, написав гимн «К добродетели». Но символическая эстетика побудила Клеанфа именно к такой специфической художественности, которой пронизан весь гимн. Эта символическая эстетика, в свою очередь, базировалась на важнейшем принципе стоической философии — любви к року (*απογ fati*). Система роковой неизбежности включала в себя, с точки зрения стоиков, процессы как в космосе, так и в личной жизни человеческого индивидуума и в культуре человеческого сообщества. Поэтому стоики и не отвергали все предыдущие и современные им идеологические системы, в том числе и мифологию, но считали их иносказаниями или символами собственного стоического миропонимания.

* Комментарий составлен Ю. Ф. Панасенко.

Таким образом, этот гимн является изящно построенной методами символической стоической эстетики апологией стоической философской системы, не противоречащей мифологическим и философским традициям Греции.

Гимн начинается обращением к Зевсу, образ которого определяется поначалу тремя эпитетами: «многоименный», «всесильный», «из бессмертных славнейший», связанными или с этической гомеровской традицией, или с традицией аттической литературы. Затем вводится четвертый эпитет, который и по форме (длинный, перифразистический, нетрадиционный — явный авторский неологизм) и по содержанию (насыщенный абстрактной философской лексикой, включающей центральные философские, в том числе и стоические, категории «природы», «мира» и «закона») противостоит первым трем традиционно-мифологическим эпитетам и является, по существу, символической интерпретацией мифологического образа Зевса в стоическом духе.

Ни здесь, да и нигде в гимне мы не находим обычного для философских трактатов стоиков буквального отождествления Зевса со «всеобщим законом», «всеобщим словом» (логосом), «природой», «созидающим огнем», «судьбой», «прорицанием» и т. д. Зевс не является сам непосредственно природой, законом и миром, он выше всего этого, а именно «повелитель всего, над всем величайший владыка». Философское отождествление, естественное для научного стиля, заменяется в гимне выстраиванием синонимических рядов, применением параллелизмов и т. п.

Автор гимна вовсе не стремится противопоставить себя власти Зевса и его закону. Он приветствует Зевса, признавая всю полноту его власти. И само приветствие (в оригинале *chaire «радуйся!»*) подразумевает категории наивысшего блага, самодостаточности, удовлетворенности, согласия с судьбой (счастья). Безусловно, стоический Зевс-космос, будучи таким сам по себе, не нуждается в соответствующих пожеланиях. Но в них нуждается, по мнению стоиков, прежде всего сам человек. Именно в радостном восприятии всех процессов космической и человеческой жизни, в любви к судьбе, к року стоики видят возможность достижения внутренней удовлетворенности человека.

Большой пассаж посвящен торжественной демонстрации космической власти антического Зевса; причем утверждается, что космос добровольно повинуется власти Зевса и ничто никогда не свершается без участия Зевса.

Следует отметить, что Зевс именуется здесь как демон, «даймон» (в переводе передано понятием «воля»). И это не лишено основания, поскольку с точки зрения мифологии демоны есть посредники между мирами богов и людей, передатчики божественной воли людям. Здесь же даймон — символ Зевсовой власти, без которой ничто не свершается. Нельзя вместе с тем не вспомнить этимологическое значение этого слова, которое связано с понятием «участь». Власть Зевса отождествляется здесь с судьбой, хотя иносказательно, символически. Однако стоическая судьба не принимает участия в делах тех, кто ее не чит и не повинуется добровольно. Тем самым могущество Зевса, его всеобщего закона и судьбы оказывается ограниченным.

Это противоречие — всемогущество Зевса и его неучастие в делах беззрственных людей — автор пытается разрешить в стихах о противоположностях, сливающихся вечно сущий «единый разум» (логос). Однако беззрственные люди не обращают внимания и на этот логос, который они должны были бы приветствовать по закону древней Фемиды.

«Всеобщий закон», тождественный логосу, тоже остается вне пределов их стремлений, так же как не интересует их и древнее священное право — Фемида. За это нечестивцы называются «дурными людьми». Нелепость поведения этих людей автор видит в неспособности их осознать необходимость судьбы. Получение разума и знания от Зевса рассматривается в гимне как большая честь для заблудших людей. Разум, по убеждению автора, укрепит их во всеобщем законе, долгое, справедливости, они воздадут хвалы и почести Зевсу и его действиям, поймут свое предназначение в жизни и соединят свою судьбу с осознанной ими, наконец, свободой воли.

Орфические гимны *

Орфические гимны публикуются в нашем собрании по изд.: *Orphei hymni / Ed. G. Quandt. Berolini, 1955.* В отдельных случаях использовано изд.: *Orphica/Rec. E. Abel. Lipsiae, 1885.* Перевод гимнов принадлежит О. В. Смыке. Сверен В. В. Борисенко. Переводы печатаются впервые.

Переводы орфических гимнов на русский язык осуществлялись и ранее: 13 гимнов в переводе К. Бальмонта (не гекзаметром, а ямбом) были опубликованы в изд. «Гимны, песни и замыслы древних» (Спб., 1908). Имеются также переводы, сделанные известным советским переводчиком Д. Н. Недовичем в 30-е годы. Некоторые из них печатаются в настоящем издании в комментариях к орфическим гимнам.

Сборник орфических гимнов (см. вступительную статью) открывается обращением Орфея к Мусею, своему учителю или ученику, причем это обращение есть не что иное, как взывание ко всем богам, которых легендарный поэт воспевает в своих гимнах. Подобные обращения к целому ряду богов находим у Эсхила («Семеро против Фив»), где хор начинает с богов, владеющих фиванской землей, с Зевса-отца, а затем переходит к Палладе, Посейдону, Киприде, Аполлону, Гере, Артемиде, местной богине Онке (она приправлялась к Афине), всем богам, охраняющим город Кадма, к «милым демонам», обходящим, как стражи, осажденные Фивы (110—180).

В комедии Аристофана «Женщины на празднике Фесмофорий» глашатай вызывает к фесмофорам — Деметре и Коре, Плутону, Каллигению, Куротрофе, Гее, Гермесу, Харитам, чтобы они хранили город афинян. Хор, в свою очередь, обращается к Зевсу, Афине, Аполлону, Артемиде, Посейдону, морским девам Нерея, горным нимфам, после чего снова вступает глашатай с обращением к богам и богиням Олимийским, Пифийским, Делосским и др. (295—334).

Перечисление Орфеем богов идет не в той последовательности, которая наблюдается в сборнике. Мольба (*euchē*) начинается с владыки Зевса (ему посвящено, кстати сказать, всего три гимна — XV, XIX, XX), Геи, Гелиоса, Луны, всех звезд, т. е. круга земли и небесных богов. Далее идут Посейдон (морская стихия), Персефона и Деметра как порождающие силы природы, Артемида с Аполлоном и Дионис — божество вечного возрождения. За ними огненная сила — Гефест — и наступательное буйство войны — Арес, а также подземный бог Аид, сила неотвратимой смерти. Вслед за ними идут даровательница юности Геба, Илифия — помощница при родах, Геракл, неизменный помощник людей. Орфей вспоминает нимф, Пану и Геру, хотя она менее всего связана с природными силами. Далее — Мнемосина с дочерьми Музами, Хариты, Оры, Лето (мать Аполлона и Артемиды), титаны Тейя (мать Гелиоса и Селены) и Диона (мать Афродиты), а также демоны природных сил — куреты, корибанты и кабры, те, кого называют великими Спасителями-Сотерами и Идейскими богами. Не забыты Гермес и Фемида, Ночь и День, Рея и Кронос, Тефия, Океан с океанидами, титанид Атлант и богиня Стикс, Семела — мать Вакха, Инб, Левкотея и Палемон, Асклепий и Паллада, Мать богов, Аттис и Луна (Селена), Адонис, Мен (фригийское божество Луны) и Небесная дева.

Среди всех этих традиционных богов, перечисленных которых отнюдь не производят впечатления системы, появляется целый ряд аллегорических фигур. Рядом с нимфами и Паном находятся никак с ними не связанные Дижеосина — Законность и Евсебия — Благоговение (14—15). И если правомерно соседство Ор (богиня времен года) и аллегории Года (18), то Вера (Пистис), Справедливость (Дика) и Законодательница (Фесмодотейра) никак не согласуются с персонификациями Дня и Ночи (24—25), а Время (Хронос) и Вечность (Эон) — с мрачной богиней подземного мира Стикс (29—30).

Персонификация Прорицания (Пронойя) объединяется с разного типа демоническими силами (великий Демон, Демон — губитель смертных, демоны небесные, воздушные, водяные, земные, подземные, огненные, 30—33), а Победа (Ника) и Небезбежность (Адрастия) — со спасителями людей на море — Левкотеей и Палемоном

(35—36). Все ветры, громы и части космоса стоят рядом с Посейдоном (38—39), а Начало (Архе) и Предел (Перас) — рядом с Адонисом (41—42).

Вся эта бессистемность может быть объяснена только иррациональным пафосом, свойственным поэту, охваченному вдохновением.

I. К ГЕКАТЕ

Геката — в греческой мифологии богиня мрака,очных видений и чародейства. Ее родители, Перс и Астерия, — дети титанов. Геката — древнее хтоническое божество; в борьбе Зевса с титанами стала на его сторону и получила от него власть над судьбой земли и моря. У Гесиода (Теогония 421—452) она — покровительница охоты, пастушества, военных дел, общественных занятий человека в суде, в народных собраниях. У Аполлона Родосского в «Аргонавтике» она помогает Медею добиться любви Ясона (III 842, 985, 1026—1041; IV 246—251), а Демете — искать похищенную дочь (Гом. гимны V 52—62). Таким образом, Геката не только мрачная ночная богиня, в сопровождении своры собак (ночной коррелят Артемиды-охотницы) охотящаяся среди могил, «хтония», близкая богам подземного мира, но и богиня, помогающая людям в их повседневных трудах. Здесь явное совмещение классической и архаической мифологии.

Ст. 4. *Персея* — дочь Перса, отцом которой был титан Крий.

Ст. 7. Геката именуется *Таврополой*, т. е. той, которой приносили в жертву быков, как и Артемиде Таврополе. Возможно, и в значении «едущая на быках», «в повозке, запряженной быками».

...ключами от целого мира... — Имеется в виду власть над землей и морем, полученная Гекатой от Зевса, и сила, которой ее одарил Уран (Гесиод. Теогония 409—420).

Ст. 11. *Волопас* — здесь тот, кто принадлежит к числу молящихся, «пасет» их, является пастырем.

II. ПРОФИРЕЕ

Профирея — буквально «Преддверница». Так называли Илифию — помощницу при родах, дочь Зевса и Геры, а также Артемиду, имевшую в Элевсине (Павсаний I 38,6) имя Пропилеи, т. е. Преддверницы. В переносном смысле Профириея — божество, открывающее новые пути жизни. В гимне Прокла (VI 2) так названа Геката, к которой обращается философ при открытии своей школы.

III. НОЧИ

Ст. 1. *Ночь* в традиционной «Теогонии» Гесиода рождается из Хаоса вместе с Эребом-Мраком и порождает от Эреба Эфир и Гемеру-День. Поколения же богов произошли от Урана и Геи. Здесь, в гимне, порождающая сила Ночи связана с орфической Теогонией. Орфею приписывается фрагмент о Ночи как начале (B 12 *Diels*) *.

По Мусею, все происходит от Ночи и Тартара (B 14). В «Теогонии» Эпименида такими первоначалами являются Воздух и Ночь (B 5). У Акусила она является женским порождающим началом, в то время как Эреб — мужское начало (B 1) (см. об этом: Лосев А. Ф. Античная ночь и социально-историческое сознание древних//Acta conventus XI Eigene. Warszawa, 1971. P. 355—366).

Ст. 13. О необходимости-Ананке, тождественной неотвратимой судьбе — Адрастии, см. у Орфея (B 15). По Фалесу, она «сильнейшая» (A 1).

IV. УРАНУ

По Гесиоду, Урана-Небо породила из себя Гея, а затем, сочтавшись с Ураном, — титанов (126—128; 133 сл.). В орфических теогониях Уран — сын Ночи. Он — часть мироздания, как и огненный Гефест (LXVI 4).

* В дальнейшем все ссылки на тексты досократиков даются по Дильсу.

* Комментарии к орфическим гимнам, гимнам Прокла и Синезия составлены А. А. Тахо-Годи.

Ст. 2. Уран — начало и конец всему, как и Зевс (XV 7).

Ст. 3. О вращении Урана вокруг Земли ср. гимн Клеанфа «К Зевсу» (7).

Ст. 5. Стражем земли и неба именуется Уран у орфиков (фр. 113 Kern)*.

V. ЭФИРУ

Эфир, по Гесиоду, сын Ночи (124); как Звезды (9) и Уран (1), он вечен и неокрушим. Из Эфира, по Посидонию (*Posidonius. The fragments//Ed. by L. Edelstein and I. G. Kidd. Cambridge, 1972. I. Fr. 127*), тончайшей огненной материи, состоят тела богов, причем боги обитают в эфирных высях, которые смыкаются с Олимпом.

Ст. 4. Эфир является одной из пяти стихий (*stoicheion*), элементов (земля, вода, воздух, огонь, эфир), сочетания которых создают разные виды материи (см. об этом: Лосев А. Ф. Античный эфир в связи с основным античным модельно-порождающим принципом мысли // Проблемы античной культуры. Тбилиси, 1975. С. 435—446; Он же. Стойхон. Древнейшая история термина // Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. 1971. № 450. С. 18—26).

VI. ПРОТОГОНУ

Протогон — знаменитое божество орфических космогоний и теогоний. Он же — Фанет, Эрикепай, Антавг, Приап (см. вступительную статью).

Ст. 1. Протогон *двусущий* (*diphyēs*), так как объединяет в себе два начала, мужское и женское. Таков в орфическом гимне XXX Дионис (2), который там же именуется Протогоном (2) как одно из главнейших божеств орфической мифологии. Эта двойная природа Протогона (он также баран и бык, лев и дракон) отмечена, по свидетельству Прокла, в орфических «священных словах» (фр. 81). Во фрагменте 73 он именуется «сыном Эфира», «Фаэтоном» («сияющим»).

Ст. 2. Протогон рожден из яйца (ср. пародию на орфическую космогонию: Аристофан. Птицы 690—702) и является, по орфикам, семенем всех богов (фр. 85). На своих золотых крыльях Протогон Фанет носится там и сям (фр. 78).

Ст. 3. Протогон ревет, как бык, так как среди его многих голов есть и бычьи (фр. 79).

Ст. 5. Протогон — Эрикепайон (ср. орф. гимн LII — Дионис Протогон Эрикепайон, а также фр. 167). Имя «Эрикепайон» (Эрикепай) негреческое. Видимо, Эрикепай был, как Сабазий, местным малазийским божеством, отождествленным с Дионисом, судя по тому, что на алтаре в Гиерокесарее Лидийской есть посвятительная надпись II в. н. э. «Дионису Эрикепайо».

Ст. 8—9. Протогон именуется Фанетом и Антавгом, а также Дионисом и Евбулеем в орфическом фр. 237.

Ст. 9. У стойка Корнута (27, р. 50, 15 Lang) *Priap* и космос тождественны, так как через них все выходит на свет (Cath'hon proeisn eis phōs pantō).

Ст. 11. *Оргиофант* — жрец, посвящающий в таинства.

VII. ЗВЕЗДАМ

Ст. 3. У Гесиода (378—382) звезды рождены богиней Зарей-Эос и Астреем (ср. *astron* «звезда»):

Ст. 6. Звезды, как думали в древности, определяют судьбу людей, из которых каждый рожден под своей звездой.

Ст. 8. ...*пояса семикратные...* — Семь поясов — семь планетных сфер. Самая близкая к Земле — сфера Луны, далее сферы Солнца, Венеры, Меркурия, Марса, Юпитера и Сатурна, каждая из которых имеет в пифагорейской традиции свою числовую символику (подробности см.: Платон. Соч. в трех томах. М., 1971. Т. 3 (1). С. 668).

* В дальнейшем ссылки на орфические фрагменты даются по Керну.

VIII. ГЕЛИОСУ

Ст. 1. *Всевечное око* Гелиоса соответствует «всевидящему кругу» (око-круг) Солнца, к которому взывает у Эсхила Прометей (91). Ср. «страшные очи Гелиоса» (Гом. гимны XXXI 10). В гомеровском гимне к Демете только Солнце, озирающее сверху землю и море, было свидетелем похищения Персефоной богом Аидом (V 64—87).

Ст. 2. Гелиос, по Гесиоду (371—374), сын титаниды Фей и *Гипериона*. В гомеровском гимне «К Гелию» он сын Эйрифаэссы («широкосветящей») и Гипериона («идущего наверху»). Однако в поздней античности Гелиос и Гиперион отождествляются.

Ст. 4. Родителем *Зари* и *Ночи* Гелиос назван метафорически.

Ст. 5—7. *Оры* — богини времен года, открывающие и закрывающие небесные врата Олимпа. Здесь — в значении определенных периодов времени. Гелиос мыслится стремительным в хороводе времени, управляющим золотой четверкой коней.

Ст. 10—13. Здесь характерное позднеантичное отождествление Гелиоса, Аполлона-Плэана и Зевса, которое отражено и в гимне Прокла к Гелиосу. Только здесь Гелиос играет на свирели, сиринге, а там поет под кифару (19). В орфической «Аргонавтике» он тоже «бегущий огнем» (1122), а в поэме «О камнях» («Литика») — «живящий», «несущий жизнь» (301), «плодовый», как Пан (11), и «отец времени», как орфический Геракл (3).

Гелиосу посвящен гимн Месомеда, вольноотпущенника Адриана (II в. н. э.). В этом гимне Гелиос воспевается как Аполлон (подробнее см.: Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957. С. 479—480).

IX. К СЕЛЕНЕ

Ст. 1. Селене-Луне, богине с золотым венком, посвящен гомеровский гимн XXXII.

Ст. 2. В гимне Селена — *Месяц с рожками*, а в орфических фрагментах месяц именуется «однорогим теленком» (фр. 273).

Ст. 4. Селена имеет муже-женскую природу, как орфические Афина (10) и Миса (4). У Платона говорится, что мужской пол «происходит от Солнца, женский — от Земли, а совмещающий оба этих — от Луны, поскольку и Луна совмещает оба начала» (Пир 190 b).

Ст. 5. В гомеровском гимне XXXII Селена гонит по небу лучезарных коней (9—10).

Ст. 10. Селена — дева подобно Артемиде, с которой она иной раз отождествляется.

Ст. 12. *Неофиты* — недавно посвященные в таинства.

X. ПРИРОДЕ

Ст. 1. Общей, или всеобщей, матерью (*rhamphetor*) именуется Земля у Эсхила (Прометей прикованный 90).

Ст. 3. Образ природы-кормчей связан с представлениями о божестве, управляющем миром предусмотрительно и разумно (ср. Зевс-кормчий в «Прометеи» Эсхила, 178).

Ст. 11. Выражение *самоотец, не имущий отца*, имеет параллель в гимнах Синезия, где божество именуется «самоотцом, отцом, безотцом и доотцом всех отцов» (I (III) 141—145, Lacombrade).

Ст. 14. *Самодостаточна* (в оригинале *autarcēia* «автаркическая», «самоудовлетворенная») — эпитет, входящий в систему стойческих категорий. Природа именуется *Дикой* — Справедливостью, так как она разумно и справедливо направляет жизнь, за всем следя и всему воздавая по заслугам. Ср. в гимнах Прокла слова о «быстро-зоркой злоотвращающей» Дике (I 36, 37). Дика, по Гесиоду, одна из трех Ор, направляющих течение времен года, дочь Зевса и Фемиды (901—902). Сестрами Ор являются Мойры, богини судьбы (904—906), так что связь справедливости и судьбы очевидна. *Пейто* — богиня убеждения.

Хариты — дочери Зевса и океаниды Евриномы (907—911), благосклонные и милостивые к людям богини. По мнению стоика Хрисиппа, у всего общая природа и судьба, так что справедливость и благозаконие — одно и то же (*Stoicorum veterum fragmenta//Coll. I. Argum. Lipsiae, 1921; 1964.V.II.Fr.1076. P. 315, 8—10*)*, что и неудивительно, так как, по Гесиоду, Благозаконие — Евномия и Справедливость — Дика — сестры и, как было сказано выше, дочери богини правосудия Фемиды (901—902).

Ст. 19. *Кормилицей* кроме Природы именуется в орфических гимнах Мать богов.

Ст. 21. Выражение *ваятель владычный* (букв. *plasteiga «ваятельница»*) связано со стихическими воззрениями на художественно-техническую сущность природы. «Ваятельницей» именовал Природу Зенон, на которого сделал ссылку Цицерон (*SVF I фр. 172*).

Ст. 28. Стоик Хрисипп говорил об общей природе и общем логосе природы в отождествляемых судьбе, промысле и Зевсе (II фр. 937, р. 269, 12—14).

Ст. 29. ...ты — во всем... — можно сравнить со словами римского стоика Марка Аврелия: «О природа, из тебя все, в тебе все, к тебе все» (IV 23 *Dalphen*). О стихическом влиянии на гими Природе см.: Тахо-Годи А. А. Природа и случай как стилистические принципы новоаттической комедии // Вопросы классической филологии. М., 1971. III—IV. С. 237—242.

XI. ПАНУ

Ст. 1. *Пан* (сын Гермеса), присутствуя во всем, по мнению стоика Корнута, тождествен космосу (27, р. 49, 4 *Lang*).

Ст. 2—3. Здесь дается характеристика Пана, близкая облику Гефеста-огня в гимне LXVI, тоже проникающего во все и присутствующего во всем (5—7).

Ст. 4—6. Пан как божество природных сил связан с богинями времен года, *Oрами*.

...*козлоногий вакхант...* — Зооморфной ипостасью Вакха является козел, Пан тоже наделен зооморфными атрибутами (рога, копыта, хвост, шерсть) и мыслится пастухом, блюющим стада коз. Он же — игрок на свирели, отсюда — *резвая песня*.

Ст. 6. Пан в качестве объединяющего космического начала (гр. *рап «все», «вселенная», «универсум»*) создает мировую гармонию.

Ст. 7. Пан может насылать страх (*«ужас для смертных»*), от чего участники гимнического ритуала просят их избавить (23).

Ст. 9. О Пане, друге нимф, ведущем с ними хороводы, читаем в гомеровском гимне XIX (2—6, 19—24).

Ст. 11. Пан, выражая собой исконное единство мира, именуется, как Аполлон, универсальное божество поздней античности, *Планом*.

Ст. 12. В одном из орфических фрагментов упоминается «Зевс рогатый», бог всего (фр. 297 b), т. е. Зевс и Пан изоморфны.

Ст. 15. Об *Океане*, вращающем свои воды вокруг Земли неустанным потоком, ср. у Эсхила (Прометей прикованный 138—140).

XII. ГЕРАКЛУ

В этом гимне герой-полубог Геракл, сын Зевса и смертной женщины Алкмены, воспевается как божество, титан, всепорождающий и всепожирающий, всевысочайший, демон, несущий зарю и ночь на своей голове, проходящий с востока на запад, т. е. здесь Геракл приобретает атрибуты Солнца, которое Прокл в гимне I именует «златоповодным титаном». В знаменитой поэме о подвигах Диониса (VI в. н. э.) Нонна Паннополитанского есть несколько десятков стихов, представляющих собой как бы гимн к Солнцу (369—410), где к нему вызывают, как к Гераклу: «О звезднохионный Геракл, владыка огня, властитель космоса, Гелиос, пастьор длиннотенний человеческой жизни» (369—370), и именуют вместе с тем Сараписом — египетским Зевсом, Кроносом, Фаэтоном (*«сияющим»*), Митрой, вавилонским Солнцем, Аполлоном в Дельфах, Планом и Эфири. Все это — яркое свидетельство языческого универсализма конца античности.

Ст. 16. *Керы* — демонические существа, несущие гибель.

* Ссылки на все дальнейшие тексты стоиков даются по данному изданию, сокращено *SVF*.

XIII. КРОНОСУ

Кронос, младший из титанов, захвативший власть у своего отца, считался умным и хитрым божеством. Однако его лишил власти тоже младший его сын Зевс, в дальнейшем низринувший всех титанов в Тартар (Гесиод. Теогония 137—138, 166—184, 674—719).

Ст. 7. Кронос — супруг своей сестры, титаниды *Реи*. Он именуется здесь промыслителем, как хитроумный и знающий будущую судьбу титанов. Он — отец *младших богов* — Зевса и его братьев и сестер, Олимпийцев.

Ст. 9. Эпитет Кроноса *хитролукавый умом*, буквально «кривоумный», встречается в гомеровском эпосе (Ил. II 205) и у Гесиода (Теогония 18).

См. вариант перевода гимна, принадлежащий Д. Н. Недовичу.

КРОНОСУ (фимиам, стиракта)

Огненный, отче богов блаженных и всех человеков,
Волей причудливый, чистый, Титан многомощный, великий
Духом! Ты все расточаешь дотла и вновь возвращаешь;
Несокрушимые узы ты держишь безмерной вселенной,
5 Кронос извечный, родитель всему, разносказовый Кронос!
Ты порождение Геи с Ураном, покрытым звездами,
Меньших родитель богов, Прометей священный, муж Реи;
Родонаучальник, по всем обитаешь участкам вселенной,
Мудролукавый, сильнейший, услыши умоляющий голос,
10 Жизни, все время счастливой, пошли нам честную кончину!

XIV. РЕЕ

Рея, дочь Геи и Урана, вступившая в брак со своим братом Кроносом (Теогония 135, 453), отождествлялась у орфиков с Деметрой, Матерью-землей, Гестией (West, p. 81). Она — дочь Протогона так же, как все боги, в конечном счете происходящие от этого орфического первоначала.

Рея отождествлялась также с Киделой, или Идейской матерью, обитавшей в горах и уединенных местах, где ее сопровождала обычно оргиастическая толпа служителей и жрецов. На Крите свиту Реи составляли куреты и корибанты, бывающие в цитры и тимпаны.

См. вариант перевода гимна, принадлежащий Д. Н. Недовичу.

РЕЕ (фимиам, ароматы)

Рея-владычица, дщерь Протогона различного видом!
Лев-быкоубояца влечет священную твою колесницу.
В гуле тимпанов разящая страстью, ты дева из меди,
Мать повелителя Зевса — эгидодержавца Олимпа.
5 Читмая, светлая, ты, блаженная Крона супруга,
Любишь ты горы и в них — завыванье ужасное смертных;
Рея, царица для всех, боевая, могучая духом, —
Ложно спасая, спасаешь и подлинно, первая родом,
Мать бессмертных богов и смертных мать человеков.
10 Все из тебя — и земля, и пространное небо поверху,
Море и ветры. О склонная к бегу, воздушная видом,
Волей благою спасая, приди, блаженна богиня,
Мир низводящая к нам со счастливым вместе богатством,
Скверну и смертных Кер отославши до края земного.

XV. ЗЕВСУ

В данном гимне Зевс наделен прежде всего функциями общеприродного божества, вне его роли устроителя общественной жизни и основателя законов.

Ст. 1. Зевс именуется *негубимым* в гимне Прокла (VI 3).

Ст. 3. В этом стихе заметно влияние на орфиков стоического учения о Зевсе как начале всего живого (fr. 298 Кегп: Корнут 2, р. 3, 8 Lang).

XVI. ГЕРЕ

Гера, супруга и сестра Зевса, богиня — покровительница брака. Ее имя в древности пытались толковать, исходя из понимания ее как «воздуха» (Нéга—аéг). Об этом читаем во фрагментах стоиков (II фр. 1021). Отсюда и представление о ней в гимне как матери дождей и кормилице вихрей.

XVII. ПОСЕЙДОНУ

Посейдон, сын Реи и Кроноса, брат Зевса (Теогония 453—457), владыка морской стихии. В его имени этимологи находят указание на древнейшее представление о божестве, связанном с плодородием земли, пропитанной влагой. Посейдон (дорийская форма *Poteidan* — *rot-pos*, корень слова указывает на «супружество», *da-ga*, «земля») или «супруг земли», или «сколебатель земли» (ср. Од. V 366), «земледержец» (I 68). Мощные порождающие силы Посейдона позволяют толковать его имя как «владыку вод» (корень *rot-* указывает на владычество, власть: *da-* «вода» во многих индоевропейских языках).

См. вариант перевода гимна, принадлежащий Д. Н. Недовичу.

ПОСЕЙДОНУ (фимиам, смирина)

Внемли мне, Посейдон, земледержец с главой синекудрой,
Конник, держащий в руках трезубец из кованой меди;
Ты обитаешь в пучинах глубокого моря, правитель,
Безднами гулкий, широкоумяющий, земли потрясатель,
Пеноцветущий, прекрасный очами, гонящий четверку;
Воду колеблешь соленую ты через шумы морские,
Треть в удел получивший — морские глубокие струи,
Волны потеха тебе, да и звери: владыка и демон,
Недра земли ты хранишь и стремленье судов быстроходных;
Мир и здоровье подай нам и счастьем богатства ущедри.

XVIII. К ПЛУТОНУ

Плутон, сын Кроноса и Реи, брат Зевса и Посейдона — владыка царства мертвых, Аид. Плутон-Аид отождествляется с Плутосом-Богатством (Гом. гимны V 489), так как божество мертвых мыслилось обладателем подземных богатств. Характерно, что в орфическом гимне он именуется «Хтоническим Зевсом», т. е. «почвенный», — несомненный рудимент древнейшей мифологии, где в одном божестве Зевсе были сосредоточены силы небесные, земные и подземные. Плутон, как и другие боги, получил после победы над титанами свои владения из рук Зевса (Теогония 881—885).

Ст. 10. *Ахеронт* — одна из рек царства мертвых. Для греческой мифологии характерно было представление о корнях земли и моря, которые залегают в Тартаре (Теогония 728). Царство Аида находится выше Тартара, непосредственно под землей.

Ст. 11. Плутон *многоприимный* именуется также «щедрым» и «гостеприимным» (Гом. гимны V 404, 430), так как смерть уготована каждому человеку.

Ст. 12. В орфических фрагментах Плутон отождествляется с *Еобулеем* (фр. 46, р. 115), похитившим дочь Деметры Персефону, о чем рассказывает гомеровский гимн V.

XIX. ЗЕВСУ КЕРАВНУ

Гимн вославляет Зевса Керавна (Громового), выдвигая на первый план древнюю природно-стихийную функцию этого божества, само имя которого, если судить с точ-

ки зрения этимологии (индоевр. *dieus* «дневное небо», др.-инд. *deva* «бог», лат. *dies* «день», гр. им. п. *Dzeys*, род. п. *Dios*), связано с представлением о небе, а в античности еще и воспринималось как «жизнь», «орошение», «то, через что все существует» (подробности об имени Зевса см.: Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957. С. 96—104). В гомеровском гимне XXXIII Зевс именуется «громкораскатистым», «громкозвучным», т. е. громовым. У Гесиода громом и молниями он поражает чудовище Тифона (Теогония 853—859), в битве с титанами он также «владыка Громовержец», который мечет с неба и Олимпа перуны, полные блеска и грома (689—691).

XX. ЗЕВСУ АСТРАПЕЮ (МОЛНИЙНОМУ)

См. выше, комм. к гимну XIX.

XXI. ТУЧАМ

Тучи представляют здесь одну из персонификаций сил природы. Античная мифология знала Нефему — богиню облаков. У Аристофана воспеваются «вечные облака», «священные», «носители дождя», как некие новые божества, якобы проповедуемые Сократом (Облака 275—291, 299—313).

XXII. ТЕФИИ

Данный гимн имеет в оригинале заголовок: Талассе «Морю». Но поскольку гр. *thalassa* «море» женского рода, а в русском языке — среднего рода, в гимне же воспевается морская богиня Тефия, то пришлось в переводе изменить наименование этого гимна. В греческой мифологии было божество моря — Понт, рожденное Геей, мужской коррелят Талассы. Тефия (Тетис) — титанида, дочь Геи и Урана, супруга своего брата Океана.

XXIII. НЕРЕЮ

Нерей — божество морской стихии, сын Понта и Геи, славился своим правдолюбием.

XXIV. НЕРЕИДАМ

Нереиды (их 50) — дочери Нерея и океаниды Дориды, имена которых указывают, если судить по «Теогонии» Гесиода, на движение, игру, цвет воли, изменчивость морской стихии и т. д. (240—264).

Ст. 4. *Тритон* — морское божество, сын Посейдона и Амфитриты, обитающий в глубинах моря, в золотом доме (Теогония 930—933). Тритонами называются также морские микантропические (имеющие человеческие и животные черты) существа, резвящиеся среди волн и дующие в раковины.

Ст. 10—12. Здесь имеется в виду ряд мотивов из биографии Диониса. Диониса и его спутников преследовал царь эдонян Ликург, не признававший бога. Дионис, спасаясь от преследователей, бросился в море и был принят там одной из нереид, Фетидой (Ил. VI 130—139). У Гесиода говорится, что нереиды вместе с Аполлоном: пестуют «мальчиков юных» (346—348).

Ст. 11. *Ферсефонея* — Персефона, см. ниже, комм. к гимну XXIX.

Ст. 12. *Каллиопа* — «прекрасноголосая», дочь Зевса и Мнемосины, одна из девяти муз. Сын Эагра и Каллиопы Орфей установил мистерии Диониса (Аполлодор I 3, 2—3).

XXV. ПРОТЕЮ

Протей — морское божество, сын Посейдона (Аполлодор II 5, 9), символизирует многообразие, изменчивость и загадочность морской стихии и природы вообще. У Гомера в «Одиссее» Протей после того, как совершил ряд превращений в зверей,

огонь, воду и дерево, прорицает о судьбе ахейского войска (IV 351—424). Этот эпизод с метаморфозами Протея философы-стоики (II фр. 305) аллегорически толковали как изменчивость материи. Само имя — Протей — стоики связывали с понятием первичности (гр. *ρήτος* «первый») материи (II фр. 316, I 87).

XXVI. ГЕЕ

Гея-Земля воспевается в гимне как природное начало, рождающее все многообразие земных плодов, вне ее мифологической роли прародительницы поколений богов, хотя она и называется «матерью» смертных и бессмертных.

XXVII. МАТЕРИ БОГОВ

Мать богов в греческой мифологии носила разные имена: Кибела, Кивева, Диномена, Идейская мать, Великая мать богов. Это богиня фригийского происхождения, одицетворяющая плодородные силы природы, их смерть и возрождение, близкая по функциям Рее, с которой и отождествилась. Мать богов обычно предстает на золотой колеснице, куда впряжены львы, в окружении безумствующих и бьющих в бубны и щиты куретов и корибантов, а также диких зверей. У римского поэта Лукреция в поэме «О природе вещей» рисуется шествие Матери богов (II 600—643). В связи с тем что Мать богов мыслится основой мира, она в поздней мифологии могла отождествляться с Гестией, богиней космического очага.

XXVIII. ГЕРМЕСУ

Гермес не только вестник богов, но и сила, связующая два мира — живых и мертвых: он сопровождает души умерших в царство смерти (Од. XXIV 1—5). По велению богов он убил многоглазое чудовище — Аргуса (Аполлодор II 1, 3), преславившего возлюбленную Зевса Ию (Гера превратила ее в корову).

Ст. 6. Гермес — толкователь всего (отсюда наука о толковании называется герменевтикой; см. орф. фр. 297 a 1).

Ст. 8. Гермес-Корикиец назван по имени пещеры в Беотии у Парнаса, где обитала нимфа Корикия, возлюбленная Аполлона. Эта пещера находилась под покровительством нимф и Пана, сына Гермеса (Павсаний X 6,3; 32,6).

XXIX. ГИМН ПЕРСЕФОНЕ

Персефона (Ферсефона) — дочь Зевса и Деметры, ставшая супругой Аида и пребывающая с ним в царстве мертвых одну треть года, а две трети — на Олимпе с матерью. В орфической теогонии Персефона — супруга Зевса, от которого она родила Диониса Загрея (см. об этом в поэме о подвигах Диониса писателя VI в. н. э. Нонна, V 562—570).

Ст. 5. *Праксиликой* — «вершительницей справедливости» — Персефона именуется в орфической «Аргонавтике» (31).

Ст. 6. *Евмениды* — богини мести, дочери Геи, родившиеся из крови осколенного Урана (Теогония 184—186). Они обитают в царстве Персефоны и Аида (Вергилий. Энеида VI 280, VII 563—571). Однако в орфической теогонии (фр. 197) они рождены Аидом и Персефоной.

Ст. 8. *Евбулей* — сын жреца Деметры или Дисавла, брат Триптолема, получивший вместе с ним от богини первые семена для посева. Евбулей и Триптолем связанны с Элевсинскими мистериями (Павсаний I 14, 2—3). В орфической теогонии Евбулей отождествлялся с Дионисом, сыном Зевса и Персефоны.

Ст. 11. Персефона *рогатая*, так как в орфических мифах она приняла вид рогатой змеи, соединяясь с Зевсом, принялшим вид змеи.

Ст. 16. *Ферсефона* — несущая гибель, смерть (гр. *phegō* «несу», *phonē* «убийство»).

XXX. ДИОНИСУ

Дионис — в традиционной мифологии сын Зевса и смертной женщины Семелы. В орфической теогонии он именуется также Загреем, «Великим охотником», сыном Зевса Критского и богини Персефоны, принявших вид змей. О растерзании Загрея титанами и возрождении его см. вступительную статью.

Ст. 2. Дионис *перворожденный* отождествляется с Эрикапаем и с Протогоном, который именуется двусущим, т. е. двуполым (см. выше, комм. к гимну VI).

Дионис *триждырожденный* — Иакх — сын Зевса и Деметры, растерзанный «землеродными» и вновь возвращенный к жизни Деметрой. Таким образом, мифологическая традиция знала и одного, и трех Дионисов (см. орф. фр. 301 со ссылкой на Диодора, а также: Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957. С. 152—153).

Ст. 3—4. Древние ипостаси Диониса зооморфные (бык, козел), почему он и именуется *двурогим*, или фитоморфные — растительные (плющ, виноградная лоза), как у божества изобильных природных сил.

Ст. 5. *Трехлетний* — тот, которому установлены празднества каждое трехлетие в течение тридцатилетнего цикла. Здесь символически прославляется Вакх как божество виноградной грозди, сок которой символизировал кровь растерзанного Диониса. Дионису трехлетнему посвящены гимны XLV и LII.

XXXI. ГИМН КУРЕТАМ

Куреты — демонические существа (наряду с корибантами) из окружения Великой Матери богов Реи-Кибелы и младенца Зевса, которого Рея спрятала в пещере на Крите от Кроноса. Куреты заглушали плач младенца ударами копий о щиты, тимпанами и криками (Страбон X 3, 7). В поздней античности они входят в окружение Афины (Прокл. Комментарий к «Кратилу» 406 d, р. 112, 14). Их считали также воспитателями младенца Диониса (Страбон X 3, 11—12).

Ст. 4. *Косметоры* — букв. «устроители», «управители» от гр. *cosmētōs* в значении «выстраивать», «располагать в порядке войско», «управлять».

XXXII. АФИНЕ

Афина — любимая дочь Зевса и его первой супруги богини мудрости Метиды (от гр. *mētēs* «мысль»). Боясь предсказания Геи и Урана о потери власти после брака с Метидой, Зевс проглотил свою беременную супругу (Теогония 886—900), а затем сам породил из своей головы (с помощью Гефеста или Прометея) Афину (Аполлодор I 3, 6). Именно поэтому Афина именуется в гимне «единородной».

Ст. 8. Афина именуется *Горгоубийцей*, так как она убила Медузу Горгону (Еврипид. Ион 989—991, 1476), чью голову, наводящую ужас, носит на своей эгиде, щите из козьей шкуры (Ил. II 446—449).

Ст. 9. Афина — *мать...* *искусства* (букв. *techne* «ремесло»), покровительница ремесла, поэтому называется эрганой «работницей» у Софокла (фр. 760). Она помогла Прометею украсть огонь из кузни Гефеста (Ватиканские мифографы II 63—64).

Ст. 12. Афина именуется *змеей* в память ее архаического зооморфного прошлого, когда ее почитали в виде змеи (ср. змеиная мудрость). По Геродоту (VIII 41), на афинском акрополе обитала огромная змея, посвященная Афине.

Ст. 13. Афина — участница битвы олимпийцев с гигантами на *Флегрейских полях*, где она уничтожила Энкелада и Палланта (Аполлодор I 6, 1—2).

Ст. 14. *Тритогеней* богиня именуется в связи с рождением у озера (или реки) Тритон в Ливии.

Ст. 15. О зооморфном архаическом прошлом Афины напоминаетrudиментарный эпитет *совоюкая*. Непременными атрибутами Афины были в классической мифологии греков змея и сова.

XXXIII. НИКЕ

Ника (Ника) — персонификация победы, дочь океаниды Стикс и Палланта

(Теогония 383 сл.). Вместе с ней выступают ее помощники — Сила, Мощь, Рвение. В произведениях искусства крылатая Ника — атрибут Зевса и Афины.

XXXIV. АПОЛЛОНУ

Аполлон-стреловержец — мощное божество, в образе которого соединяются рациональная ясность и темные стихийные силы. Поздняя античность объединила представление о Зевсе и Гелиосе-Солнце в Аполлоне как универсальном космическом начале. Об Аполлоне в орфической литературе см.: Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957. С. 523—524.

Ст. 1. Здесь перечислены священные имена Аполлона. Имя *Феб* (*phoibos*) указывает на чистоту, блеск, прорицание (Еврипид. Гекуба 827). Аполлон *Ликорейский* связан с одной из вершин Парнаса — Ликореей, местом почитания божества. Аполлон именуется *Псаном*, или Псаном, в качестве целителя (Софокл. Царь Эдип 154). Но он также Псан как убийца змея Пифона, в которого метал стрельы.

Ст. 2. Выражение *Мемфиса житель* — позднего происхождения; указывает на почитание Аполлона в Египте.

Ст. 3. Аполлон также убийца великаны *Тития*, покушавшегося на его мать Лето. Аполлон назван *Пифицем* по имени убитого им змея Пифона (см. Гом. гимны II). *Титан* — позднее имя Аполлона, отождествляемого с титаном Гелиосом-Солнцем (см. гимн I Прокла). Аполлон — *засеватель и оратай*, так как ему свойственны функции помощника в трудах.

Ст. 4. *Сминфей* — букв. «мышьиний» — древний эпитет Аполлона, насылающего мышей и спасающего от них (Ил. I 39; Страбон XIII 1, 48). *Дельфиец* указывает на важнейшую функцию Аполлона — его оракул в Дельфах у Парнаса (см. Гом. гимны II) и связь со знанием будущего, почему он — *Мойрагет*, «водитель судьбы» (Павсаний X 24, 4—5). Эпитет *Гриней* указывает на храм и оракул Аполлона в Греции (М. Азия).

Ст. 6. Аполлон возглавляет богинь искусств, поэтому он — *Мусагет* (Гом. гимны III 450—452).

Ст. 7. Имя *Бакхий* указывает на связь с Дионисом, у которого Аполлон заимствовал имена Бакхий и Плющ (Эсхил, фр. 341 Radt), что говорит о тесных взаимоотношениях Аполлона и Диониса, божеств-антагонистов, которым в Дельфах устраивали общие праздничные оргии на Парнasse (Павсаний X 32, 7).

В Дидимах, вблизи малоазийского города Милема, был храм и оракул Аполлона *Дидимея*, которым владел род жрецов Бранхидов. Аполлон *Локсий* — дающий двусмысленные (от гр. *lochos* «кривой»), загадочные, двояко толкуемые прорицания.

Ст. 8. Эпитет *светоносный* указывает на связь Аполлона с Солнцем.

Ст. 11—15. В этих стихах выражена поздняя идея синкретического великого божества.

Ст. 16. *Кифара* Аполлона — инструмент, струны которого как бы создают космическую гармонию.

Ст. 18. *Дорийский лад* — мужественный и сдержанно-благородный, один из самых почитаемых ладов греческой классики, в то время как лидийский выражал жалобу, а фригийский — экстатичность (см.: Лосев А. Ф. Античная музыкальная эстетика. М., 1960—1961. § 2—4, 7).

Ст. 25. Аполлон близок к *Пану*, будучи охранителем стад (Аполлон Номий) (Ил. II 763—767; Гом. гимны III 71). Здесь, в гимне, имеется в виду всеохватность функций Аполлона как универсального божества.

XXXV. ЛЕТО

Ст. 2. *Коантида* — дочь Коя (гр. *Coiantis*).

Ст. 5. Лето родила Аполлона и Артемиду у горы Кинф на одном из Кикладских островов — Делосе (бывший о. Астерия). Поэты отождествляли Ортигию и Делос, но иногда Ортигию связывают с другим Кикладским островом, Ренеем, расположенным рядом с Делосом.

XXXVI. АРТЕМИДЕ

Ст. 1—2. Артемида *многоименная*, поскольку сближается с Селеной-Луной, Гекатой, Илифей, критской богиней Бритомартис, получившей имя Диктины; здесь она еще и *Бромий «шумная»*.

Ст. 3. *Светоцвет* указывает на связь с ночной богиней Гекатой и Селеной. *Диктиной* стала называться спутница Артемиды, Бритомартис, бросившаяся в море от преследования критского царя Миноса и получившая имя от гр. *dictyon* «сеть», так как ее спас в море рыбачий невод.

Ст. 13. Артемида названа *кидониянкой* по имени основанного Миносом на Крите в память сына Аполлона поселения Кидония. Жители Кидонии славились стрельбой из лука, а местные сады — кидонскими яблоками (может быть, айва).

XXXVIII. КУРЕТАМ

О куретах см. выше, комм. к гимну XXXI.

Ст. 2. Куреты и корибанты сближались с кабирами, дактилями, тельхинами, т. е. хтоническими демонами морей и потаенных земель, знатоками ремесел, особенно кузнецкого (Страбон XIV 2, 7).

Ст. 4. На острове *Самофракия*, а также на островах Имбрис, Лемнос процветал культ кабиров, в поздней античности слившийся с орфическими таинствами.

Ст. 21. Куреты и корибанты находились среди окружения Зевса-младенца (см. выше, комм. к гимну XXXI).

XXXIX. КОРИБАНТУ

Гимн обращен к одному корибанту, так как число корибантов, как и куретов, неопределенно. Если число куретов колеблется от 2 до 10, то корибантов от 3 до 1 (поздняя традиция).

Ст. 6. В «Протрептике» Климента Александрийского (II 19) излагается содержание «священной истории», связанной с оргиями в честь корибантов: два брата корибанта убили третьего, завернули его голову в пурпур и похоронили вблизи Олимпа.

Ст. 7—8. По приказанию Део корибант был превращен в змея, почему он и именуется выше *двусущим*.

XL. ДЕМЕТРЕ ЭЛЕВСИНСКОЙ

О Деметре, или Део, см. выше, комм. к гимну XXIX, гом. гимну V и к гимну VI Каллимаха.

Ст. 10. *Бромий «шумный»* — эпитет Диониса, божества, связанного с природой и потому близкого к Деметре.

XLI. МАТЕРИ АНТЕЕ

Антея — редкий мифологический образ поздней античности. Если в схолиях к Аполлонию Родосскому (I 1141) она отождествляется с Реей (а та, как известно, идентифицируется с Великой Матерью богов), то лексикограф Гесихий так именует Гекату. Здесь, в гимне, Антея является в качестве ипостаси Деметры, ищущей дочь Персефону, и, кроме того, матери Евбулея, который в традиционной мифологии считается сыном Деметры (см. выше, комм. к гимну XXIX).

XLII. МИСЕ

Миса — божество малоазийского происхождения из круга Деметры и Диониса Евбулея. Судя по надписи, найденной вблизи Пергама и опубликованной еще в

1881 г., был воздвигнут алтарь Мисе Коре, что позволяет объединить Мису с Корой-Персефоной, дочерью Деметры (см. также комм. к гимнам XXIX и XXX).

Ст. 5—10. Этот пассаж гимна указывает на позднеантичное распространение культа богини и синкретичность ее образа, вовравшего в себя даже египетскую Исиду (Изиду). Ср. у Апулея в «Метаморфозах» (XI 2) знаменитую похвалу Исиде как всеобщему космическому божеству, а также явление самой Исиды во сне Луции, когда она перечисляет все свои ипостаси и эпитеты (XI 5), оказываясь и фригийской Матерью богов, Дианой (Артемидой) Диктинской, Прозерпиной (Персефоной), Церерой (Деметрой), Гекатой, Минервой (Афиной).

Ст. 6. Имеется в виду Великая Мать богов, кульп которой был малоазийского происхождения.

XLIII. ОРАМ

О дочерях Зевса и Фемиды, Орах, имена которых означают «Благозаконие» (Евномия), «Справедливость» (Дика) и «Мир» (Эйрена) см. у Гесиода (Теогония 901—903), причем там они являются родными сестрами трех Мойр (904—906) и сестрами трех Харит (дочерей Евриномы и Зевса) — Аглаи, Евфросины и Фалии («Блестящей», «Благоразумной» и «Цветущей») (907—911).

XLIV. СЕМЕЛЕ

Семела — дочь Фиванского царя Кадма и Гармонии, возлюбленная Зевса, погибшая от грома и молний Зевса, который явился ей во всей своей славе по злому умыслу ревнивой Геры. Ребенок Семелы и Зевса, Дионис, был выхвачен отцом из пламени, защищал им свое бедро и рожден в положенный срок (Еврипида. Вакханки 1—9, 88—98, 286—297).

Ст. 6. Персефона была матерью Диониса в орфической традиции (см. выше, комм. к гимну XXIX).

XLV. ДИОНИСУ БАССАРЕЮ ТРИЕТЕРИКУ (ТРЕХЛЕТНИКУ)

О Дионисе см. выше, комм. к гимнам XXX и XLIV.

Ст. 2. Дионис именуется *Бассареем* по длинной одежде фракийского происхождения, бассаре, в которую облекались его экстатические спутницы — менады («безумствующие»), или бассариды. Возможно, что эта одежда из шкуры лисы (бассара — лиса по-фракийски, Геродот IV 192).

Ст. 5. *Tiρs* — остроконечный жезл, увитый плющом и виноградом, который в оргиастическом порыве метали спутники Диониса (см. описание вакхических безумств в трагедии Еврипида «Вакханки»).

XLVI. ЛИКНИТУ

Ст. 1. Дионис именуется Ликнитом в связи с первыми плодами урожая, которые посвящали Вакху (гр. λίσπον «корзина с плодами»).

Ст. 2. Дионис назван *нисейцем* по горе Ниса во Фракии, Евбее или даже в Индии, где воспитывали Диониса нисейские нимфы (Еврипида. Вакханки 556—559).

XLII. ПЕРИКИОНИЮ

Этот гимн посвящен Вакху, названному Перикционием (гр. περιστόν «окруженный колоннами») после того, как он наслал землетрясение на дворец своего деда Кадма, где царствовал не признававший Диониса его двоюродный брат Пенфей. Оковы, в которые был закован Пенфей Дионис, сами упали, а бог торжествовал среди хаоса и разрушения (Еврипида. Вакханки 616—637).

XLVIII. САБАЗИЮ

Сабазий — фригийско-лидийское божество, отождествленное с Дионисом Загреем, сыном Зевса-змея и Персефоны (Диодор IV 4, 1). Его священным животным была змея. Культ Сабазия начал распространяться в Греции еще в V в. до н. э., а затем в Риме, где слился с культом Юпитера. Сабазий, будучи одним из важнейших малоазийских богов, идентифицировался с Зевсом, почему он и назван в гимне «сыном Крона».

Ст. 2. Дионис назван *Эйрафиотом*, так как он был защищен в бедро Зевса (от гр. εγκάρπον «вшивающее»).

Ст. 3—4. Сабазий и *Гипта* (тоже фригийско-лидийское божество) изымают Диониса из бедра Зевса и становятся его воспитателями в Лидии на горе *Тмол*, откуда потом взрослый Дионис начнет свой путь, возвращаясь в Грецию (Еврипида. Вакханки 13—14, 55—59, 65).

XLIX. ГИПТЕ

Гипта — местное (М. Азия) божество; была хтонической богиней Матерью, возможно близкой к хурритско-хеттской Гепат (West, p. 96). Она — воспитательница Вакха-Диониса-Иакха на горах Ида (Фригия) и Тмол (Лидия).

L. ЛИСИЮ ЛЕНЕЮ

Культ Диониса связан с фитоморфным представлением о виноградной лозе как воплощении бога. Страдания Диониса и пролитая им кровь символизируются в разных этапах сбора винограда и приготовления вина. Дионис именуется *Ленеем* от гр. λένος «чан», где выжимают виноградные грозди. Отсюда праздник выжимания винограда — Ленеи в одноименном месяце; тогда же происходили состязания драматических поэтов.

Ст. 2. Вакх имеет как бы двух матерей — Семелу и Зевса, доносившего сына в бедре.

Ст. 3. Вакх именуется *разрешителем* (Лисием), так как он, даря людям перевордивший сок виноградной лозы, освобождает, «разрешает» от тяжелых забот и повседневной жизни.

Ст. 7. *Видом изменчивый бог...* — Имеется в виду многообразность Вакха, заключающаяся во всех природных формах, которые он принимает (животные и растительные).

Ст. 10. *Бромий* — «шумный»; Вакх славят буйными криками и экстатическими оргиями, он также — Эвой (Эвий), т. е. прославляемый криками «эвой».

LI. НИМФАМ

Ст. 1. Нимфы — дочери Океана, океаниды. Здесь имеется в виду более общее представление о самых различных природных божествах — девах (гр. πυμφή «дева»).

Ст. 5. Любимое обиталище нимф — *гроты*. См., например, сочинение Порфирия «О пещере нимф» (Вопросы классической филологии. М., 1976. VI).

Ст. 8. Нимфы, пляшущие с Паном, горные, так называемые *ореады*.

Ст. 14. *Гамадриады* — нимфы деревьев.

Ст. 15. *Нисеянки* — нисейские нимфы.

Ст. 18. В греческом языке *пупрή* означает также «источник, ключ».

LII. ТРИЕТЕРИКУ (ТРЕХЛЕТНИКУ)

Здесь имеется в виду Вакх, которому посвящались празднества каждые три

года в едином тридцатилетнем цикле, как Посейдону и Гере (см. выше, комм. к гимну XXX). О перечисленных ниже священных именах Вакха см. соответственно в комм. к гимнам XXIX, XXXIV, XLV, XLVI, L, LIII.

LIII. АМФИЕТУ

Ст. 1. Вакх, празднства которому справлялись ежегодно, назывался *Амфиетом*. *Дионис подземный*, т. е. «земной», «почвенный» (от гр. *chthon* «земля»), — божество растительного мира.

LIV. СИЛЕНУ, САТИРУ

Силены и сатиры — демоны плодородия, воплощение стихийных сил природы с миксантропическими чертами (у силенов — лошадиные хвосты и копыта, у сатиров — рожки и копыта козлов): те и другие покрыты шерстью, уродливы, славятся задиристым нравом, непристойными шутками и жестами, пристрастием к вину. Обычно составляют свиту Диониса наряду с вакханками и вакхантами.

LV. К АФРОДИТЕ

У Гомера Афродита — дочь Зевса и Дионы. (Ил. V 370), однако существует другая версия: богиня родилась из крови осколенного Урана, которая попала в море и образовала там пену (Гесиод. Теогония 189—205), отсюда имя Афродиты «пененорожденная». В этой версии явны черты архаической мифологии.

Ст. 1. В классической античности Афродиту, богиню возвышенной любви, называли *Уранней* (Платон. Пир), т. е. небесной (от гр. *ouranios* «небо»), противопоставляя ее богине низменных страстей — Пандемос, пошлой, всем доступной.

Ст. 4. Афродита плетет хитрости (ср. эпитет «плетущая хитрости» в оде Сафо 1, 2) как супруга Гефеста, уродливого, но умного бога огня и кузнецкого ремесла.

Ст. 11. В гомеровском гимне «К Афродите» богиня идет в сопровождении диких зверей, в том числе и волков. Эпитет Афродиты *волчья* кроме данного места нигде не засвидетельствован.

Ст. 17—18. Известно почитание Афродиты Урании в Сирии (Геродот I 105; Лукиан. О сирийской богине) и вообще на востоке (М. Азия, Египет).

Ст. 22. *Дий* — вариант падежной формы имени Зева.

Фиады — участницы дionисийских оргий, называемые так по имени мифологической Фийи, дочери Касталии и матери Дельфа, которая первая принесла жертву Дионису и праздновала в честь него оргии.

Ст. 26. *Адонис* — возлюбленный Афродиты, см. ниже, комм. к орф. гимну LVI.

LVI. АДОНИСУ

Адонис — божество финикийско-сирийского происхождения, с ярко выраженным растительными функциями, умирающее и воскресающее вместе с природой. Миф об Адонисе см. у Аполлодора (II 14, 4) и Овидия (Метаморфозы X 300—524, 708—739). Адонис — возлюбленный и спутник Афродиты — погибает от гнева Артемиды, наславшей на него кабана. Афродита оплакала Адониса и превратила его в цветок, окропив нектаром пролитую кровь.

Ст. 3. В гимне Адонис и Дионис *Евбулей* отождествляются.

Ст. 9. По Овидию, Афродита передала младенца Адониса на воспитание Персефоне, которая не пожелала потом с ним расстаться. По решению Зевса Адонис проводит у Персефоны в царстве мертвых одну треть года, а остальное время — на земле с Афродитой.

LVII. ГЕРМЕСУ ХТОНИЧЕСКОМУ

Ст. 1—2. Гермес сопровождает души умерших в *безвозвратную* дорогу. *Кокит* — река в царстве мертвых.

Ст. 3—4. Гермес Хтонический объединяет мир подземный и земной, как Дионис и Афродита.

LVIII. ЭРОТУ

Эрот — бог любви, одно из четырех космогонических первоначал наряду с Хаосом, Геей и Тартаром (Теогония 116—122). В классической традиции он — сын Афродиты и Ареса (Симонид, фр. 24), в эллинистической поэзии — золотоволосый, подобный ветру, золотокрылый изящный бог со стрелами и луком. Однако орфики возродили архаическое представление о мощной неотвратимой силе Эрота (у Акустия он — сын Ночи и Эреба-мрака, внук Хаоса), который является у них Фанетом («явленным») (фр. 74), «древнейшим» и «всемудрейшим» (фр. 29, р. 100 в. 424) (о космической символике Эрота см. трактат Плотина (III 5) в кн.: Лосев А. Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм. М., 1980).

Ст. 4. *Двусущий* — Эрот, бог земной любви, мыслится, с другой стороны, как космологическое начало.

LIX. МОИРАМ

Мойры (букв. «часть», «доля», «участь») — богини судьбы. В архаической мифологии — дочери Ночи (Теогония 211—225). В классическом варианте мифа — они дочери Зевса и Фемиды (там же, 901—906): Лахесис («дающая жребий»), Клото («прядущая»), Атропос («неотвратимая»). Платон считает их матерью богиню Ананке («необходимость»), врачающую мировое веретено (Государство X 617 б—е). Однако у Гомера упоминается одна Мойра (Ил. V 613), а в поздней литературе — две (Павсаний X 24, 4). У орфиков (см. данный гимн) Мойры — дочери Ночи, причем в ст. 1 их несколько, в ст. 12 и 15 — одна, а в ст. 17 — их три сестры. В ст. 15 Мойры и разум Зевса объединяются (что характерно для классической и поздней античности).

LX. ХАРИТАМ

Хариты — благодетельные богини, воплощение доброты, радости и юности (от гр. *charis* «милость», «доброта»). Они — дочери Зевса и океаниды Евриномы (Теогония 907—911). Традиционные имена Харит, встречающиеся в данном гимне, варьируются, как и их число. Судя по их именам, они связаны с растительными силами природы.

Ст. 6—9 перенесены В. Квандтом в гимн LXIX. Здесь перевод дан по изданию Абеля, что более соответствует традиционным образам Харит.

LXI. ГИМН НЕМЕСИДЕ

Немесида — богиня мести, наблюдающая за справедливым распределением благ (гр. *pēpō* «разделяю») и насыщающая свой гнев (гр. *pēmesaō* «справедливо негодую») на тех, кто преступает закон. У Гесиода Немесида — дочь Ночи (Теогония 223 сл.). Иногда именуется Адрастей («неотвратимой») и бывает близка богине Дике.

LXII. ДИКЕ

Дике (Дика) — божество справедливости, дочь Зевса и Фемиды (Теогония 901 сл.), одна из трех сестер Ор. Близка по своим функциям богине правосудия Фемиде. У натурфилософов она хранит ключи от ворот, через которые пролегают пути дня и ночи (Парменид В 11—14). У Платона она — вершительница справедливости

в круговороте душ (Федр 249 б). О «быстрозорком» оке Дики говорится не только в гимне неоплатоника Прокла (I 35), но и у классических трагиков (ср. неизвестного автора, TGF 421 N.—Sn.). Орфики считали, что Дики восседает рядом с троном Зевса и взирает на род человеческий (фр. 23).

LXXXIII. ДИКЕОСИНЕ

Дикеосина (Дикайосина) — персонификация справедливости.

Ст. 16. Упоминание о морском Зевсе —rudiment древнего представления о верховном божестве земли, подземного мира и морской стихии (ср. например, эпитеты Зевса «хтонический» и «подземный»). У Эсхила (фр. 343) Зевс «пучинный», с ссылкой на Прокла (Комментарий к Кратилу, гл. 147, р. 88). Павсаний (II 24, 4) также упоминает Зевса, который «в море».

LXIV. ГИМН НОМУ

Ном (от гр. *nomos* «закон») — персонификация закона, который еще в классическое время у Пиндара именовался «царем всех смертных и бессмертных» (фр. 169, 1—2). У орфиков Номос — «сопрестольник» (*paredros*) Зевса (фр. 160).

LXV. АРЕСУ

Арес — бог вероломной стихийной войны, в котором заметно фракийское происхождение, хотя у Гомера он уже сын Зевса и Геры (Ил. V 896).

Ст. 3—4. Как *сокрушителя стен*, убийцу, ненавистного бога бранят Ареса Зевс (Ил. V 890—891) и Афина (Ил. V 31—32).

Ст. 8. О романе Ареса и Афродиты (*Киприды*) рассказывает Гомер (Од. VIII 264—366).

Ст. 9. *Лией* «разрешитель» — одно из имен Вакха.

См. вариант перевода гимна, принадлежащий Д. Н. Недовичу.

АРЕСУ (фимиам, ладан)

Духом великий и крепкий, отважный и несокрушимый
Демон, любитель оружья, убийца и стен сокрушитель,
Неукротимый Арес, царь кровавый, гудящий оружьем;
Любящий кровь и убийство боец, ужасающий в битве,
Жаждущий дикой борьбы, где бы копья, мечи разгулялись,
Бешеной распри зачинщик, — уйти ненасытную муку;
Склонный к желанью Киприды, к веселым утехам Лиея, —
Силу оружья смени ты на подвиги доброй Деметры,
Детопитающий мир возжелай, приносящий богатство.

LXVI. ГЕФЕСТУ

Гефест — бог огня и кузничного дела, божество малоазийского происхождения. У Гомера еще встречается его архаическое отождествление с пламенем (Ил. II 426), хотя Гефест в героическом эпосе — повелитель огня и великий мастер. Гефест — сын Зевса и Геры, супруг Афродиты, причем этот последний момент в поздней античности толковали символически, как единение высшей мудрости и красоты.

Ст. 1. Как огонь Гефест рассматривается стоиками (II фр. 1076, р. 315, 14).

Ст. 4. В качестве огненной стихии он — часть *мироздания* (ср. небо как часть мироздания в орф. гимне IV).

LXXVII. АСКЛЕПИЮ

Асклепий — бог врачевания, сын Аполлона и нимфы Корониды.

Ст. 1. Асклепий именуется *Планом*, т. е. целителем, как и его отец Аполлон, функции которого он перенял.

Ст. 7. *Гигия* (Гигиена) известна и как дочь Асклепия (Павсаний V 20, 3).

LXVIII. ГИГИЕЕ

Гигия — персонификация здоровья, она же в гимне LXVII является супругой Асклепия, но обычно — его дочь (см. выше, комм. к гимну LXVII).

LXIX. ЭРИНИЯМ

Эринии — богини мести, дочери Геи, родившиеся из крови осколенного Урана (Теогония 184—186). У Эсхила — они дочери Нохи и Эреба-мрака (Евмениды 69, 321 сл.). У Гераклита — они «блестительницы правды», ибо без их воли даже «солнце не преступит своей меры» (В 94). Образ Эриний — мстительниц за пролитую сыном материнскую кровь — развернут в трагедии Эсхила «Евмениды». (Перевод сделан по изданию Абеля.)

Ст. 7. Эринии ужасны видом, со змеями в волосах; из пасти у них каплет кровь, они лают, как псы, держат в руках горящие факелы.

LXX. ЕВМЕНИДАМ

Евмениды отождествляются с Эриниями. У Эсхила в трагедии «Евмениды» Эринии после суда над Орестом примиряются с Аполлоном и Афиной и становятся благомыслящими («евменидами») богинями, покровительницами Афин.

Ст. 2 У орфиков Евмениды — дочери Персефоны и Аида (*Зевса Хтонийского* в данном гимне), см. фр. 197.

LXXI. МЕЛИНОЕ

Мифологический образ Мелинои нигде, кроме этого гимна, не встречается и больше не разработан ни в плане историко-мифологическом, ни в плане художественном. Характерно, что облик этого привидения связан с царством мертвых, где встречаются и другие ужасные существа вроде Горгон или Эмпусы.

LXXII. ТЮХЕ

Тюхе (Тиха) «случайность» (то, что выпало по жребию) — божество Случая, образ которого оформился в эллинистической литературе как противопоставление неизменной судьбе. Тюхе символизирует неустойчивость и изменчивость мира. У Пиндара (Олимпийская ода XII) она — дочь Зевса. Тюхе близка Мойрам, если судить по Павсанию (VII 26,8). В этом гимне — редкое отождествление с Артемидой-Гекатой, связь с богами подземного мира. Существует фрагмент неизвестного хорического поэта, прославляющий Тюхе как «начало и конец смертных»; от нее «благо и зло», а сама она «на троне мудрости» (фр. 4 D). Есть и фрагмент гимна к Тюхе (видимо, египетского происхождения), где она изображается как многорукая, «пестровидная», «великий демон», то как «черная Клото», то как Ананка, то как Ирида, вестница богов (XXI D).

Ст. 3. *Еебулей* — зд. одно из имен Зевса.

LXXIII. ДЕМОНУ

Демон (*daimon*) — в традиционной мифологии обобщенное представление о неопределенной и неоформленной божественной силе, злой или, что реже, благодетель-

ной, неожиданно появляющейся и исчезающей. Здесь, в гимне, образ демона получает особое развитие и отождествлен с Зевсом Милихием («милостивым»), дарователем блага.

LXXIV. ЛЕВКОТЕЕ

Левкотея (Левкофая) — «белая богиня», морское божество, в которое превратилась дочь фиванского царя Кадма Ино, в безумии бросившаяся в море.

Ст. 2. Ино после гибели своей сестры Семелы взяла на воспитание ее сына Диониса и провозглашала его божественность, за что ревнивая Гера наслала на нее безумие.

Ст. 3. Левкофая помогает терпящим бедствие на море, например Одиссею (Од. V 333—353).

LXXV. ПАЛЕМОНУ

Палемон — морское благодетельное божество, в которое был превращен сын Ино Меликерт, когда обезумевшая мать бросилась с ним в море (Овидий. Метаморфозы IV 416—431; 494—541).

LXXVI. МУЗАМ

Музы — богини искусств, дочери Зевса и Мнемосины. Первоначально их было три и назывались они Олимпийскими (Теогония 52—54, 915—917). Прибывший из Македонии Пизер (его именем была названа гора, где обитали музы) установил число муз (девять) и дал им имена (Павсаний IX 29, 1—5), потому Олимпийские музы называются также пизеридами.

LXXVII. МНЕМОСИНЕ

Мнемосина — богиня памяти, дочь Урана и Геи, титанида (Теогония 135), родившая от Зевса девять дочерей — муз.

LXXVIII. ЭОС

Эос — богиня утренней зари, дочь титанов Гипериона и Тейи, сестра Гелиоса и Селены (Теогония 371—374).

LXXIX. ФЕМИДЕ

Фемида — богиня правосудия, дочь Урана и Геи (Теогония 135), титанида, супруга Зевса, мать Мойр и Ор (см. выше, комм. к гимнам XLIII, LIX).

Ст. 3—4. От матери Геи Фемида получила Дельфийский оракул, который передала сестре Фебе, а та — Аполлону, своему внуку (Эсхил. Евмениды 2—8).

LXXX. БОРЕЮ

Борей, северный ветер, как и другие ветры, Нот и Зефир, — сын богини Эос и Астрея (Теогония 371—374).

См. вариант перевода гимна, принадлежащий Д. Н. Недовичу.

БОРЕЮ (фимиам, ладан)

Ты, потрясающий ветром холодным весь воздух природный,
Мразом кующий Борей, что из Фракии снегообильной,
Плотно стоящие тучи развея по их влажным дорогам,
Мокрую влагу раздувши водой, порождающей ливень,

5 Делая ясным все небо, эфир же цветущий очами
Освобождая для солнца лучей, освежающих землю.

LXXXI. ЗЕФИРУ

Зефир — западный ветер, брат Борея. Известен своей губительностью. Но в позднее время представлялся как нежный и мягкий.
См. вариант перевода гимна, принадлежащий Д. Н. Недовичу.

ЗЕФИРУ* (фимиам, ладан)

Ветры, рожденные морем, туманные Зефиритиды,
Сладким шепотом отдых несущие от утомления,
Вешние и луговые, желанные для пристани вы,
Путь безмятежный судам вы готовите воздухом легким;
5 К нам благосклонно грядите, взвевающие непорочно,
Утренние, невидимки, крылами легки и воздушны.

LXXXII. НОТУ

Нот — южный ветер, брат Борея и Зефира. Он обычно приносит влажный туман (Ил. III 10).

LXXXIII. ОКЕАНУ

Океан — божество одноименной реки, омывающей землю. Он — титан, сын Урана и Геи (Теогония 133), брат и супруг Тифии, породивший три тысячи дочерей — океанид (346—364) и столько же сыновей, речных потоков (367—370).

LXXXIV. ГЕСТИИ

Гестия — богиня домашнего и мирового очага, дочь титанов Кроноса и Реи (Теогония 453 сл.). Ее огонь объединяет семью, общество и космос. Мыслится безбрачной богиней (Гом. гимны IV 21 сл.).

LXXXV. ГИПНОСУ

Гипнос — персонификация сна, сын Ночи и брат Смерти, Мойр и Немесиды (Теогония 211—225). У Гомера Гипнос играет заметную роль в сюжете «Илиады». Его посыпает Зевс навести на Агамемнона обманное сновидение (Ил. II 6—34). В XIV песни по требованию Геры Гипнос усыпляет Зевса в съятиях Геры, чтобы помочь ахейцам (231—291; 351—361).

Ст. 8. Танат (Фанат) — олицетворение смерти (Теогония 211 сл.: Ил. XIV 231 сл.).

Лета — персонификация забвения. В Беотии у пещеры оракула Трофония было два источника: Леты-забвения и Мнемосины-памяти (Павсаний IX 39,8).

LXXXVI. ОНЕИРУ

Онейр — персонификация сновидения.

Ст. 15—16. Древние считали, что верные решения, посыпаемые богами, приходят в сновидениях, хотя боги часто насыпают и обманные сны (см. выше, комм. к гимну LXXXV).

Гимны Прокла

Гимны Прокла публикуются в нашем собрании по изд.: Procli Hymni/Ed. E. Vogt//Klassische-Philologische Studien. 1957. №. 18. Перевод гимнов принадлежит О. В. Смыке. Перевод сверен В. В. Борисенко. Гимны Прокла на русском языке печатаются впервые, за исключением гимна III, переведенного ранее С. С. Аверинцевым и напечатанного в изд.: Памятники византийской литературы IV—IX вв. М., 1968.

В нашем собрании печатаются семь дошедших полностью гимнов Прокла. Гимн к Дионису (VII) представлен одной строкой, цитируемой Олимпиодором (Vit. Plat. Biogr. gr., p. 384, 50 Westerm.). Проклу приписывались также гимны чужеземным богам: газийскому Марну, аскалонскому Асклепию Леонтуху, арабскому Фиандриту, Исиде, почитаемой в Фивах, так как Прокл полагал, что философ должен быть священнослужителем не одного города, но целого мира (Vita Procl. 19). По свидетельству И. Лида (De mens., p. 23,9 Wuensch), существовало собрание гимнов Прокла.

Гимн «К богу» (Eis theon), который, по мнению А. Яна (Eclogae e Proclo de philosophia Chaldaica/Ed. et commentatus est A. Jahnus. Hal. Sax., 1891. P. 62 sq.), принадлежал Проклу (Ros à n L. J. The Philosophy of Proclus. New York, 1949. P. 53), этому последнему скорее всего не принадлежит: слишком резко он отличается от гимнов Прокла по своему стилю, композиции и образности (Procli Hymni/Ed. E. Vogt. P. 34).

I. ГИМН К СОЛНЦУ

Ст. 1. Титаном именуется Гелиос-Солнце (см. Гом. гимны XXXI, где он представлен на золотой колеснице). Однако Солнце не титан, а сын титана Гипериона и Тейи (Феи) (Теогония 371—374). В позднее время образы Гипериона («ходящего сверху») и Гелиоса слились воедино, так что этот последний стал именоваться титаном. Образ Гелиоса в гимне Прокла объединяется с Зевсом и Аполлоном, что характерно для поздней античности с ее универсализмом.

Ст. 18. Цепь — символ иерархического единства богов, соединенных друг с другом, которые, однако, зависят от великого Зевса. Эта неоплатоническая цепь богов восходит к «Илиаде» (VIII 18—27), где говорится, что Зевс один может осилить всех богов, даже если бы все они ухватились за одну золотую цепь, спущенную с неба.

Ст. 22. Об Аполлоне Плане см. выше, комм. к орф. гимну XXXIV.

Ст. 25. Аттис — имя любимца и жреца богини Кибелы-Реи, почитаемой экстатическими оргиями.

Ст. 27. О демонах см. выше, комм. к орф. гимну LXXXIII.

II. ГИМН К АФРОДИТЕ

Ст. 1. ...Рожденная из пены... — Афродита, см. выше, комм. к орф. гимну LV.

Ст. 2—3. Об Афродите как символе любви и неоплатоническом понимании Эрота см. выше, комм. к орф. гимну LVIII.

III. ГИМН К МУЗАМ

Ст. 2. О девяти музах и их вдохновляющей силе см. у Гесиода (Теогония 1—115), а также комм. к орф. гимну LXXVI.

Ст. 6. Лета — персонификация забвения, дочь Эриды — богини раздора (Теогония 226). Именем Леты названа и река в царстве мертвых, испив воду которой, души умерших забывают свою земную жизнь (Вергилий. Энеида VI 705). См. также выше, комм. к орф. гимну LXXXV.

V. ГИМН К ЛИКИЙСКОЙ АФРОДИТЕ

Ст. 1. Ликийская Афродита — местное малоазийское божество.

Ст. 5—6. Гефест — бог огненной стихии — и Афродита Небесная (Урания).

вступают в брак, исполненный высшего разума (в оригинале — поегос). См. выше, комм. к орф. гимну LV о разнице между двумя Афродитами.

Ст. 13. Род Прокла связан с Ликией, с городом Ксанфом.

VI. ГЕКАТЕ И ЯНУСУ

Ст. 2. О Гекате см. выше, комм. к орф. гимну I.

Ст. 3. Янус (по-гречески Ιαν) — в римской мифологии божество входов и выходов, прошлого и будущего, всякого начала, держащее в своей власти 365 ключей года. Янус был двуликий и четвероликий, смотрящий на все стороны света. В поздней античности этот бог почитался во всей Римской империи, куда Греция входила в качестве провинции Ахайи.

Ст. 2,14. О Гекате преддверной (Профирие) см. выше, комм. к орф. гимнам I, II. Геката мыслилась также преддверницей царства смерти, держащей ключи от входа в него.

Ст. 15. Здесь Янус отождествляется с Зевсом. Еще в римской архаической мифологии он, по свидетельству поздних авторов, назывался «богом богов» (Макробий I 9, 14—18). В универсалистской мифологии Римской империи Янус прославлялся как «мир» (там же I 7, 18—28).

VII. К МНОГОУДРОЙ АФИНЕ

Ст. 1—5. Об Афине см. выше, комм. к гом. гимну XXVIII и к орф. гимну XXXII.

Ст. 8. О борьбе Афины с гигантами см. у Аполлодора (I 6, 1—8), а также комм. к орф. гимну XXXII.

Ст. 9—10. По одному из мифов (Гигин 166; Аполлодор III 14, 6—7), Гефест пытался овладеть Афиной, но безуспешно. Семя его впитала Земля, откуда и родился Эрихтоний, полузмей-получеловек, которого Афина отдала на воспитание дочери афинского царя Кекропса (Аполлодор III 14, 6).

Афина всегда считалась как дева. У неоплатоников Гефест и Афина — две противоположности, так как Гефест — «виновник всякой формы телесной и внутри мирской», а Афина — всякая душевной и мыслительной» (Лосев А. Ф. Олимпийская мифология // Учен. зап. МГПИ им. Ленина. 1953. Т. 72. С. 90).

Ст. 11—15. Мотив о спасении Афиной сердца Диониса Загрея, растерзанного титанами, — один из излюбленных у неоплатоников. Так, в «Комментарии» Прокла к «Тимею» Платона читаем о том, что сердце Диониса, в силу промышления Афины, остается неделимым. Неоплатоники и орфики трактуют эту неделимость как всеохватывающий космический ум в противоположность делимости умов, душ и тел внутри космоса. Афина и воплощает принцип неделимости этого ума.

Ст. 16—17. Афина — участница борьбы с титанами (Гигин 150) и с гигантами, а также убийца Горгоны Медузы (Аполлодор II 4,2).

Геката — мать чудовищ (Схолии к Аполлонию Родосскому IV 828) Скиллы, Кратеиды, а сама идентифицируется с чудовищами подземного мира Эмпусой и Антей.

Ст. 24—30. Афина спорила со своим дядей Посейдоном за Аттику и в этой борьбе осталась победительницей, даровав жителям Аттики оливу и свое имя главному городу, покровительницей которого она стала. Разгневанный Посейдон пытался затопить морем Аттику (Аполлодор III 14,1). В эпиграмме Юлиана читаем:

Что ты, о Тритогения, стоишь среди города грозно?

Что со скалы так блестит золотом пышный доспех?

Ведь уж давно Посейдон уступил, отказался от спора.

Ныне Кекропса детей город ты можно хранишь.

(Палатинская антология. XVI 157. Пер. С. Кондратьева)

С Посейдоном Афина спорила также из-за города Трезен (Павсаний II 30,6). В конце концов боги примирились, на что указывают жертвенные Афине Конной и Посейдону Конной в Академии, знаменитой роще в Афинах, посвященной герою Академу (там же I 30,4).

Ст. 31—50. Последние 20 строк представляют Афину как синкретическое божество, содержащее в себе черты позднего язычества и христианства, наделенное функция-

ми, характерными для помощницы и покровительницы несчастных и обездоленных людей, единственной спасительницы покаявшегося и смиренно молящего человека.

Гимны Синезия

Перевод гимнов Синезия VII (VIII) и IX (I) выполнен М. Е. Грабарь-Пассек по изд.: *Patrologiae Cursus completus/Series graeca/Ed. J.-P. Migne. T. 66.* Перевод гимнов I (III), IV (VI), V (II) выполнен О. В. Смыкой по изд.: *Synésios de Cugène/Texte établi et traduit par Chr. Lacombrade. Paris, 1978. T. I. Hymnes.* Переводы М. Е. Грабарь-Пассек впервые были напечатаны в изд.: *Памятники византийской литературы IV—IX веков. М., 1968.* Перевод О. В. Смыки, сверенный В. В. Борисенко, печатается впервые. Нумерация гимнов дается по изданию К. Лакомбрада. В скобках указывается нумерация по изданию Ж.-Р. Миня.

ГИМН I (III)

Гимн I представляет собой энтузиастическую похвалу высшему существу. Вдохновенная настроенность настолько захватывает Синезия, что в гимне невозможно выделить логически продуманную композицию. Здесь много повторов, возвращений к излюбленным мотивам, рефренов. Видимо, первые наброски гимна относятся к 395 г., в них еще жива память о неоплатонических занятиях философа. Написан гимн анапестическими монометрами (—○—|○○—), излюбленными в заключительных частях классических трагедий, где находят особое выражение экстатические чувства героев. Эти анапестические монометры встречаются не раз также в гностических гимнах и в так называемых магических папирусах. В настоящем издании мы приводим часть гимна, наиболее близкого неоплатоническим интересам Синезия (стихи 1—236 из общего количества 734 стихов).

Ст. 1. Ср. обращение Синезия к собственной душе и воспетое в гимне величие «царя богов» с его обращением к форминге, настроенной на серьезный дорийский лад.

Ст. 5. Страсти, рожденные материальным миром, сравниваются в греческом оригинале с оводами или *слепнями*, жалящими людей. Здесь, видимо, игра слов, так как по-гречески *oistros* означает «овод», «жало», «безумие», « страсть».

Ст. 9. Ср. у Еврипида (*Ипполит 23*) — о венке для божества.

Ст. 46. ...прочь от *вещного...* — буквально «протяженная материя» (*tanaás hylas*).

Ст. 61—62 — здесь упоминание реального места на юге Киренаки, где жил поэт.

Ст. 82—85 — призыв к эфиру, земле, морю и воздуху напоминает строки в гимне Месомеда, вольноотпущенника императора Адриана (II в. н. э.), который начинается так: «Да умолкнут весь эфир, земля, моря и ветры...» (*Jap. C. Musici scriptores graeci. Lipsiae, 1895. P. 462*).

Ст. 99—100. *Крылатый змей*, демон *вещного* (материи) напоминает Дракона из «Откровения Иоанна» (*Апокалипсис 12, 3*), названного апостолом Павлом (Послание к эфесянам 2,2) «*князем, господствующим в воздухе*».

Ст. 101—102. Для неоплатоников материальный мир благодаря своей текучести и отсутствию стабильных форм как бы рождает фантомы, а не подлинные сущности.

Ст. 151. Образ «цветов света» (*anthea phōtos*) встречается в классической трагедии, например у Эсхила (*«Прометей прикованный»*), образ «цветка огня» (*ругос anthos*) находят в «Халдейских оракулах», а затем и у Псевдодионисия Ареопагита (О божественных именах 645 b).

Ст. 159—163. О божестве, которое является отцом самому себе и сыном самого себя, ср. у Данте в «Божественной комедии» (Рай XXXIII 1), где говорится о Деве Марии: «*дочери своего сына*».

Ст. 164—165. Учение о едином и диалектика единого характерны для неоплатонизма.

Ст. 166, 169, 171, 173 — образы *семени, корня всех миров, вечного света, кла-дея мудрости* характерны для общеантитической философской терминологии и специально-гностической (см. ниже, комм. к гимну V 25—26).

Ст. 212—216. Система световых образов связана с платонической традицией — распространенная вариация ст. 151, 171.

Ст. 227—237. Воспевание монады (монада встречается только в гимнах I, II и IX) и триады (триада встречается только в гимнах I и II) представляет здесь замечательный синкретизм языческого неоплатонизма и христианского учения о едином боже и троичности. Неоплатонический термин «триада» вошел в патристическую литературу со II в. н. э., и Августин отождествляет его с понятием «троицы» (*Trinitas*).

ГИМН IV (VI)

В гимне идет речь о таинстве рождения божественного сына, изображаемом в неоплатонических тонах. Воспевается мощь космического творца, к которому обращены вполне личностные просьбы, касающиеся духовного и физического преуспевания Синезия.

Гимн написан в стиле ритмической прозы, приближающейся к восходящему ионику в форме триметра (—○—|○○—|○○—), большей частью модифицированного в анакреонтический стих.

Ст. 1—10. Сын, рождающийся от отца, не воплощается, т. е. не является во плоти, а эманирует от отца как результат его порождающей воли, причем это рождение неотделимо от явления «срединного ума» (*messonagēs poys*), как в плотиновской триаде, где Ум-сын истекает (эманирует) от Единого-отца.

Ст. 11—23. Здесь рисуются мощные созидательные вселенские функции сына, *семени* отца, начала (*archē*) космических сил, нисходящих в разные виды тел (*somasi mōrphas*) от *умственных сущностей* (*poēgōi*).

Ст. 24—37. Заключительные просьбы Синезия, христиански настроенного, но не принявшего крещения, по своим мотивам чрезвычайно напоминают гимнические просьбы чистейшего язычника Прокла (избавление от болезней, усмирение страстей и желаний, исходящих от губительных волн материи, дарование чистой жизни, добной славы в народе и удачи в трудах).

ГИМН V (II)

В гимне V поэт воспевает величие и красоту универсума, управляемого высшим существом. Картина космоса (9—24) имеет явные черты Александрийской школы неоплатонизма, к которой принадлежал Синезий. В гимне рисуется мир материальный, находящийся в подлунной сфере; над ним тончайший эфир, разграниченный Луной и небом неподвижных звезд (*«восьмым»*); далее, духовный мир между небесным светом и «девятой сферой», по ту сторону которой сходятся интеллектуальные и интеллигibleльные сущности. Заключительные просьбы о ниспослании духовных и физических благ имеют вполне личностный характер.

Что касается датировки гимна, то, возможно, он относится к ранним годам (392—395), вскоре после учения в Александрии.

Гимн написан восходящими иониками в форме диметра (так называемые ионики а *timōgi*: —○—|○○—), модификация которых дает излюбленный в античности анакреонтический стих (*«переломленные»*, или *анакластические*, ионики: —○—|—○—).

Ст. 7—8. *Хоровод* (*choreia*) звезд вокруг космоса получает свою разработку в гимне Прокла «К Солнцу», где ведут хороводы планеты, опоясанные огнями (I 8—10).

Ст. 9. В греческом тексте стоит *hyūē*, обычный натурфилософский термин для обозначения материи. Материя текуча, почему она и рисуется здесь в виде моря.

Ст. 10—11. *Эфир*, по мнению древних, состоял из тончайших частиц разреженной огненной материи.

Ст. 12—13. Лунная орбита отделяет текучий неустойчивый мир материи от высших миров.

Ст. 16. Поток беззвездный находится выше «восьмой сферы». Это наличие «девятой сферы» считалось гипотезойalexандрийского астронома Гиппарха, принятой Птолемеем.

Ст. 17—19. Снова образ хоровода, который ведет «девятую сферу» вокруг мирового Ума, понимаемого в неоплатоническом духе.

Ст. 22—26. Образ «блаженного молчания» связан с гностическими понятиями. Неделимая (*atomos*) раздельность (*topos*) интеллектуальных (*poētōn*) и интеллигibleных (*poētōn*) сущностей (т. е. мыслящих, умных и мыслимых сущностей) напоминает о неоплатонических штудиях Синезия.

Ст. 29. Понятие *бездны* характерно для гностических текстов.

Ст. 32. *Мироизждающая мудрость* — София — устроительница (художница) космоса — относится к общеантрактическому понятию мудрости и специально к гностической мифологии, особенно распространенной в I—II вв.

Ст. 37. Здесь употребляется термин *сверхсущий* (*hyperoysios*), обычный у неоплатоников (ср., например, Плотин VI 9, 3) и встречающийся в патристической литературе.

Ст. 66—70. Систему мистических символов («мужское» и «женское» в одном лице, единство матери и отца, нераздельность голоса и молчания, выразительная вечность вечности) можно отнести к гностической образности: В. Тайлер находит ее в «Халдейских оракулах», сочинении, относящемся все к тому же религиозному позднеантичному синкретизму, что и гностические и герметические трактаты (Theiler W. Die chaldäischen Orakel und die Hymnen des Synesios. Halle, 1942—Berlin, 1966).

Ст. 89. ...разум мой крылатый... — В оригинале — «крыло ума» (*poū pterōma*) напоминает образ крылатой колесницы душ в платоновском «Федре» (246 b—e), отягченной злом и потому падающей на землю.

ГИМН VII (VIII)

Гимн VII (VIII) со звучащими в нем просьбами к божеству сохранить от зла жизнь самого Синезия и его родственников отличается откровенной личностной окраской. Время написания гимна, видимо, 403—404 гг. (вскоре после женитьбы Синезия, перед рождением его первого сына). Гимническая похвала в начале (1—5) и конце (48—53) песнопения только обрамляет главное — житейскую мольбу Синезия. Гимн написан разновидностью так называемых «телесиловых» стихов, изобретением которых гордился Синезий (VI, 1) и которыми он написал три гимна (VI, VII, VIII). В основе размера — анапестический диметр с усеченной последней стопой (— — — —), где краткости могут заменяться долготой.

Ст. 1. *Дорийский лад* считался у древних наиболее благородным и мужественным. Именно его Платон предназначал для воспитания юношества (Платон. Государство III 399 a и сл.; Аристотель. Политика VIII 7, 1342 b 10 и сл.; ср. гимн IX 4—5).

Ст. 5. Имеется в виду Дева Мария, мать Христа.

Ст. 10—13. Просьба Синезия напоминает просьбу Прокла в гимне Гелиосу (I 40—43), где поэт просит о духовных и физических благах.

Ст. 11. *Ключ ума* не передает неоплатоническую терминологию выражения в греческом оригинале, которое буквально означает «умный источник», «интеллигibleный источник».

Ст. 19. Имеется в виду старший брат Синезия, Евоптий.

Ст. 21—23. Брат Синезия тяжело болел и выздоровел, когда все надежды уже были потеряны.

Ст. 29. Сестра Синезия Стратоника, жена Феодосия, жила в Константинополе.

Ст. 30. Дети, о которых здесь упоминается, видимо, племянники или племянницы поэта.

Ст. 31. *Гесихидов дом* — Гесихий — отец Синезия.

Ст. 34. Жена Синезия (имя ее до нас не дошло) стала в дальнейшем матерью трех его сыновей, старший из которых носил имя своего деда Гесихия.

ГИМН IX (I)

Гимн, возможно, написан после пребывания Синезия в Александрии (392—395), где он слушал лекции Гипатия. Поэт стремился перейти от языческой мудрости к открывающему перед ним новому учению, которое он воспевает, пользуясь старой традиционной формой (лирикой), но на серьезный дорийский лад, отнюдь не следуя за античными певцами. Что касается ритмической организации гимна, то она тождественна гимну V.

Ст. 1. *Форминга* — древнее, встречающееся еще у Гомера (Ил. IX 186) наименование семиструнной лиры.

Ст. 2. Ионийский город *Теос* (М. Азия) — родина Анакреонта.

Ст. 3. Остров *Лесbos* (г. Митилены) — родина поэтессы Сафо.

Ст. 20—30. Идея различной предназначенности человека была общим местом в античной поэзии. Ср. развитие этой мысли в оде Горация «К Мененату» (I 1, 3—29), что, возможно, указывает на один источник и для римского поэта, и для Синезия.

Ст. 45—46. Ср. фр. 32 Bergk из анакреонтического сборника, где прославляется *цикада*.

Ст. 61. В греческом тексте стоит *hyperoysios*, т. е. буквально «сверхсущий», что указывает на неоплатоническую терминологию (ср. Плотин VI 9, 3), встречающуюся также в патристической литературе.

Ст. 63. *Образ первозданный*, гр. *eidos*, в котором Синезий объединяет христианское понятие о Боге-Слове и упоминаемый ниже (75) неоплатонический Ум.

Ст. 65. *Тройственная мощь* напоминает о троичности христианского божества.

Ст. 65—69. Имеются в виду неоплатоническая картина космоса в совершенной сферической форме (ср. Платон. Тимей 33 b) и его источник — Единое, из которого все эманирует и к которому все в конце концов возвращается.

Ст. 75—76. *Разум*, или *Нус-Ум*, — одно из главнейших понятий неоплатонической системы, вторая ипостась платоновской триады — Единое, Ум, Душа.

Ст. 80—93. Здесь имеется в виду понятие о верховном Уме, идущее от Анаксагора (V в. до н. э.), разработанное Аристотелем в качестве космической первопричины, Ума-Первовдвигателя, и отождествляемое Синезием с христианским божеством.

Ст. 80. *Вещество*, т. е. материя, гр. *hylē*, в которую изливаются (эманируют) истечения Ума.

Ст. 98. Характерный для Синезия синтезизм, так как бог, близкий смертным, напоминает античное представление о полубогах, т. е. героях, не обладающих бессмертием. Вместе с тем здесь христианская идея очеловечивания божества в лице Сына божьего.

УКАЗАТЕЛЬ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ИМЕН *

Авга 157
 Агамемнон 154
 Агамед 67
 Аглая 240
 Адмет 147
 Адмета 107
 Адонис 180, 235, 236, 271
 Адрастея 144, 180
 Азан 65
 Аид (Аидоней, Агесилай, Полидегмон, Полидект, Плутон) 87, 92, 97, 99, 105—107, 162, 166, 198, 209, 221, 248, 251
 Акаста 107
 Актеон 166
 Акторион 170
 Алкмена 120
 Аллекто 249
 Амальфея 144
 Амимона 165
 Амнисиад 152
 Амфитрита 61
 Ананка 183, 235
 Анкей 157
 Антея 221
 Антиклея 153
 Анхис (Анхис) 90—93
 Аполлон (Феб, Дальноверхец, Карней, Летоид, Ликорей, Дельфиний, Пифиц, Боздромий, Пеан, Иэпейн, Бромий) 59—74, 76—86, 88, 89, 92, 94, 111, 114, 121, 127, 130, 131, 133, 145—149, 151, 152, 156—158, 160, 162, 170, 179, 204, 214, 215, 220, 247, 259, 271
 Арг 150
 Аргус (Аргос) 75, 95

Арес (Арея) 64, 89, 113, 116, 145, 157, 159, 160, 162, 179, 218, 245
 Арестор 165
 Аристей 166
 Аристотель (Батт) 147, 148
 Артемида (Бромия, Мунхия, Хитона, Упис) 62—64, 89, 91, 92, 107, 114, 133, 145, 147, 149—151, 153, 154, 161, 162, 166, 179, 182, 215, 216, 252
 Асклепий 121, 180, 247
 Астерия 157
 Атланта 153
 Атлант 123, 179
 Атрид 155
 Атропа 239
 Аттис 180, 271
 Афина (Паллада, Тритогения) 67, 68, 89, 91, 107, 116, 126, 134, 154, 164—167, 180, 212, 278
 Афродита (Киприда, Киферая, Урания) 64, 89—93, 95, 96, 99, 110, 115, 156, 163, 164, 183, 202, 222, 226, 235—237, 245, 273, 276
 Борей 151, 156, 157, 162, 260
 Бриарей 159
 Бритомартис (Диктина) 153
 Бронтей 150
 Вера 179
 Время (Хронос) 179
 Галаксавра 107
 Ганимед 94
 Гармония 64
 Геба 64, 120, 179
 Гекаерга 162
 Геката 97, 98, 107, 181, 277, 278
 Гелиос (Гелий, Солнце) 69, 70, 75, 83, 97, 98, 137, 160, 179, 185, 188, 246, 271

Гера 61, 67, 68, 74, 75, 90, 117, 123, 140, 149, 151, 157—162, 164, 179, 196
 Геракл (Алкид) 120, 151, 152, 164, 179, 192
 Гермес (Аргоубийца, Киллениец) 64, 74—77, 79—88, 92, 94, 105—107, 123—125, 135, 150, 152, 162, 179, 208, 237
 Геспериды 168
 Геспер 163, 168
 Гестия 89, 130, 135, 170, 207, 264
 Гефест 67, 126, 145, 150, 159, 160, 179, 246, 276, 278
 Гея (Земля) 68, 69, 97, 136, 137, 144, 162, 179, 192, 193, 206, 217, 243, 259
 Гигант
 Гигиея (Гигия) 199, 216, 247, 248
 Гилей 154
 Гименей 163, 276
 Гиперион 69, 97, 99, 134, 137, 188
 Гиннос (Сон) 161, 265
 Гиппо 154, 155
 Гипсей 148
 Гипсеида 153
 Гипта 228, 229
 Год 179
 Данай 165
 Дейон 153
 Дексамен 158
 Деметра (Део) 97—99, 101—107, 108, 109, 118, 148, 168—171, 179, 198, 203, 209, 219, 220, 231, 245
 Демо 99
 Демофонт 102, 103
 Ди(ка)е 179, 190, 223, 242, 249, 272
 Дижеосина 243
 Диокса 100, 108
 Диомед 165
 Диона 61, 179
 Дионис (Вакх, Иакх, Бромий, Бассарей, Эвий, Загрей, Леней, Ликнит, Амфиэт, Периконий, Лией, Эйрафиот, Эрикепайон) 111, 112, 125, 132, 140, 169, 179, 180, 204, 210, 220, 222, 224—235, 237, 245, 254, 255, 271, 278
 Диоскуры (Кастор и Полидевк, Тиндариды) 122, 139
 Диасвал 221
 Долих 101
 Дириона 125
 Ебулей 209, 221
 Евмел 165
 Евмениды 209, 250
 Евмолл 101, 108
 Евномия 223, 256
 Евринома 240
 Еврипил 148
 Еврисфей 120
 Евтерпа 256
 Евфросина 240
 Елена (Рамнусийская) 154
 Зевс (Кронид, Кронион, Громовержец, Эгиох, Эгидодержавец, Милихий) 59, 62, 64, 66, 68, 70, 72—93, 95, 97, 99, 101, 104—108, 111, 112, 117—120, 122, 123, 125, 129, 130—135, 137—140, 143—145, 152, 157, 158, 161, 162, 167, 175, 179, 185, 188, 191, 194—196, 199, 200, 208—210, 212, 215, 216, 218, 221, 223, 226, 230, 235, 239, 240, 242, 243, 250—253, 256, 257, 262, 274, 277, 278
 Зефир 110, 148, 261
 Иакфа 107
 Иан (Янус) 277
 Иасий 153
 Илифия 61, 143, 159, 162, 171, 179, 182
 Ино 180
 Ирида 61, 104, 159
 Исида 222
 Исхий (Исхис) 64
 Кадм 112, 166, 224
 Кадмеида (Автоноя) 166
 Калипсо 107
 Каллидика 99, 100
 Каллиопа 137, 204, 256
 Каллирова 107
 Каллифоя 99
 Канака 170
 Кастрор (Диоскур) 122, 139, 164
 Кей (Кой) 60
 Кекроп 154
 Кекропиды 163, 278
 Келей 99, 102, 104, 108
 Керы 103, 113, 192, 194, 247
 Кефал 153
 Кирена 153
 Клейсида 99
 Клио 256
 Клото 239
 Коронида 121
 Крон (Кронос) 68, 89, 90, 97, 135, 144, 166, 179, 184, 193, 194, 207, 228, 264
 Лабдакиды 166
 Лапесис 239
 Левкипп 65
 Левкиппа 107
 Левкотея (Левкофея) 180, 254
 Леда 122, 139
 Лето (Латона, Коантода) 59, 60—64, 73, 78, 80, 84, 86, 91, 133, 150—152, 157—161, 179, 215
 Лигдамид 154
 Локсо 162
 Майя 74, 75, 77—79, 81, 84, 86—88, 123, 135, 208
 Макар Эолион (Макарей) 59

* Указатели составлены И. И. Лебедевой.

Мегера 249
Мелиноя 251
Мелита 107
Мелия 158
Мелобоссис 107
Мельпомена 256
Мен 180
Мероп 160
Метанира 101—103
Минос 69, 153
Миса 222
Мнемосина 84, 179, 256, 257
Мойра(ы) 149, 166, 186, 223, 239, 249, 271
Муза(ы) 64, 72, 74, 84, 85, 89, 114, 119, 124, 126, 131, 133, 137, 138, 156, 158, 179, 256, 272, 274
Мусей 79

Неда 144
Нелей 154
Немесида 169, 241
Нерей 67, 144, 203, 204
Ника(е) (Победа) 113, 180, 213
Никиппа 169
Ном (Закон) 179, 244
Нот 70, 262
Ночь 76, 179, 183, 187, 188, 239

Оарион (Орион) 155
Ойкиад 158
Ойней 154
Океан 97, 149, 150, 156, 179, 191, 202, 231, 263
Окироя 107
Олея 163
Онейр (Сновидение) 266
Ормениды 169
Оры (Горы) 64, 110, 148, 179, 188, 190, 191, 206, 209, 218, 223, 271
Отос (От) 155
Отрей 91, 92

Палемон 180, 255
Пан 124, 125, 151, 179, 191, 231
Пандия 138
Пасифая 163
Пейто 190
Пеласт 164
Пелоп 157
Персей 97
Персефона (Персефонея, Праксидика, Персефона) 98, 105—107, 109, 118, 179, 204, 209, 210, 221, 223, 224, 226, 233, 236, 237, 250, 251
Пифо(н) 69, 148
Плутоб 107
Плутос (Плuto) 108, 248
Полидевк (Диоскур) 122, 139
Полигимния 256
Поликсен 101

Поликсо 170
Посейдон (Посидаон) 65, 89, 111, 128, 150, 158, 162, 170, 179, 197, 278
Пройт 154
Протей 205
Протогон (Антавг, Приап, Фанет, Эрикепайон) 186, 194
Профирия 182

Рея 61, 90, 98, 99, 107, 108, 117, 143, 144, 179, 193, 194, 238
Родея 107
Родопа 107
Рэк 154

Сабазий 228, 229
Селена (Луна) 137, 138, 179, 185, 189, 246, 291
Семела (Кадмида, Фиона) 111, 112, 132, 140, 180, 224, 278
Стероп 150
Стикс(а) 107, 144, 179

Талия 240, 256
Танат 265, 267
Терпсихора 256
Тесей 163
Тефиса (Тефия, Тетис) 150, 156, 179, 202
Тиресий 165
Тисифона 249
Титан 68, 193, 217, 258, 271
Титий 151, 214
Тифаон (Тифон, Тифозей) 67—69, 94
Тифон (Титон) 94
Тиха (Тюхе) 107, 252
Триоп 65, 69, 170
Триптолем 100, 108, 168
Трос (Трой) 94
Трофоний 67

Уран (Небо) 68, 136, 137, 184, 193, 207, 217, 259
Ураниды 143
Урания 107, 180, 256

Фавмант (Тавмант) 157, 161
Файно 107
Фемида 61, 62, 91, 113, 129, 179, 223, 259
Феодамант 152
Ферея 154
Фетида 67, 146
Филира 144, 159
Флегий 121
Форбант 65
Фрии 87

Халкиопа 160
Харикло 165
Хариты 64, 90, 91, 133, 179, 190, 223, 240

Химера 69
Хирон 158
Хрисеида 107
Хула 148

Эвер 165, 166
Эдип 147
Эйрена 223
Эйрифаесса 137
Электра 107
Эллоп 156
Эней 94
Энио 162
Эол 170
Эон 179

Ямба 101, 102
Янира 107
Яхе 107

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Автокана 59
 Азанийские горы 154
 Азила 148
 Аил (миф.) 144, 154, 166, 183, 198, 209, 237, 249
 Алфей 70, 76, 77, 83, 140
 Алфей Арафанские 153
 Амарин 65
 Амфрисс(а) 147
 Анавр 151, 158
 Анtron 109
 Ания (Беотия) 158, 165
 Аргифея 70
 Аргос 157, 165, 167
 Аренса 70
 Аркадия 74, 123, 124, 151, 154, 157
 Асбистийская земля (Киренайка) 148
 Асон 158
 Аттика 198
 Афины 59, 157
 Афон Фракийский 59
 Ахейский край 158
 Ахелой 168
 Ахерон 198
 Беренкинф 154
 Бура 158
 Галиарт 65, 165
 Гелика 158
 Геликон 128, 158, 165, 166
 Гелос 70
 Гем 151, 157
 Герэст 160
 Делос (Астерия, Ортигия, Кинфий) 59—62, 64, 147, 156, 157, 160—163, 214, 215
 Дельфы 179, 259
 Дима 70

Дирка 158
 Додона 162
 Долиха 153
 Дотий 121, 168
 Дракон 140
 Дулихий 70
 Евбея (Эвбея, Абантская Макрина) 59, 65, 156, 160, 162
 Ебр 160
 Еврип 65, 153, 157
 Европа 66, 67
 Еврот 164
 Египет 112, 140, 222, 235
 Закинф 70
 Иаолк (Иолк) 65, 153
 Иаон 143
 Ида (Идийские горы, Панакры) 59, 90, 143, 144, 229
 Икар(ий) 140, 156
 Илион (Троя) 90, 95
 Имброс 59
 Инах 158, 165, 167
 Иноп 153, 161, 162
 Исмен 158
 Истм 157
 Итака 70
 Италия 150
 Каистр 154
 Калидон 154
 Каллихор 103, 168
 Карион 143
 Карпат (Карпах) 60
 Келадон 151
 Кенейский мыс 65
 Керинейский холм 151
 Керхнида 162

Кефис 65, 66
 Киклады 156, 160
 Киллени 74, 77, 79, 82, 123, 124, 162
 Кинфская гора (Кинф) 59, 62
 Кипр 90, 96, 110, 112, 115, 222, 235
 Кира 148
 Кирена 147, 148
 Кирн 150, 156
 Киферон 158
 Кларос 59, 114
 Кнайд 60, 168
 Кнос 69, 71, 144
 Кокит 237, 251
 Коос 60
 Корик 59
 Коркира 159
 Коронеи 165
 Кос 160
 Краннон 159, 169
 Крафиса 143
 Крейские горы 165
 Криса 66, 70, 71, 160
 Крит 59, 71, 100, 143, 150, 162, 163
 Круны 70
 Ксанф 163
 Куралай 165
 Кэрят 150
 Ладон 143
 Лакмос 65
 Лаконская земля (Спарта) 70, 147
 Ларисса 158
 Лелантий 65, 162
 Лемнос 59
 Лепрейон 144
 Лесбос 59
 Лета (миф.) 274, 275
 Ливия 147, 284
 Ликия 64
 Лилема 65
 Лимны 153
 Липара 150
 Лусы 154
 Малея 70
 Малийская земля 162
 Меланф 143
 Мелит 114
 Мелигунис 150
 Мемфис 214
 Меналийские горы 151, 154
 Меония (Лидия) 64, 162
 Метопа 143
 Микале 60
 Микалесс 65
 Милет 60, 64, 154
 Мимант 59, 157, 159, 170
 Миртусская скала (Миртуса) 148
 Миссия 151
 Наксос 60, 140

Нерей (миф.) 144
 Нил 160, 161
 Ниса 97, 132, 140
 Нот 160
 Океан (миф.) 75, 78, 81, 137, 218
 Олимп 61, 64, 65, 86, 99, 100, 105, 106, 108, 113, 117, 120, 124, 134, 140, 144, 151, 169, 194, 205, 218, 225, 235, 239, 279
 Окалея 65
 Онхест 65, 76, 78
 Осса 150, 159

Пактол 162
 Пангей 159
 Парнас 66, 69, 72, 87, 158
 Парос 60, 109
 Паррасия 143, 151
 Парфений 99, 157
 Пафос 90, 237
 Пейреские Эги 59
 Пелион 59, 159
 Пелопоннес (Пелопа земля) 70
 Пеней 127, 158, 159
 Пепарет(ф) 59
 Перга 153
 Перребы 65
 Пиерия 65, 75, 78
 Пилос 70, 71, 82, 83
 Пимплея 156
 Пинд 159, 170
 Питана 153
 Пифо(н) 64, 69, 72, 78, 130, 154, 158, 259
 Плейст 158

Рарион 108
 Рения 60

Саламин 115
 Сам 70
 Самофракия (Самос, Парфения) 59, 60, 157, 218
 Сарды 154
 Саронический залив 157
 Симос 164
 Скирос 59
 Скифская земля 153, 154
 Смирна 114
 Стикс (миф.) 61, 86, 103, 249
 Стромон 156
 Строфия 158
 Суний 157

Тайget 122, 139, 153
 Тартар (миф.) 68, 80, 83, 198, 217, 236—238
 Тевмес 65
 Тельфуса (миф.) 65, 66, 69
 Темпейский дол 158
 Тенар 70

Тмарийские горы 169
Тмол 228, 229
Трезен 157
Тринакрия 150
Триоп 168

Феней 157
Фены 144
Фера 147
Феры 70
Феспии 165
Фессалия 158, 159
Фивы 65, 120, 140, 158
Финикия 140
Фисадия (*миф.*) 165
Фокея 59
Форикос 100
Фракия 151, 260
Фригия 91, 222, 228, 229
Фриос 70
Фтия 158

Халкида 70, 157
Хиос 59, 63, 157

Эгейевые воды (Эгейское море) 157
Эги 128
Эгиал(ея) 157
Эгина 59
Элевсин 99, 104, 105, 109, 168, 198,
 220—222
Элида 70
Эллада 160
Эматия 65
Эннены (Эния) 65
Энна 168
Эли 70
Эреб (*миф.*) 105, 107
Эриманф 143
Эсагея 59
Этна 150, 159
Эфес 154
Эфира (Коринф) 157
Эфиопия 161
Эхинады 159

СОДЕРЖАНИЕ

Античная гимнография. Жанр и стиль (A. A. Тахо-Годи)	5
Гомеровские гимны (перевод В. В. Вересаева)	57
Гимны Каллимаха (перевод С. С. Аверинцева)	141
Гимн Клеанфа (перевод М. Е. Грабарь-Пассек)	173
Орфические гимны (перевод О. В. Смыки)	177
Гимны Прокла (перевод О. В. Смыки)	269
Гимны Синезия (перевод М. Е. Грабарь-Пассек и О. В. Смыки)	281
Комментарии	301
Указатель мифологических имен	354
Указатель географических названий	358

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

АНТИЧНЫЕ ГИМНЫ

Зав. редакцией *М. Д. Потапова*

Редакторы *И. И. Лебедева, М. И. Шлаин*

Художественный редактор *Л. В. Мухина*

Оформление художника *И. С. Клейнарда*

Технический редактор *Г. Д. Колоскова*

Корректоры *Л. А. Айдарбекова, М. А. Мерецкова, Л. А. Кузнецова*

ИБ № 2994

Сдано в набор 22.10.87

Подписано в печать 21.06.88

Л-36716 Формат 70×90/16 Бумага тип. № 2

Гарнитура литературная. Высокая печать

Усл.-печ. л. 26,91 Уч.-изд. л. 18,88

Тираж 30 000 экз. Заказ 217 Изд. № 33

Цена 1 р. 80 к.

Ордена «Знак Почета» издательство Московского университета.

103009, Москва, ул. Герцена, 5/7.

Типография ордена «Знак Почета» изд-ва МГУ.

119899, Москва, Ленинские горы.